

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ

Выходит на русском и английском языках

Номер 4 (36) 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

- Рудая Н.А., Тарасов П.Е., Дорофеюк Н.И., Калугин И.А., Андреев А.А., Дикман Б., Дарьин А.В. Динамика природной среды Монгольского Алтая в голоцене 2
Выборнов А.А. Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолитической керамики Волго-Камья 15

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

- Мыглан В.С., Ойдупаа О.Ч., Кирдянов А.В., Ваганов Е.А. 1929-летняя древесно-кольцевая хронология для Алтая-Саянского региона (Западная Тува) 25
Нестеров С.П., Дураков И.А., Шеломихин О.А. Ранний комплекс урильской культуры с Букинского Ключа на реке Бурее 32
Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изображения воинов на торевтике тюркских кочевников Центральной Азии раннего средневековья 43
Буров Г.М. Деревянные изделия новых категорий середины I тыс. н.э. с поселения Вис II (бассейн Вычегды) 54
Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д., Эрдэнэ-Очир Н. Ханьская колесница из кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия) 63
Бородовский А.П., Горохов С.В. Оборонительные сооружения Умревинского острога (археологические исследования 2002–2004 гг.) 70

ДИСКУССИЯ

Проблемы изучения первобытного искусства

- Рогожинский А.Е. О современных задачах археологии наскального искусства Казахстана и Средней Азии 83

ЭТНОГРАФИЯ

- Фурсова Е.Ф. Зооморфные орнаментальные композиции в традиционно-бытовой культуре восточных славян юга Западной Сибири 95

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

- Новые праздники народов Саяно-Алтая 107

АНТРОПОЛОГИЯ

- Чикишева Т.А. К вопросу о формировании антропологического состава ранних кочевников Тувы 120
Козинцев А.Г. Так называемые средиземноморцы Южной Сибири и Казахстана, индоевропейские миграции и происхождение скотов 140
Кандинов М.Н., Медникова М.Б., Добровольская М.В., Бужилова А.П. Плечевая кость *HOMO* с острова Хорошевского: история и палеонтологический контекст находки 145

ПЕРСОНАЛИИ

- Алексей Павлович Окладников 151
Татьяна Ивановна Алексеева 153
Евгения Ивановна Деревянко 156

- СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 158
СПИСОК СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2008 ГОДУ 159

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

УДК 551.89

Н.А. Рудая¹, П.Е. Тарасов², Н.И. Дорофеюк³, И.А. Калугин⁴,
А.А. Андреев⁵, Б. Дикман⁵, А.В. Дарьин⁴

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: nrudaya@yandex.ru

²Свободный университет, Геологический институт, кафедра палеонтологии
Free University of Berlin, Institute of Geological Sciences, Palaeontology Department

Malteserstr. 74-100, Building D, Berlin, 12249, Germany

³Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН

Ленинский пр., 33, Москва, 119071, Россия

⁴Объединенный институт геологии, геофизики и минералогии СО РАН
пр. Академика Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия

⁵Институт полярных и морских исследований им. А. Вегенера

Alfred Wegener Institute for Polar and Marine Research, Research Unit Potsdam
Telegrafenberg, A43, Potsdam, 14473, Germany

ДИНАМИКА ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ В ГОЛОЦЕНЕ*

Статья посвящена изучению динамики природной среды Монгольского Алтая в голоцене. Материалом для реконструкций послужили данные спорово-пыльцевого и диатомового анализов образцов из колонки донных отложений высокогорного оз. Хотон-Нур, расположенного на восточном макросклоне Монгольского Алтая. Полученные результаты позволили реконструировать в конце плейстоцена – начале голоцена (11 500–10 700 л.н.) период холодного сухого климата и развитие криофитных степных ассоциаций; в среднем голоцене (9 300–6 500 л.н.) – существование наиболее теплых и гумидных условий, ставших причиной экспансии лесной растительности; после 6 500 л.н. – возрастание континентальности климата, сокращение лесов и развитие тундровых и степных сообществ. Последние 3 000 лет характеризуются исчезновением лесов и распространением степей, что может быть связано не только с климатическими факторами, но и с возросшим антропогенным влиянием.

Введение

Монгольский Алтай, расположенный в центре Евро-Азиатского континента, является водоразделом между реками бассейна Северного Ледовитого океана и бессточного бассейна Центральной Азии и характеризу-

ется резко-континентальным климатом, особым типом высотной поясности с выпадением лесного пояса, развитием тундр и криофитных степей в высокогорьях, а также самобытностью и мозаичностью растительного покрова. Монгольский Алтай является местом обитания многих редких и эндемичных видов животных и

*Исследования проведены при финансовой поддержке РФФИ (проекты № 08-05-00773, 06-05-64931), Президиума СО РАН (проект № 108), а также Фонда немецких академических обменов (DAAD, N 325, A/05/00162), фонда INTAS (N 06-1000014-5781), Немецкого научно-исследовательского сообщества (DFG, 436RUS17/17/06). Авторы выражают благодарность В. Янковской (Институт ботаники, Брно) за по-

мощь в определении непыльцевых палиноморф, А. Эбелю (Томский государственный университет) за консультации по вопросам о современном распространении растительности, Л. Назаровой (Институт полярных и морских исследований, Потсдам) за помощь в определении остатков Chironomidae и Н. Цэрэндаш (Институт геологии и минеральных ресурсов МАН, Улан-Батор) за организацию полевых работ.

растений. В высокогорных районах сосредоточены основные экономически пригодные природные ресурсы (лес, продуктивные пастбища, водные запасы), которые всегда привлекали внимание кочевого населения Центральной Азии. Несмотря на то что в настоящее время антропогенную нагрузку в Монгольском Алтае оценивают как «умеренную» [Ecosystems..., 2005], наблюдается тенденция к опустыниванию и деградации земель [Vegetation dynamics..., 1999; Ecosystems..., 2005].

Интегральную картину изменений природной среды дают палеобиологические и геохимические данные, полученные из донных отложений озер. В глубоководных частях водоемов с течением времени накапливаются осадки,носимые с водосбора и содержащие остатки животных и растений, живших в водосборном бассейне, а также организмов, обитавших в озере [Давыдова, 1985; Battarbee, 1986; Battarbee et al., 2001].

Наибольший объем работ по палинологическому исследованию донных осадков монгольских озер был выполнен палеоботаническим отрядом совместной советско-монгольской комплексной экспедиции в 80-х гг. прошлого столетия [Виппер и др., 1978, 1981; Дорофеюк, Тарасов, 2000; Vegetation dynamics..., 1999; Tarasov, Dorofeyuk, Metel'tseva, 2000]. Новейшие отложения опорных разрезов Монголии с использованием методов палинологии изучались Е.М. Малаевой [1989]. В последнее десятилетие появилось только несколько работ, посвященных реконструкциям климата и растительности Монголии по данным, полученным из донных осадков озер Убсу-Нур в Котловине Больших озер [Grunert, Lehmkuhl, Walther, 2000], Тэлмэн и Хубсугул в Центральной Монголии [Peck et al., 2002; Fowell et al., 2003; Prokopenko et al., 2007].

Наиболее полно динамика природной среды и климата Центральной Азии в голоцене изучена на территории Китая [Winkler, Wang, 1993; Rhodes et al., 1996;

Herzschuh et al., 2004, 2005, 2006; Wünnemann, Mischke, Chen, 2006; etc.]. Ряд работ посвящен изменениям природной среды в голоцене и позднем плейстоцене в Северном и Центральном Казахстане [Tarasov, Jolly, Kaplan, 1997; Kremenetski, Tarasov, Cherkinsky, 1997], Российском Алтае и Туве [Blyakharchuk et al., 2004, 2007, 2008; Schlütz, Lehmkuhl, 2007]. Последние дополнены результатами анализа остатков диатомей [Westover et al., 2006] и хирономид [Шуашук В., Шуашук Е., 2007].

Настоящая работа посвящена исследованию озерных отложений оз. Хотон-Нур, расположенного на восточном макросклоне Монгольского Алтая в Северо-Западной Монголии (рис. 1). В первый раз колонка донных осадков из изолированного залива этого озера изучалась спорово-пыльцевым и диатомовым методами в 1980 г. Тогда же было получено и несколько радиоуглеродных дат [Tarasov et al., 1996; Vegetation dynamics..., 1999]. Анализ колонки (Хотон-1) проводился с низким временным разрешением и, хотя и выявил общую тенденцию голоценовых изменений биоты и климата в регионе, является недостаточным для детальных палеогеографических реконструкций [Tarasov, Dorofeyuk, Metel'tseva, 2000]. В данной статье представлены результаты спорово-пыльцевого и диатомового анализов колонки отложений из глубоководной части озера (Хотон-2), проведенных с высоким временным разрешением. Их интерпретация позволила составить схему развития природной среды и климата Монгольского Алтая в голоцене и сопоставить ее с палеогеографическими реконструкциями в соседних регионах.

Природные условия района исследований

Озеро Хотон-Нур ($48^{\circ}40'$ с.ш., $88^{\circ}18'$ в.д., 2 083 м над ур.м.) расположено в межгорной тектонической

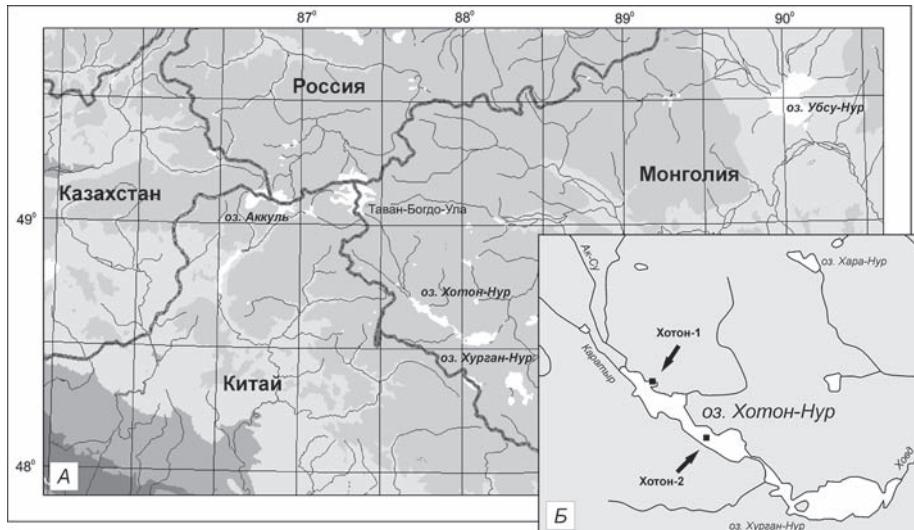

Рис. 1. Район исследования (A) и точки бурения Хотон-1, Хотон-2 (B).

впадине в северной части Монгольского Алтая (рис. 1). Его площадь 50,1 км², длина ок. 21,5 км, наибольшая ширина 4,0 км; средняя глубина 26,6 м, максимальная – ок. 58 м [Tarasov et al., 1994]. Озеро олиготрофного типа; его воды характеризуются минерализацией ок. 0,500 мг/л, pH = 7,5 и относятся к гидрокарбонатно-натриевой группе [Севастьянов и др., 1994].

Основное питание озера осуществляется реками Каратыр и Ак-Су, а также другими небольшими речками, стекающими со склонов Монгольского Алтая. Система озер Хотон-Нур и Хурган-Нур, связанных широкой протокой, является истоком р. Ховд, дrenaирующей весь Монгольский Алтай. Образование оз. Хотон-Нур связано с подпруживанием поверхностного стока рек Каратыр и Ак-Су конечными моренами последнего позднеплейстоценового оледенения [Хилько, Курушин, 1982].

Монгольский Алтай расположен в северогобийской климатической провинции с резко-континентальным

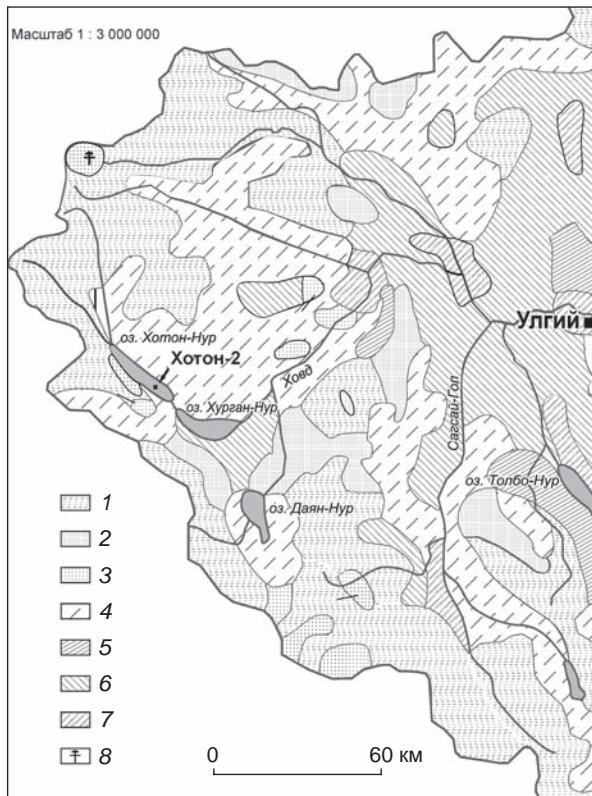

Рис. 2. Современная растительность северной части Монгольского Алтая.

1 – лишайниковые и мохово-лишайниковые тундры (*Cetraria*, *Cladonia*, *Alectoria*, *Aulacomnium*, *Polytrichum*); 2 – высокогорные кобрезники и осочники (*Kobresia myosuroides*, *K. smirnovii*, *Carex stenocarpa*, *C. rupestris*); 3 – лиственничники (*Larix sibirica*); 4 – криофитные степи (*Festuca lenensis*, *Oxytropis oligantha*, *Potentilla nivea*); 5 – разнотравно-злаковые степи (*Festuca lenensis*, *Poa attenuata*, *Koeleria macrantha*); 6 – сухие разнотравно-злаковые степи (*Festuca lenensis*, *Agropyron cristatum*, *Potentilla sericea*); 7 – опустыненные степи (*Stipa glareosa*, *Anabasis brevifolia*); 8 – *Pinus sibirica*.

климатом, характеризующимся небольшим количеством осадков, постоянными и сильными ветрами, большими амплитудами сезонных и суточных температур. В целом для района исследования характерны длинная суровая зима (среднемноголетняя температура января –24...–25 °C) и короткое прохладное (средняя температура июля ок. 12–15 °C) и умеренно-влажное лето. Среднегодовая сумма осадков в бассейне озера составляет 250–300 мм в год [Национальный атлас..., 1990].

Озеро Хотон-Нур расположено в высокогорном поясе Монгольского Алтая. Современный растительный покров (рис. 2) представлен главным образом сухими горными степями (с *Agropyron cristatum*, *Artemisia frigida*, *Arenaria meyeri*, *Potentilla sericea*, *Astragalus brevifolia*). На склонах в северной части озера распространены криофитные мелкодерновинно-злаковые и разнотравные степи (с *Festuca lenensis*, *Poa attenuata*, *Arenaria meyeri*, *Oxytropis oligantha*, *Androsace chamaejasme*) в сочетании с остепненными осочниками (*Carex stenocarpa*, *C. rupestris*) и кобрезниками (*Kobresia myosuroides*, *K. smirnovii*) [Волкова, 1994].

Доминирующей древесной породой в окрестностях озера является лиственница сибирская (*Larix sibirica*). Она образует чистые лиственничники с подлеском из берески круглолистной (*Betula rotundifolia*), ивы сизой (*Salix glauca*) и мохово-травянистым покровом из *Festuca altaica*, *Carex orbicularis*, *Hedysarum neglectum*, *Aulacomnium turgidum* в верхнем течении р. Ак-Су. Лиственничники с примесью ели сибирской (*Picea obovata*) произрастают по горным склонам в юго-западной части озера и по долинам рек. Сосна сибирская (*Pinus sibirica*), образующая границу леса в Российском Алтае и Саянах, встречается только в 50 км к северу от озера, в долине р. Ак-Су [Грубов, 1982; Национальный атлас..., 1990]. В высокогорьях (выше 3 000 м) появляются лишайниковые, моховые и ериковые тундры [Волкова, 1994].

По сравнению с Китаем, Казахстаном и Российским Алтаем, Монгольский Алтай малонаселен. В Баян-Улгийском аймаке (на территории которого находится озеро) проживают всего 18 тыс. чел. [Национальный атлас..., 1990]. Население ведет кочевой образ жизни, занимаясь в основном животноводством. Несмотря на малонаселенность территории, антропогенная нагрузка в долинах рек и по побережью оз. Хотон-Нур оценивается как умеренная и высокая, главным образом из-за чрезмерного стравливания пастбищ [Ecosystems..., 2005].

Материалы и методы

В 2004 г. в юго-восточной части акватории оз. Хотон-Нур (48°37'18,1" с.ш., 88°20'45" в.д.) на глубине 35 м была пробурена скважина и получена колонка донных

осадков (Хотон-2) мощностью 257 см (см. рис. 1, Б). Отложения подразделяются на две пачки – нижнюю (257–205 см) и верхнюю (205–0 см), – разделенные полостью, вероятно, на месте ледяной линзы. Резкая граница между пачками предполагает перерыв в осадконакоплении. В целом осадки достаточно однородны и представлены полосчатыми глинистыми алевритами с примесью органики (3–4 %), подстилаемыми серо-голубой глиной на глубине ок. 205 см. Гранулометрический анализ показал, что средний диаметр частиц меняется по интервалам: 257–190 см – 10–20 мкм, 190–50 см – 20–30 мкм, 50–0 см – 15–20 мкм. Под микроскопом различаются частицы кварца, полевого шпата, светлой и буроватой слюды. Состав пород изменяется между глубинами 185 и 150 см, что отражается в небольшом увеличении содержания Fe_2O_3 , TiO_2 , MgO и уменьшении – SiO_2 , снижении магнитности.

Малое содержание органики в колонке отложений составило серьезную проблему для радиоуглеродного датирования. Десять образцов с незначительными по объему органическими остатками были отправлены в радиоуглеродную лабораторию университета г. Киля (Германия). Материал шести из них оказался недостаточным для AMS-датирования. Анализ двух образцов показал возраст более 53 тыс. лет, т.е. за пределами возможностей радиоуглеродного метода. По материалу с глубины 236,5–237,0 см получена дата $32\ 450 \pm 380$ л.н. (табл. 1). Можно предположить, что нижняя пачка серо-голубой глины накапливалась в позднем плейстоцене до последнего ледникового максимума, или эта дата также является

удревненной. Таким образом, адекватной представляется единственная дата $9\ 130 \pm 40$ л.н., полученная с глубины 174,5–175,0 см. Чтобы проверить ее надежность и построить глубинно-временную модель для колонки Хотон-2, были привлечены результаты датирования колонки Хотон-1 (табл. 2) из небольшой бухты в северо-восточной части озера с глубины 4,8 м (см. рис. 1, Б). Расположение места отбора недалеко от берега в полузамкнутой богатой органикой бухте со стабильными условиями седиментации позволило получить последовательность из шести ^{14}C -дат в интервале 9 070–2 950 л.н. [Vegetation dynamics..., 1999; Tarasov, Dorofeyuk, Metel'tseva, 2000]. Эти даты были откалиброваны [CalPal...], и на их основании построена возрастная модель для колонки Хотон-1. Сравнение спорово-пыльцевых спектров Хотон-1 и -2 показало совпадение 13 событий в изменениях содержания 21 таксона. На основании корреляции этих событий с использованием калиброванных дат колонки Хотон-1 была построена возрастная модель для Хотон-2 (без нижней части колонки). Она представляет собой линию регрессии с полиномиальной аппроксимацией второй степени (рис. 3).

Сто образцов (по 1–2 г сухого вещества) с интервалом 2,5 см были обработаны для спорово-пыльцевого анализа с применением стандартной методики [Faegri, Iversen, 1989]. Подсчет пыльцевых зерен и спор проводился с помощью светового микроскопа с увеличением $\times 400$. Для расчета их концентрации использовались таблетки спор *Lycopodium*. Таксономическую принадлежность устанавливали по определителям и

Таблица 1. Даты, полученные по мелким органическим остаткам колонки отложений Хотон-2

Глубина, см	Дата, л.н.		Лабораторный номер
	^{14}C	калиброванная	
49,5–50,0	$55\ 000 + 5\ 220 / - 3\ 140$	–	KIA32074
144,5–145,0	$53\ 580 + 2\ 870 / - 2\ 110$	–	KIA32075
174,5–175,0	$9\ 130 \pm 40$	$10\ 304 \pm 56$	KIA32076
236,5–237,0	$32\ 450 \pm 380$	$36\ 987 \pm 815$	KIA29869

Таблица 2. Даты, полученные по гиттии колонки отложений Хотон-1 [Tarasov, Dorofeyuk, Metel'tseva, 2000]

Глубина, см	Дата, л.н.		Лабораторный номер
	^{14}C	калиброванная	
70–95	$2\ 950 \pm 80$	$3\ 122 \pm 119$	TA-1471
147–170	$3\ 900 \pm 140$	$4\ 331 \pm 199$	TA-1440
195–220	$5\ 360 \pm 80$	$6\ 141 \pm 106$	TA-1472
245–270	$5\ 975 \pm 150$	$6\ 841 \pm 188$	TA-1439
295–320	$7\ 910 \pm 120$	$8\ 780 \pm 166$	TA-1473
350–375	$9\ 070 \pm 150$	$10\ 195 \pm 229$	TA-1419

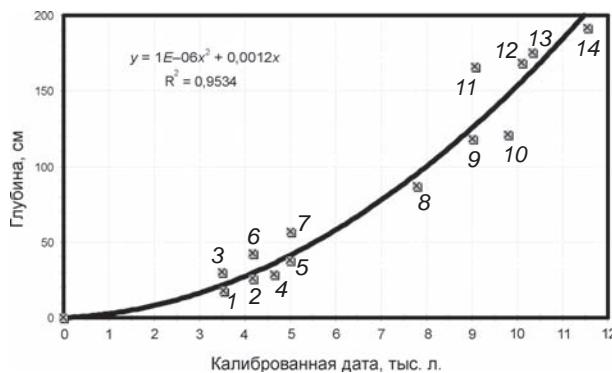

Рис. 3. Модель изменения возраста донных отложений Хотон-2 с глубиной.

Палинологические события, аналогично проявившиеся в спорово-пыльцевых спектрах из колонок Хотон-1 и Хотон-2: 1 – пик содержания пыльцы травянистых таксонов (Tr), особенно полыни; 2 – сокращение содержания пыльцы Tr (особенно полыни) и небольшое увеличение доли пыльцы древесных таксонов (Dr); 3 – пик содержания пыльцы маревых; 4 – пик содержания пыльцы Tr (особенно полыни) и снижение доли пыльцы Dr; 5 – пик содержания пыльцы эфедры, снижение концентрации пыльцы Tr (особенно полыни); 6 – пик содержания пыльцы ели сибирской; 7 – начало повышения концентрации пыльцы полыни и маревых, уменьшение доли пыльцы ели сибирской; 8 – пик содержания пыльцы ели сибирской; 9 – пик содержания пыльцы лиственницы сибирской; 10 – начало повышения концентрации пыльцы Tr; 11 – пик содержания пыльцы Dr; 12 – возрастание содержания пыльцы ели сибирской; 13 – дата, полученная AMS-методом для колонки Хотон-2, – 10 304 ± 56 кал. л.н.; 14 – снижение содержания пыльцы ели сибирской.

атласам [Куприянова, Алешина, 1972, 1978; Reille, 1992, 1995, 1998]. Всего было определено 54 типа пыльцы и спор, что в 2,5 раза больше, чем в колонке Хотон-1 [Tarasov, Dorofeyuk, Metel'tseva, 2000]. Спорово-пыльцевой анализ выявил хорошую сохранность и относительно высокую концентрацию пыльцы и спор в верхней части колонки (0–205 см) – до 500 зерен в образце, тогда как в нижней она очень низкая – часто менее 100 зерен в образце, что является недостаточным для статистического анализа [Faegri, Iversen, 1989]. Поэтому только для верхней части колонки были подсчитаны процентные соотношения в спектрах всех пыльцевых таксонов (общая сумма принималась за 100 %), за исключением спор, устьиц хвойных и других непыльцевых палиноморф.

Образцы, приготовленные для спорово-пыльцевого анализа, использовались также для подсчета устьиц хвойных и других непыльцевых палиноморф (НПП). Устьица, найденные в колонке Хотон-2, принадлежат родам *Picea* и *Larix* (определение по: [Trautmann, 1953; Sweeney, 2004]). Непыльцевые палиноморфы представлены хламидоспорами эндомикоризного гриба *Glomus*, остатками спорополлениновых клеток колониальных зеленых водорослей (*Botryococcus braunii*, *Pediastrum cf. boryanum*), яйца-

ми тихоходок (*Macrobiotus hibernicus* и *M. hufelandi*) и остатками челюстей Chironomidae (*Cladotanytarsus* и *Mesocricotopus*), которые были определены с помощью опубликованных описаний, изображений и фотографий [Jankovska, 1991; Van Geel, 2001; Komarek, Jankovska, 2001].

Для диатомового анализа было отобрано 58 образцов с интервалом ок. 5 см. Образцы подвергались технической обработке методом дезинтеграции в перекиси водорода, при которой панцири диатомовых водорослей очищались от органики [Диатомовые водоросли..., 1974; Battarbee, 1986]. В дальнейшем из обработанных проб были приготовлены постоянные препараты в среде Naphrax. Идентификация диатомей осуществлялась с помощью светового микроскопа с использованием масляной иммерсии, дающей увеличение не менее $\times 750$, и окуляра с масштабной линейкой. Подсчет створок диатомовых водорослей проводился по горизонтальному ряду в средней части покровного стекла до 500–600 шт. Для расчета концентрации (общей и отдельных видов) в 1 г сухого осадка использовались количественная методика обработки данных и формула, предложенная Н.Н. Давыдовой [1985]. Общая сумма водорослей, выявленных в препарате, принималась за 100 %, и определялась относительная доля каждого вида, а соответственно, и его роль в диатомовом комплексе: < 1 % – единичные, 1–5 % – обычные, 5–10 % – субдоминанты, > 10 % – доминанты.

По приуроченности к определенным биотопам диатомеи были разделены на планктонные, бентосные и виды-обрастатели (перифитон). По отношению к солености вод выделялись пресноводные и солоноватоводные (мезогалобные) водоросли. К первым относятся галофобные (обитают в водах с содержанием солей до 0,2 %), индифферентные (0,2–0,3 %) и галофильные (0,4–0,5 %). Мезогалобные диатомеи предпочитают воды с содержанием солей > 0,5 %. По отношению к активной реакции среды водоросли делятся на ацидофильные (воды с $\text{pH} < 7$), циркумнейтральные ($\text{pH} \approx 7$) алкалифильтные ($\text{pH} \geq 7$) и алкалибионтные ($\text{pH} > 7$). По основным типам ареала видов диатомовой флоры озера были выделены арктоальпийская, бореальная и космополитная географические группы.

Спорово-пыльцевая и диатомовая диаграммы построены с помощью программного обеспечения TILIA–TILIAGRAPH [Grimm, 1991]. Разделение на палинозоны и диатомовые зоны проводилось с использованием программы CONISS [Grimm, 1987].

Результаты спорово-пыльцевого анализа

На спорово-пыльцевой диаграмме выделяются пять палинозон (ПЗ) (рис. 4).

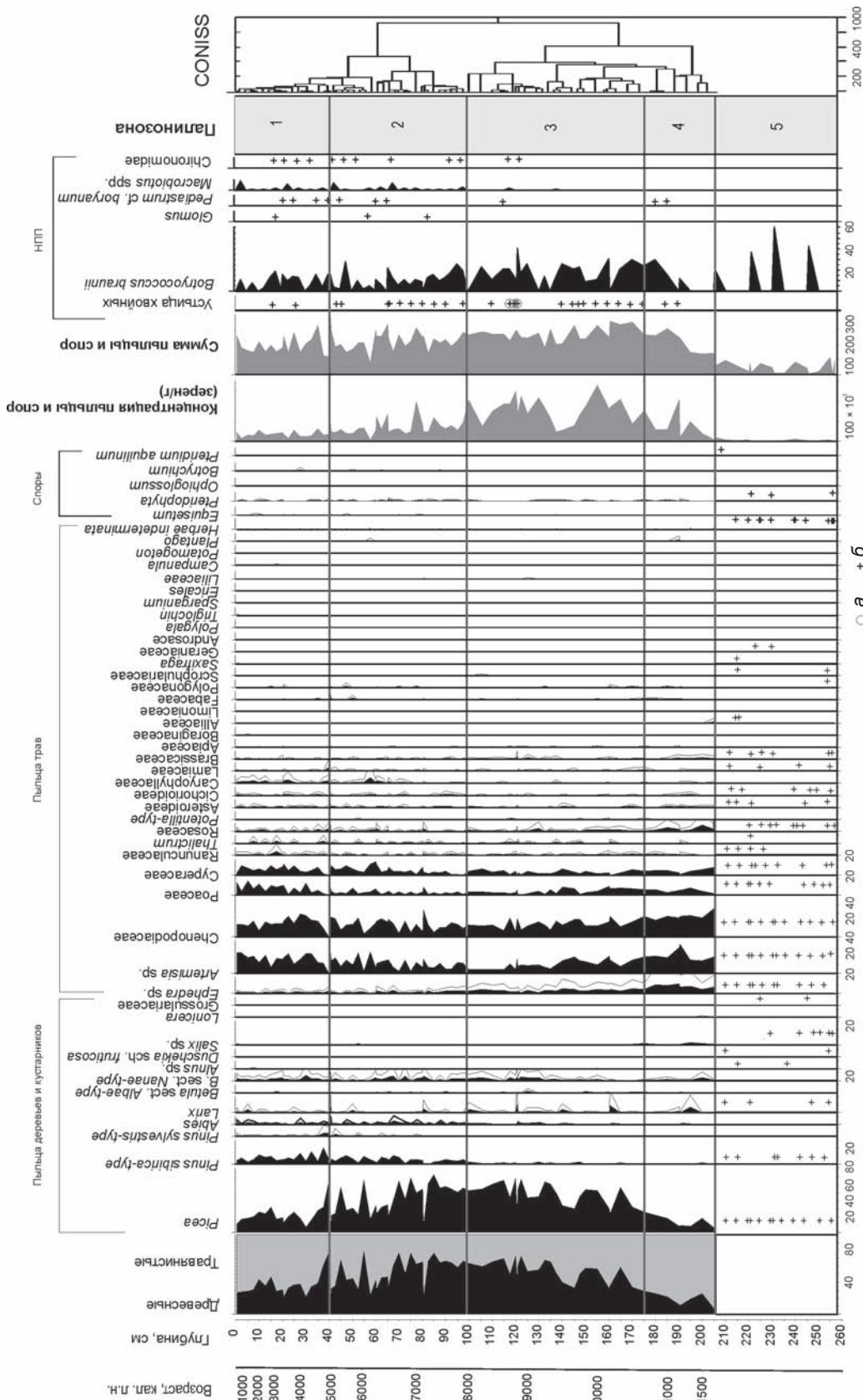

Рис. 4. Спорово-пыльцевая диаграмма для отложений оз. Хотон-Нур (Хотон-2).
a – присутствие устьиц *Picea*; *b* – присутствие устьиц *Larix*.

ПЗ 5 (257–205 см; до 1 800 зерен/см³; верхняя граница датируется ок. 11 500 л.н.*). Из-за низкой концентрации пыльцы процентное содержание таксонов не подсчитывалось. Наиболее часто встречается пыльца травянистых растений (*Chenopodiaceae*, *Artemisia*, *Cyperaceae*) и пустынно-полупустынного кустарничка *Ephedra*. Отмечены единичные зерна *Picea obovata*, *Pinus sibirica* и *Larix sibirica*.

ПЗ 4 (205–175 см; до 21 000 зерен/см³; ~11 500–10 700 л.н.). Здесь доминируют травянистые таксоны (до 85 %), включая *Chenopodiaceae* и *Artemisia*. Характерной особенностью зоны является значительное содержание пыльцы *Ephedra* (до 15 %). Среди древесных таксонов наиболее обильна пыльца *Picea obovata*. Встречается пыльца *Pinus sibirica* и *Larix sibirica*.

ПЗ 3 (175,0–97,5 см; до 25 000 зерен/см³; ~10 700–7 900 л.н.). Она характеризуется резким повышением содержания пыльцы древесных (до 75 %) и снижением – травянистых. Доля пыльцы *Picea obovata* достигает 70 %. Возрастает и обилие пыльцы *Pinus sibirica*, *Larix sibirica* и *Betula sect. Nanae*. Значительно снижается содержание пыльцы *Chenopodiaceae* и *Artemisia*.

ПЗ 2 (97,5–40,0 см; до 20 000 зерен/см³; ~7 900–4 900 л.н.). Отличительной особенностью зоны являются резкие изменения в соотношении пыльцы древесных и травянистых растений, особенно в содержании пыльцы *Picea obovata* (варьирует от 10 до 75 %). Увеличивается доля пыльцы *Pinus sibirica*, а *Abies sibirica* – достигает своего максимума (4 %). Среди травянистых таксонов доминирует пыльца *Artemisia*, *Chenopodiaceae*, *Poaceae* и *Cyperaceae*.

ПЗ 1 (40–0 см; до 6 320 зерен/см³; ~4 900–0 л.н.). Примечательно общее сокращение количества пыльцы древесных (из-за снижения содержания пыльцы *Picea obovata* до 10–40 %). В то же время доля пыльцы *Pinus sibirica* несколько увеличивается. Содержание пыльцы травянистых таксонов возрастает до 60–70 %. Продолжает доминировать пыльца *Artemisia*, *Chenopodiaceae*, *Poaceae* и *Cyperaceae*.

Результаты анализа непыльцевых палиноморф

Одной из примечательных особенностей спектра Хотон-2 является присутствие устьиц лиственницы и ели во всех ПЗ, за исключением пятой (рис. 4). Несмотря на малочисленность (не более пяти в образце), они довольно часто встречаются в ПЗ 3 и 2 и единично – в ПЗ 4 и 1.

Среди других НПП преобладают остатки *Botryococcus braunii*, которые появляются уже в ПЗ 5 и постоянно присутствуют в ПЗ 3 и 1. *B. braunii* – широко распространенная водоросль, обитающая в водоемах

от Арктики до тропических широт и предпочитающая олиготрофные условия [Tyson, 1995; Smittenberg et al., 2005]. В ПЗ 1–4 встречаются также остатки *Pediastrum cf. boryanum*. В отложениях моложе 9 000–9 450 лет (ПЗ 3) появляются яйца тихоходок *Macrobiotus* (*M. hibernicus* и *M. hufelandi*) и челюсти *Cladotanytarsus* и *Mesocricotopus* (Chironomidae, Diptera). В ПЗ 2 и 1 встречены единичные хламидоспоры *Glomus*.

Результаты диатомового анализа

Диатомовая флора донных осадков оз. Хотон-Нур включает 295 таксонов из 67 родов. Опубликованный ранее состав диатомей танатоценозов озера [Дорофеюк, Цэцэгмаа, 2002] пополнился 90 таксонами, впервые выявленными в осадках его глубоководной части. Из них 13 – новые для альгофлоры Монголии: *Cyclotella operculata* var. *unipunctata*, *Amphora dusenii*, *Brachysira brebissonii*, *Caloneis tenuis*, *Cavinula jarnefeltii*, *C. lacustris*, *Cymbella behrei*, *Diploneis domblitensis*, *Eunotia polydentula*, *Gomphonema abbreviatum*, *Luticola* cf. *undulata*, *Navicula farta*, *Stauroneis sibirica*. Центрические диатомовые водоросли представлены 21 таксоном, из которых наиболее разнообразны роды *Cyclotella* (10) и *Aulacoseira* (5). Из пеннатных диатомей наибольшим числом видов выделяются роды *Gomphonema* (15 таксонов), *Cymbella* и *Navicula* (по 12 видов) и *Eunotia* (11).

В доминирующем диатомовом комплексе (ДК) колонки Хотон-2 преобладают центрические планктонные виды: *Aulacoseira distans* f. *distans*, *A. italica* var. *italica* + var. *tenuissima*, *Cyclotella bodanica* var. *bodanica*, *C. ocellata*, *Ellerbeckia arenaria* var. *teres*, *Stephanodiscus minutulus*. На разных этапах развития озера в него входят пеннатные субдоминанты: *Achnanthidium minutissimum* var. *minutissimum*, *Campylodiscus noricus* var. *noricus*, *Cymbella delicatula*, *Martyana martyi*, *Navicula farta*, *Pseudostaurosira brevistriata*, *Staurosira construens* f. *construens*, *Staurosirella pinnata* var. *pinnata*.

Эколого-географическая структура ДК показана на рис. 5, динамика представлена на диаграмме (рис. 6). Выделяются пять диатомовых зон (ДЗ).

ДЗ 5 (257–205 см; верхняя граница зоны датируется ок. 11 500 л.н.). Доминирующий комплекс представлен планктонными *Cyclotella ocellata*, характерными для литорального планктона олиготрофных, относительно неглубоких водоемов; *C. bodanica* – стено-термным видом, обитающим в пелагии глубоких озер; *Staurosirella pinnata* – видом-обрастателем, часто отмечаемым в планктоне водоемов. В зоне выделяются три фазы развития ДК. В фазе 5c (257–250 см; 9,2–13,1 млн ств./г; 31–48 таксонов) абсолютным доминантом является *C. ocellata*. В фазе 5b (250–235 см; 3,1–

*Здесь и далее все даты калиброванные.

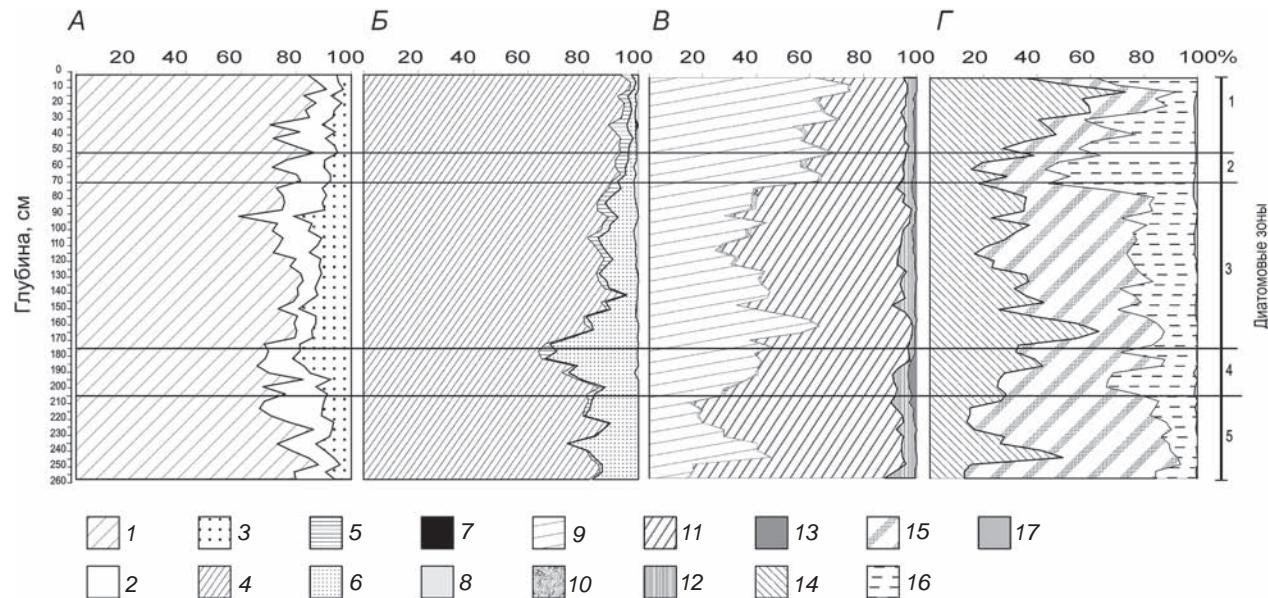

Рис. 5. Эколо-географические группы диатомовых водорослей для отложений оз. Хотон-Нур (Хотон-2).
 А – по приуроченности к биотопам: 1 – планктонная, 2 – обрастатели, 3 – бентосная; Б – по отношению к солености вод: 4 – индифферентная, 5 – галофобная, 6 – галофильная, 7 – мезогалобная, 8 – виды с неясной экологией; В – по отношению к активной реакции вод: 9 – индифферентная, 10 – ацидофильная, 11 – алкалифильтальная, 12 – алкалибионтная, 13 – виды с неясной экологией; Г – по основным типам ареала: 14 – арктоальпийская, 15 – boreальная, 16 – космополитная, 17 – прочие.

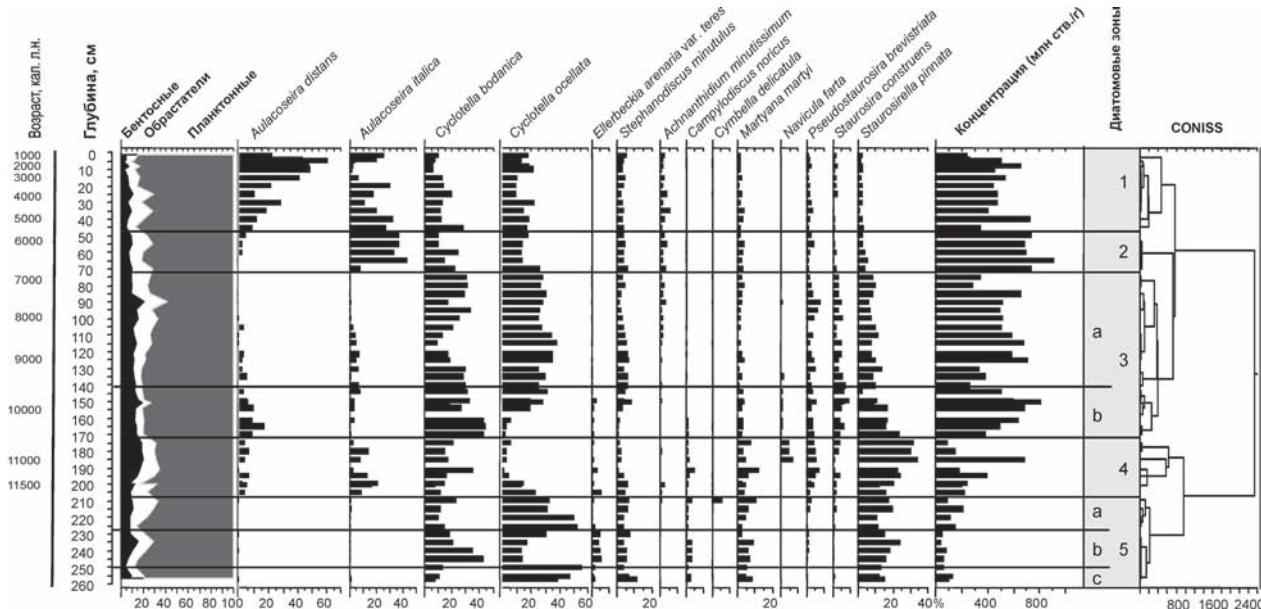

Рис. 6. Диаграмма изменения видового состава диатомовых водорослей для отложений оз. Хотон-Нур (Хотон-2).

7,5 млн ств./г; 32–40 таксонов) на первую позицию выдвигается *C. bodanica*, за ней следует *S. pinnata*, а *C. ocellata* занимает третье место. На глубине 235 см ведущее положение в ДК принадлежит *S. pinnata*. В фазе 5а (235–250 см; 4,5–22 млн ств./г; 58 таксонов) вновь доминирует *C. ocellata*, а *C. bodanica* и *S. pinnata* попутно занимают вторую и третью позиции.

ДЗ 4 (205–175 см; ~11 500–10 700 л.н.; 69 млн ств./г на глубине 185 см и 9 млн ств./г в верхней части ДЗ; 39–58 таксонов). Характеризуется нестабильностью всех характеристик ДК. Наибольшей изменчивостью отличается доминирующая группа диатомей. Доминантом в большинстве образцов является *S. pinnata*, содоминирующим видом – *C. bodanica*. Занимавший

первую позицию на нижней границе зоны *C. ocellata* постепенно становится содоминантом, а затем полностью выпадает из доминирующей группы. Характерной особенностью ДЗ этой зоны является внедрение в состав доминантов широко распространенного в континентальных мезотрофных и эвтрофных водоемах планктонного вида *Aulacoseira italica*. Начиная с ДЗ 4 отмечается незначительное, но заметное увеличение ацидофильной группы водорослей (см. рис. 4), связанное с ростом содержания остатков *A. distans*, который становится субдоминантом.

ДЗ 3 (175–70 см; ~10 700–6 600 л.н.). Здесь выделяются две фазы. В фазе 3б (175,0–130,5 см; ~10 700–9 150 л.н.; 60–81 млн ств./г) в доминирующем комплексе господствует пелагический вид *C. bodanica*, содоминантом которого является *S. pinnata*. В фазе 3а (130,5–70,0 см; ~6 600–9 150 л.н.; 28–70 млн ств./г) доминирует *C. ocellata*, смещая *C. bodanica* на позицию содоминанта. Лишь в образцах с глубины 75–80 см последний вновь занимает ведущее положение.

ДЗ 2 (70–50 см; ~6 600–5 500 л.н.; 69–91 млн ств./г). Характеризуется доминированием планктонного вида *Aulacoseira italica* var. *italica* и его экологической формы *A. italica* var. *tenuissima*, обитающей в относительно неглубоких мезотрофных и эвтрофных озерах [Диатомовые водоросли..., 1992]. *C. ocellata* и *C. bodanica* в этой зоне являются содоминантами.

ДЗ 1 (50–0 см; ~5 500–0 л.н.; 23–73 млн ств./г). В доминирующем комплексе преобладает планктонный вид *Aulacoseira distans*. В группу доминантов входят также *A. italica*, *C. ocellata* и *C. bodanica*. Отличительной особенностью зоны является возрастание содержания створок ацидофильных водорослей до 62 % (на глубине 5 см), что свидетельствует о значительном подкислении вод озера (см. рис. 4).

Интерпретация результатов

Климат Монгольского Алтая в голоцене. Нижняя часть колонки отложений Хотон-2 может быть отнесена к финалу плейстоценовой эпохи (ок. 11 500 л.н.). Конец плейстоцена и начало голоцена в Монгольском Алтае характеризовались континентальным холодным и сухим климатом. Континентальность еще более усилилась (климат стал суще, но не теплее) в период между ~11 500 и ~10 700 л.н. Ее ослабление, сопровождавшееся развитием лесной растительности, началось после ~10 700 л.н. и продолжалось весь средний голоцен. Наиболее влажные климатические условия отмечены между 9 300 и 6 500 л.н. Приблизительно 8 000 л.н. зафиксировано слабое похолодание. Аридность и континентальность постепенно начали возрастать после ~6 500 л.н. Такая тенденция сохранилась до наших дней.

История развития оз. Хотон-Нур в голоцене. Результаты анализа диатомей и частично НПП могут быть использованы для реконструкции истории развития оз. Хотон-Нур. В раннем голоцене (~11 500 л.н.) уровень озера был самый высокий, а вода наиболее холодной за весь реконструируемый период. В интервале 11 500 – ок. 10 700 л.н. произошел переход от холодной и олиготрофной стадии к более мелководной и мезотрофной. Диатомовый комплекс переходного к среднему голоцену периода можно характеризовать как типичный для глубоководных олиготрофных и холодных высокогорных озер (исключая непродолжительное падение уровня озера между ~10 000 и ~9 800 л.н.). Высокий уровень озера и олиготрофные условия сохранились до ~6 600 л.н., а затем уровень начал постепенно понижаться и был наиболее низким, видимо, в интервале 6 600–5 500 л.н. Появление, а затем постоянное присутствие в отложениях Хотон-2 остатков челюстей хирономид (обитателей глубоководной зоны) позже 9 000 л.н. указывают на то, что, несмотря на прогрессирующее понижение уровня, озеро оставалось достаточно глубоким.

Диатомовый комплекс позднего голоцена соответствует холодной фазе в развитии озера. В то же время отмечено значительное подкисление вод, что может быть связано с выщелачиванием основных катионов из почв водосборных бассейнов. Причинами этого процесса могут быть изменения климата, нарушение водосборного режима в результате пожаров и ветровой эрозии, сильное антропогенное воздействие и трансформация почвенно-растительного покрова водосбора [Battarbee et al., 2001]. Значительное сокращение площадей хвойных лесов и оstepнение большей части территории водосборного бассейна в позднем голоцене привели к выщелачиванию основных катионов гумусовых горизонтов почв и выносу их в озеро.

История растительности Монгольского Алтая в голоцене. В конце плейстоцена – начале голоцена в высокогорьях Монгольского Алтая были развиты криофитные степи и криоксерофитные группировки с доминированием осок и кобрэзий, в средних поясах – сухие разнотравные и злаковые степи с элементами опустыненных. В раннем голоцене (~11 500 – ок. 10 700 л.н.) состав растительного покрова значительно не изменился, хотя увеличение доли пыльцы эфедры в спорово-пыльцевых спектрах может указывать на более широкое распространение пустынно-степных сообществ в это время.

Примерно с 10 700 л.н. в высокогорьях Монгольского Алтая тундровые сообщества с карликовой береской стали вытеснять криофитные степи и осоковые криоксерофитные группировки. В это же время в окрестностях оз. Хотон-Нур начала распространяться древесная растительность (преимущественно леса с елью сибир-

ской и лиственницей сибирской). Одним из надежных доказательств существования леса является присутствие устьиц хвойных в донных отложениях озера. Они свидетельствуют о локальном произрастании хвойных (независимо от уровня концентрации пыльцы этих деревьев в спектрах) [Sweeney, 2004] в радиусе 20 м от места сбора образцов [Parshall, 1999]. Данное обстоятельство представляется исключительно важным для реконструкции существования лиственничников в окрестностях озера, т.к., несмотря на то что лиственница сибирская является наиболее распространенной хвойной породой в Монгольском Алтае [Волкова, 1994; Vegetation dynamics..., 1999], ее пыльца обычно немногочисленна в палеоспектрах и имеет плохую сохранность [Pisaric et al., 2001], что существенно снижает ценность палеогеографических построений.

Период максимального развития темнохвойной тайги в Монгольском Алтае реконструируется между 9 300 и 6 500 л.н. Около 8 000 л.н. в высокогорьях начали более широко распространяться ерниковые тундры. Сокращение занятых лесом площадей параллельно с распространением пустынно-степных и степных сообществ произошло приблизительно между 6 500 и 5 000 л.н. Позже ~5 000 л.н. этот процесс продолжался. Тундровые, степные и пустынно-степные элементы стали играть значительную роль в сложении растительного покрова.

Период с 3 000 л.н. и до настоящего времени характеризуется прогрессирующим исчезновением лесов и широким распространением злаковых степей, криоксерофитных сообществ с доминированием осок и кобрэзий, высокогорных тундр с карликовой береской и ивой, а также пустынно-степных сообществ с полынью и маревыми. Хвойные леса, очевидно, оставались только на западном макросклоне Монгольского Алтая и по долинам рек.

Изменения в составе спор, пыльцы и НПП, полученных из колонки донных отложений Хотон-2, не указывают на какое-либо значительное влияние человека на природную среду в регионе. Постоянно присутствующие в спектрах позже ~8 000 л.н. яйца тихоходок (род *Macrobiotus*) свидетельствуют о существовании незагрязненных экотопов [Jankovska, 1991]. Хламидоспоры гриба рода *Glotus*, являющиеся индикатором почвенной эрозии в бассейне озера, в т.ч. и в результате человеческой деятельности [Van Geel et al., 2003], встречаются в колонке отложений исключительно редко. Только диатомовый анализ показывает резкое увеличение концентрации планктонной ацидофильной водоросли *Aulacoseira distans* в интервале 2 900 – ок. 1 200 л.н. Виды *Aulacoseira* нуждаются в повышенном содержании кремнезема в воде, не являясь при этом конкурентоспособными, поэтому их широкое распространение, как правило, приурочено к периодам с низкой концентрацией других диатомей

[Wolfe et al., 2000]. Существование таких условий может быть связано с похолоданием климата или усилением антропогенной нагрузки [Battarbee et al., 2001].

В период 3 000 – ок. 2 000 л.н. у племен, населявших Монгольский Алтай, практически полностью завершился переход к кочевому скотоводству [Новгородова, 1989; Jacobson, 2001]. Первое тысячелетие до нашей эры характеризовалось ростом населения на территории Монголии [Новгородова, 1989]. Таким образом, возросшая антропогенная нагрузка могла стать одной из причин изменений природной среды в бассейне оз. Хотон-Нур.

Обсуждение результатов

Аридный и холодный климат, обусловивший развитие криофитных степей в Монгольском Алтае в раннем голоцене, реконструируется и в соседних регионах. Сухие и опустыненные степи в конце плейстоцена были распространены в межгорных котловинах в Северо-Западной Монголии (оз. Ачит-Нур); даже в котловинах и высокогорьях Хангая и Хентея (Центральная Монголия) лесные и тундровые сообщества сменились в этот период сухими степями [Vegetation dynamics..., 1999].

К северу от Монгольского Алтая холодный и сухой климат в начале голоцена реконструирован для Российского Алтая и Тувы [Blyakharchuk et al., 2004, 2007, 2008; Westover et al., 2006; Ilyashuk B., Ilyashuk E., 2007]. В юго-восточной части Российского Алтая и на территории Тувы в это время сократились альпийские луга и расширились полынныеп стели с эфедрой в сочетании с ерниковыми тундрами. Центральная часть Российского Алтая, покрытая сейчас лесом, была полностью занята безлесной тундростепью, которая контактировала непосредственно с высокогорьями. На территории Северного Казахстана конец плейстоцена – начало голоцена характеризовался распространением полынно-маревых сообществ и бересовых колков [Tarasov, Jolly, Kaplan, 1997].

Период максимальной гумидности климата и экспансии лесной растительности (9 300 – ок. 6 500 л.н.) также зафиксирован в региональных схемах развития природной среды в Центральной Монголии. Даже в современной зоне опустыненных степей в северо-западных районах в среднем голоцене были развиты участки леса с лиственницей сибирской и сосновой сибирской [Vegetation dynamics..., 1999; Дорофеюк, Тарасов, 2000].

В Российском Алтае лесной пояс формировался между 9 000 и ~6 000 л.н. Степные сообщества остались только в межгорных котловинах и по склонам южной экспозиции [Blyakharchuk et al., 2004]. Максимального развития темнохвойная тайга до-

стигла здесь приблизительно 9 500–7 500 л.н. Около 7 500–6 500 л.н. ель сибирская и пихта сибирская полностью исчезли, в растительном покрове территории стали доминировать леса с господством сосны сибирской и лиственницы сибирской. В Туве также зафиксировано развитие хвойных лесов с сосновой сибирской, сосной обыкновенной, лиственницей сибирской, пихтой сибирской и елью сибирской в раннем и среднем голоцене [Blyakharchuk et al., 2008]. На территории Северного Казахстана климат в среднем голоцене тоже имел тенденцию к потеплению и увлажнению – степные сообщества произрастали в комбинации с березовыми лесами (8 600 – ок. 8 000 л.н.), сосна обыкновенная появилась в окрестностях Иртыша ок. 7 300 л.н. [Kremenetski, Tarasov, Cherkinsky, 1997; Tarasov, Jolly, Kaplan, 1997].

В Северо-Западном Китае также реконструирован переход в среднем голоцене от сухих континентальных условий к более гумидным [Rhodes et al., 1996; Wünnemann et al., 2006]. В Джунгарской Гоби (оз. Манас, Синьцзян) максимально теплый и влажный климат был 8 300–6 800 л.н., когда пустынная растительность сменилась полынными степями [Rhodes et al., 1996]. На территории Внутренней Монголии средний голоцен характеризовался увлажнением климата и распространением древесной растительности между 9 200 и 6 500 л.н. [Jiang et al., 2006]. Похолодание зафиксировано здесь после 8 000 л.н. Синхронное событие отмечено нами для Монгольского Алтая. В наиболее аридном регионе Центральной Азии – на Тибетском нагорье – увлажнение и снижение континентальности климата, датированные 10 800–4 400 л.н., проявились в развитии умеренных степей и субальпийских кустарников [Herzschuh et al., 2006].

Континентальность климата в Монгольском Алтее начала возрастать ок. 6 000–4 900 л.н. Площади, занятые лесной растительностью, сократились за счет развития сухих степей. Аналогичные события имели место в Российском Алтае и на территории Тувы после 6 500 л.н. Климат стал более холодным и континентальным. Российский Алтай покрывали леса из сосны сибирской, в межгорных котловинах были развиты криофитные разнотравные и полынные степи [Blyakharchuk et al., 2004, 2007, 2008; Il'yashuk B., Il'yashuk E., 2007].

В Северо-Западном Китае (Джунгарская Гоби) начало аридизации климата отмечается в период 6 800–5 100 л.н. [Rhodes et al., 1996]. На территории Внутренней Монголии тенденция к усилению континентальности климата, сопровождавшаяся значительным сокращением ареала лиственных пород и развитием хвойных лесов, проявилась между 6 500 и 5 100 л.н. [Jiang et al., 2006].

Последние 3 000 лет в Монгольском Алтае продолжались континентализация климата и сокращение

лесов. При этом остатки древесины хвойных, найденные в небольшой котловине Гобийского Алтая (Баян-Сайр, $45^{\circ}34'20''$ с.ш.; $96^{\circ}54'36''$ в.д.) и датированные 5 000–3 000 л.н. [Динесман, Киселева, Князев, 1989], свидетельствуют о том, что участки хвойного леса в позднем голоцене существовали в подходящих экотопах гораздо южнее их современного распространения. Наиболее поздние даты, полученные по этим материалам для пихты и ели, соответственно $3\ 829 \pm 159$ и $4\ 229 \pm 330$ л.н. Остатки древесины лиственницы, найденные в Гобийском Алтае (Уэрт-Ам, $45^{\circ}37'48''$ с.ш., $96^{\circ}49'48''$ в.д.), датированы $2\ 171 \pm 119$ л.н. Отсутствие здесь этой породы в настоящее время может быть связано с возросшей хозяйственной деятельностью.

Похолодание и снижение влажности климата на юго-востоке Российского Алтая и в Туве отмечены для последних 4 000 лет. Холодные зимы привели здесь к развитию многолетней мерзлоты, распространению высокогорных тундр и криофитных степей. Последние 3 000 лет сокращение площадей лесной растительности Тувы могло быть связано с возросшей пастбищной нагрузкой [Blyakharchuk et al., 2004, 2007, 2008]. На территории Внутренней Монголии поздний голоцен (после 2 600 л.н.) также характеризовался усилением аридности климата и развитием степных сообществ [Jiang et al., 2006].

Таким образом, реконструкция природной среды Монгольского Алтая в голоцене по результатам спорово-пыльцевого и диатомового анализов отложений оз. Хотон-Нур хорошо согласуется с региональными схемами изменения растительности и климата Северо-Западной и Центральной Монголии, гор Южной Сибири, Северного и Северо-Западного Китая. Возросшая пастбищная нагрузка, вырубки деревьев, а также естественное сокращение лесов из-за смены климатических условий могли быть причинами значительных изменений природной среды Монгольского Алтая в позднем голоцене.

Список литературы

Виппер П.Б., Дорофеюк Н.И., Лийва А.А., Метельцева В.П., Соколовская В.Т. Палеогеография голоцена и верхнего плейстоцена Центральной Монголии // Изв. АН Эстонской ССР. – 1981. – Т. 30: Биология, № 1. – С. 74–82.

Виппер П.Б., Дорофеюк Н.И., Метельцева Е.П., Соколовская В.Т. История развития растительности Северной Монголии в голоцене // География и динамика растительного и животного мира МНР. – М.: Наука, 1978. – С. 142–148.

Волкова Е.А. Ботаническая география Монгольского и Гобийского Алтая. – СПб.: Ботан. ин-т им. В.Л. Комарова РАН, 1994. – 132 с. – (Тр. Бот. ин-та; вып. 14).

Грубов В.И. Определитель сосудистых растений Монголии. – Л.: Наука, 1982. – 445 с.

Губанов И.А. Конспект флоры Внешней Монголии (сосудистые растения). – М.: Валант, 1996. – 136 с.

Давыдова Н.Н. Диатомовые водоросли – индикаторы природных условий водоемов в голоцене. – Л.: Наука, 1985. – 244 с.

Диатомовые водоросли СССР: Ископаемые и современные / ред. З.И. Глазер, И.В. Макарова, А.И. Моисеева, В.А. Николаев. – Л.: Ботан. ин-т им. В.Л. Комарова АН СССР, 1974. – Т. 1. – 403 с.

Динесман Л.Г., Киселева Н.К., Князев А.В. История степных экосистем Монгольской Народной Республики. – М.: Наука, 1989. – 212 с.

Дорофеюк Н.И., Тарасов П.Е. Растительность Западной и Южной Монголии в позднем плейстоцене и голоцене // Ботан. журн. – 2000. – Т. 85, № 2. – С. 1–17.

Дорофеюк Н.И., Цэцэгмаа Д. Конспект флоры водорослей Монголии. – М.: Наука, 2002. – 285 с.

Куприянова Л.А., Алешина Л.А. Пыльца и споры растений флоры СССР. – Л.: Наука, 1972. – Т. 1. – 171 с.

Куприянова Л.А., Алешина Л.А. Пыльца двудольных растений флоры Европейской части СССР: Lamiaceae \approx Zygophyllaceae. – Л.: Наука, 1978. – 183 с.

Малаева Е.М. История растительности Монголии в плейстоцене и голоцене и палеоиндикационные признаки ископаемых пыльцевых флор // Поздний кайнозой Монголии. – М.: Наука, 1989. – С. 158–177.

Национальный атлас: Монгольская Народная Республика. – Улан-Батор: ГУГК МНР; М.: ГУГК СССР, 1990. – 144 с.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. – 383 с.

Севастьянов Д.В., Егоров А.Н., Рассказов А.А., Лувсандорж Н. Гидрохимия озер Монголии // Лимнология и палеолимнология Монголии. – СПб.: Наука, 1994. – С. 77–104.

Хилько С.Д., Курушин Р.А. Монгольский Алтай // Геоморфология Монгольской Народной Республики. – М.: Наука, 1982. – С. 40–54.

Battarbee R.W. Diatom analysis // Handbook of Holocene Palaeoecology and Palaeohydrology / ed. by B.E. Berglund. – 1986. – P. 527–570.

Battarbee R.W., Charles D.F., Dixit S.S., Renberg I. Diatoms as indicators of surface water acidity // The Diatoms: Applications for the Environmental and Earth Sciences / eds. F. Stoermer, J.P. Smol. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001 – P. 85–127.

Blyakharchuk T.A., Wright H.E., Borodavko P.S., van der Knaap W.O., Ammann B. Late Glacial and Holocene vegetational changes on the Ulagan high-mountain plateau, Altai Mountains, southern Siberia // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2004. – Vol. 209. – P. 259–279.

Blyakharchuk T.A., Wright H.E., Borodavko P.S., van der Knaap W.O., Ammann B. Late Glacial and Holocene vegetational history of the Altai Mountains (southwestern Tuva Republic, Siberia) // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2007. – Vol. 245. – P. 518–534.

Blyakharchuk T.A., Wright H.E., Borodavko P.S., van der Knaap W.O., Ammann B. The role of Pingos in the development of the Dzhangyskol lake-Pingo complex, central Altai Mountains, Southern Siberia // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2008. – Vol. 254 (4). – P. 404–420.

CalPal – University of Cologne Radiocarbon Calibration Program Package: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.calpal.de>

Ecosystems of Mongolia: Atlas. – М.: Russian Academy of Sciences, 2005. – 48 p.

Faegri K., Iversen J. Textbook of Pollen Analysis / eds. K. Faegri, P.E. Kaland, K. Krzywinski. – 4th ed. – Chichester: John Wiley & Sons, 1989. – 328 p.

Fowell S.J.B., Hansen C.S., Peck J.A., Khosbayar P., Ganbold E. Mid to late Holocene climate evolution of the Lake Telmen Basin, North Central Mongolia, based on palynological data // Quaternary Research. – 2003. – Vol. 59. – P. 353–363.

Grimm E. CONISS: A FORTRAN 77 program for stratigraphically constrained cluster analysis by the methods of incremental sum of squares // Computers & Geoscience. – 1987. – Vol. 13. – P. 13–15.

Grimm E. TILIA and TILIAGRAPH. – Springfield, Illinois: Illinois State Museum, 1991. – 56 p.

Grunert J., Lehmkuhl F., Walther M. Paleoclimatic evolution of the Uvs Nuur basin and adjacent areas (Western Mongolia) // Quaternary International. – 2000. – Vol. 65/66. – P. 171–191.

Herzschnuh U., Tarasov P., Wünnemann B., Hartmann K. Holocene vegetation and climate of the Alashan Plateau, NW China, reconstructed from pollen data // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2004. – Vol. 211. – P. 1–17.

Herzschnuh U., Winter K., Wümann B., Shijie Li. A general cooling trend on the central Tibetan Plateau throughout the Holocene recorded by the Lake Zigelang pollen spectra // Quaternary International. – 2006. – Vol. 154/155. – P. 113–121.

Herzschnuh U., Zhang C., Mischke S., Herzschuh R., Mohammadi F., Mingram B., Kurschner H., Riedel F. A late Quaternary lake record from the Qilian Mountains (NW China). Pt 2: History of the primary production reconstructed from macrofossil, pollen, biomarker and isotope data // Global and Planetary Change. – 2005. – Vol. 46. – P. 361–379.

Ilyashuk B., Ilyashuk E. Chironomid record of Late Quaternary climatic and environmental changes from two sites in Central Asia (Tuva Republic, Russia) – local, regional or global causes? // Quaternary Science Reviews. – 2007. – Vol. 26. – P. 705–731.

Jacobson E. Tsagaan Salaa/Baga Oigor: The physical content and palaeoenvironmental considerations // Répertoire des pétroglyphes D'Asie Centrale. – P.: De Boccard, 2001. – P. 7–13.

Jankowska V. Unbekannte Objekte in Pollenpräparaten – Tardigrada // Palaeovegetational development in Europe and regions relevant to its palaeofloristic evolution: Proceedings of the Pan-European Palaeobotanical Conference / ed. by J. Kovář-Eder. – Vienna, 1991. – P. 19–23.

Jiang W., Guo Z., Sun X., Wu H., Chu G., Yuan B., Hatte C., Guiot J. Reconstruction of climate and vegetation changes of Lake Bayanchagan (Inner Mongolia): Holocene variability of the East Asian monsoon // Quaternary Research. – 2006. – Vol. 65. – P. 411–420.

Komarek J., Jankowska V. Review of the Green Algal Genus *Pediastrum*: Implication for Pollen-analytical Research. – Berlin; Stuttgart: Verlag J. Cramer, 2001. – 124 p. – (Bibliotheca Phycologica; Bd. 108).

Kremenetski V., Tarasov P.E., Cherkinsky E. Postglacial development of Kazakhstan pine forests // *Geographie physique et Quaternaire*. – 1997. – Vol. 51. – P. 391–404.

Parshall T. Documenting forest stand invasion: fossil stomata and pollen in forest hollows // *Can. J. Bot.* – 1999. – Vol. 77. – P. 1529–1538.

Peck J., Khosbayar P., Fowell S., Pearce R., Ariunbileg S., Hansen B., Soninkhishig N. Mid to Late Holocene climate change in north central Mongolia as recorded in the sediments of Lake Telmen // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. – 2002. – Vol. 183. – P. 135–153.

Pisarcic M.F.J., MacDonald G.M., Cwynar L.C., Veličk A.A. Modern pollen and conifer stomates from north-central Siberian lake sediments : their use in interpreting late Quaternary fossil pollen assemblages // *Arct. Antarct. Alp.* – 2001. – Res. 33. – P. 19–27.

Prokopenko A., Khursevich G., Bezrukova E., Kuzmin M., Boes X., Williams D., Fedenyuk S., Kulagina N., Letunova P., Abzaeva A. Paleoenvironmental proxy records from Lake Hovsgol, Mongolia, and a synthesis of Holocene climate change in the Lake Baikal watershed // *Quaternary Research*. – 2007. – Vol. 68. – P. 2–17.

Reille M. Pollen et spores d'Europe et d'Afrique du nord. – Marseille: Laboratoire de botanique historique et palynologie, URA CNRS, 1992. – 520 p.

Reille M. Pollen et spores d'Europe et d'Afrique du nord. – Marseille: Laboratoire de botanique historique et palynologie, URA CNRS, 1995. – Suppl. 1. – 520 p.

Reille M. Pollen et spores d'Europe et d'Afrique du nord. – Marseille: Laboratoire de botanique historique et palynologie, URA CNRS, 1998. – Suppl. 2. – 530 p.

Rhodes T.E., Gasse F., Lin R., Fontes J.-C., Wie K., Bertrand P., Gibert E., Melie`res F., Tucholka P., Wang Z., Cheng Z. A Late Pleistocene – Holocene lacustrine record from Lake Manas, Zunggar (northern Xinjiang, western China) // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. – 1996. – Vol. 120. – P. 105–121.

Schlüter F., Lehmkühl F. Climatic change in the Russian Altai, southern Siberia, based on palynological and geomorphological results, with implications for climatic teleconnections and human history since the middle Holocene // *Veget. Hist. Archaeobot.* – 2007. – Vol. 16. – P. 101–118.

Smitenberg R.H., Baas M., Schouten S., Sinninghe Damste J.S. The demise of the alga *Botryococcus braunii* from a Norwegian fjord was due to early eutrophication // *The Holocene*. – 2005. – Vol. 15. – P. 133–140.

Sweeney Ch. A key for the identification of stomata of the native conifers of Scandinavia // *Review of Palaeobotany and Palynology*. – 2004. – Vol. 128. – P. 281–290.

Tarasov P., Dorofeyuk N., Metel'tseva E. Holocene vegetation and climate changes in Hoton-Nur basin, northwest Mongolia // *Boreas*. – 2000. – Vol. 29 (2). – P. 117–126.

Tarasov P., Jolly D., Kaplan J. A continuous Late Glacial and Holocene record of vegetation changes in Kazakhstan // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. – 1997. – Vol. 136. – P. 281–292.

Tarasov P.E., Harrison S.P., Saarse L., Pushenko M. Ya., Andreev A.A., Aleshinskaya Z.V., Davydova N.N., Dorofeyuk N.I., Efremov Yu.V., Khomutova V.I., Sevastyanov D.V., Tamosaitis L., Uspenskaya O.N., Yakushko O.F., Tarasova I.V. Lake Status Records from the Former Soviet Union and Mongolia: Data Base Documentation. – Boulder: World Data Center-A for Paleoclimatology, 1994. – 274 p. – (Palaeoclimatology Publications Series Report; N 2).

Tarasov P.E., Pushenko M.Ya., Harrison S.P., Saarsse L., Andreev A.A., Aleshinskaya Z.V., Davydova N.N., Dorofeyuk N.I., Efremov Yu.V., Elina G.A., Elovicheva Ya.K., Filimonova L.V., Gunova V.S., Khomutova V.I., Kvavadze E.V., Neustrueva I.Yu., Pisareva V.V., Sevastyanov D.V., Shelekhova T.S., Subetto D.A., Uspenskaya O.N., Zernitskaya V.P. Lake Status Records from the Former Soviet Union and Mongolia: Documentation of the Second Version of the Data Base. – Boulder: World Data Center-A for Paleoclimatology, 1996. – 224 p. – (Paleoclimatology Publications Series Report; N 5).

Trautmann W. Zur Unterscheidung fossiler Spaltöffnungen der mitteleuropäischen Coniferen // *Flora*. – 1953. – Bd. 140. – S. 523–533.

Tyson R.V. Distribution of the palynomorph group: phytoplankton subgroup, chlorococcale algae // *Sedimentary organic matter – organic facies and palynofacies*. – L.: Chapman and Hall, 1995. – P. 309–317.

Van Geel B. Non-pollen palynomorphs // *Terrestrial algal and siliceous indicators, Tracking environmental changes using lake sediments* / eds. J.P. Smol, H.J.B. Birks, W.M. Last. – Dordrecht: Kluwer Academic Press, 2001. – Vol. 3. – P. 99–119.

Van Geel B., Buurman J.J., Brinkkemper O., Schellvis J.J., Aptroot A., van Reenen G., Hakbijl T. Environmental reconstruction of a Roman Period settlement site in Uitgeest (The Netherlands), with special reference to coprophilous fungi // *J. Archaeol. Sci.* – 2003. – Vol. 30. – P. 873–883.

Vegetation dynamics of Mongolia / eds. P.D. Gunin, E.A. Vostokova, N.I. Dorofeyuk, P.E. Tarasov, C.C. Black. – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1999. – 239 p. – (Geobotany; N 26).

Westover K.S., Fritz S.C., Blyakharchuk T.A., Wright H.E. Diatom paleolimnological record of Holocene climatic and environmental change in the Altai Mountains, Siberia // *J. of Paleolimnology*. – 2006. – Vol. 35. – P. 519–541.

Winkler M.G., Wang P.K. The Late Quaternary vegetation and climate of China // *Global climates since the Last Glacial Maximum*. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993. – P. 221–264.

Wolfe A., Freccette B., Richard P., Miller G., Forman S. Paleoecology of >90,000-year lacustrine sequence from Fog Lake, Baffin Island, Arctic Canada // *Quaternary Science Reviews*. – 2000. – Vol. 19. – P. 1677–1699.

Wünnemann B., Mischke S., Chen F. A Holocene sedimentary record from Boston Lake, China // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. – 2006. – Vol. 234. – P. 223–238.

УДК 902.01

А.А. Выборнов

Самарский государственный педагогический университет
ул. М. Горького, 59, Самара, 443099, Россия
E-mail:vibormov_kin@mail.ru

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО РАДИОУГЛЕРОДНОЙ ХРОНОЛОГИИ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ ВОЛГО-КАМЬЯ*

Радиоуглеродное датирование керамики неолитических памятников Волго-Камья позволяет сделать вывод, что наиболее древними – первая половина VI тыс. до н.э. – являются стоянки Северного Прикаспия. В это же время складывается неолитическая культура на юге лесостепной зоны Волго-Уральского междуречья. Несколько позже (вторая половина VI тыс. до н.э.) появляются поселения в Нижнем Поволжье. В результате взаимодействия степных и лесостепных культур в начале V тыс. до н.э. в Среднем Поволжье формируется накольчатая традиция, продолжающая свое развитие до начала IV тыс. до н.э. С середины V тыс. до н.э. как в лесостепной полосе Заволжья, так и в лесном Волго-Камье возникает зубчато-гребенчатая система орнаментации. На юге она бытует до середины IV тыс. до н.э., а на севере – до конца IV тыс. до н.э.

Введение

На территории Волго-Камья исследователями фиксируется несколько культур эпохи неолита. В районе Верхнего и Среднего Прикамья О.Н. Бадером выделена камская культура (см. *рисунок*). Ее сосуды изготовлены из глины с примесью шамота, на внутренней стороне венчика – наплыv, дно округлое. Орнамент наносился зубчатым штампом по всей поверхности сосуда. Один из наиболее распространенных узоров – шагающая гребенка. Хронологические рамки камской культуры – от середины IV до середины III тыс. до н.э. [Бадер, 1973, с. 99–106]. В лесной зоне Среднего Поволжья и в Нижнем Прикамье А.Х. Халиковым была выделена волго-камская неолитическая культура (см. *рисунок*). Ее ранний этап развития (не позже середины IV тыс. до н.э.) представлен тонкостенной плоскодонной посудой. Орнамент наносился лишь в верхней части изделия в технике накола. На втором этапе (середина III тыс. до н.э. [Халиков, 1969,

с. 49–85]) вышеописанный тип керамики сменился толстостенными округло-донными сосудами с зубчатой орнаментацией. В бассейне р. Вятки обнаружены памятники обеих культур (см. *рисунок*), которые датировались в пределах – конец V – конец IV тыс. до н.э. [Гусенцова, 2004, с. 291–295]. В лесостепном Поволжье (см. *рисунок*) исследователями были выделены елшанская культура раннего неолита и средневолжская культура развитого и позднего неолита [Васильев, Выборнов, 1988, с. 19–56], или волго-уральская культура, охватывавшая весь неолитический период [Моргунова, 1984, с. 6–13]. По мнению Н.Л. Моргуновой, ранний этап лесостепного Поволжья характеризуется профилированными и остродонными, неорнаментированными или слабоорнаментированными прочерками и редкими наколами сосудами. На среднем этапе развитого неолита появилась плоскодонная посуда с наколами в отступающей технике и оттисками зубчатого штампа. Поздний этап (V тыс. до н.э. [Там же]) представлен толстостенными горшками с округлым и плоским дном, отпечатками гребенчатого штампа, в т.ч. шагающей гребенки. В степном Поволжье специалисты выделяют нижне-

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект 07-01-26105 а/В).

Карта неолитических памятников Волго-Камья.

- 1 – Каиршак III, IV;
- 2 – Тентексор I, III;
- 3 – Варфоломеевская;
- 4 – Ивановская;
- 5 – Старо-Елшанская;
- 6 – Виловатовская;
- 7 – Красный Городок;
- 8 – Ильинская;
- 9 – II Щербетьская;
- 10 – IV Тетюшская;
- 11 – Луговое III;
- 12 – Подлесное III, IV;
- 13 – Ковыляй;
- 14 – Отарская VI;
- 15 – Дубовская III;
- 16 – Кошкинская;
- 17 – Усть-Шижма;
- 18 – Тархан I;
- 19 – Хуторская;
- 20 – Боровое Озеро I;
- 21 – Сауз II;
- 22 – Русский Азбей;
- 23 – II Татарский Азбей;
- 24 – Усть-Ташелка;
- 25 – Озименки II;
- 26 – Утюж I;
- 27 – Молебное Озеро I;
- 28 – Кыйлуд II;
- 29 – Чашкинское Озеро IV, VI;
- 30 – II Лебединская;
- 31 – Кряжская;
- 32 – III Старо-Макаровская;
- 33 – Нижняя Стрелка V;
- 34 – Кочуровское IV.

волжскую историко-культурную область эпохи неолита (см. рисунок), которая включает ареалы орловской культуры в Нижнем Поволжье, джангарской в Северо-Западном Прикаспии и каиршакско-тентексорской в Северном Прикаспии [Васильев, Выборнов, 1988, с. 46–55]. Керамика этих культур изготовлена из глиняного теста с примесью толченых раковин моллюсков. Сосуды прямостенные и плоскодонные. На сосудах каиршакского типа орнамент составлен преимущественно из прочерченных линий в сочетании с единичными раздельными наколами. На посуде тентексорского типа в узоре доминируют наколы в отступающей манере. В джангарской культуре композиции выполнены главным образом отступающими наколами. Орловская культура характеризуется сочетанием прочерченной и накольчатой техник нанесения орна-

мента. В декоре на сосудах всех культур этой области большую долю составляют геометрические мотивы. Историко-культурное образование выделенной области датировалось исследователями началом V – серединой IV тыс. до н.э. [Выборнов, 2003а].

Интерес к изучению эпохи неолита на территории Волго-Камья возрос в последнюю четверть XX в. в связи с исследованием в лесостепном Поволжье одной из древнейших неолитических культур Евразии – елшанской [Васильев, Выборнов, 1988; Мамонов, 1999], восходящий к комплексам типа Джебела в Восточном Прикаспии. Кроме того, на территории Северного Прикаспия исследуются джангарская [Кольцов, 2004] и орловская [Юдин, 2004] культуры, на основе которых, по мнению специалистов, благодаря миграционным процессам сложилась кошкинская культура Зауралья [Ковалева, Зырянова, 2007, с. 6]. Одни исследователи североприкаспийские (каиршакские) черты усматривают в более ранней козловской керамике Зауралья [Васильев и др., 1993, с. 23], другие – связывают появление каиршакской посуды с продвижением на юг носителей культуры сумпаньинского типа из Урало-Сибирского региона и даже населения более удаленных восточно-сибирских регионов [Наумов, 1997, с. 90–91; 1998, с. 10–13]. Учитывая, что зауральская керамика была представлена на стоянках в Среднем Предуралье, учёные сделали вывод о проникновении на эту территорию по р. Чусовой носителем полуденской культуры [Бадер, 1970, с. 166–167; Выборнов, 1992, с. 68–74, 132]. Некоторые специалисты, наоборот, допускали, что была незначительная инфильтрация камского населения в Зауралье, обусловившая сложение сосновоостровской культуры [Шорин, 1999, с. 66].

Разработка вопросов культурогенеза населения Восточной Европы и Зауралья требует надежных определений хронологического статуса культур. Однако сегодня для неолитических стоянок огромной территории от Сыктывкара на севере и до Астрахани на юге, от Уфы на востоке и до Саранска на западе имеется чуть более 30 радиоуглеродных ^{14}C дат. Определения получены по разным материалам (уголь, раковина, кость, почва), в разных лабораториях и по разным методикам. Неслучайно почти половина имеющихся дат вызывала споры специалистов; часть определений по ряду причин отвергнута [Выборнов, Мамонов, 2007, с. 189–193].

Ситуация изменилась в 2007 г., когда по неолитическим образцам керамики елшанской, средневолжской, волго-камской и камской культур из Волго-Камья в радиоуглеродной лаборатории Института геохимии окружающей среды НАН Украины по единой методике было определено ок. 200 дат. Целью данной статьи является введение в научный оборот основных показателей для разных культур.

Обсуждение материалов

Высказывая предположение об урало-сибирских корнях прочерченной системы орнаментации сосудов Северного Прикаспия, И.Н. Наумов опирался, в частности, на хронологию неолитических памятников этих регионов. Исследователь предполагал, что зауральские памятники сумпаньинского типа значительно древнее каиршакских в Северном Прикаспии. Действительно, ранние даты имеются как для материалов стоянки Сумпанья VI: $9\ 920 \pm 80$, $9\ 130 \pm 80$ л.н. [Крижевская, Гаджиева, 1991, с. 85], так и для комплексов поселения Сумпанья IV: $1\ 970 \pm 120$, $10\ 910 \pm 100$ и $10\ 100 \pm 100$ л.н. [Там же]. Что же касается стоянки Каиршак III, то по углю для нее были получены даты: $6\ 950 \pm 190$ и $6\ 720 \pm 80$ л.н. [Выборнов, 2003а, с. 63]. Но И.Н. Наумов не привлекает другие радиоуглеродные даты, полученные по материалам сумпаньинского типа, хотя для той же Сумпаньи IV имеются не только ранние, но и более поздние даты: $6\ 850 \pm 90$ л.н. (очаг жилища), $6\ 590 \pm 70$ л.н. (дно жилища), $6\ 520 \pm 70$ л.н. (с глубины 200 см) [Ковалева, Устинова, Хлобыстин, 1984, с. 38]. Более поздние даты получены по материалам достаточно надежного стратиграфического контекста. И неслучайно, именно эти определения признаются исследователями данного памятника наиболее достоверными, соответствующими современным представлениям об абсолютной хронологии неолита Урала.

Для Сумпаньи VI есть как очень древние даты: $9\ 920 \pm 80$, $9\ 130 \pm 80$ л.н., так и более молодая, достаточно близкая вышеприведенным определениям для Сумпаньи IV – $6\ 100 \pm 70$ л.н. [Крижевская, Гаджиева, 1991, с. 85]. Дата для Сумпаньи II – $6\ 530 \pm 70$ л.н. [Ковалева, Устинова, Хлобыстин, 1984, с. 38]. Следовательно, наиболее вероятное время функционирования стоянок сумпаньинского типа – первая половина V тыс. до н.э.; с этим выводом согласно большинство специалистов. Таким образом, можно было констатировать синхронность каиршакских и сумпаньинских комплексов, основываясь на тех датах, которые были известны до получения результатов радиоуглеродных анализов, проведенных в 2007 г.

Автор попытался проанализировать общую концепцию И.Н. Наумова [Выборнов, 2005, с. 155–156], чтобы продемонстрировать разнотипность зауральской и североприкаспийской керамических традиций. Обнаруженные серьезные технико-типологические различия между вышеуказанными традициями ставили под сомнение гипотезу о северной прародине каиршакских древностей. В настоящее время для стоянки Каиршак III имеются радиоуглеродные даты (см. таблицу), соответствующие первой половине VI тыс. до н.э. Они хорошо согласуются с датами для ракушечной ярской культуры Нижнего Подонья: $7\ 930 \pm 140$; $7\ 860 \pm 130$; $7\ 690 \pm 110$ л.н. [Тимофеев, 2002,

с. 211]. Следовательно, можно предположить, что ранний этап северокаспийского неолита приходился на последнюю четверть VII тыс. до н.э. Иными словами, североприкаспийские материалы древнее сумпаньинских на 1 тыс. лет. Поэтому считать зауральскую прочерченно-накольчатую орнаментацию основой для более архаичных материалов Северного Прикаспия вряд ли правомерно. Что же касается каиршакской традиции в целом, то она бытowała до конца VI тыс. до н.э. Об этом свидетельствуют даты для Каиршака IV и Буровой-42 (см. таблицу). Ранее поздненеолитические памятники в данном регионе с учетом даты для почвы со стоянки Тентексор I – $5\ 500 \pm 150$ л.н. (ГИН-6777) – относили к середине IV тыс. до н.э. [Выборнов, 2003а, с. 63]. Однако теперь на основе дат, полученных в 2007 г., можно сделать вывод, что такие памятники, как Тентексор III, Тентексор I, Кызылхак, укладываются в рамки V тыс. до н.э. (см. таблицу). По керамике со стоянки Тентексор I в лаборатории г. Уппсала (Швеция) проф. Г. Посснерт получил дату $6\ 695 \pm 40$ л.н. (Ua-35227), которая совпадла с определением лаборатории Института геохимии окружающей среды НАН Украины.

Исследователь орловской культуры А.И. Юдин, опираясь на периодизационно-хронологическую схему В.Т. Ковалевой и С.Ю. Зыряновой (кошкинская – ранний этап, боборыкинская – поздний этап), находит параллели между нижневолжскими и боборыкинскими материалами. Он обращает внимание на совпадение радиоуглеродных дат для памятников орловской и боборыкинской культур: слой 2А Варфоломеевской стоянки – $5\ 430 \pm 60$ л.н. (Ки-3589) и Ташково I – $5\ 490 \pm 60$ л.н. (ЛЕ-1535) [Юдин, 2004, с. 154]. Однако, с точки зрения В.А. Заха, боборыкинская культура более древняя, чем кошкинская [2006]. Развитый неолит степного Нижнего Поволжья по углам из слоя 3 Варфоломеевской стоянки датирован началом V тыс. до н.э. [Юдин, 2004, с. 146]. Сейчас соответствующий слой стоянки по полученным датам (см. таблицу) может быть отнесен ко второй половине VI тыс. до н.э. Это согласуется с возрастом позднекаиршакских материалов. Для верхнего слоя 2А (постнеолитического) Варфоломеевской стоянки, ранее определявшегося второй половиной IV тыс. до н.э., сегодня имеются даты (см. таблицу), относящиеся к первой четверти IV тыс. до н.э. Иначе говоря, эти даты соответствуют позднетентексорским возрастным значениям, указанным выше для стоянки Кызылхак, также постнеолитическим.

Для елшанской культуры в восточной части лесостепного Среднего Поволжья имеется дата, определенная по костям животных из нижнего слоя Ивановской стоянки, – рубеж VII–VI тыс. до н.э. [Тимофеев, Зайцева, 1997, с. 100]. Восемь дат для трех елшанских памятников в Самарском Заволжье, определенных по раковинам пресноводных моллюсков, находятся в диапазоне

Радиоуглеродные даты, полученные по керамике из неолитических памятников Волго-Камья*

Памятник	Индекс лаборатории	Радиоуглеродная дата, л.н.	Калиброванное значение, л.н.	Культура
1	2	3	4	5
Каиршак III	Ki-14133	7 950 ± 90	1σ 7 040–6 740 2σ 7 080–6 590	Каиршакская
»	Ki-14097	7 890 ± 90	1σ 6 840–6 640 2σ 7 100–6 500	»
»	Ki-14095	7 740 ± 70	1σ 6 640–6 470 2σ 6 700–6 430	»
»	Ki-14096	7 680 ± 90	1σ 6 600–6 430 2σ 6 700–6 340	»
»	Ki-14632	7 530 ± 90	1σ 6 460–6 330 2σ 6 530–6 210	»
Каиршак IV	Ki-14440	7 105 ± 80	1σ 6 030–5 870 2σ 6 110–5 770	»
Буровая-42	Ki-14444	6 920 ± 90	1σ 5 890–5 710 2σ 5 930–5 640	»
Тентексор III	Ki-14445	7 005 ± 90	1σ 5 930–5 790 2σ 6 030–5 710	Тентексорская
Тентексор I	Ki-14101	6 640 ± 80	1σ 5 630–5 510 2σ 5 720–5 470	»
»	Ki-14137	6 630 ± 80	1σ 5 630–5 510 2σ 5 720–5 460	»
Кызылхак	Ki-14443	6 400 ± 90	1σ 5 480–5 300 2σ 5 650–5 050	»
»	Ki-14443	5 905 ± 100	1σ 4 860–4 670 2σ 5 050–4 500	»
Варфоломеевская, слой 3	Ki-14142	7 620 ± 100	1σ 6 600–6 380 2σ 6 650–6 230	Орловская
»	Ki-14109	7 250 ± 80	1σ 6 220–6 020 2σ 6 250–5 980	»
»	Ki-14143	7 170 ± 90	1σ 6 100–5 970 2σ 6 230–5 840	»
»	Ki-14110	7 080 ± 80	1σ 6 020–5 870 2σ 6 080–5 770	»
Варфоломеевская, слой 2А, образец 4	Ki-14371	6 890 ± 80	1σ 5 850–5 700 2σ 5 920–5 630	»
То же	Ki-14612	5 810 ± 80	1σ 4 730–4 550 2σ 4 810–4 460	»
Варфоломеевская, слой 2А, образец 5	Ki-14613	6 540 ± 80	1σ 5 560–5 460 2σ 5 630–5 340	»
Варфоломеевская, слой 2А, образец 6	Ki-14637	6 040 ± 80	1σ 5 040–4 800 2σ 5 150–4 770	»
То же	Ki-14614	5 870 ± 90	1σ 4 810–4 600 2σ 4 950–4 490	»
Ивановская	Ki-14568	7 930 ± 90	1σ 6 860–6 680 2σ 7 080–6 590	Елшанская
»	Ki-14631	7 780 ± 90	1σ 6 690–6 470 2σ 7 050–6 400	»
»	Ki-14567	7 680 ± 90	1σ 6 600–6 430 2σ 6 700–6 340	»
»	Ki-14118	7 060 ± 100	1σ 6 020–5 800 2σ 6 090–5 720	Средневолжская
Усть-Ташелка	Ki-12166	7 810 ± 190	1σ 6 830–6 465 2σ 7 085–6 335	Елшанская
»	Ki-12167	7 680 ± 190	1σ 6 705–6 335 2σ 7 055–6 210	»
Озименки II	Ki-12168	6 950 ± 170	1σ 5 930–5 705 2σ 6 105–5 600	»

Продолжение табл.

1	2	3	4	5
Старо-Елшанская	Ki-14413	6 820 ± 80	1σ 5 780–5 630 2σ 5 880–5 610	Елшанская
»	Ki-14569	6 760 ± 80	1σ 5 730–5 610 2σ 5 800–5 510	»
Ивановская	Ki-14119	6 930 ± 90	1σ 5 900–5 720 2σ 5 930–5 660	Средневолжская
»	Ki-14080	6 840 ± 90	1σ 5 800–5 630 2σ 5 910–5 610	»
Красный Городок	Ki-14078	6 730 ± 100	1σ 5 730–5 530 2σ 5 800–5 470	Елшанская
»	Ki-14117	6 550 ± 130	1σ 5 620–5 370 2σ 5 730–5 280	»
Ильинская	Ki-14111	6 740 ± 70	1σ 5 720–5 610 2σ 5 740–5 510	»
Луговое III	Ki-14584	6 700 ± 100	1σ 5 720–5 530 2σ 5 790–5 470	»
Лесное-Никольское	Ki-12169	6 570 ± 170	1σ 5 640–5 360 2σ 5 805–5 210	Средневолжская
Виловатовская	Ki-14090	6 320 ± 90	1σ 5 380–5 200 2σ 5 480–5 200	»
»	Ki-14125	6 020 ± 90	1σ 5 040–4 790 2σ 5 250–4 650	»
»	Ki-14124	5 910 ± 80	1σ 4 860–4 680 2σ 4 960–4 540	»
II Щербетьская	Ki-14531	6 270 ± 90	1σ 5 340–5 200 2σ 5 500–4 950	Волго-камская
IV Тетюшская	Ki-14452	6 170 ± 90	1σ 5 260–4 990 2σ 5 320–4 900	»
Утюж I	Ki-14448	6 330 ± 90	1σ 5 390–5 210 2σ 5 480–5 060	»
Ковыляй	Ki-14456	6 140 ± 90	1σ 5 150–4 940 2σ 5 300–4 840	Средневолжская
Подлесное III	Ki-14565	6 110 ± 80	1σ 5 080–4 910 2σ 5 280–4 800	»
»	Ki-14566	5 940 ± 80	1σ 4 860–4 710 2σ 5 040–4 600	»
Молебное Озеро I	Ki-14442	5 980 ± 90	1σ 4 960–4 770 2σ 5 250–4 600	Волго-камская
Отарская VI	Ki-14424	6 020 ± 90	1σ 5 040–4 790 2σ 5 250–4 650	»
»	Ki-14423	5 890 ± 80	1σ 4 850–4 670 2σ 4 950–4 540	»
»	Ki-14425	5 810 ± 90	1σ 4 730–4 540 2σ 4 860–4 450	Ямочно-гребенчатая
Дубовская III	Ki-14534	6 130 ± 100	1σ 5 150–4 920 2σ 5 310–4 800	Волго-камская
»	Ki-14533	6 095 ± 90	1σ 5 080–4 900 2σ 5 280–4 780	»
»	Ki-14535	5 930 ± 80	1σ 4 860–4 710 2σ 5 000–4 590	Ямочно-гребенчатая
Дубовская VII	Ki-14532	5 950 ± 90	1σ 4 940–4 710 2σ 5 050–4 610	Волго-камская
Виловатовская	Ki-14088	6 160 ± 100	1σ 5 260–4 950 2σ 5 350–4 800	Средневолжская
»	Ki-14127	5 980 ± 100	1σ 5 000–4 770 2σ 5 250–4 600	»
»	Ki-14087	6 010 ± 80	1σ 5 000–4 770 2σ 5 250–4 650	»
»	Ki-14833	5 920 ± 90	1σ 4 860–4 680 2σ 5 030–4 540	»

Окончание табл.

1	2	3	4	5
Виловатовская	Ki-14089	5 960 ± 80	1σ 4 940–4 770 2σ 5 060–4 670	Средневолжская
Кыйлуд II	Ki-14434	6 410 ± 80	1σ 5 480–5 310 2σ 5 530–5 210	Волго-камская
Кошкинская	Ki-14576	6 260 ± 90	1σ 5 320–5 200 2σ 5 500–4 950	»
»	Ki-14577	6 110 ± 90	1σ 5 100–4 900 2σ 5 300–4 800	»
Усть-Шижма	Ki-14436	6 130 ± 100	1σ 5 150–4 920 2σ 5 310–4 800	»
»	Ki-14435	5 860 ± 90	1σ 4 810–4 590 2σ 4 940–4 490	»
Чашкинское Озеро IV	Ki-14539	5 920 ± 80	1σ 4 860–4 690 2σ 5 000–4 580	»
»	Ki-14536	5 755 ± 90	1σ 4 710–4 490 2σ 4 810–4 440	»
II Татарский Азибей	Ki-14099	4 790 ± 80	1σ 3 660–3 510 2σ 3 710–3 360	»
»	Ki-14136	5 270 ± 90	1σ 4 170–3 980 2σ 4 260–3 950	Камская
Тархан I	Ki-14433	6 280 ± 90	1σ 5 360–5 200 2σ 5 470–4 990	»
Хуторская	Ki-14414	5 930 ± 80	1σ 4 860–4 710 2σ 5 000–4 590	»
»	Ki-14419	5 840 ± 80	1σ 4 790–4 590 2σ 4 860–4 490	»
Боровое Озеро I	Ki-14415	5 760 ± 90	1σ 4 720–4 490 2σ 4 810–4 440	»
Сауз II	Ki-14581	5 620 ± 90	1σ 4 540–4 350 2σ 4 690–4 320	»
»	Ki-14432	5 560 ± 90	1σ 4 500–4 330 2σ 4 620–4 220	»
II Лебединская	Ki-14905	5 670 ± 100	1σ 4 620–4 440 2σ 4 720–4 330	»
Старое Мазиково III	Ki-14422	5 635 ± 80	1σ 4 550–4 360 2σ 4 690–4 330	»
Кряжская	Ki-14416	5 620 ± 90	1σ 4 540–4 350 2σ 4 690–4 320	»
Нижняя Стрелка V	Ki-14421	5 510 ± 90	1σ 4 460–4 310 2σ 4 550–4 210	»
Кочуровское IV	Ki-14906	5 360 ± 80	1σ 4 130–4 040 2σ 4 350–3 990	»
Русский Азибей	Ki-14130	5 540 ± 90	1σ 4 490–4 320 2σ 4 600–4 050	»
Подлесное IV	Ki-14459	5 890 ± 90	1σ 4 860–4 670 2σ 4 960–4 520	Средневолжская

*Определения радиоуглеродной лаборатории Института геохимии окружающей среды Национальной академии наук Украины (Киев).

$8\ 510 \pm 60$ л.н. до $7\ 950 \pm 130$ л.н. [Мамонов, 1999, с. 36], что соответствует второй половине VII – началу VI тыс. до н.э. Результаты датирования в 2007 г. позволили специалистам подтвердить оценку лесостепного Волго-Уралья как одного из центров неолитизации [Мамонов, 2000, с. 147–159; Тимофеев, 2002, с. 209–214]. Некоторые исследователи по ряду причин скептически отнеслись к датам, соответствующим второй

половине VII тыс. до н.э. [Выборнов, 2003б, с. 36–37; Котова, 2002, с. 74–75; Вискалин, 2002, 2006]. Дело в том, что определения получены по раковинам пресноводных моллюсков. Во-первых, они могли быть естественного происхождения. Во-вторых, даже если они и связаны с деятельностью первобытного человека, то, по данным специалистов в области радиоуглеродного анализа, раковины дают сильное удревнение.

В настоящее время по керамике елшанского типа со стоянок Ивановская, Усть-Ташелка, Озименки II на р. Мокше, Старо-Елшанская получено восемь дат (см. *таблицу*). Судя по ним, наиболее достоверный хронологический диапазон бытования елшанской культуры – от начала VI до начала V тыс. до н.э. [Выборнов, 2005, с. 153]. Это позволяет предположить хронологическое сосуществование на определенном отрезке североприкаспийских, нижне- и средневолжских культур. В пользу этого свидетельствуют, в частности, смешанные керамические комплексы [Выборнов, 2002, с. 56–58]. Так, на Ивановской стоянке обнаружена накольчатая посуда с елшанскими и орловскими чертами, по которой получены даты (см. *таблицу*) – первая четверть V тыс. до н.э. В лесостепном Среднем Поволжье в дальнейшем развивалась местная традиция, которая получила воплощение в керамике на серии памятников с посудой луговского типа (прямостенная, плоскодонная, с подложенной поверхностью, слабоорнаментированная, с рядом ямок под венчиком). По керамике с этих стоянок получены даты: Красный Городок – $6\ 730 \pm 100$ и $6\ 550 \pm 130$ л.н.; Ильинская – $6\ 740 \pm 70$ л.н.; Луговое III – $6\ 700 \pm 100$ л.н. Иначе говоря, они соответствуют второй четверти V тыс. до н.э. Уместно напомнить, что прежние даты для стоянки Луговое III – $4\ 450 \pm 210$ и $4\ 340 \pm 90$ л.н. – приходились на вторую половину III тыс. до н.э.

Накольчатая традиция не угасла и во второй половине V тыс. до н.э. Об этом свидетельствует ок. 20 дат для памятников Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья [Выборнов, Березина, Вискалин, 2008]. Так, для стоянок Лесное-Никольское, Виловатовской на р. Самаре, II Щербетьской, IV Тетюшской на р. Волге, Утюж I на р. Суре получены даты (см. *таблицу*), фиксирующие вторую половину V тыс. до н.э. В близком хронологическом диапазоне – последняя четверть V тыс. до н.э. – начинает свое развитие в данном регионе зубчато-гребенчатая традиция, на что указывает ок. 20 дат по керамике стоянок Ковыляй на р. Мокше, Виловатовской на р. Самаре, Подлесное III и Молебное Озеро на р. Суре (см. *таблицу*). О сосуществовании этих двух традиций можно судить по посуде, сочетающей особенности гребенчатой и накольчатой орнаментации.

В лесном Среднем Поволжье в начале IV тыс. до н.э. сосуществовали, по мнению В.В. Никитина, носители накольчато-гребенчатой традиции, мигрировавшие из лесостепи, и носители ямочно-гребенчатой традиции из лесного Волго-Окского междуречья [Никитин, 1993, с. 80; Выборнов, 2006, с. 278]. Это предположение нашло подтверждение в серии дат по накольчатой, гребенчатой и ямочно-гребенчатой посуде со стоянки Отарская VI (см. *таблицу*) – конец V – начало IV тыс. до н.э. Для накольчатой и ямочно-гребенчатой керамики со стоянки Дубовской III получены анало-

гичные даты (см. *таблицу*). Племена с накольчатой керамикой проникают и на северо-восток, в Камско-Вятский регион [Выборнов, 1992]. Для их стоянок было четыре даты по углю: Кошкинская – $6\ 160 \pm 100$ л.н. [Гусенцова, 2004, с. 295]; Чашкинское Озеро VI – $6\ 230 \pm 160$; $6\ 030 \pm 140$ и $6\ 160 \pm 70$ л.н. [Лычагина, 2007, с. 104]. В 2007 г. по накольчатой керамике из данного региона получено семь дат со стоянок Кыйлуд II, Кошкинская, Усть-Шижма, Чашкинское Озеро IV и Чашкинское Озеро VI (см. *таблицу*), укладывающихся во вторую половину V тыс. до н.э. – первую четверть IV тыс. до н.э. Они хорошо согласуются с датами для памятников с накольчатой керамикой в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье, а также для памятников кошкинской культуры с накольчатой керамикой в Зауралье – $6\ 620 \pm 260$ л.н.; $6\ 470 \pm 80$ и $6\ 380 \pm 120$ л.н. [Неолитические памятники Урала, 1991, с. 198]. Следует обратить внимание на очень интересную группу памятников с накольчатой керамикой типа поселения II Татарский Азебей в Икско-Бельском междуречье. Исследователи считали ее инородной для данной территории, связанной с пришлым населением. Отмечалось типологическое сходство обнаруженной здесь посуды как с лесостепной поволжской, так и с зауральской (боборыкинской). По медным изделиям указанная группа памятников предположительно определена как раннеэнеолитическая, а по зауральским аналогам синхронизирована с боборыкинскими памятниками и датирована первой половиной III тыс. до н.э. [Габяшев, 1978а, с. 10; 1994, с. 25; 1982, с. 31; Выборнов, 1984, с. 12]. Специалисты небезосновательно ставили под сомнение правомерность отнесения накольчатой посуды данного типа к эпохе раннего металла [Никитин, 1996, с. 78]. По керамике с поселения II Татарский Азебей сейчас получена дата (см. *таблицу*), соответствующая первой четверти III тыс. до н.э. Это позволяет по-новому решать проблему возрастного соответствия рассматриваемых материалов боборыкинским древностям, как и помещения их на шкалу периодизации неолита или эпохи раннего металла.

Что же касается камской культуры Предуралья, то одни исследователи включают ее в полуденскую общность [Ковалева, 1989], другие, основываясь на трех датах для камского неолита: $6\ 820 \pm 70$ л.н. (ГИН-11915), $6\ 730 \pm 50$ л.н. (ГИН-12322), $6\ 760 \pm 50$ л.н. (ГИН-12324) [Карманов, 2004, с. 16], сближают ее материалы с комплексами еттовского культурного типа [Косинская, 2004, с. 305–306]. Следует обратить внимание, что объединение камской культуры с полуденской или с памятниками еттовского типа основано не только на типологическом сходстве, но и на близости значений радиоуглеродных дат. С учетом результатов технико-типологического анализа материалов камской неолитической культуры были выделе-

ны три этапа в ее развитии: ранний, развитой и поздний [Выборнов, 1992]. По керамике камской культуры получено ок. 20 дат [Выборнов, Габышев, Галимова и др., 2008; Выборнов, Гусенцова, Ковалюх и др., 2008]. Наиболее архаичные комплексы – стоянки Тархан I и Усть-Шижма – датируются последней четвертью V тыс. до н.э. Памятники развитого этапа Хуторская, Боровое Озеро I, Сауз II, II Лебединская, Старое-Мазиково III, Кряжская, Нижняя Стрелка V получили даты, соответствующие первой половине IV тыс. до н.э. Материалы позднего (левшинского) этапа (поселения Кочуровское IV и II Татарский Азбей (комплекс с воротничковой керамикой)) датируются второй половиной IV тыс. до н.э. (см. *таблицу*).

На стоянке Боровое Озеро I представлена зауральская посуда козловского типа, аналогичная находкам из жилища 1 поселения Исетское Правобережное [Кернер, 1991, с. 55, рис. 2]. Необходимо отметить, что ранее для поселения Исетское Правобережное были получены даты: $8\ 400 \pm 400$ и $7\ 950 \pm 1\ 290$ л.н. [Неолитические памятники Урала, 1991, с. 198], которые вызывали сомнение у специалистов. В настоящее время имеется другая дата, определенная по углю, – $5\ 880 \pm 60$ л.н. [Тимофеев и др., 2004, с. 122]; она подтверждает даты для боровоозерско-хуторских памятников. Большое значение имеет дата $5\ 560 \pm 195$ л.н. (ЛЕ-1286) для полуденских материалов стоянки Карьер II [Неолитические памятники Урала, 1991, с. 198]. Примечательно, что она совпадает с датами для развитого этапа неолита Прикамья. Что же касается сосновоостровских (синхронизируемых исследователями с левшинскими) комплексов, то для них есть дата по углю со дна жилища 2 поселения Дуванского V, где концентрировались целые сосуды сосновоостровского облика [Степанов, 1991, с. 158–160], – $5\ 295 \pm 60$ л.н. (ЛЕ-1367). Она совпадает с вышеупомянутыми датами, определенными по левшинской посуде из Прикамья. Таким образом, радиоуглеродные даты позволяют в предварительном плане охарактеризовать абсолютную хронологию камской культуры. Памятники раннего этапа датируются V тыс. до н.э., по крайней мере последней его четвертью. Комплексы развитого этапа данной культуры представляют первую половину IV тыс. до н.э. Стоянки поздней фазы камского неолита допустимо связывать со второй половиной IV тыс. до н.э. Причем в южной части Прикамья в середине IV тыс. до н.э. появляется воротничковая керамика. Для Нижнего Прикамья по комплексу с таким признаком, как воротничок на венчике с поселения II Татарский Азбей определена дата (см. *таблицу*), которая относится к последней четверти IV тыс. до н.э. Указанная дата хорошо согласуется с датой воротничковой посуды со стоянки Сауз II [Выборнов, Овчинникова, 1981, с. 33–51], расположенной в низовьях р. Белой (см. *таблицу*), что соответствует середине IV тыс. до н.э. По одному из опорных памят-

ников Икско-Бельского междуречья – стоянке Русский Азбей, содержащей воротничковую керамику, которую Р.С. Габышев относит к левшинскому этапу [1978б, с. 25–33], – получена дата (см. *таблицу*), почти полностью совпадающая с датой для керамики стоянки Сауз II. По фрагментам керамики со стоянки II Лебединской [Халиков, 1969, с. 62–63, рис. 16, 17] получена дата (см. *таблицу*) – вторая четверть IV тыс. до н.э. Последняя, по устному сообщению Н.Н. Ковалюха и В.В. Скрипкина, проводивших радиоуглеродный анализ, омоложена в силу ограниченности исходного материала. Но, как убедительно доказано на типологическом уровне, материалы стоянки II Лебединской аналогичны комплексам развитого этапа неолита Среднего Прикамья [Габышев, 1978а; 2003, с. 101–102]. Кроме того, посуда стоянки II Лебединской и поселения Подлесное IV аналогична [Выборнов, Третьяков, 1984, с. 32–35, 45, 46]. Фрагменты керамики с последнего получили дату (см. *таблицу*), которая также совпадает с датами для Хуторской стоянки. То, что в Нижнем Прикамье имеются памятники, сходные по времени, доказывает дату, определенная по керамике камского типа со стоянки Сауз II [Выборнов, Овчинникова, 1981, с. 38, рис. 3, 1; 4, 4, 9] – начало IV тыс. до н.э. (см. *таблицу*). Полученные результаты подтвердили предположение О.Н. Бадера о том, что ранние фазы камского неолита могут датироваться первой половиной IV тыс. до н.э. [1973, с. 99–106]. В этой связи пока остается открытым вопрос о трактовке дат для стоянки Пезмог IV. Единственный сосуд, обнаруженный на памятнике, исследователи по типологии совершенно справедливо отнесли к развитому (хуторскому) этапу камской культуры и датировали первой половиной IV тыс. до н.э. В подтверждение правомерности такого хронологического определения ими были приведены результаты спорово-пыльцевых анализов [Волокитин и др., 1998, с. 31–36, 40]. В дальнейшем по наугару с этого сосуда были получены три даты: $6\ 820 \pm 70$; $6\ 760 \pm 50$; $6\ 730 \pm 50$ л.н.; это первая четверть V тыс. до н.э. Основываясь на них, В.Н. Карманов сделал выводы о принадлежности данного сосуда к раннему неолиту и удревнении камского неолита в целом [2004, с. 16]. Вслед за ним некоторые специалисты отметили, что эти данные позволяют значительно удревнить памятники, традиционно относящиеся к развитому (хуторскому) этапу камской культуры, и отнести их к раннему неолиту [Гусенцова, 2004, с. 293; Лычагина, 2006, с. 123]. Не вступая в дискуссию по данному вопросу, автор считает необходимым отметить: во-первых, сосуд с Пезмога IV представляет развитой этап камской культуры, а не ранний. Судя по радиоуглеродным датам, предложенным в данной статье, дата стоянки Пезмог IV явно выбивается из всей серии. Во-вторых, керамика даже раннего этапа верхневолжской культуры, даты которой по ^{14}C не выходят за рамки первой половины V тыс. до н.э.: $6\ 850 \pm 40$;

$6\,760 \pm 110$; $6\,650 \pm 100$ и $6\,500 \pm 100$ л.н. [Зарецкая, Костылева, 2008, с. 9–10], резко отличается от пезмогской посуды – ее фрагменты полностью лишены орнамента [Костылева, Зарецкая, 2003, с. 53–54].

Заключение

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы. В Северном Прикаспии процесс неолитизации начался на рубеже VII–VI тыс. до н.э., т.е. на 1 тыс. лет раньше, чем считалось прежде. В степной зоне Нижнего Поволжья в настоящее время известные неолитические стоянки (комплексы типа 3 слоя Варфоломеевской стоянки) появились в середине VI тыс. до н.э. На юге лесостепной зоны Волго-Уралья в начале VI тыс. до н.э. складывается елшанская культура. Во второй половине этого тысячелетия североприкаспийские, нижневолжские и волго-уральские комплексы развивались синхронно. Накольчатая традиция была заимствована носителями местной елшанской культуры в лесостепном Заволжье у южных племен на рубеже VI–V тыс. до н.э. На данной территории она бытовала до начала IV тыс. до н.э. В западные районы Среднего Поволжья данная традиция проникла в середине V тыс. до н.э. Это в определенной мере подтверждает гипотезу А.Х. Халикова о более древнем возрасте памятников с накольчатой керамикой по сравнению со стоянками с гребенчатой орнаментацией в Нижнем Прикамье [1969, с. 49–92]. Формирование гребенчатой традиции как на юге в лесостепном Поволжье, так и на севере в Камско-Вятском междуречье относится к последней трети V тыс. до н.э. Памятники развитого и позднего неолита в Прикамье датируются IV тыс. до н.э. Присутствие накольчатой посуды в жилище II Лебединской стоянки с гребенчатыми сосудами [Габышев, 2003, с. 57] и синкетической накольчато-гребенчатой посуды на Хоторской и Кряжской стоянках [Выборнов, 1992, с. 64] лишний раз подтверждает правильность радиоуглеродных дат.

Прояснение ситуации возможно при получении дат, определенных по керамике неолита – энеолита Западного Уралья по такой же методике, что и волго-камские.

Список литературы

Бадер О.Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. – М.: Наука, 1970. – С. 157–171. – (МИА; № 166).

Бадер О.Н. Волго-камская этнокультурная область эпохи неолита // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита. – М.; Л.: Наука, 1973. – С. 99–106. – (МИА; № 172).

Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. пед. ин-та, 1988. – 160 с.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Горашук И.В., Зайберт В.Ф. Поселение Ук VI и проблемы бобровинской культуры // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. – Екатеринбург: Изд-во ИИАУРП РАН, 1993. – С. 22–23.

Вискалин А.В. Пути неолитизации Волго-Камья // Тверской археологический сборник. – 2002. – Вып. 5. – С. 274–281.

Вискалин А.В. К вопросу о датировке ранненеолитической керамики елшанского типа // Тверской археологический сборник. – 2006. – Вып. 6. – С. 260–265.

Волокитин А.В., Карманов В.Н., Марченко Т.И., Дуригина Д.А. Пезмог IV – новый памятник гребенчатого камского неолита на Вычегде // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. – Сыктывкар: Изд-во Коми науч. центра, 1998. – С. 31–40. – (МАЕСВ; вып. 15).

Выборнов А.А. Неолит и эпоха раннего металла прабережья Нижней Белой: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1984. – 16 с.

Выборнов А.А. Неолит Прикамья. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ин-та, 1992. – 148 с.

Выборнов А.А. Проблемы изучения неолита лесостепного Поволжья // Современные проблемы истории и философии. – Самара: Изд-во Самар. науч. центра РАН, 2002. – С. 53–62.

Выборнов А.А. Некоторые вопросы изучения нижневолжского неолита // Новые гуманитарные исследования. – Самара: Изд-во Самар. науч. центра РАН, 2003а. – С. 57–65.

Выборнов А.А. Неолит лесостепного Поволжья и его окружение // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМе. – М.: Изд-во ГИМ, 2003б. – С. 36–39.

Выборнов А.А. О раннем неолите Поволжья // Новые гуманитарные исследования. – Самара: Изд-во Самар. науч. центра РАН, 2005. – С. 152–159.

Выборнов А.А. Проблемы изучения неолита Волго-Камья // Актуальные проблемы истории, археологии, этнографии. – Самара: Изд-во Самар. науч. центра РАН, 2006. – С. 277–286.

Выборнов А.А., Березина Н.С., Вискалин А.В., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В., Ставицкий В.В. Об абсолютном возрасте неолита Сурско-Мокшанского междуречья // Вопросы археологии Поволжья. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2008. – Вып. 5. – С. 17–25.

Выборнов А.А., Габышев Р.С., Галимова М.Ш., Денисов В.П., Ковалюх Н.Н., Лычагина Е.Л., Мельничук А.Ф., Скрипкин В.В. Новые данные по абсолютной хронологии неолита Прикамья // Вестн. Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – 2008. – Вып. 2. – С. 25–40.

Выборнов А.А., Гусенцева Т.М., Ковалюх Н.Н., Николаев В.В., Скрипкин В.В. К вопросу об абсолютной хронологии неолита Камско-Вятского междуречья // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. – Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 2008. – С. 64–74.

Выборнов А.А., Мамонов А.Е. Проблемы хронологии неолита Волго-Камья: типология и радиоуглерод // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. – СПб.: Теза, 2007. – С. 188–198.

Выборнов А.А., Овчинникова Н.В. Итоги изучения поселения Сауз II // Древние и средневековые культуры

Поволжья. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. пед. ин-та, 1981. – С. 33–52.

Выборнов А.А., Третьяков В.П. Поселение Подлесное IV на верхней Суре // Новые памятники археологии Волго-Камья. – Йошкар-Ола: Изд-во Марий. науч.-исслед. ин-та, 1984. – С. 32–49.

Габиашев Р.С. Неолит Нижнего Прикамья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1978а. – 19 с.

Габиашев Р.С. Русско-Азиатская стоянка // Древности Икско-Бельского междуречья. – Казань: Изд-во Казан. филиала АН СССР, 1978б. – С. 22–39. – (Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции ИА АН СССР; вып. 2: Работы Татарского отряда).

Габиашев Р.С. Поздний неолит и эпоха раннего металла восточных районов Татарии // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. пед. ин-та, 1982. – С. 28–36.

Габиашев Р.С. Культурно-хронологические группы в энеолите Нижнего Прикамья // Памятники древней истории Волго-Камья. – Казань: Изд-во АН Татарстана, 1994. – С. 16–39.

Габиашев Р.С. Население Нижнего Прикамья в V–III тысячелетиях до нашей эры. – Казань: Изд-во АН Татарстана, 2003. – 224 с.

Гусенцова Т.М. Периодизация и хронология неолитических памятников бассейна р. Вятки // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. – СПб.: Изд-во АкадемПринт, 2004. – С. 291–295.

Зарецкая Н.Е., Костылева Е.Л. Радиоуглеродная хронология начального этапа верхневолжской ранненеолитической культуры (по материалам стоянки Сахтыш-2А) // РА. – 2008. – № 1. – С. 5–14.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2006. – 54 с.

Карманов В.Н. Неолит Европейского Северо-Востока: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2004. – 22 с.

Кернер В.Ф. Поселение Исетское Правобережное // Неолитические памятники Урала. – Свердловск: Изд-во УрО АН СССР, 1991. – С. 46–67.

Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1989. – 80 с.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Ближневосточный след в неолитической культуре Среднего Зауралья // Изв. Урал. гос. ун-та. – 2007. – № 49. – С. 5–18.

Ковалева В.Т., Устинова Е.А., Хлобыстин Л.П. Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне Конды // Древние поселения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1984. – С. 32–44. – (BAU; вып. 17).

Кольцов П.М. Поселение Джангар. Человек и его культура в неолите Северо-Западного Прикаспия. – М.: Новый хронограф, 2004. – 156 с.

Косинская Л.Л. Проблемы хронологии Западно-Сибирского неолита (к вопросу о роли радиоуглеродного датирования) // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. – СПб.: АкадемПринт, 2004. – С. 301–307.

Костылева Е.Л., Зарецкая Н.Е. Новые данные по начальному этапу неолита Волго-Окского междуречья // Неолит – неолит юга и неолит севера Восточной Европы. – СПб.: АкадемПринт, 2003. – С. 52–55.

Котова Н.С. Неолитизация Украины. – Луганск: Шлях, 2002. – 268 с.

Крижевская Л.Я., Гаджиева Е.А. Неолитическое поселение Сумпанья VI и его место в неолите Восточного Зауралья // Неолитические памятники Урала. – Свердловск: Изд-во УрО АН СССР, 1991. – С. 80–99.

Лычагина Е.Л. О связях «леса» и «лесостепи» в эпоху неолита // Пять Берсовские чтения. – Екатеринбург: Квадрат, 2006. – С. 121–124.

Лычагина Е.Л. Хронология неолита Среднего Предуралья // XVII Уральское археологическое совещание: Мат-лы конф. – Екатеринбург: Сургут, 2007. – С. 104–105.

Мамонов А.Е. О культурном статусе елшанских комплексов // Вопросы археологии Поволжья. – 1999. – Вып. 1. – С. 15–43.

Мамонов А.Е. Елшанская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен и до наших дней. Каменный век. – Самара: Изд-во Самар. науч. центра РАН, 2000. – С. 147–176.

Моргунова Н.Л. Эпоха неолита и энеолита в лесостепной зоне Волго-Уральского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1984. – 22 с.

Наумов И.Н. К вопросу о становлении неолита Нижнего Поволжья // История России: На перекрестке мнений. – Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. пед. ун-та, 1997. – С. 90–92.

Наумов И.Н. Проблемы хронологии и периодизации неолитических и энеолитических памятников Волго-Донского района // Нижневолжский археологический вестник. – 1998. – Вып. 1. – С. 9–16.

Неолитические памятники Урала. – Свердловск: Изд-во УрО АН СССР, 1991. – С. 3–200.

Никитин В.В. Этнокультурная ситуация в конце неолита и энеолита на левобережье Средней Волги // Вопросы археологии Урала. – 1993. – Вып. 21. – С. 76–83.

Никитин В.В. Каменный век Мариинского края. – Йошкар-Ола: Изд-во Мар. науч.-исслед. ин-та, 1996. – 180 с.

Степанов В.И. Неолитическое поселение Дуванская V // Неолитические памятники Урала. – Свердловск: Изд-во УрО АН СССР, 1991. – С. 144–160.

Тимофеев В.И. Некоторые проблемы неолитизации Восточной Европы // Тверской археологический сборник. – 2002. – Вып. 5. – С. 209–214.

Тимофеев В.И., Зайцева Г.И. К проблеме радиоуглеродной хронологии неолита степной и юга лесной зоны европейской части России и Сибири // Радиоуглерод и археология. – 1997. – Вып. 2. – СПб.: Теза, С. 98–108.

Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., Долуханов П.М., Шукров А.М. Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. – СПб.: Теза, 2004. – 158 с.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1969. – 396 с.

Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблема культурогенеза. – Екатеринбург: Изд-во ИИА УрО РАН, 1999. – 182 с.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 2004. – 200 с.

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 630.561.1.24+903

В.С. Мыглан¹, О.Ч. Ойдупаа², А.В. Кирдянов³, Е.А. Ваганов¹

¹Сибирский федеральный университет

Свободный пр., 79, Красноярск, 660041, Россия

E-mail: vladimir@forest.akadem.ru

²Тувинский государственный университет

ул. Ленина, 36, Кызыл, 667000, Республика Тыва, Россия

³Институт леса им. В.Н. Сукачева СО РАН

Академгородок 50, стр. 28, 660036, Россия

1929-ЛЕТНЯЯ ДРЕВЕСНО-КОЛЬЦЕВАЯ ХРОНОЛОГИЯ ДЛЯ АЛТАЕ-САЯНСКОГО РЕГИОНА (ЗАПАДНАЯ ТУВА)*

Представлена и проанализирована новая 1929-летняя древесно-кольцевая хронология для Алтая-Саянского региона (Западная Тува). Материалом для ее построения послужили древесина живых деревьев и остатки стволов лиственницы сибирской (*Larix sibirica* Ldb) на верхней границе леса (2 400 м над ур.м.). Анализ корреляции индексов прироста деревьев с данными метеостанций свидетельствует о преобладающем влиянии температуры в июне – июле на изменчивость радиального прироста, что позволяет использовать хронологию для реконструкции изменения раннелетней температуры в Алтая-Саянском регионе. Применительно к археологии создание хронологии такой длительности открывает возможности для датировки археологической древесины, т.е. определения календарного времени сооружения археологических объектов, расположенных на этой территории за весь представленный период.

Введение

Реконструкция региональных изменений климата и анализ вклада в них естественных и антропогенных факторов важны для понимания текущих климатических изменений [Giorgi et al., 2001; Кондратьев, 2002]. Однако для территории Сибири количество рядов прямых инструментальных наблюдений невелико и их длительность зачастую не превышает последние 50–70 лет. В связи с этим в рамках международных исследовательских программ PAGES (глобаль-

ные климатические изменения в прошлом) огромное внимание уделяется исследованиям природных «архивов». Особый интерес вызывает привлечение такого индикатора изменений условий природной среды, как годичные кольца деревьев. Это позволяет получать надежную информацию (с разрешением год, вегетационный сезон) об изменении основных климатических параметров в прошлом [Fritts, 1976; Cook, Kairiukstis, 1990; Ваганов, Шиятов, Мазепа, 1996; и др.].

Значительную ценность дендрохронологические исследования представляют для континентальных районов Евразии, поскольку компоненты горных экосистем на границе своих ареалов, например лиственница на верхней границе произрастания [Адаменко, 1978; Ойдупаа, Ваганов, Наурзбаев, 2004], чутко реагируют на изменения среды. В изменчивости прироста растений содержится сильный климатический сигнал, обусловленный кратковременностью вегета-

*Работа выполнена в рамках проектов РФФИ «Создание сверхдлительной древесно-кольцевой хронологии для датировки археологических памятников и реконструкции климата Алтая-Саянского региона за два последних тысячелетия» (№ 08-06-00253-а) и «Сравнительный анализ отклика радиального прироста деревьев в Центральной и Восточной Азии на текущие изменения климата» (№ 07-04-92108-ГФЕН_а).

ционного сезона [Шиятов, 1986; Овчинников, Ваганов, 1999]. В то же время, в отличие от Субарктики, для которой имеется значительное количество длительных палеоклиматических реконструкций [Ваганов, Шиятов, 1999; Наурзбаев, Ваганов, Сидорова, 2003; Нантемиров, Шиятов, 2002; Сидорова, Наурзбаев, 2002; и др.], для Алтая-Саянского региона их число явно недостаточно. Созданы лишь единичные непрерывные древесно-кольцевые хронологии (ДКХ) протяженностью более тысячи лет: по лиственнице сибирской (*Larix sibirica* Ldb) для Горного Алтая (1093 года) [Овчинников, Панюшкина, Адаменко, 2002] и по сосне сибирской (*Pinus sibirica* Tour) для территории Северной Монголии (1728 лет) [D'Arrigo, Jacoby, Pederson et al., 2001]. В настоящей работе впервые построена и проанализирована ДКХ по лиственнице сибирской длительностью 1929 лет для района Монгун-Тайга (Западная Тува).

Rис. 1. Расположение участков сбора образцов для построения длительных древесно-кольцевых хронологий (а) и метеостанций, данные которых использованы в работе (б).

М-Т – Монгун-Тайга, ХХ – Халсан Хамар,
СД – Солонгутон Дава.

Материал и методы

Территория исследований – западные (горные) районы Республики Тыва. Резко-континентальный климат, удаленность от крупных городов и промышленных центров, наличие остатков деревьев на верхней границе леса и значительное количество археологических памятников делают этот регион весьма перспективным для дендрохронологических работ. Основным материалом для исследования послужила древесина лиственницы сибирской (*Larix sibirica* Ldb), обладающая высокой чувствительностью прироста к изменению условий окружающей среды и широкой экологической амплитудой роста (присутствует практически во всех лесорастительных поясах на верхней границе леса).

В ходе экспедиционных работ 2007 г. в районе Монгун-Тайга (рис. 1) на верхней границе леса (высота 2 000–2 100 м над ур.м.) на расстоянии 10 км друг от друга были заложены три участка. С живых деревьев брались керны (рис. 2, а), с сохранившихся выше по склону остатков стволов деревьев – спили (рис. 2, б).

Измерения ширины годичных колец были выполнены на полуавтоматической установке LINTAB (с точностью 0,01 мм). Серии датировались посредством сочетания графической перекрестной датировки [Douglass, 1919] и кросс-корреляционного анализа (в пакете специализированных программ для дендрохронологических исследований – DPL [Holmes, 1983] и TSAP V3.5 [Rinn, 1996]). С целью максимального сохранения в индексируемых рядах длительных климатических изменений возрастной тренд был удален классическим способом [Fritts, 1976] с использованием негативной экспоненты и линейной регрессии в программе ARSTAN [Cook, Krusic, 2008].

Качество построенной хронологии оценивалось на основе традиционных дендрохронологических пока-

а

б

Rис. 2. Участки сбора образцов.

а – современная верхняя граница леса (июнь 2007 г.); б – остатки стволов деревьев на дневной поверхности.

зателей. Стандартное отклонение характеризует амплитуду погодичной изменчивости прироста, EPS – чувствительность ДКХ к изменению внешних факторов (зависит от количества анализируемых образцов и показывает, как конкретная ограниченная выборка отражает сигнал популяции или генеральной совокупности), RBAR – среднее значение коэффициента корреляции между отдельными сериями [Wigley, Briffa, Jones, 1984; Cook, Kairiukstis, 1990].

Для сопоставления индексов прироста с климатическими данными были привлечены ряды месячных наблюдений за приземной температурой воздуха и осадками с наиболее близко расположенных к району исследования метеорологических станций (см. рис. 1): Ак-Кем ($49^{\circ} 58'$ с.ш., $86^{\circ} 42'$ в.д., 2 050 м над ур.м.) за период 1961–1995 гг., Кызыл ($51^{\circ} 45'$ с.ш., $94^{\circ} 25'$ в.д., 634 м над ур.м.) с 1944 по 1986 г., Улан-гом ($49^{\circ} 48'$ с.ш., $92^{\circ} 05'$ в.д., 934 м над ур.м.) за 1943–1983 гг., Уйги ($48^{\circ} 58'$ с.ш., $89^{\circ} 58'$ в.д., 1 715 м над ур.м.) с 1959 по 1991 г. и рассчитанные для географической координатной сетки $0,5^{\circ} \times 0,5^{\circ}$ с 1901 по 2002 г. В работе использовались данные для квадрата $88^{\circ} 00' - 90^{\circ} 50'$ с.ш., $50^{\circ} 00' - 51^{\circ} 00'$ в.д. [Mitchell, Jones, 2005]. С целью сравнительного анализа изменчивости индексов прироста в Алтае-Саянском регионе были привлечены стандартизованные древесно-кольцевые хронологии для Северной Монголии (Халсан Хамар, Солонготун Дава) [Jacoby et al., 2008] и Горного Алтая [Овчинников, Панюшкина, Адаменко, 2002].

Результаты и обсуждение

Общее число датированных моделей составило 98, в т.ч. 20 по живым деревьям и 78 по отмершим, что позволило построить древесно-кольцевую хронологию длительностью 1929 лет (с 78 по 2006 г.) (рис. 3).

Средний возраст образцов 365 лет, максимальный – 804 года. Это позволяет говорить о том, что ДКХ отражает не только внутривековые, но и вековые климатические колебания. Процент «выпавших» колец невелик (0,5 %). Распределение модельных деревьев по календарной шкале неравномерное и имеет тенденцию к уменьшению их количества по мере продвижения в прошлое, при этом наименьшее число наблюдается в интервале с 450 по 600 г.

Анализ показателей EPS и RBAR (рис. 4) свидетельствует о том, что за исключением периода 450–600 гг. (когда величина EPS падает ниже критерия значимости – 0,85) построенная ДКХ пригодна для климатических реконструкций. Снижение значений EPS и RBAR на отрезке с 450 по 600 г. связано с невысокой обеспеченностью образцами этого периода, вероятно, вследствие гибели деревьев из-за резкого похолодания, наступившего после «события 536 г.», а также с разрушением части периферийных колец у деревьев, пролежавших на дневной поверхности более 1000 лет. Согласно историческим свидетельствам, 536 г. и ряд последующих лет характеризуются холодным летом с мощным густым туманом, низким урожаем, голодом, эпидемиями и гибеллю растительных и животных популяций [Baillie, 1994; Stothers, 1999]. По результатам ранее проведенных дендрохронологических исследований снижение радиального роста деревьев отмечено для периода длительностью от 10 до 24 лет после данного события в Англии [Bailie, 1994], Монголии [D'Arrigo, Frank, Jacoby, Pederson, 2001], на востоке Таймыра и севе-

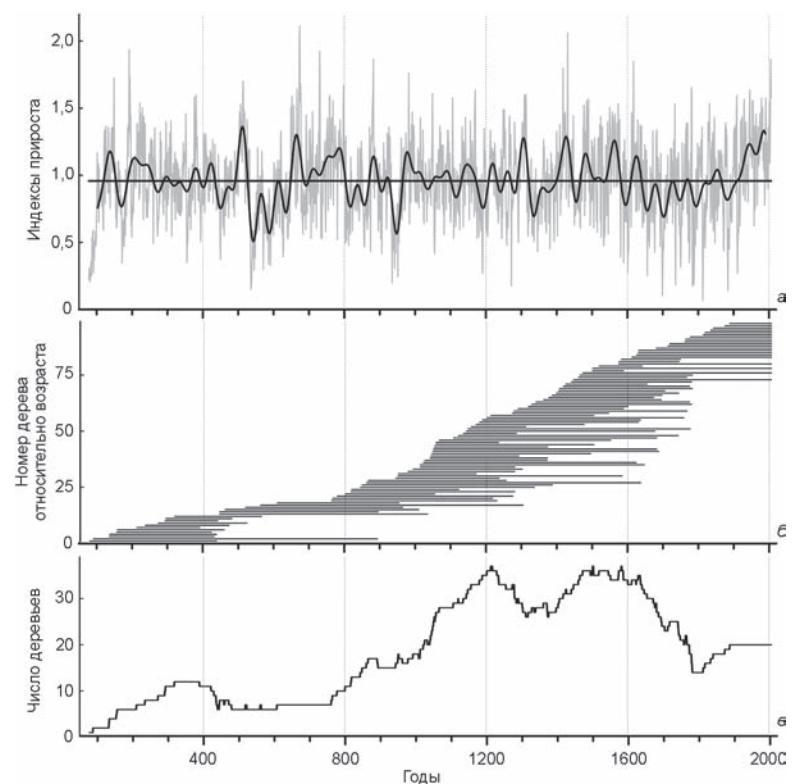

Рис. 3. Древесно-кольцевая хронология по Монгун-Тайге с 78 по 2006 г. (серая кривая – погодичные колебания индексов прироста, черная – слаженные 42-летним низкочастотным фильтром, горизонтальная линия – арифметическая средняя) (а), распределение деревьев, использованных для ее построения, относительно времени начала их роста (б) и количество деревьев, которое пришлось на каждый анализируемый интервал (в).

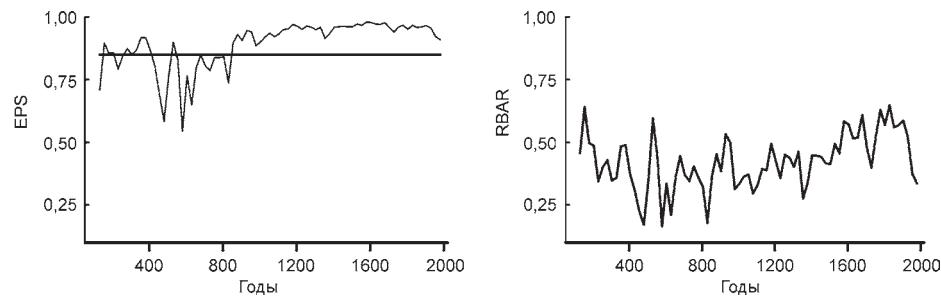

Рис. 4. Значения показателей EPS и RBAR для древесно-кольцевой хронологии по Монгун-Тайге.

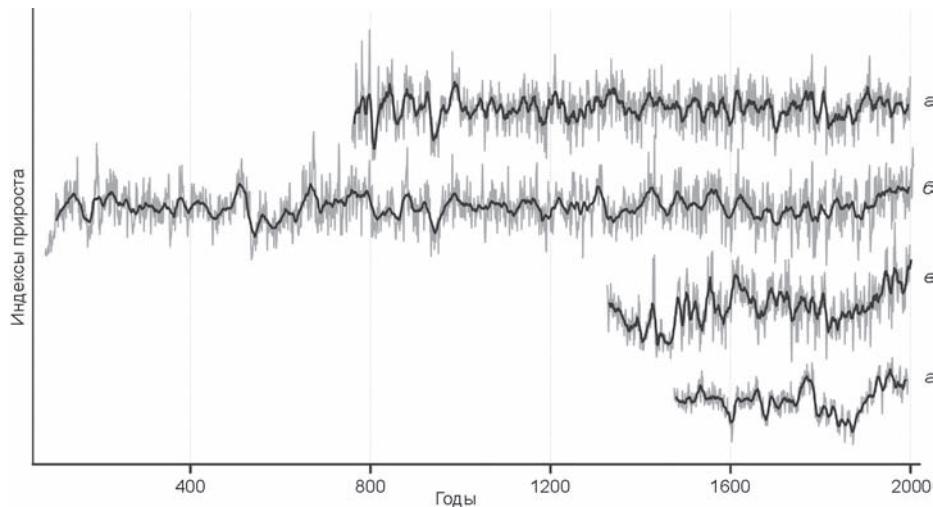

Рис. 5. Изменчивость радиального прироста деревьев по древесно-кольцевым хронологиям для Алтас-Саянского региона.

а – Горный Алтай; *б* – Монгун-Тайга; *в* – Халзан Хамар; *г* – Солонготун Дава (короткая длина этой серии объясняется тем, что из 1738-летней стандартизированной хронологии на открытом доступе выставлены только последние 520 лет). Серая кривая – погодочные колебания индексов прироста, черная – сглаженные 11-летней скользящей средней.

ро-востоке Якутии [Сидорова, Наурзбаев, Ваганов, 2005], что свидетельствует о глобальном характере этого явления. Динамика индексов внутривековой изменчивости прироста за весь представленный период (см. рис. 3, *a*) показывает, что, помимо середины VI в. («событие 536 г.»), существенное уменьшение прироста наблюдалось в первой половине IX в., первой половине X, в конце XII – начале XIII, первой половине XIV, в XVII–XIX вв. – «малый ледниковый период». Высоким приростом характеризуются III–IV вв., начало VI, середина VII – конец VIII, конец X – середина XII, первая половина XV, середина XVI в. и настоящее время (начиная со второй половины XX в.).

Для выяснения вопроса, насколько построенная нами древесно-кольцевая хронология согласуется с другими длительными ДКХ для Алтас-Саянского региона, было проведено сопоставление индексов при-

роста (рис. 5) и рассчитаны коэффициенты корреляции как для отдельных пар хронологий, так и общий (табл. 1). Результаты анализа свидетельствуют о высокой синхронности и согласованности в изменениях прироста. Полученные значения коэффициентов корреляции между ДКХ для Западной Тувы и Горного Алтая (табл. 1) показывают, что в обеих зафиксирован сигнал на общий лимитирующий фактор. Это позволяет объединить данные серии в одну и использовать древесно-кольцевую хронологию по Монгун-Тайге для датировки древесины из археологических памятников Горного Алтая.

Для оценки климатического сигнала, содержащегося в ДКХ, по доступным инструментальным и расчетным климатическим данным были рассчитаны функции отклика (табл. 2). Как и предполагалось, основное воздействие на изменчивость радиального прироста деревьев оказывают температуры

Таблица 1. Коэффициенты корреляции индексов прироста древесно-кольцевой хронологии по Монгун-Тайге (М-Т) с ДКХ для Северной Монголии (Халзан Хамар (ХХ), Солонготун Дава (СД)) и Горного Алтая (ГА)

Хронология	М-Т	N, годы	М-Т	N, годы
ГА (<i>Larix sibirica</i> Ldb)	0,62	759–1999	0,63	1475–1994
ХХ (<i>Larix sibirica</i> Ldb)	0,47	1326–1998	0,56	»
СД (<i>Pinus sibirica</i> Tour)	0,35	1475–1994	0,35	»

Примечание. Жирным шрифтом выделены значимые коэффициенты корреляции при $p < 0,05$; N – объем выборки.

Таблица 2. Коэффициенты корреляции среднемесячной температуры в июне – июле по данным метеостанций с индексами прироста*

Метеостанция	Июнь	N	Июль	N	Июнь – июль	N
Ак-Кем	0,62	35	0,37	35	0,69	35
Кызыл	0,53	43	0,31	43	0,56	43
Улангом	0,54	40	0,23	40	0,54	40
Уйги	0,50	41	0,38	43	0,57	37
По расчетным данным**	0,44	102	0,30	102	0,50	102

*См. примеч. к табл. 1.

** Для квадрата 88° 00' – 90° 50' с.ш., 50° 00' – 51° 00' в.д.

июня – июля (связь с температурой других месяцев незначима) при преобладающем влиянии июньской. Полученные результаты хорошо согласуются с данными других исследователей по Алтае-Саянскому региону [D'Arrigo, Jacoby, Pederson et al., 2001; Овчинников, Панюшкина, Адаменко, 2002].

Коэффициенты корреляции, представленные в табл. 2, свидетельствуют о присутствии сильного климатического сигнала в построенной ДКХ. Так, например, сопоставление индексов прироста с данными по метеостанции Ак-Кем позволяет объяснить до 47 % от общей изменчивости температуры в июне – июле. Наличие устойчивой и значимой связи между индексами прироста и данными метеостанций, расположенных на расстоянии 300–400 км от точки сбора образцов, показывает, что изменчивость прироста деревьев отражает изменения летней температуры, как минимум, регионального масштаба.

Анализ построенной древесно-кольцевой хронологии (рис. 5) представляет определенный интерес применительно к вопросам, связанным с Киотским протоколом, «глобальным потеплением», повышением приземной температуры воздуха за счет антропогенной составляющей [Кондратьев, 2002]. Изменчивость индексов прироста ДКХ по Монгун-Тайге показывает, что, несмотря на относительно продолжительный (с начала 1900-х гг.) положительный тренд, современное потепление не может быть отнесено к экстраординарным, поскольку не выхо-

дит за рамки естественной изменчивости. Этот вывод находит свое подтверждение при сопоставлении современной и палеограницы распространения древесной растительности, т.к., несмотря на выраженную экспансию подроста лиственницы в районе исследования, разница между верхней границей леса в настоящее время и в прошлом составляет примерно 250 м. Поскольку в среднем на каждые 100 м перепада высоты температура изменяется на 0,6 °C [Оледенение..., 2006], можно утверждать, что в определенные периоды раннелетняя температура превышала современную примерно на 1,5 °C. Аналогичные результаты получены на основе анализа 293-летних древесно-кольцевых хронологий по лиственнице сибирской (*Larix sibirica* Ldb), построенных для Алтае-Саянского региона: динамика летних температур свидетельствует о том, что в ХХ столетии значительного потепления не наблюдалось [Ойдупаа, Ваганов, Наурзбаев, 2004].

Не меньшее значение анализ внутривековой изменчивости прироста (а значит, и температуры), зафиксированной в ДКХ по Монгун-Тайге, имеет в историческом плане. Климатические колебания такой продолжительности (наравне с другими факторами) оказывают существенное воздействие не только на функционирование горных экосистем [Шиятов, Мазепа, 2007], но и на социальные процессы, связанные с хозяйственной деятельностью населения [Мыглан и др., 2007], зачастую высту-

пая в роли своеобразного их «катализатора». Можно привести следующие примеры: резкое похолодание конца XII – начала XIII в. и неудержимый наплыв монголов на Китай и Запад, возникновение империи Чингисхана; похолодание конца XVI – начала XVII в. (по европейским источникам в это время отмечались холодные годы «без лета» [Борисенко, Пасецкий, 1988; Барраш, 1989]) и Смута на Руси, колонизация огромных территорий Сибири в кратчайшие сроки. Можно предложить, что именно резкая смена теплых климатических периодов на холодные дестабилизирует хозяйственную деятельность населения и инициирует развитие миграционных процессов.

Заключение

Результаты, представленные в данной работе, можно назвать предварительными, поскольку работа над сверхдлительной древесно-кольцевой хронологией продолжается. На сегодняшний день существуют две основные задачи: увеличение репликации образцов, особенно для периода с 400 по 600 г., и длительности ДКХ для получения более качественных климатических реконструкций. В случае продления хронологии до III–II вв. до н.э. открываются значительные перспективы, связанные с привлечением археологического материала, появится возможность датировать «плавающие» древесно-кольцевые хронологии, построенные по остаткам деревянных конструкций с памятников I тыс. до н.э. (например, для долины р. Уландрык [Слюсаренко и др., 2002; Slusarenko et al., 2001]). С целью решения этих задач планируется проведение совместных экспедиционных работ сотрудниками Сибирского федерального университета, Института археологии и этнографии СО РАН, Тувинского государственного университета и Института леса СО РАН по сбору образцов древесины на верхней границе леса и из археологических объектов.

Список литературы

Адаменко М.Ф. Динамика прироста лиственницы как индикатор термического режима летних сезонов в Горном Алтае // Региональные географические исследования в Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 20–23.

Барраш С.И. История неурожаев и погоды в Европе. – Л.: Гидрометеоиздат, 1989. – 238 с.

Борисенко Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычных явлений природы. – М.: Мысль, 1988. – 522 с.

Ваганов Е.А., Шиятов С.Г. Роль дендроклиматических и дендрогидрологических исследований в разработ-

ке глобальных и региональных экологических проблем (на примере азиатской части России) // Сиб. экол. журн. – 1999. – № 2. – С. 111–116.

Ваганов Е.А., Шиятов С.Г., Мазепа В.С. Дендроклиматические исследования в Урало-Сибирской Субарктике. – Новосибирск: Изд. фирма СО РАН, 1996. – 246 с.

Кондратьев К.Я. Изменения глобального климата: реальность, предположения и вымысел // Исследования Земли из космоса. – 2002. – № 1. – С. 3–23.

Мыглан В.С., Овчинников Д.В., Ваганов Е.А., Жирнова Д.Ф. Влияние климатических изменений на хозяйственную деятельность населения Южной Сибири в «малый ледниковый период» // География и природные ресурсы. – 2007. – № 1. – С. 90–96.

Наурзбаев М.М., Ваганов Е.А., Сидорова О.В. Изменчивость приземной температуры воздуха на севере Евразии по данным тысячелетних древесно-кольцевых хронологий // Кriosфера Земли. – 2003. – Т. 7, № 2. – С. 84–91.

Овчинников Д.В., Ваганов Е.А. Дендрохронологические характеристики лиственницы сибирской (*Larix sibirica* L.) на верхней границе леса в Горном Алтае // Сиб. экол. журн. – 1999. – № 2. – С. 145–152.

Овчинников Д.В., Панюшкина И.П., Адаменко М.Ф. Тысячелетняя древесно-кольцевая хронология лиственницы Горного Алтая и ее использование для реконструкции летних температур // География и природные ресурсы. – 2002. – № 1. – С. 102–108.

Ойдунаа О.Ч., Ваганов Е.А., Наурзбаев М.М. Длительные изменения летней температуры воздуха и радиальный рост лиственницы на верхней границе леса в Алтае-Саянской горной стране // Лесоведение. – 2004. – № 6. – С. 14–24.

Оледенение Северной и Центральной Евразии в современную эпоху. – М.: Наука, 2006. – 482 с.

Сидорова О.В., Наурзбаев М.М. Реакция на климатические изменения лиственницы Каяндра на верхней границе леса и в долине реки Индигирки // Лесоведение. – 2002. – № 2. – С. 73–75.

Сидорова О.В., Наурзбаев М.М., Ваганов Е.А. Отклик древесно-кольцевых хронологий Севера Евразии на мощные вулканические извержения // Проблемы экологического мониторинга и моделирования экосистем. – СПб.: Гидрометеоиздат, 2005. – Т. 20. – С. 37–59.

Слюсаренко И.Ю., Кузьмин Я.В., Кристен Дж. А., Орлова Л.А., Бурр Дж.С. Анализ результатов радиоуглеродной «привязки» древесно-кольцевой хронологии курганов пазырыкской культуры Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 436–440.

Шиятов С.Г. Дендрохронология верхней границы леса на Урале. – М.: Наука, 1986. – 86 с.

Шиятов С.Г., Мазепа В.С. Климатогенная динамика лесотундровой растительности на Полярном Урале // Лесоведение. – 2007. – № 6. – С. 11–22.

Baillie M.G.L. Dendrochronology raises questions about the nature of the A.D. 536 // Holocene. – 1994. – Vol. 4. – P. 212–217.

Cook E.R., Kairiukstis L. Methods of Dendrochronology: applications in environmental sciences. – Dordrecht; Boston; L.: Kluwer Acad. Publ., 1990. – 394 p.

- Cook E.R., Krusic P.J.** A Tree-Ring Standardization Program Based on Detrending and Autoregressive Time Series Modeling, with Interactive Graphics (ARSTAN). – 2008: [Electronic resource]. – Access code: <http://www.ldeo.columbia.edu/res/fac/trl/public/publicSoftware.html>
- D'Arrigo R., Frank D., Jacoby D., Pederson N.** Spatial response to major volcanic events on AD 536, 934 and 1258: Frost rings and other dendrochronological evidence from Mongolia // Climatic change. – 2001. – Vol. 49. – P. 239–246.
- D'Arrigo R., Jacoby G., Pederson N., Cook E., Buckley B., Nachin B., Mijiddorj R., Dugarjav C.** 1728 year of Mongolian temperature variability inferred from a tree ring width chronology of Siberian pine // Geoph. Res. Lett. – 2001. – Vol. 28, N 3. – P. 543–546.
- Douglass A.E.** Climatic cycles and tree-growth. A study of the annual rings of trees in relation to climate and solar activity. – Washington: Carnegie Inst., 1919. – Vol. 1. – 127 p.
- Fritts H.** Tree ring and climate. – N.Y.: Academic Press, 1976. – 576 p.
- Giorgi F., Hewitson B., Christensen J.H., Hulme M., Storch H., Whetton P., Jones R., Mearns L.O., Fu C.** Regional climate information: Evaluation and projections // Climate Change 2001; The Scientific Basis, Contribution of Working Group I to the Third Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC). – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001. – P. 583–638.
- Hantemirov R.M., Shiyatov S.G.** A continuous multi millennial ring width chronology from Yamal, northwestern Siberia // Holocene. – 2002. – Vol. 12. – P. 717–726.
- Holmes R.L.** Computer-assisted quality control in tree-ring dating and measurement // Tree-ring bulletin. – 1983. – Vol. 44. – P. 69–75.
- Jacoby G.C., D'Arrigo R., Buckley B.M., Pederson N.** Khalzan Khamar – MONG009, Solongotyn Davaa (Tarvagatay Pass) – MONG003, Mongolia. – 2008: [Electronic resource]. – Access code: <http://www.ncdc.noaa.gov/paleo/treering.html>
- Mitchell T.D., Jones P.D.** An improved method of constructing a database of monthly climate observations and associated high-resolution grids // Intern. J. of climatology. – 2005. – Vol. 25. – P. 693–712.
- Rinn F.** TSAP V3.5. Computer program for tree-ring analysis and presentation. – Heidelberg: Frank Rinn Distribution, 1996. – 264 p.
- Slusarenko I.Y., Christen J.A., Orlova L.A., Kuzmin Y.V., Burr G.S.** C14 Wiggle Matching of the «Floating» Tree-Ring Chronology from the Altai Mountains, Southern Siberia: the Ulandryk 4 Case Study // Radiocarbon. – 2001. – Vol. 43, N 2A. – P. 425–431.
- Stothers R.** Volcanic dry fogs, climate cooling and Plague pandemics in Europe and the Middle east // Climate change. – 1999. – Vol. 42. – P. 713–723.
- Wigley T., Briffa K., Jones P.** On the average value of correlated time series, with application in dendroclimatology and hydrometeorology // J. Clim. Appl. Met. – 1984. – Vol. 23. – P. 201–213.

Материал поступил в редакцию 13.03.08 г.

УДК 903.2

С.П. Нестеров¹, И.А. Дураков², О.А. Шеломихин³¹*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия**E-mail: nesterov@archaeology.nsc.ru*²*Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия**E-mail: idurakov@yandex.ru*³*Благовещенский государственный педагогический университет
ул. Ленина, 104, Благовещенск, 675000, Россия**E-mail: istfil@bgpu.ru*

РАННИЙ КОМПЛЕКС УРИЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ С БУКИНСКОГО КЛЮЧА НА РЕКЕ БУРЕЕ*

В статье проводится анализ ранних материалов урильской культуры с многослойного памятника Букинский Ключ-1 на р. Бурее. Наиболее значимыми артефактами в данном комплексе следует считать железный стержень и бронзовую лапчатую бляшку-нашивку карасукского облика. Судя по составу каменного инвентаря, хозяйственная деятельность человека на раннеурильской стоянке была связана с охотой и рыболовством. Большое количество отщепов и сколов, присутствие нуклеусов, отбойников, наковаленок свидетельствуют об изготовлении необходимых каменных орудий непосредственно на месте стоянки. Комплекс признаков хозяйственной деятельности человека на Букинском Ключе-1, отсутствие жилищных конструкций, бессистемное расположение кострищ говорят о том, что, скорее всего, это была сезонная охотничье-рыболовная стоянка нерегулярного посещения. Наличие в одном комплексе урильской культуры, сменившей в Западном Приамурье поздненеолитическую осиноозерскую, бронзовых и железных предметов, возможно являющихся репликами карасукских изделий; местное производство железа; новые радиоуглеродные даты, которые позволяют говорить о возникновении урильской культуры в XII в. до н.э., пока не дают оснований для выделения бронзового века как отдельного хронологического этапа в археологической периодизации древностей Приамурья, по крайней мере, в его западной части. Здесь, видимо, бронза и железо начали использоваться населением одновременно в самом конце II – начале I тыс. до н.э.

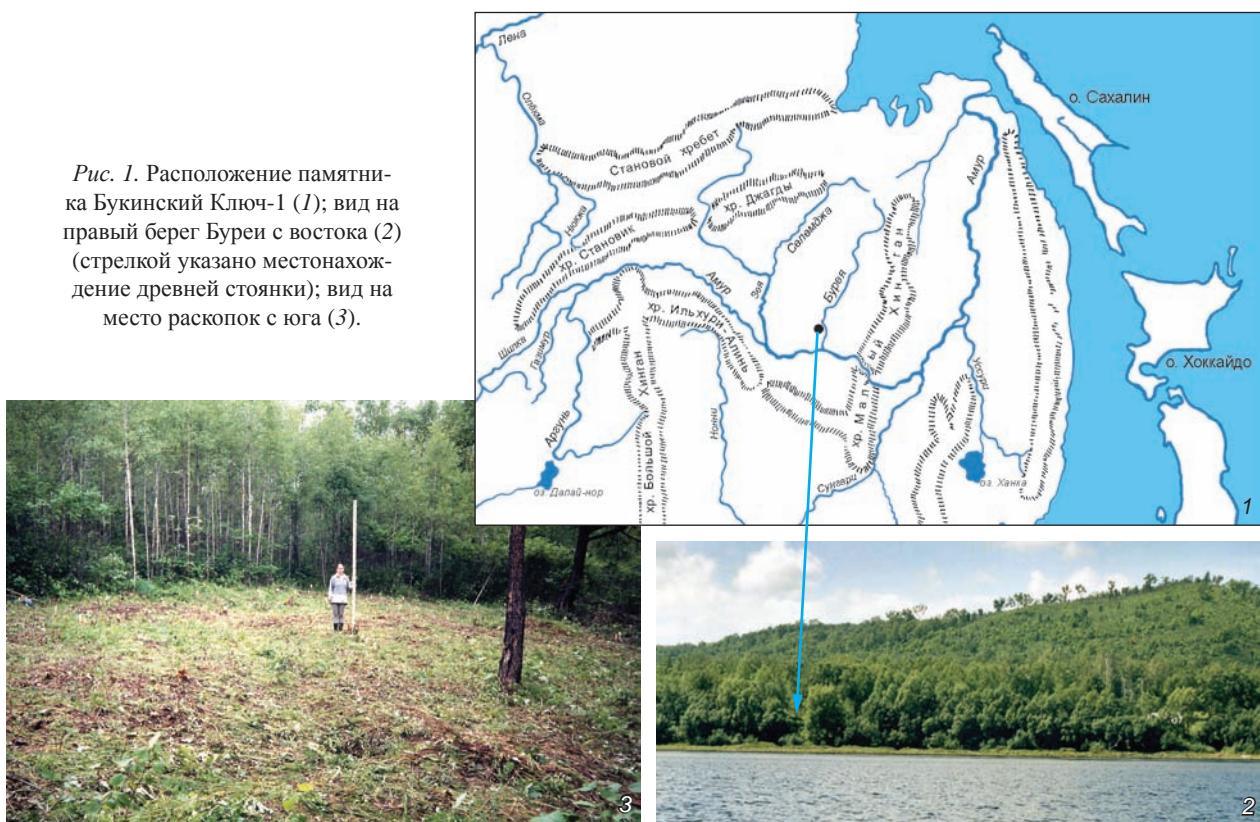
Введение

Местонахождение памятника было показано в 1987 г. жителем с. Бахирева А.В. Джуриком**, который об-

*Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект «Адаптационные процессы у населения западной части бассейна Амура в период голоцен»).

**Александр Викторович Джурик, служивший егерем в Желундинском заказнике, трагически погиб весной 2006 г. на р. Бурее.

ратил внимание «на глубокие рвы» с двух сторон площадки, идущие перпендикулярно руслу Буреи, и глубокие ямы в пространстве между ними. Памятник Букинский Ключ-1 расположен на правом берегу Буреи в 11 км вверх по течению от с. Бахирева, в 150–200 м ниже впадения в Бурею Букинского ключа (рис. 1). Участок высокой поймы в этом месте (4–7 м над урезом воды в период меженного стояния) с севера и с юга ограничен двумя перпендикулярными к руслу реки сухими водотоками (принятые информатором за глубокие рвы). Западины в глубине террасы на поверхку оказались остатками старой пасеки. В 70 м к югу от данного памятника располагается раскопан-

ная в 1988 г. стоянка Букинский Ключ-2 [Древности Буреи, 2000, с. 132].

Общая площадь, занимаемая памятником Букинский Ключ-1, составляет 600–700 м². В результате исследований 1997, 1999 и 2001 гг. было вскрыто 372 м² террасы, примыкающей к южному водотоку (рис. 2).

На раскопанной части площадки естественные напластования террасы нарушены многочисленными промывами, смывами дресвы со стороны тылово-го шва и антропогенным воздействием (сооружением трех котлованов под раннесредневековые жилища михайловской культуры). Обобщенная стратиграфическая колонка террасы в месте дислокации памятника содержит следующие напластования (рис. 3, 4): слой 1 – дерн, имеющий в некоторых местах поддерновый прослой (1.1), в котором обнаружены отдельные артефакты; слой 2 – аллювиальный песок, образовавшийся вследствие катастрофического наводнения (вероятно, в первой половине XI в. н.э. [Там же, с. 191]); слой 3 – супесь, состоящая из трех прослоев (3.1, 3.2, 3.3), которые содержат археологический материал: 3.1 – раннесредневековой михайловской культуры, 3.2, являющийся контактным между прослойми 3.1 и 3.3, – урильской, талаканской и михайловской культур, 3.3 – урильской; слой 4 – стерильный аллювиальный песок; слой 5 – супесь, по цвету делится на два прослоя (5.1 и 5.2), из которых только в верхнем (5.1) обнаружены артефакты урильской

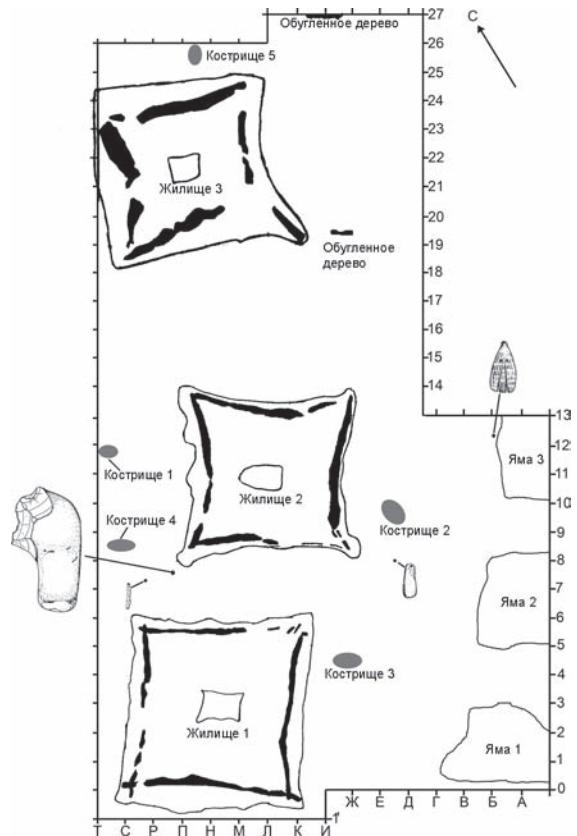

Рис. 2. План раскопа на памятнике Букинский Ключ-1.

Рис. 3. Фрагмент бровки по линии Г и скопление керамики около нее.

Рис. 4. Фрагмент стены раскопа по линии Р и кострище 1.

Рис. 5. Урильское кострище 3 и находки вокруг него.

культуры. Ниже чередуются слои песка и погребенных почв, не содержащие археологического материала. В северной части площадки поверхность слоя 6 очень неровная и напоминает кочкарник.

На исследованной части террасы в прослое 5.1 выявлены только кострища и два незначительных фрагмента обугленного дерева (см. рис. 2).

Кострище 1 обнаружено в западной части площадки в виде прокала ярко-кирпичного цвета (рис. 4). Оно имело ширину $\approx 0,45$, длину 0,7 м. Кострище было сооружено в естественном блюдцевидном углублении. Прослежены два уровня прокала, разделенные прослоем (2–3 см) желтого песка. На поверхности нижнего уровня найдены два фрагмента бересты, в заполнении – два черепка красноглиняной с лощением керамики и два отщепа; на поверхности позднего периода функционирования кострища – каменный скребок, несколько фрагментов керамики без орнамента и один крупный черепок горшка. Частично кострище перекрыто тонким слоем крупнозернистого песка и дресвы.

Кострище 2 имело подовальную в плане форму (примерно $0,6 \times 1,1$ м), вытянутую по линии север – юг. Возможно, именно с ним связана большая концентрация в этом месте отщепов и фрагментов керамики.

Кострище 3 было овальной в плане формы ($0,5 \times 0,9$ м), вытянутой по линии северо-запад – юго-восток. С восточной стороны к нему примыкал прокал ярко-красного цвета. На поверхности кострища найдены два каменных наконечника стрелы, куски бересты, фрагменты керамики, каменный скребок, мелкие кальцинированные кости. В заполнении встречены угольки, кальцинированные косточки, фрагменты керамики урильской культуры. Вокруг кострища отмечена концентрация находок, в основном отщепов и мелких керамических черепков (рис. 5).

Кострище 4 имело овальную в плане форму ($0,4 \times 1,25$ м). В его заполнении найдены мелкие горелые и необожженные кости (в т.ч. трубчатые), два фрагмента керамики, отщеп. Один черепок украшен вафельным орнаментом.

Кострище 5 в виде прокала овальной в плане формы ($0,5 \times 0,8$ м) обнаружено в северной части раскопа. Около него найдены отщеп, фрагмент керамики и, возможно, каменное орудие.

Каменные артефакты

Орудийный комплекс из прослоя 5.1 представлен каменными скребками (20 экз.), ножами (3 экз.), наконечниками стрел (6 экз.), проколками (2 экз.) (рис. 6, 8), нуклеусами (5 экз.), лощилами (2 экз.) в виде уплощенных галек, каменным ретушером, сланцевой мотыгой, галькой-грузилом (рис. 7, 1), тремя обломка-

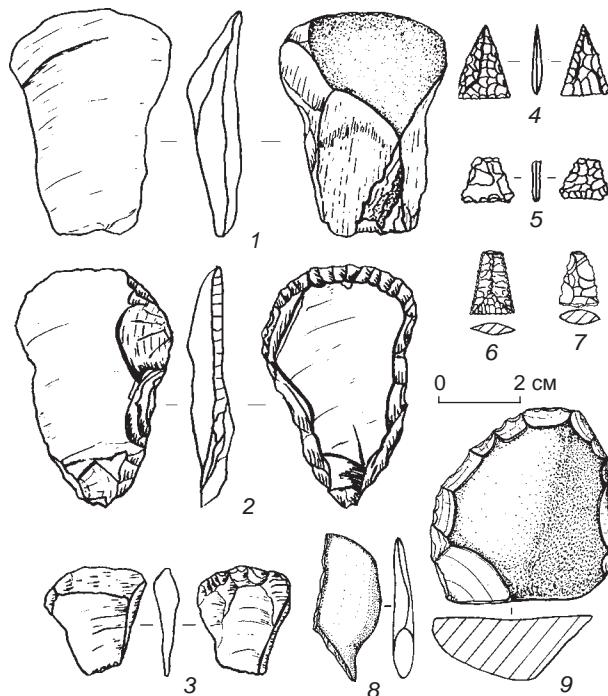

Рис. 6. Каменные орудия урильской культуры.
1–3, 9 – скребки; 4–7 – наконечники стрел; 8 – проколка.

ми абразивной плитки, галечным рубилом. Отщепы и сколы были одиночно рассеяны по всей его толще, изредка образовывали скопления. Продукты дебитажа представлены кремнистыми породами, халцедоном, кварцем. Один отщеп был обсидиановый. Шлифованных орудий здесь, как и в более позднем прослое 3.3, в отличие от урильского слоя на памятнике Сухие Протоки-2 [Там же, с. 81], не обнаружено.

Каменные скребки изготовлены из отщепов и сколов подтреугольной в плане формы. Чаще рабочим лезвием служил подходящий для этих целей край отщепа, реже лезвия оформлялись при помощи ретуши (см. рис. 6, 1–3, 9). В качестве ножей также использовали отщепы. Данная категория артефактов выделяется только при трасологическом анализе*. Среди них определены небольшие ножи, использовавшиеся при непосредственном употреблении мяса во время еды.

Наконечники стрел имеют небольшие размеры и вытянутую треугольную в плане форму. Ретуширивание преформы проводилось в трех направлениях: с боковых сторон и с основания. В результате посередине образовывалось ребро. Основание наконечников прямое и приостренное, что позволяет предполагать его использование в качестве срезня. У большинства наконечников обломано острие, а у одного – основание (см. рис. 6, 4–7).

*Авторы благодарят д-ра ист. наук П.В. Волкова за проведенные трасологические определения.

Все нуклеусы из данного слоя аморфные. Площадка для снятия отщепов специально не готовилась. Речная галька оббивалась так, чтобы получались сколы нужной формы. В некоторых случаях снятие производились по окружности гальки от краев к центру.

Мотыга с выделенной рукоятью изготовлена из сланцевой плитки красно-коричневого цвета (длина 13 см; ширина рабочей части 6,8 см, рукояти – 5,4; толщина 1,3–1,7 см). Приостренное рабочее лезвие образовано двумя сколами (см. рис. 7, 2)

Галечное рубило залегало в древнем промыве между котлованами средневековых жилищ 1 и 2. Орудие имеет естественную Г-образную в плане форму (рис. 8). Общая длина 18 см, толщина 4,5–5,5 см. Длина «ру-

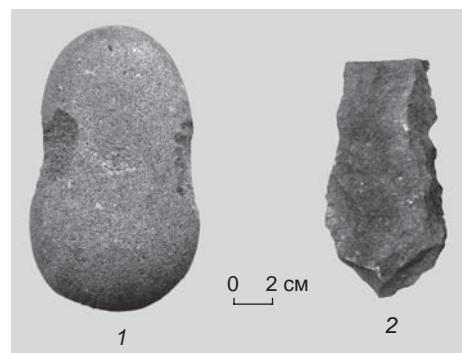

Рис. 7. Галька-грузило (1) и мотыга (2) из прослоя 5.1.

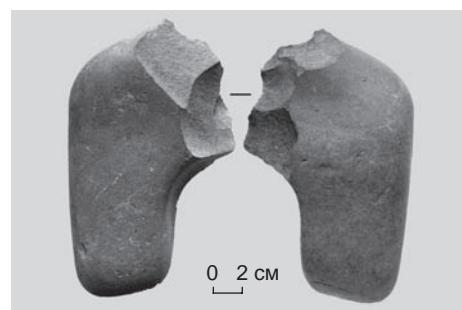

Рис. 8. Галечное рубило из прослоя 5.1.

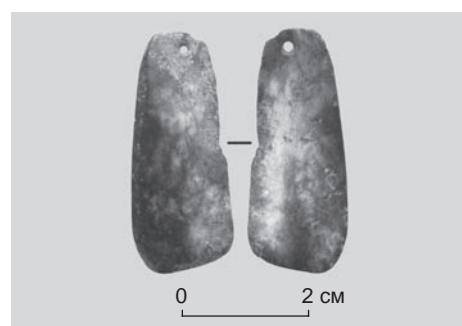

Рис. 9. Изделие из яшмы из прослоя 5.1.

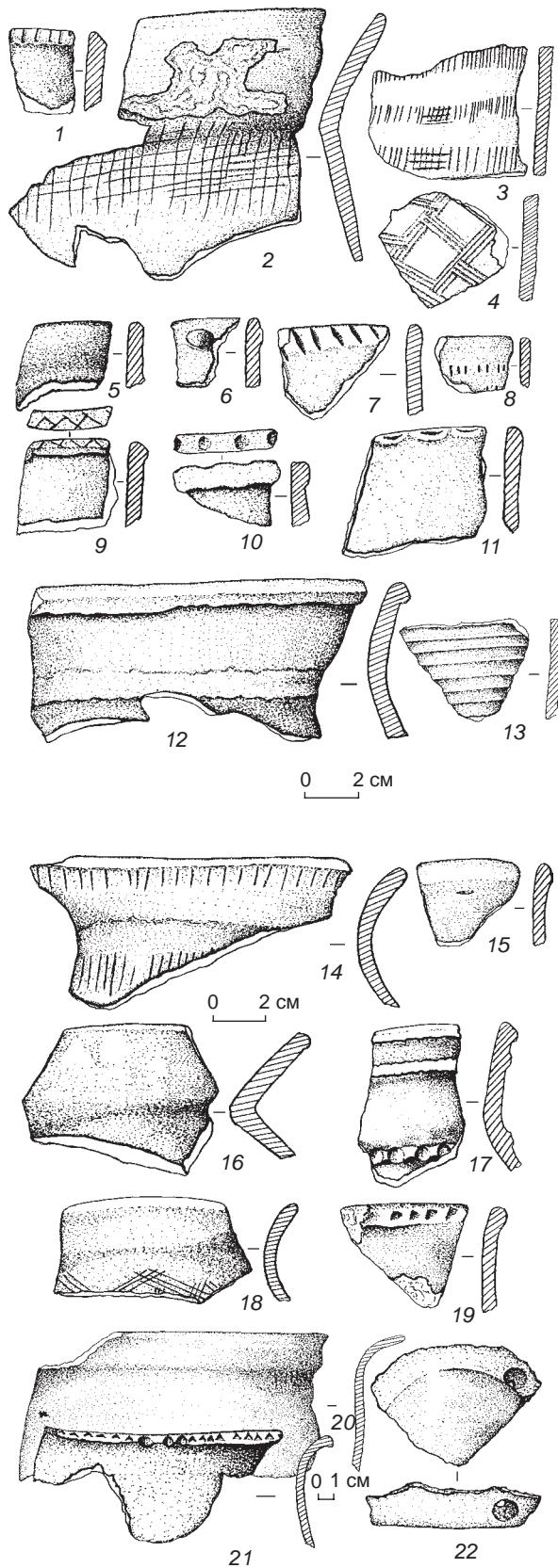

Рис. 10. Фрагменты керамики уральской культуры.

кояти» 7,5 см, ширина 6,5 см; рубящей части – соответственно 11,5 и 10,5 см. Лезвие орудия оформлено с одной стороны тремя крупными сколами, с другой – двумя. На его кромке видны следы сработанности в виде залощенности. Рядом с рубилом найдены три фрагмента уральской керамики.

К украшениям можно отнести каменные бусину (обломок) синего цвета и подвеску с биконическим отверстием (диаметр 1 мм), сделанную из яшмового отщепа ($16,3 \times 38,5 \times 3$ мм) и отшлифованную. Не исключено, что последняя могла использоваться в качестве блесны (рис. 9).

Керамика

Керамический материал из прослоя 5.1 представлен в основном фрагментами, в т.ч. украшенными различными резными линиями (рис. 10, 2, 3), прочесами зубчатого шпателя (рис. 10, 4, 18). Над кострищем 3 и рядом с ним обнаружены черепки довольно большого сосуда, у которого тулово украшено рядами подковообразных оттисков, а венчик – такими же оттисками и ногтевыми отпечатками (рис. 11, 1). Южнее кострища 1 найден фрагмент сосуда без орнамента (см. рис. 10, 20). У него венчик сильно отогнут наружу, толщина стенок 5 мм. Скопление крупных обломков толстостенного сосуда без орнамента обнаружено в восточной части площадки. Подобные фрагменты встречены в прослое 5.1 по всей площади раскопа (см. рис. 10, 5, 16; 12, 2). Среди черепков глиняной посуды есть обломки керамики, окрашенной в красный цвет (см. рис. 10, 13); части сосудов с валиком по венчику (см. рис. 10, 10, 12, 17, 19, 21) и сосуда, у которого шейка и венчик укращены короткими (до 1,5 см) вертикальными насечками (см. рис. 10, 14). Фрагменты последнего были найдены также в прослоях 3.3 и 3.1.

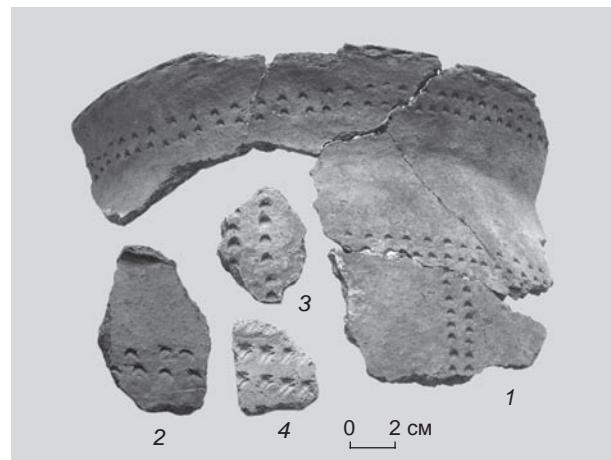

Рис. 11. Фрагменты керамики с подковообразным орнаментом из прослоя 5.1.

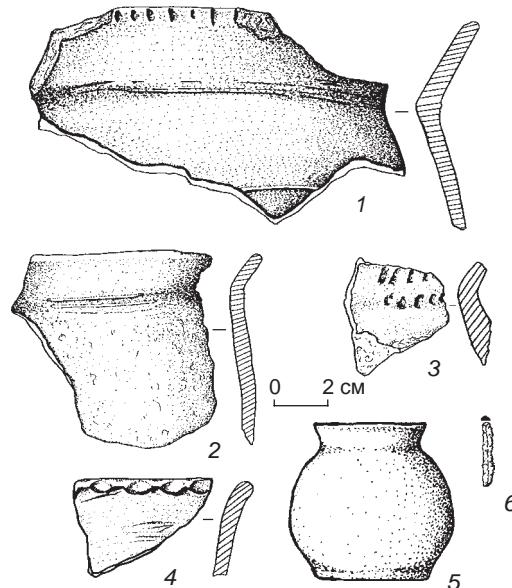

Рис. 12. Фрагменты керамики (1–4), реконструкция миниатюрного сосуда (5) и железный стержень (6) из прослоя 5.1.

Пример рассредоточения разбитого керамического горшка по террасе демонстрируют фрагменты одного урильского сосуда, обнаруженные и в прослое 5.1, и в прослое 3.3. В этом месте площадки два горизонта сливаются: возможно, на древней поверхности, соответствующей слою 5, находился бугор (большая кочка). Еще два обломка того же сосуда найдены в яме-промыве 1 и на уровне залегания прослоя 3.1. Из обнаруженных в разных частях раскопа фрагментов керамики собран сосуд вытянутой горшковидной формы (высота 23,6 см; диаметр венчика 18,5 см, тула – 17, дна – 7,5 см; толщина стенок 5–6 мм), украшенный по всей площади вафельным орнаментом, полуузатертый в некоторых местах (рис. 13). На тулове и шейке редко расположены пары вертикальных коротких налепных ленточек ($0,6 \times 1$ см), рассеченных лопаткой. С внутренней стороны венчика имеется нагар. Сосуд отнесен к прослою 5.1, т.к. именно в нем было найдено его донышко, а в этом месте прослои 3.3 и 5.1 четко разделены толщей песка слоя 4.

Крупный обломок урильского сосуда, венчик, горловина с валиком и часть тула которого покрыты вафельным орнаментом, находился рядом с фрагментом обугленного дерева в северной части площадки.

Обнаружены также пять небольших черепков миниатюрного сосудика. Он был сформован на основе донного начиня в виде лепешки и нескольких жгутов, соединенных внахлест. Дно примазано к первому нижнему жгуту с внутренней стороны. Венчик образован из жгута, присоединенного к горловине также с внутренней стороны. Графическая реконструкция

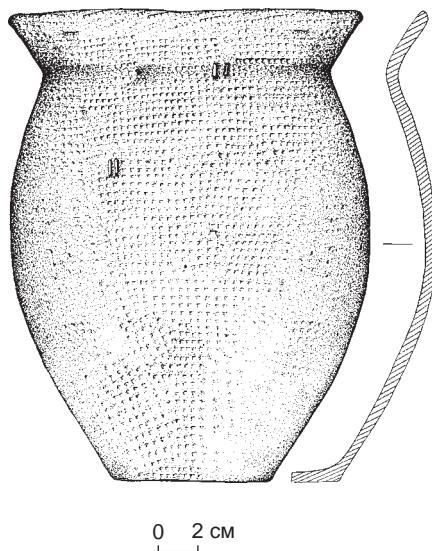

Рис. 13. Сосуд с вафельным орнаментом.

сосудика предполагает его горшковидную форму закрытого типа, возможно, с заниженным экватором (в нижней трети), высоту ок. 6 см, плоское донце (диаметр 3,8 см), выделенную горловину (диаметр 4 см) и слегка отогнутый наружу венчик (диаметр 4,6 см). Наибольший диаметр сохранившейся части тула 6,6 см (см. рис. 12, 5).

Металлические изделия

Очень важными находками в урильском прослое 5.1 являются изделия из металла. Наиболее значимый артефакт – железный стержень длиной 23 мм, шириной 3 мм, треугольный в сечении (см. рис. 12, 6). Не исключено, что это обломок рыболовного крючка.

На краю ямы 3 была найдена бронзовая лапчатая бляшка (длина 5,75 см, наибольшая ширина 2,9 см) с двумя небольшими отверстиями в верхней части. Она представляет собой слегка выпуклую подтреугольную пластину с рассеченным на три части основанием и небольшим дисковидным навершием. Лицевая поверхность украшена рельефом в виде сетки, состоящей из сходящихся к вершине линий, пересеченных несколькими параллельными горизонтальными валиками, расположенными в шесть рядов (рис. 14, 1) [Нестеров, Алкин, Богданов, 1997, с. 260, рис. 2, 1]. А.И. Мазин в форме бляшки видит птицу, сидящую «спиной к зрителю». По его мнению, сверху бляшка была покрыта золотом, сохранившимся только в углублениях орнамента и с обратной стороны [Мазин,

2003, с. 195]. Более того, А.И. Мазин предполагает наличие в орнаменте определенной знаковой системы, которую он интерпретирует как календарь, где заложено счисление солнечно-лунаного года и содержится информация о традиционном хозяйственном году носителей урильской культуры, близком таковому у оленеводов-охотников и охотников [Там же, с. 198, 201, 204].

При исследовании бляшки на ее поверхности обнаружены следы изготовления и использования. Характерные замытости рельефа указывают на то, что мы имеем дело с копией.

На обратной стороне в верхней трети бляшки сохранились остатки сломанной петельки (рис. 14, 2, I).

Отпечаток структуры стенок литейной формы на поверхности сломов указывает на то, что изделие было отлито уже с поврежденной петелькой и ее остатки перешли на отливку с модели при формовке. Первоначальный вид петельки реконструируется в виде выступающей над поверхностью на 1–1,2 мм планки, перекрывающей небольшое овальное углубление. По обеим сторонам от остатков петельки прослеживаются два круглых отверстия диаметром 2,4–2,5 мм. Они частично пересекают углубление петельки на обратной стороне отливки (рис. 14, 2, I: B) и разрывают линии рельефа на лицевой поверхности, явно нарушая его первоначальную композицию. Все это указывает на более позднее появление отверстий. Видимо, они

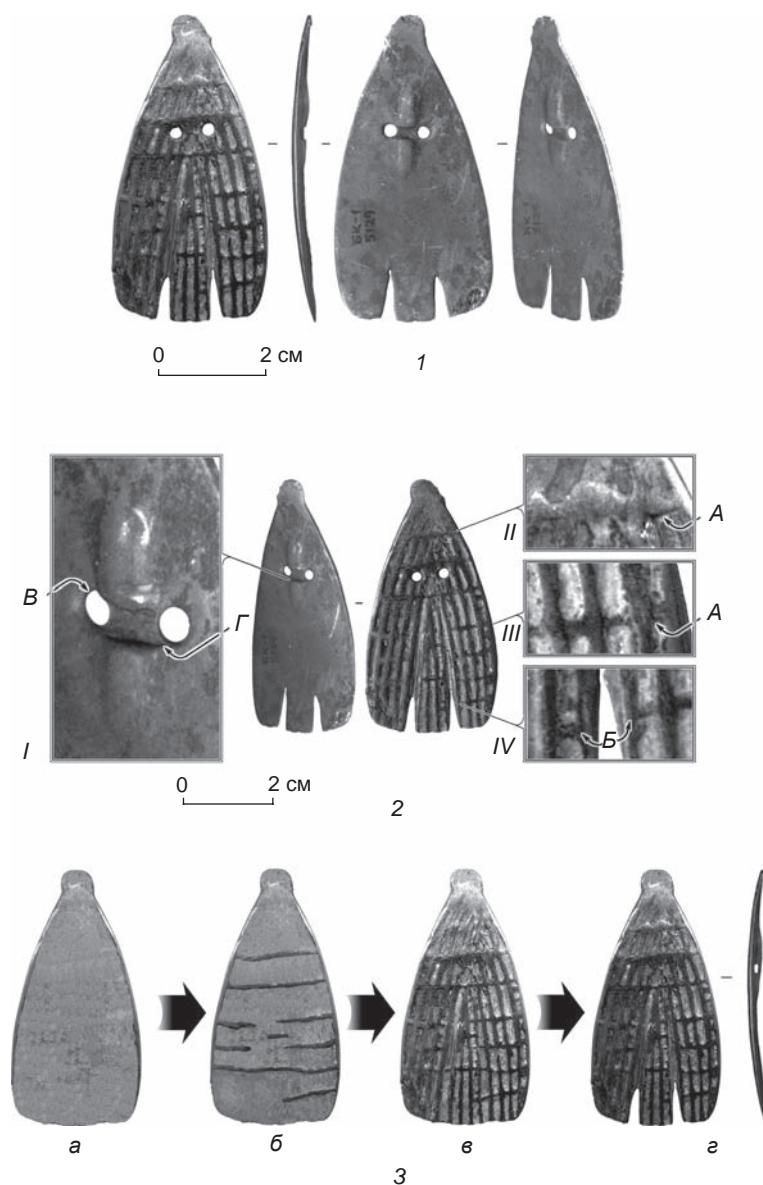

Рис. 14. Бронзовая бляшка с р. Буреи (1), ее детали (2) и реконструкция этапов ее создания по пластичной модели (3).

были проделаны для замены петельки уже после ее утраты. Так как на внутренних стенках отверстий прослеживаются литейные швы, можно уверенно утверждать, что ремонту подверглась бляшка, послужившая моделью, а не отливка-копия (рис. 14, 2, I: Г).

Поломка петельки, по всей видимости, не случайна и обусловлена ее конструкцией и материалом. Основная нагрузка при использовании бляшки приходится на наиболее тонкий участок, толщина которого не превышает 1 мм. Кроме этого, если выявленный при изучении бляшки состав сплава был типичен для изделий такого рода*, то он также мог быть причиной частой поломки подвергающихся механической нагрузке деталей. Степень легирования сплава здесь очень высока, в результате бронза получилась максимально хрупкой [Кропивницкий, 1973, с. 182]. Видимо, ненадежность петельки и использование хрупкого материала побудили мастера совсем отказаться от такого способа крепления при копировании украшения. Присутствие петельки на оригинале, а затем, после ее утери, двух отверстий в этом же месте, а также характерные для пришивания, а не подвешивания следы потертысти от шнурка свидетельствуют о том, что бляшка нашивалась на какую-либо основу, а не носилась в качестве подвески. В противном случае, логичнее было бы видеть отверстие в ее дисковидном навершии.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в качестве модели при изготовлении бляшки использовали старое, сильно потертое в процессе длительного использования изделие со сломанной петелькой. В результате на отливку перешли все следы износа, повреждений и ремонта модели. Следы наслаживаются друг на друга, и по этой своеобразной «стратиграфии» можно восстановить историю изготовления бляшки «первого поколения», послужившей формовочной моделью. Форма для отливки была сделана по пластичной, вероятнее всего восковой, модели (рис. 14, 3). Процесс изготовления восстанавливается следующим образом. Первоначально из воска выле-

тили заготовку будущей модели, передающую общий контур изделия (рис. 14, 3, а). Потом на ее лицевую поверхность нанесли рельеф в виде сетки из тонко раскатанных (1–1,5 мм) жгутов (рис. 14, 3, б, в). Признаками изготовления рельефа методом лепки являются перепады толщины его линий вследствие сужения жгута к концам при раскатывании и сплющивания при его прикреплении к поверхности модели. Кроме того, высота рельефа в местах пересечения валиков орнамента всегда увеличивается из-за наложения их друг на друга (рис. 14, 2, II, III: А). Первоначально на поверхность модели были налеплены поперечные жгуты, затем вертикальные, т.к. они перекрывают горизонтальные в местах пересечения (рис. 14, 2, III: А). В последнюю очередь, видимо уже после завершения основной композиции, появляется короткий поперечный валик у вершины бляхи (рис. 14, 3, г): он налагается как на вертикальные полосы, так и на окантовку края бляхи (рис. 14, 2, II: А).

После нанесения рельефа для придания будущей подвеске лапчатой формы в основании ее модели сделали два треугольных выреза (ширина основания 2 мм, глубина 8 мм). При этом были срезаны и смяты края вертикальных валиков, а поперечные разорваны так, что на другую сторону разреза перешел только самый конец жгута (рис. 14, 2, IV: Б, З, г). Таким образом, разрезы рассекают рельеф, не согласуясь с его рисунком, что и указывает на более позднее их появление. Подобные дефекты невозможны при нанесении рельефа после полного оформления основания бляхи.

На лицевой поверхности прослеживается частичный размыт рельефа, что объясняется смывом части формы потоком металла вследствие недостаточной прочности формовочной смеси [Атлас..., 1957, с. 56].

Проведенный структурный анализ бляшки не свидетельствует о том, что она служила календарем. Пара отверстий на ней, имеющие, по мнению А.И. Мазина, значение «ограничителя дальнейшего увеличения счетных единиц» [2003, с. 196], не являются изначальными, и их появление привело к нарушению орнамента, элементы которого интерпретированы как счетные единицы «календаря». Треугольные вырезы в основании также выполнены с разрушением рисунка рельефа еще на стадии матрицы.

Аналогичное украшение известно по материалам с поселения на о-ве Урильском. На нем отчетливо видны два сквозных отверстия, как на букинском экземпляре. Отсутствие треугольных вырезов, возможно, объясняется худшей сохранностью: длина бляшки меньше на 7 мм, что соответствует размерам выреза [Деревянко, 1973, с. 288, табл. XIV, 8]. Не исключено, что оба изделия отливались с одного образца. Общая форма свидетельствует о знакомстве урильского населения с художественным металлом

*Химический анализ бляшки был выполнен экспресс-методом в Государственном Эрмитаже г. Санкт-Петербурга. Авторы благодарят С.В. Хаврина за проведенное исследование. Химический состав металла включает добавки: олово – 25–30 %, свинец – 8–12, мышьяк – < 1, серебро – < 1, сурьма – < 0,6 %. При подобном легировании изделие приобретает темно-серый или белый цвет и напоминает серебряное [Магницкий, Пирайнен, 1996, с. 66, табл. 2.19]. Благодаря большому количеству легкоплавких легирующих компонентов литейные качества сплава значительно улучшаются, увеличивается жидкотекучесть, температура плавления снижается до 800°. Однако механические качества отливки ухудшаются. Изделие получается очень хрупким, т.к. при содержании 27–28 % олова этот показатель достигает максимальной величины [Селимханов, 1970, с. 62].

карасукской культуры, где лапчатые подвески были широко распространены [Новгородова, 1970, с. 145; Членова, 1972, с. 202].

Начало эпохи палеометалла в Приамурье

Имеющиеся в нашем распоряжении радиоуглеродные даты для слоя 5 на р. Бурее позволяют отнести формирование прослойя 5.1 на памятнике Букинский Ключ-1 к периоду между 2900–2200 гг. до н.э. ($4\,050 \pm 120$ л.н., СОАН-3735). Данные по слою 5 в районе Сухих проток (в 10 км выше по р. Бурее от Букинского ключа) свидетельствуют о том, что оно не прерывалось 1200 лет ($3\,100 \pm 40$ л.н., ЛЕ-2260). В XII–XI вв. до н.э. на р. Бурее произошло катастрофическое наводнение, в результате которого слой 5 оказался погребен под толщей аллювиального песка (слой 4) [Древности Буреи, 2000, с. 190–191]. Таким образом, сохранившиеся в прослойе 5.1 на памятнике Букинский Ключ-1 артефакты (на Сухих Протоках-2 слой 5 не содержал культурных остатков) можно отнести к раннему комплексу урильской культуры.

В Приамурье выделяются два очага, где обнаружены ранние бронзовые изделия. На нижнем Амуре (Восточное Приамурье) предметы из бронзы были найдены на оз. Эворон (рыболовный крючок, обломок ножа и двухлопастный наконечник стрелы с насадом). Керамика эворонского комплекса выделяется грубостью, небрежностью выделки, отличным от неолитического орнаментом. Черепки покрыты квадратными, круглыми или овальными вдавлениями и изредка нечеткими оттисками гребенчатого штампа. Целая серия поселений с подобной керамикой была выявлена на р. Эвуре, впадающей в оз. Эворон. В то же время на поселении Сарголь вместе с небольшим

бронзовым ножом обнаружена круглодонная посуда, украшенная налепными валиками, косыми насечками, ногтевыми и округлыми вдавлениями [Деревянко, 1969, с. 98]. Традиционно же неолитическая и более поздняя керамика на нижнем Амуре представлена плоскодонными сосудами. Все эти памятники были объединены А.П. Окладниковым и А.П. Деревянко в эворонскую культуру бронзового века. Исследователи отметили связь ее носителей с глазковской культурой племен таежных областей Восточной Сибири [Окладников, Деревянко, 1973, с. 200–203]. В то же время в Хабаровском музее хранятся три бронзовых изделия: наконечник копья с широким листовидным пером и втульчатым насадом, внешне напоминающий наконечники копий сейминского и иньского типов, и два очень узких кельта, по форме относящиеся к числу дальневосточным орудиям.

В Западном Приамурье на поселении в устье р. Анго при впадении ее в р. Зею в одном слое вместе с ножевидными пластинами и отщепами найдена бронзовая бляшка в виде двух кружков, соединенных нешироким перехватом. На другом поселении на р. Зее у с. Березовка обнаружен плавильный очаг с остатками шлаков со следами бронзы. А.П. Окладников и А.П. Деревянко данные бронзовые находки датируют иньско-карасукской эпохой, или временем ок. XV–X вв. до н.э. [Там же, с. 203, 206].

Новейшие данные по ранним металлическим изделиям в Западном Приамурье связаны с исследованиями на р. Селемдже и р. Бурее. Бронзовый нож обнаружен в первом культурном слое палеолитического памятника Усть-Ульма I. Он представляет собой изогнутый коленчатый клинок размером $85 \times 22 \times 4$ мм (рис. 15, 7). Одна сторона ножа плоская, другая – слегка выпуклая с ребром жесткости в середине [Деревянко, Зенин, 1995, с. 5–6]. В культурном слое урильского времени на стоянке Сухие Протоки-2 найдено несколько изделий из бронзы и железа. Один из двух бронзовых предметов – фрагмент лезвия ножа с острым режущим краем. Несколько выше линии заточки с одной стороны лезвия нанесен орнамент в виде пяти небольших углублений (рис. 15, 5). Другой бронзовый предмет – долччатая бляшка-пронизка. Она состоит из двух соединенных вместе выпуклых бляшек бочонковидной формы, на внешней стороне которых сделаны широкие вырезы, а на месте перехвата – парные прямоугольные отверстия (рис. 15, 6).

Прямые аналоги находки из Сухих Проток-2 на памятниках Приамурья и сопредельных с ним областей отсутствуют, однако близкие по форме бронзовые бляшки, подвески и обоймы широко бытуют во многих районах Центральной и Восточной Азии во второй половине II – первой половине I тыс. до н.э. Подобной ближайшей находкой является упоминавшаяся выше бляшка с поселения Анго и трех-, четырехдолчьчатые

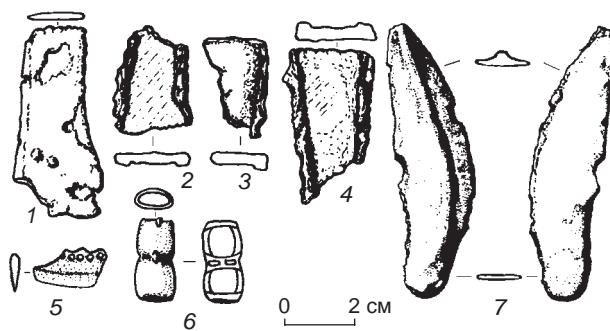

Рис. 15. Металлические изделия с памятников Сухие Протоки-2 на р. Бурее (1–6) и Усть-Ульма (7) (по: [Деревянко, Зенин, 1995, с. 97, рис. 5, 1]).

1 – железный нож; 2–4 – фрагменты кельта из белого чугуна; 5 – фрагмент бронзового ножа; 6 – бронзовая бляшка-пронизка; 7 – бронзовый нож.

пронизки, разделенные мелкими желобками, с урильского поселения Максим Горький [Деревянко, 1973, с. 187, 331, табл. LVIII, 2, 3]. Они восходят к карасукским прототипам, представляющим собой тип дольчатых изделий [Членова, 1972, с. 188, табл. 18, 17; с. 194, табл. 27, 22; с. 202, табл. 36, 33–40]. По всей видимости, пронизка из бурейской коллекции – это местная разновидность дольчатых бляшек южно-сибирского типа, в основе которой лежит не полусферическая, как у классических образцов, а бочонковидная форма. Внешне находка из Сухих Проток-2 напоминает урильские спаренные бочонковидные бусины из камня. По мнению А.П. Деревянко, ареал каменных бус подобного типа невелик и ограничивается районами Приморья и Приамурья [1973, с. 123].

Среди железных предметов раннего комплекса Сухих Проток-2 выделяется фрагмент ножа оригинальной формы с односторонне заточенным лезвием (рис. 15, 1). Он имеет пластинчатую рукоять и лезвие, расположенное под углом к ней. В месте перехода лезвия в рукоять имеются оформленные в виде выступов плечики. Изделие было изготовлено из низкоуглеродистой стали [Краминцев, 1996, с. 126]. Нож также не имеет аналогов ни в орудийном наборе урильских поселений, ни в материалах других дальневосточных памятников эпохи раннего железа. Внешне он напоминает простейшие формы бронзовых карасукских ножей коленчатого типа [Членова, 1972, с. 171–180, табл. 1–10]. В отличие от южно-сибирских образцов, бурейский нож имеет в месте сочленения клинка и рукояти не один, а два «шипа». Разница прослеживается и в оформлении рабочей части орудий: у ножа со стоянки Сухие Протоки-2 режущий край расположен на той стороне лезвия, которая у карасукских ножей соответствует спинке клинка. Очевидно, бурейский экземпляр представляет собой своеобразную имитацию, воспроизведенную в железе форму карасукских бронзовых моделей.

В состав раннего комплекса Сухих Проток-2 входят три фрагмента кельта из белого чугуна [Краминцев, 1996, с. 126]. Он, скорее всего, имел вытянутую трапециевидную форму, причем длинное основание трапеции соответствовало обушку, а короткое – рабочему лезвию насада. С тыльной стороны у насада отсутствует вторая «щека»; ее заменяют низкие бортики-закраины, сохранившиеся фрагментарно (рис. 15, 2–4).

Кельтовидные орудия получают распространение на юге Дальнего Востока уже на начальном этапе раннего железного века. В Приморье они встречены в составе орудийных комплексов поселений на п-ове Песчаном, Малая Подушечка, Олений А (слой 1), относящихся к янковской культуре [Окладников, 1963, с. 268, табл. 84, рис. 13; с. 308, табл. 125, рис. 8; Андреева, Жущиховская, Кононенко, 1986, с. 60–61, 62, табл. 20, 1, 3]. В Приамурье орудия, аналогич-

ные находке со стоянки Сухие Протоки-2, известны среди материалов поселения на о-ве Урильском [Деревянко 1973, с. 143–144, 290, табл. XVII, 6, 7]. Кельты урильской и янковской культур близки друг другу не только по морфологическому облику, но и по технике изготовления: все они отлиты из чугуна в составных формах.

Стратиграфические условия залегания букинско-го железного артефакта в прослое 5.1 позволяют говорить о его большей древности по сравнению с находками со стоянки Сухие Протоки-2, где урильские железные предметы залегали в верхней трети слоя 3 и датированы по ^{14}C IX–VIII вв. до н.э. Свидетельством выплавки металла урильским населением в долине Буреи является кусок ожелезненного шлака, найденный в прослое 3.3 на памятнике Букинский Ключ-1.

Заключение

Обнаружение в Западном Приамурье в одном комплексе урильской культуры, которая на данной территории сменяет позднеолитическую осиноозерскую, бронзовых и железных изделий, возможно являющихся репликами карасукских предметов; местное производство железа; новые радиоуглеродные даты, позволяющие говорить о зарождении урильской культуры в XII в. до н.э., пока не дают оснований для выделения бронзового века как отдельного хронологического этапа в археологической периодизации древностей Приамурья, по крайней мере, в его западной части. Здесь, видимо, бронза и железо начинают использоваться населением одновременно в самом конце II – начале I тыс. до н.э.

Результаты анализа спорово-пыльцевых спектров с расположенной рядом с памятником Букинский Ключ-1 стоянки Букинский Ключ-2 свидетельствуют о сильном сокращении площади хвойных лесов во время формирования слоя 5 в конце суббориального периода голоценена и замене их вторичными березовыми лесами. Это могло быть связано не только с увеличением континентальности климата и суровостью зим, но и с усилением антропогенного влияния носителей урильской культуры на природно-ландшафтное окружение [Древности Буреи, 2000, с. 55].

Хозяйственная деятельность человека на раннеурильской стоянке Букинский Ключ-1, судя по составу каменного инструментария, в котором преобладают каменные и керамические скребки (рис. 16), предназначенные для работы со шкурами, присутствуют лопаты для обработки кожи, наконечники стрел, была связана с охотой и переработкой ее продуктов. Расположение стоянки на берегу Буреи недалеко от островной системы у Букинского переката обуславливало занятие населения рыболовством. Найденные грузи-

Рис. 16. Керамический скребок на фрагменте урильской керамики. Букинский Ключ-1, прослой 5.1.

ло, предположительно каменная блесна и железный обломок крючка связаны именно с этой деятельностью. Большое число отщепов и сколов, присутствие нуклеусов, отбойников, наковаленок свидетельствуют об изготовлении необходимых каменных орудий непосредственно на месте стоянки. Для памятника характерно наличие значительного количества остатков разбитой керамической посуды, особенно вокруг кострищ, при отсутствии инструментов, связанных с ее производством.

Комплекс признаков природно-хозяйственной деятельности человека на Букинском Ключе-1, отсутствие жилищных конструкций, бессистемное расположение кострищ говорят о том, что, скорее всего, это была временная сезонная охотниче-рыболовная стоянка нерегулярного посещения.

Список литературы

Андреева Ж.В., Жущиховская И.С., Кононенко Н.А.
Янковская культура. – М.: Наука, 1986. – 216 с.

Атлас литьевых пороков: Классификация, пороки общего типа, пороки отливок из серого чугуна. – М.: Центр. бюро техн. информации, 1957. – Т. 1. – 194 с.

Деревянко А.П. Проблема бронзового века на Дальнем Востоке // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. – 1969. – № 6: Сер. обществ. наук, вып. 2. – С. 94–99.

Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1973. – 356 с.

Деревянко А.П., Зенин В.Н. Палеолит Селемджи (по материалам стоянок Усть-Ульма I–III). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – 160 с.

Древности Буреи / С.П. Нестеров, А.В. Гребенщикова, С.В. Алкин, Д.П. Болотин, П.В. Волков, Н.А. Кононенко, Я.В. Кузьмин, Л.Н. Мыльникова, А.В. Табарев, А.В. Черняк; отв. ред. Е.И. Деревянко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 352 с.

Краминцев В.А. Литая сталь польцевского поселения // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Мат-лы IV Годовой итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1996 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 125–128.

Кропивницкий Н.Н. Технология металлов. – Л.: Лениздат, 1973. – 463 с.

Магницкий О.Н., Пирайнен В.Ю. Художественное литье. – СПб.: Политехника, 1996. – 231с.

Мазин А.И. Календарь хозяйственного года со стоянки железного века Приамурья // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий: (Мат-лы XI сессии археологов и антропологов Дальнего Востока): Третья науч. конф. России и Китая на дальневосточных рубежах. – Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ин-та, 2003. – С. 195–205.

Нестеров С.П., Алкин С.В., Богданов Е.С. Исследования на памятниках Букинский Ключ-1 и Безумка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы V Годовой итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН, посвященные 40-летию Сиб. отд-ния РАН и 30-летию Ин-та истории, филологии и философии СО РАН. Декабрь 1997 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. 3. – С. 258–264.

Новгородова Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема. – М.: Наука, 1970. – 192 с.

Окладников А.П. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока: Материалы к истории Дальнего Востока. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 356 с.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. – 440 с.

Селимханов И.Р. Разгаданные секреты древней бронзы. – М.: Наука, 1970. – 79 с.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. – М.: Наука, 1972. – 248 с. – (МИА; № 182).

Материал поступил в редакцию 25.12.07 г.

УДК 903.27

А.Ю. Борисенко¹, Ю.С. Худяков²¹*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия**E-mail: aborisenko2@mail.ru*²*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия**E-mail: khudjakov@mail.ru*

ИЗОБРАЖЕНИЯ ВОИНОВ НА ТОРЕВТИКЕ ТЮРКСКИХ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ*

Бронзовые бляшки с изображением всадников встречаются на обширном пространстве кочевого мира и на сопредельных территориях – в Забайкалье, Монголии, Саяно-Алтае, на Урале, в Средней Азии, Восточном Туркестане. Они существенно отличаются от подобных изделий из лесной зоны Восточной Европы, Западной Сибири или с Северного Кавказа. Впервые бляшки с изображением всадников попали в поле зрения западно-европейских ученых и путешественников в первой трети XVIII в. В настоящее время по ряду признаков среди них выделяется несколько групп. Появление бронзовых бляшек с изображением всадников в составе предметного комплекса древних тюрок – одно из проявлений тюркско-согдийского культурного симбиоза, который выразился в заимствовании изобразительного сюжета – образа конного воина и охотника, – понятного и привлекательного для тюркской кочевой знати, т.к. он соответствовал кочевнической культурной традиции.

Введение

Важным информативным источником по истории военного дела средневековых тюркоязычных кочевых этносов степного пояса Евразии являются изображения воинов и боевых коней на предметах торевтики, бронзовых бляшках и подвесках, входивших в состав украшений головного убора и костюма номадов. Они были найдены в Забайкалье, Монголии, Саяно-Алтае, Средней Азии, на Урале. В Синьцзяне обнаружены бронзовые бляшки с изображением лошадей. Данный круг предметов имеет определенное стилистическое сходство и связан с декоративно-прикладным искус-

ством ремесленных центров Ирана, Согда, Восточного Туркестана. Изображающие всадников бронзовые бляшки, характерные для культур Северного Кавказа, лесной зоны Восточной Европы и Западной Сибири, существенно отличаются от подобных изделий в комплексах средневековых кочевников степного пояса Евразии. Поэтому бляшки с изображением всадников в культурах номадов могут быть объектом самостоятельного исследования.

Изучение бронзовых бляшек с изображением всадников

Впервые эти находки попали к ученым в XVIII в. Первым такую бляшку осмотрел англичанин Д. Белл. Среди «курьезных вещей» он упомянул «вооруженного человека верхом на коне, отлитого из желтой меди,

*Работа выполнена по программе Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект № 21.2).

непонятного назначения и происхождения» [Зиннер, 1968, с. 51–52]. В ходе путешествия по Алтаю Г.Ф. Миллером была приобретена у бугровщиков бронзовая бляшка из могил «между Обью и Иртышом». Эта находка не сохранилась, но благодаря рисунку И.В. Люсениуса она доступна для изучения [Миллер, 1999, рис. 24, 3]. В первой трети XVIII в. в Прииртышье была обнаружена еще одна бронзовая бляшка в виде фигуры панцирного всадника [Молодин, Худяков, 2002, с. 46, 53].

В XIX в. А.И. Шренк приобрел в с. Кулундинском на Алтае бронзовую бляшку, изображающую пешего панцирного воина-лучника; она хранится в Музее антропологии и этнографии [Демин, 1989, с. 52]. Бляшку из Минусинского музея опубликовал Д.А. Клеменц [1886, табл. VIII, 21].

Бляшки, изображающие всадника с копьем, были обнаружены в могильнике Сростки в Верхнем Приобье [Грязнов, 1930, с. 9]. В последние годы они рассмотрены В.В. Горбуновым [2003, рис. 36, 1, 2]. Еще одна бляшка была найдена в Забайкалье [Михно, Петри, 1929, с. 323, 326]. Она изучена А.П. Окладниковым [1951, с. 143–144]. Л.А. Евтиюхова и С.В. Киселев опубликовали бляхи, найденные в Копенском чаатасе [1940, с. 50]. Л.А. Евтиюхова отметила, что сцена конной охоты восходит к искусству Ирана [1948, с. 52]. Бронзовые фигурки воинов датированы ею IX в. [Там же, с. 106]. Эти находки детально проанализированы С.В. Киселевым [1949, с. 352, 354], который считал их изделиями кыргызских мастеров [Там же, с. 313, 358].

Бронзовая бляшка в виде фигуры всадника из Южно-Гобийского аймака Монголии изучена В.В. Волковым [1965, с. 288]. Д.Г. Савинов выделил среди «специфических общих форм» культур кимаков и сросткинской «фигурные изображения всадников с “нимбом”» [1976, с. 97]. Подобная бляшка найдена на памятнике Гилево XII в степном Алтае [Могильников, 1981б, рис. 26, 87; 2002, с. 31]. В работе В.А. Могильникова дан схематичный рисунок сросткинской бляшки [1981а, рис. 27, 49]. Ю.С. Худяковым опубликованы находки из сел Колмакова и Бейского, хранящиеся в Минусинском музее [1980, с. 146, табл. L]. Ю.А. Плотников проанализировал известные бронзовые бляшки, изображающие всадников [1982, с. 55–58]. Он отметил заготовку такой бляшки, найденную в Ходженте, схожие изображения на согдийской торевтике, согдийских и восточно-туркестанских фресках и отнес «тюрко-согдийских всадников» к изделиям согдийских ремесленников для тюрок. Т.В. Беляева датировала заготовку из Ходжента V–VI вв. [Древности..., 1985, с. 327]. Бляшки из Минусинской котловины рассмотрены Ю.С. Худяковым и Л.М. Хаславской [1990, с. 121]. Одна бронзовая бляшка в виде фигуры всадника найдена в погребении под-

ростка VIII в. Бирского могильника [Мажитов, Султанова, 1994, с. 113]. Позже она была рассмотрена и проанализирована башкирскими археологами [Сунгатов, Юсупов, 2006, с. 247–252]. Ю.П. Алексин при раскопках кургана «кимакской знати» IX–X вв. в детском погребении на памятнике Кондратьевка IV в Рудном Алтае обнаружил две бронзовые бляшки, изображающие панцирных всадников [1998, с. 20; 2003, с. 6]. Еще одна подобная находка опубликована в материалах Чача [Буряков, Филанович, 1999, с. 86]. В Дуньхуане были обнаружены бронзовые бляшки, изображающие лошадей [Худяков, 1996, с. 185]. А.Ю. Борисенко и Ю.С. Худяковым проанализирована серия средневековых бронзовых бляшек с территории Южной Сибири [2002, с. 111–112].

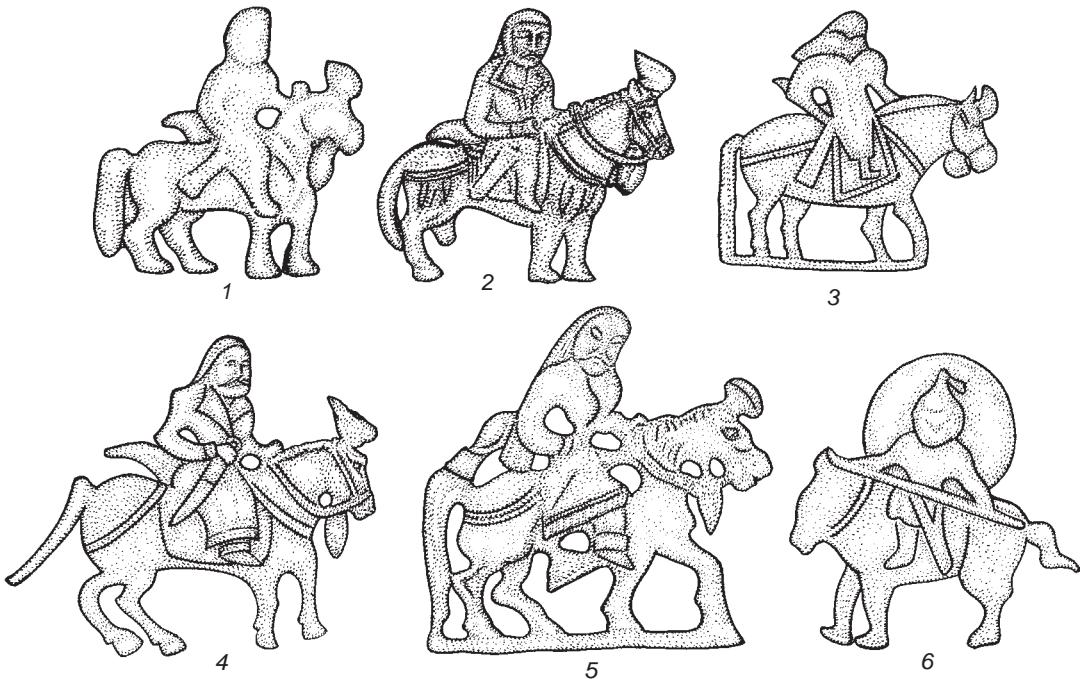
Определение характерных особенностей нескольких стилистических групп бронзовых бляшек, изображающих пешего и конного воинов, а также лошадей, позволило установить границы распространения этих предметов в кочевнических культурах Центральной Азии и оазисов Средней Азии.

Типология бляшек с изображением всадников

По стилистическим особенностям и набору реалий среди бронзовых бляшек выделяется несколько групп. Первая включает бляшки, изображающие легковооруженных всадников. Лошади показаны в профиль. Выделены голова, шея, туловище, все четыре ноги и хвост. На большей части бляшек переданы узда, начальный султан и подшайная кисть, поводья, нагрудный и подфейный ремни. Всадники изображены в пол-оборота или анфас, с длинными распущенными волосами либо в головных уборах, в длиннополых халатах с треугольными отворотами на груди, в остроносых мягких сапогах. На боку у воинов показан колчан с длинным, расширяющимся книзу или кверху приемником. Лишь на чикойской бляшке изображен палаш с кольцевым навершием. На бляшках из Ходжента, Чача, Южной Гоби, Дурен и Бирского могильника (рис. 1, 1–5) за спиной у всадников показан изогнутый верхний конец налучья.

При наличии сходных черт между бляшками данной группы имеются существенные различия, на основании которых выделяются два типа.

Тип. 1. Бляшки, изображающие всадников с оружием, без выделенного основания – горизонтальной полосы, соединяющей четыре ноги и хвост лошади. К данному типу относятся четыре находки: с местонахождения Дурены на р. Чикой в Забайкалье, Ута, из Чача и Ходжента. Чачская и чикойская являются наиболее детально проработанными среди бляшек данного типа. У всадника показаны черты лица, отворо-

Rис. 1. Бляшки с изображением всадников.
1 – Ходжент; 2 – Чач; 3 – Южная Гоби; 4 – Дурены; 5 – Бирский могильник; 6 – Сростки.
Масштаб разный.

ты халата, обшлага на рукаве; на чикойской находке – оторочка нижнего края подола халата и сапог с голенищем. На всех четырех бляшках изображен верхний конец налучья с луком, на чачской и ходжентской – колчан, на чикойской – палаш с кольцевым навершием. У всех четырех фигур лошадей выделен развевающийся по ветру пышный начельный султан, а под нижней челюстью – науз. На бляшках из Чача и Дурен показаны узда с поводьями, чепрак, нагрудный и подфейный ремни; на чачской – еще и по две кисти, подвешенные к этим ремням (рис. 1, 1, 2, 4; 7, 3).

Судя по степени детализации изображения, ходжентскую находку можно считать исходной заготовкой, чачскую – полностью доработанным изделием. Изображение на чикойской бляшке имеет некоторые отличия: палаш вместо колчана, нет кистей на седельных ремнях, ноги лошади разъединены, длинный хвост развевается по ветру.

Тип 2. Бляшки с изображением всадников с оружием, верхом на лошадях, ноги и хвост которых соединены сплошной горизонтальной линией. К данному типу относятся четыре находки: из Южной Гоби, Бирского могильника (рис. 1, 3, 5) и две из Минусинского музея (рис. 2, 1, 3; 3; 4). На южно-гобийской и бирской бляшках всадники показаны с непокрытой головой и длинными распущенными волосами, развивающимися по ветру на уровне плеч на первой и спускающимися до крупа лошади на второй. На одной (крупной) минусинской бляшке у всадника изображены лицо,

Rис. 2. Бляшки с изображением всадников.
1, 3 – Минусинская котловина; 2 – Семипалатинск;
4 – Копенский чаа-тас, кург. 6.
Масштаб разный.

Ric. 3. Большая минусинская бляшка.

Ric. 4. Малая минусинская бляшка из Бейского.

на голове низкая, орнаментированная вертикальными черточками тюбетейка; на другой – округлая голова и схематичные черты лица. На бирской находке у воина показаны узкие глаза, прямой нос, длинные усы и небольшой рот. Одежда и обувь всадников изображены на этой и на крупной минусинской бляшках: на первой выделены обшлага рукавов и оторочка подола, на второй – отвороты халата; на обеих – остроносые сапоги с короткими голенищами. На трех изделиях изображены однотипные колчаны с расширяющимися книзу приемником, наклонно подвешенные к поясу. Кисть правой руки воинов показана на горловине колчана. На бирской бляшке положение руки всадника такое же и какой-то предмет, вероятно, был изображен наклонно подвешенным к поясу, но в этой части изображение сохранилось не четко. На двух изделиях показан верхний конец налучья: на южно-гобийском он выступает из-за локтя, на бирском – упирается в хвост лошади. На южно-гобийской и крупной минусинской бляшках изображены чепраки с оторочкой, на бирской – спускающийся ниже живота лошади. Начельные сultаны на головах лошадей показаны на всех четырех находках: на южно-гобийской – развевающийся, как на бляшках первого типа, на остальных – распущенные. На трех бляшках изображена подшальная кисть: на южно-гобийской и бирской – большая, свисающая вниз; на крупной минусинской – небольшая, прикрепленная к подчелостному ремню. На этой же бляшке хорошо выделена узда. На всех изделиях, кроме южно-гобийского, изображены поводья. На груди и крупах лошадей показаны седельные ремни, но только на малой минусинской бляшке из с. Бейского они украшены накладками.

Наиболее детально проработанной является крупная минусинская бляшка, самой схематичной – малая из с. Бейского. Южно-гобийская и бирская наход-

ки примечательны тем, что у всадников подчеркнута такая этнографически значимая черта, как длинные распущеные волосы. Большое сходство между бляшками первого и второго типов наблюдается в соотношении фигур всадника и коня, в наборе реалий костюма и конского убранства. Наличие горизонтальной полосы, соединяющей ноги и хвост лошадей, у бляшек второго типа препятствует зацеплению за края одежды. У чашкой фигуры лошади одна из задних ног обломана [Борисенко, Худяков, 2002, с. 110–113].

Ко второй группе можно отнести бляшки с изображением всадников с диском за спиной. Воины показаны в защитном облачении с оружием в руках, сидящими верхом на заседанных и взнужданных лошадях. Характерной особенностью этих бляшек является изображение круглого дисковидного предмета за головой, плечами и спиной всадников. На прииртышской бляшке крупный диск увенчан вторым малым с отверстием в центре (рис. 5, 1). Соотношение размеров дисковидного предмета и фигуры всадника разное. Верхний край диска может быть на уровне плюмажа на навершии шлема или заметно выше, нижний – на уровне предплечья или локтей воинов, а на гилевской бляшке он доходит до поясницы воина (рис. 5, 3). Большинство исследователей считают это изображением нимба, связывают его с влиянием буддизма и манихейства [Могильников, 1981а, с. 44–45]. Ю.П. Алексин само изображение всадника назвал «Буддой-воином» [1998]. Одним из авторов данной статьи диск интерпретирован как окружлый щит [Худяков, 1980, с. 130].

По наличию оружия ближнего или дистанционного боя в руках у всадников, запечатленных на бляшках, можно выделить два типа.

Тип. 1. Бляшки с изображением панцирных всадников-копьеносцев с клинками на поясе. К данному

Рис. 5. Бляшки с изображением всадников, пешего лучника и лошади.
1 – Прииртышье; 2 – Колмаково; 3 – Гилево XII, кург. 1; 4 – Обь-Иртышье; 5 – Дуньхуан; 6 – Кулундинское.
Масштаб разный.

Рис. 6. Бляшка из Колмакова.

типу относятся восемь находок: с местонахождений Колмаково в Минусинской котловине (рис. 5, 2; 6); Сростки в Верхнем Приобье (см. рис. 1, 6; 7, 1, 2); Кондратьевка IV, кург. 2, мог. 2 в Степном Алтае (рис. 8, 1, 2); из Семипалатинска (см. рис. 2, 2) и Прииртышья (см. рис. 5, 1) в Восточном Казахстане. Все они по манере исполнения и набору реалий очень похожи, за исключением деталей. Воины изображены в

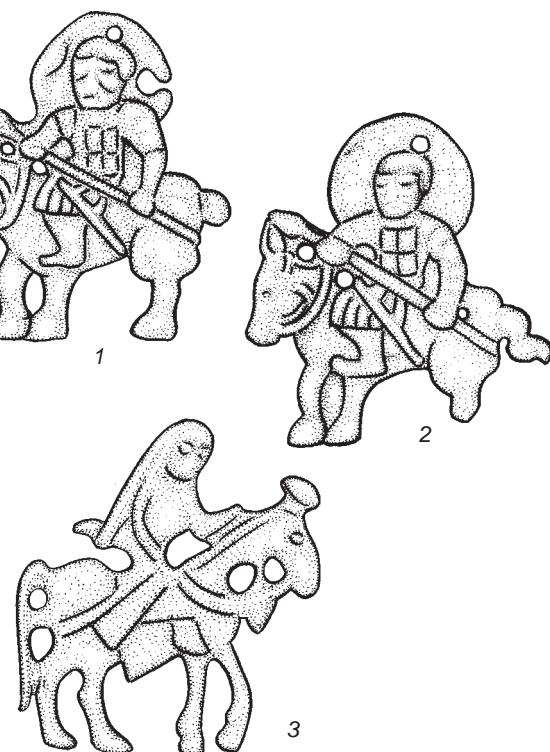

Рис. 7. Бляшки с изображением всадников.
1, 2 – Сростки; 3 – Ут.
Масштаб разный.

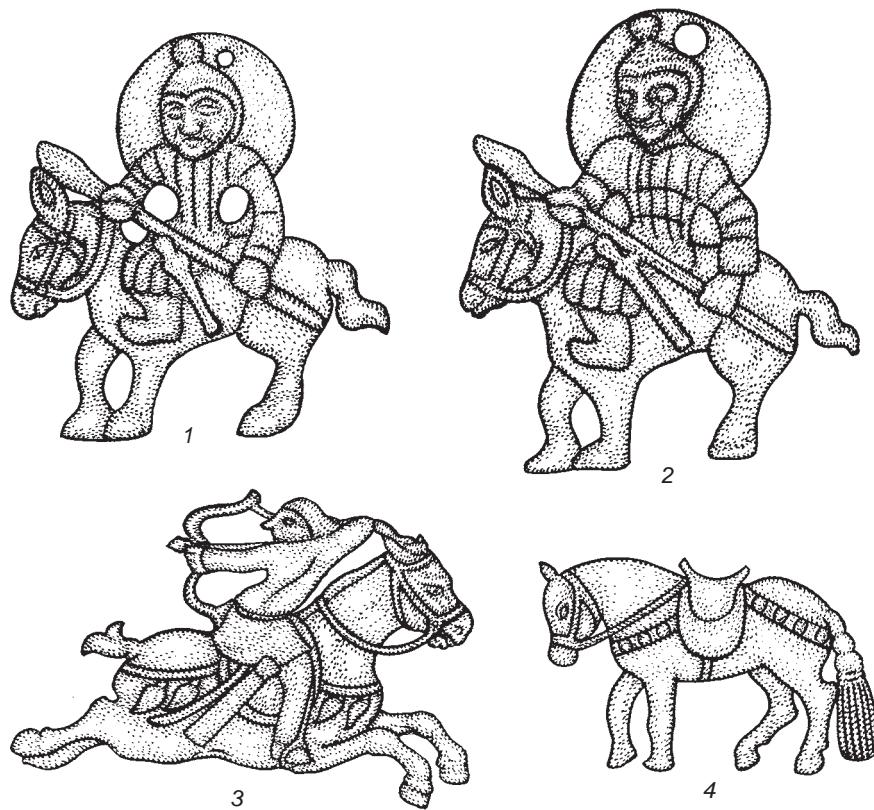

Рис. 8. Бляшки с изображением всадников и лошади.
1, 2 – Кондратьевка IV, кург. 1, мог. 2; 3 – Копенский чаа-тас, кург. 6; 4 – Дуньхуан.
Масштаб разный.

шлемах сфероконической формы с наушами и назатыльником. На бляшках из Кондратьевки на навершии шлема показан окружный плюмаж; на одной из сросткинских – высокое коническое навершие с кисточкой; на прииртышской – шлем, сферический без наушей, с небольшим шариком-навершием и выступающим приостренным наносником; на колмаковской он выделен не четко. На прииртышской, кондратьевских и семипалатинской бляшках у воинов передано лицо с дуговидными бровями, глазами, носом, ртом, пухлыми щеками и овальным подбородком. На колмаковской и сросткинских бляшках оно не детализировано или сгладилось от их длительного употребления. Воины изображены в остроносых сапогах и длиннополых панцирях. На прииртышской находке показаны крупные квадратные пластины на всей площади доспеха, включая покрытие корпуса, подол и рукава; на бляшке из Семипалатинска и на одной из кондратьевских квадратные пластины только на нагрудной части панциря; на других – покрытие панциря передано в виде вертикальных полос. Лишь на одной из сросткинских бляшек его детали вообще не выделены. Только на прииртышской находке показано стремя. Все всадники изображены держащими обеими руками копья на-

перевес, причем правой – в верхней части, а левой – в нижней, словно левши. Лишь в одном случае, когда всадник показан едущим на лошади слева направо, он удерживает копье левой рукой, а направляет правой [Савинов, 1976, табл. I, 1]. Древко копий равно по длине туловища лошади от уха до крупа. Наконечники выделены недостаточно четко. Они плоские, широкие, с затупленным или приостренным острием. На поясе у всадников изображены прямые клинки в ножнах, нижний конец которых немного расширен, мечи либо палаши. В отдельных случаях выделены ромбовидное или ладьевидное перекрестье и полуокруглое навершие. Лошадь изображена в профиль, идущей справа налево, а в одном случае – слева направо [Там же]. У коней показана непропорционально крупная голова с острым ухом. На некоторых бляшках у них изображены глаза, ноздри, губы. У всех лошадей очень короткая массивная шея, плотное укороченное туловище и короткие ноги, передние раздельно, а задние вместе. На наиболее детально проработанной прииртышской бляшке изображены копыта; правая передняя нога коня согнута в коленном суставе, правая задняя выступает из-за левой. На остальных бляшках копыта четко не выделены, напоминают широкие ступни. Хвосты

лошадей показаны короткими, развевающимися. Очевидно, что кони запечатлены в движении. У одной из сросткинских бляшек задние ноги и хвост лошади обломаны. На прииртышской и кондратьевских бляшках лошади изображены взнужденными: выделена узда с нащечными, налобным, наносным, затылочным и подшайным ремнями и поводьями. На остальных переданы только поводья. У семипалатинской бляшки голова коня обломана, но уцелели поводья. На прииртышской находке показан чепрак.

Тип 2. Бляшка с изображением всадника-лучника на лошади, идущей слева направо (см. рис. 5, 3). К данному типу относится одна находка, обнаруженная в степном Алтае при раскопках кург. 1 на памятнике Гилево XII [Могильников, 2002, с. 31]. Бляшка, вероятно, сохранилась не полностью; у фигуры коня обломаны ноги и хвост. Всадник запечатлен натягивающим тетиву лука с настороженной стрелой. Лицо показано в профиль; выделены правый глаз, крупный нос и подбородок; на голове остроконечный шлем с бармицей. Лук изображен с круто выгнутыми плечами и загнутыми концами. Несомненно, он сложносоставной. На древке стрелы показан наконечник удлиненно-ромбической формы. С правого бока всадника изображен колчан с расширенным книзу приемником. Горловина показана поверх натягиваемой тетивы лука, чего в реальности быть не могло. Вероятно, это ошибка мастера. За спиной у воина изображен диск размером в половину фигуры человека. У лошади показаны крупная голова, короткая шея и поджарое туловище; на голове – узда с поводьями; на груди и крупе – нагрудный и подфейный ремни, на последнем – подвеска.

К третьей группе относятся бляшки с изображением всадников-лучников без дисков за спиной. Среди них выделяются два типа.

Тип 1. Бляшка с изображением всадника-лучника с луком в левой руке, скачущего справа налево (см. рис. 5, 4). К этому типу относится одна находка из раскопок бугровщиков «между Обью и Иртышом». Бляшка сохранилась не полностью. У фигуры лошади обломаны задние ноги. Чертцы лица всадника, глаза и нос, едва намечены. На голове показан остроконечный шлем. Всадник изображен с луком в левой руке, согнутой в локте; правой он, видимо, держит поводья. Кибитка лука показана изогнутой; вероятно, он сложносоставной. Левая нога всадника изображена непропорционально короткой, в остроносом сапоге. У лошади показаны крупная голова, глаз, ухо, короткая шея, поджарое туловище, передние ноги с копытами, очень короткий хвост. Переданы поводья, нагрудный и подфейный ремни.

Тип 2. Бляхи с изображением всадников, стреляющих из луков, обернувшись назад. К данному типу относятся четыре находки из кург. 6 Копенского ча-таса в Минусинской котловине [Евтюхова, 1948,

рис. 87, 88; Евтюхова, Киселев, 1940, с. 50]. У одной из них обломана часть фигуры всадника, у других – правая или левая передние ноги лошади. Эти бляхи парные. Две из них изображают всадников, скачущих справа налево, две – слева направо (см. рис. 2, 4; 8, 3). Реалии, показанные на тех и других бляжах, несколько различаются. Всадники изображены без головных уборов: их длинные, до плеч, волосы перевязаны повязкой, затянутой узлом. Лицо показано в профиль; выделены миндалевидный глаз, выступающий нос, пухлые щеки и рот. Всадники изображены несколько нагнувшись к шее лошади и обернувшись назад, с согнутыми в коленях ногами и ступнями, упertenыми в стремена. Показаны плотно облегающие тело кафтаны с длинными, до запястья, узкими рукавами и коротким подолом выше колен, края которого развеваются по ветру; на ногах – узкие длинные штаны, мягкие сапоги и поножи – накладные щитки, защищающие ноги от голеностопа до колена [Евтюхова, Киселев, 1940, рис. 54]. Всадники изображены натягивающими тетиву со стрелой: скачущие справа налево правой рукой держат кибитку лука, левой натягивают тетиву, а скачущие слева направо – наоборот. Луки сложносоставные, стрелы с ромбическими наконечниками. На бляжах, изображающих всадников, скачущих слева направо, показаны колчаны с длинными, расширяющимися книзу приемниками и неширокими карманами. Лошади запечатлены мчащимися во весь опор. У них небольшие головы с острыми ушами и короткой челкой, короткие шеи с подстриженными гривами, плотные толовища, короткие ноги с массивными копытами и завязанный узлом хвост. Показаны глаза, ноздри, губы. Все лошади изображены оседланными и взнужденными: выделены уздечки с поводьями и чумбуром, седла с невысокой передней лукой поверх мягких чепраков с меховой оторочкой, стремена с округлым проемом, нагрудный и подфейный ремни с подвешенными к ним парными крупными кистями; с обеих сторон от задней части седел развиваются длинные ремни.

Копенские рельефные бляхи выделяются повышенной экспрессивностью в передаче мчащихся лошадей и стреляющих лучников. В отличие от остальных аналогичных бляшек, они входили в состав композиций, включавших целый набор изображений бегущих животных, а также гор и облаков. Центральной частью этих сцен богатырской охоты были стрелки, метившие в тигров. Согласно реконструкции Л.А. Евтюховой и С.В. Киселева, такие композиции украшали передние луки седел, а сюжеты передавали царскую охоту [Там же, с. 50].

К четвертой группе относится единственная бляшка с изображением пешего тяжеловооруженного лучника в защитном облачении, с диском за спиной (см. рис. 5, 6; 9), которая выделяется в отдельный тип.

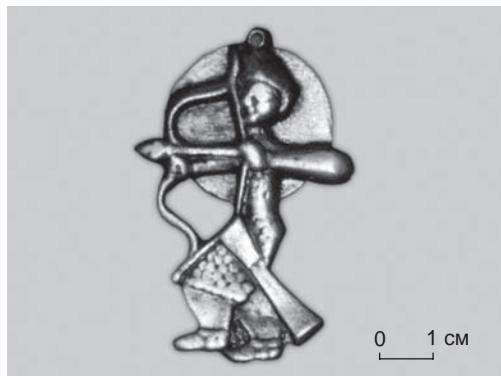

Рис. 9. Бляшка из Кулундинского.

Она найдена в с. Кулундинском в степном Алтае. Воин изображен в длиннополом панцире, мягких остроносых сапогах и коническом шлеме, на навершии которого находится петля для подвешивания бляшки. Лицо лучника показано не очень четко, но можно различить глаз, нос и рот. Воин запечатлен натягивающим левой рукой тетиву с настороженной стрелой, правой он держит кибиту лука. Лук сложносоставной, с выгнутыми плечами и загнутыми концами; стрела с ярусным напечником. Показан также наклонно подвешенный колчан с расширенным к днищу приемником.

К пятой группе можно отнести бляшки, изображающие оседланных лошадей без всадников (см. рис. 5, 5; 8, 4). Они выделяются в самостоятельный тип. Это шесть бляшек из музея г. Дуньхуана в Китае. Лошади изображены в профиль, идущими слева направо или справа налево. Парные, противоположно ориентированные бляшки входили в состав одного набора. У лошадей показаны крупная голова, острое ухо, миндалевидный глаз, короткая шея, плотное туловище, длинный, заплетенный вверху и распущенный внизу хвост, все четыре ноги раздельно. Одна передняя и одна задняя ноги изображены согнутыми в коленном суставе. Копыта выделены только на задних ногах, а на передних они похожи на ступни. Кони запечатлены в движении иноходью. На головах показаны уздечки с ремнями и длинным поводом,натянутым до седла; на спине – поверх овальных чепраков небольшие седла с жестким остовом, передней и задней луками и овальной полкой ленчика. Изображены широкие нагрудные и подфейные ремни, украшенные бляшками, и узкий подпружный ремень.

Хронология и культурная принадлежность бляшек с изображением всадников

Хронология, культурная принадлежность, назначение этих бляшек и семантика изображений

всадников в прошлом неоднократно привлекали внимание специалистов. Среди таких украшений имеются предметы из достаточно хорошо датированных раннесредневековых согдийских городов, курганов и могил кочевнических культур. Так, бляшки первого типа первой группы найдены в культурных слоях согдийских городов Ходжента и Канки VII–VIII вв., что позволяет датировать их периодом Западного Тюркского каганата [Древности..., 1985, с. 327]. Ю.А. Плотниковым высказано предположение о среднеазиатском происхождении подобных украшений. В пользу этого свидетельствует ряд фактов: обнаружение в Ходженте первичной бронзовой отливки без последующей доработки; наличие очень схожего, но детально проработанного изображения всадника на медальоне серебряной чаши с хорезмийской надписью из Шахаровского клада; большое количество схожих по стилю изображений всадников и пеших воинов на фресках Средней Азии и Восточного Туркестана. К числу последних относится фреска из Самарканда, запечатлевшая знатного всадника [Распопова, Шишкина, 1999, с. 74; табл. 35, 3]. Благодаря большой точности в передаче всех деталей этого изображения можно уточнить основные реалии, показанные на бронзовых бляшках.

Знатный всадник изображен сидящим в пол-оборота верхом на лошади, с жезлом в правой руке, согнутой в локте, левой он держит поводья (рис. 10). Нарисованы палаш в ножнах и лук в налучье, подвешенные к поясу на левом боку. На голове всадника показана невысокая шапочка с уплощенным верхом – «тюбетейка», украшенная полосками орнамента и розеткой; на ногах – мягкие остроносые сапоги. Нарисованы роскошный длиннополый халат и короткая накидка. Показан чепрак, окаймленный орнаментированной полосой. Конь изображен с коротко постриженной гривой, челкой, длинным хвостом, перехваченным посередине его длины; на всех ногах повязаны ленты. Нарисована узда, украшенная округлыми бляшками и тройниками-распределителями. На налобном ремне конический начельный султан с крупной распущенной кистью; на наносном – невысокий султанчик с небольшой распущенной кисточкой; на подчелюстном – пышный науз. Кистями также украшены затылочный, нагрудный и подфейной ремни. Исследователи считают, что на самаркандской фреске изображен посол [Там же, с. 74]. Как справедливо отмечали по этому поводу Г.А. Пугаченкова и Л.И. Ремпель, «согдийская творческая черпала свои сюжеты из монументальных росписей и тканей» [1982, с. 242]. Фрески, подобные самаркандской, могли служить образцами для изображений конных воинов на бляшках первой группы. Можно отметить большое сходство в позе всадника, сидящего верхом на медленно идущем коне, наборе

оружия и снаряжения, убранстве коня. На бронзовых бляшках переданы налучья, подвешенные к поясу с левого бока. Поскольку всадники показаны правой стороной, то виден только верхний конец налучья, выступающий из-за спины ездока. На крупной минусинской бляшке всадник изображен в тюбетейке, похожей на головной убор самаркандского «посла». На всех бляшках показан чепрак, иногда с выделенной оторочкой по краю. Изображенные на этих предметах подвесные кисти нагрудных и подфейных ремней, начельные султаны и наузы очень похожи на украшения сбруи, нарисованные на самаркандской фреске. В согдийской и восточно-туркестанской фресковой живописи находят аналогии изображения халатов с треугольными отворотами на груди у всадников на бронзовых бляшках из Минусинского музея, Чача и Дулен. Все это дает основание согласиться с мнением о том, что исходные образцы бляшек первого типа первой группы изготавливались в согдийских ремесленных центрах с учетом вкусов древнетюркской знати. Изделиями среднеазиатских мастеров можно считать ходжентскую заготовку, чачскую и чикойскую бляшки. На последней показаны длинные распущенные волосы и длинные усы – характерные для согдийской живописи древнетюркские отличительные признаки. Среди южно-сибирских находок среднеазиатское происхождение может иметь крупная минусинская бляшка. Горизонтальная полоса, соединяющая хвост и копыта изображения лошади, – относительно поздний признак. Такие волосы имеют две минусинские, гобийская и бирская бляшки. Гобийская и малая минусинская отличаются схематизмом изображения, их можно считать местным подражанием исходному прототипу. На гобийской и бирской бляшках у всадников показана древнетюркская прическа, а на второй – и длинные усы. Это позволяет отнести распространение бляшек первого и второго типов первой группы ко времени Первого Тюркского и Западного Тюркского каганатов, VI–VII вв. Специалисты по средневековой археологии Южного Урала датировали бирскую находку VIII в. К этому времени относится погребение, а не изготовление бляшки [Мажитов, Султанова, 1994, с. 113]. В пользу того, что традиция использовать такие бляшки появилась в период Первого Тюркского каганата свидетельствует обширная территория их распространения от Забайкалья до Южного Урала. Никогда в последующую эпоху раннего средневековья она не входила в состав единого кочевого государства. Эти украшения пользовались определенной популярностью в древнетюркской среде, поэтому их пытались изготавливать и местные древнетюркские, и кыргызские мастера-литейщики. К числу таких кустарных копий следует отнести гобийскую бляшку, воспроизводящую образец наподобие чикойского

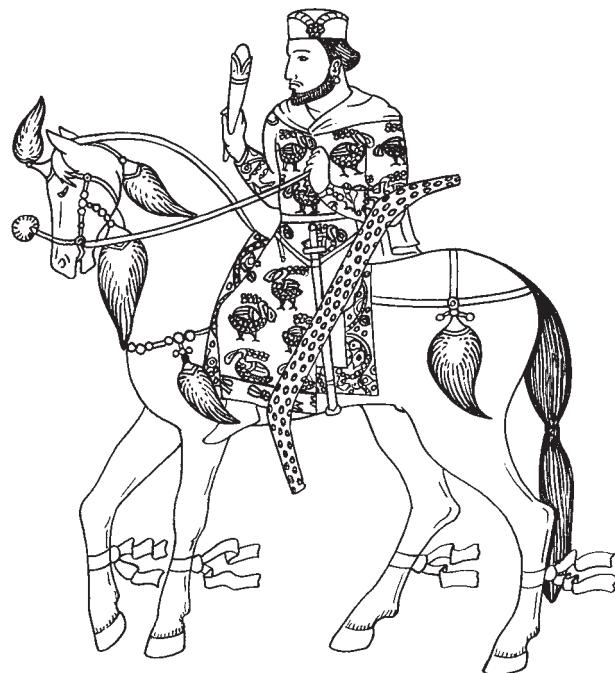

Рис. 10. Изображение всадника на Самаркандской фреске.

или бирского, и малую минусинскую, изготовленную в подражание крупной минусинской.

Бляшки с изображением панцирных всадников с диском за спиной представляют иную изобразительную традицию. Вероятно, они должны были использоваться парами, о чем свидетельствуют находки из кимакского детского погребения на памятнике Кондратьевка. Несколько необычно, что на детском головном уборе присутствовали две совершенно одинаковые бляшки, ориентированные в одном направлении. Более естественным было бы их симметричное расположение, при котором фигуры развернуты в противоположные стороны или навстречу друг другу.

Рассмотренные разнотипные бляшки с изображением панцирных всадников с дисками за спиной обнаружены на территории распространения культур енисейских кыргызов и кимаков и были характерны для их торевтики в IX–X вв. Вполне возможно, что традиция использования фигурок воинов в качестве подвесок восходит к древнетюркской культуре. Однако непосредственным прототипом для рассматриваемых бляшек послужили не древнетюркские подвески, а изображения панцирных всадников на фресках Восточного Туркестана. По представлению некоторых ученых, воины, запечатленные на таких амулетах-оберегах, могли ассоциироваться с образами защитников истинной веры, святыми воинами, что было характерно для манихейства и буддизма [Алексин, 1998]. В Саяно-Алтайский регион традиция

изображения воинов на металлических украшениях могла проникнуть в IX в. после походов кыргызских войск в Восточный Туркестан и знакомства кыргызской знати с этими религиями. Кимаки могли воспринять ее у кыргызов. Диск за головой и плечами фигуры воина вполне реалистично передавал щит в походном положении, откинутый на ремне за спину, в то время как обе руки копьеносца были задействованы для того, чтобы держать копье. Поэтому некоторые диски очень большие: показан щит, прикрывающий воина от навершия шлема до пояса.

Бляшки с изображением скачущих всадников-лучников, стреляющих, обернувшись назад, как было убедительно показано Л.А. Евтиховой и С.В. Киселевым, передают сцены богатырской или царской охоты, восходящие к торевтике Сассанидского Ирана. Однако енисейскими кыргызами данный сюжет был воспринят не непосредственно из Ирана, а из искусства Танского Китая, о чем свидетельствуют детали оформления гор и облаков на копенских рельефах [Евтихова, 1948, с. 51]. Для торевтики древних тюрок он не характерен. Но сцены богатырской охоты известны на древнетюркских петроглифах и гравировках на седельных костяных пластинах из могильника Кудыргэ в Горном Алтае [Гаврилова, 1965, с. 35]. В памятниках культуры кимаков этот сюжет не представлен. Однако в кимакских комплексах имеются бронзовые бляшки с изображением всадников-лучников, которые можно считать упрощенной трактовкой эпического богатыря-охотника [Могильников, 2002, с. 31].

К числу предметов кыргызской культуры эпохи «великодержавия» IX–X вв. в Восточном Туркестане могут относиться дуньхуанские бляшки с изображением взнужденных и оседленных лошадей [Худяков, 1996, с. 185]. По особенностям профильных фигур лошадей и конского убранства они заметно отличаются от подобных бляшек древнетюркского времени, но имеют схожие элементы с кыргызскими и кимакскими подвесками. Вероятно, изображения лошадей, также как и панцирных всадников, были парными, поскольку среди них представлены совершенно одинаковые фигуры, ориентированные в противоположные стороны.

Заключение

Появление бронзовых бляшек с изображением всадников в составе предметного комплекса культуры древних тюрок – одно из проявлений тюркско-согдийского культурного симбиоза, выразившегося в восприятии тюрками согдийского изобразительного сюжета и использовании в качестве украшения полюбившихся изображений воинов, которые согдийские мастера стали оформлять в соответствии со вку-

сами тюркской кочевой знати. Со временем подобные бляшки стали отливать и древнетюркские мастера. Вероятно, под влиянием древних тюрок такие украшения получили распространение среди енисейских кыргызов и кимаков. Подобным образом кыргызами был освоен и переработан иранский по своему происхождению сюжет богатырской охоты, заимствованный через китайцев. Ко времени своего распространения на Енисее он стал фактически трансазиатским. Изображение панцирного всадника было воспринято кыргызами в эпоху «великодержавия» в Восточном Туркестане, однако наибольшее распространение этот сюжет получил среди кимаков. Для средневековых кочевников образ конного воина и охотника был вполне понятным и привлекательным, отвечающим военно-дружинному жизненному идеалу.

Список литературы

Алексин Ю.П. Мировые религии и мировоззрение народов Южной Сибири в VIII–X вв. (по материалам Рудного Алтая) // Сибирь в панораме тысячелетий: Мат-лы Междунар. симп. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 12–20.

Алексин Ю.П. Рудный Алтай в эпоху средневековья // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Кн. 1. – С. 3–9.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изучение средневековых бронзовых бляшек с изображением всадников в Южной Сибири // Актуальные вопросы истории Сибири: Трети науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – С. 102–115.

Буряков Ю.Ф., Филанович М.И. Чач и Илак // Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья: Средняя Азия в раннем средневековье. – М.: Наука, 1999. – С. 78–92.

Волков В.В. Гобийский всадник // Новое в советской археологии. – М.: Наука, 1965. – С. 286–288. – (МИА; № 130).

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 110 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Ч. 1: Оборонительное вооружение (доспех). – 174 с.

Грязнов М.П. Древние культуры Алтая. – Новосибирск: Об-во изучения Сибири, 1930. – 12 с. – (Материалы по изучению Сибири; № 2).

Демин М.А. Первооткрыватели древностей. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. – 120 с.

Древности Таджикистана: Каталог выставки. – Душанбе: Дониш, 1985. – 343 с.

Евтихова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан: Хак. НИИ языка, литературы и истории, 1948. – 110 с.

Евтихова Л.А., Киселев С.В. Чaa-тас у села Копены // Тр. Гос. Истор. музея: Сб. ст. по археологии СССР. – М., 1940. – Вып. 11. – С. 21–54.

Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и ученых XVIII в. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. – 247 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 362 с. – (МИА; № 9).

Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея: Памятники металлических эпох: Атлас. – Томск: [Тип. «Сиб. газеты»], 1886. – 21 табл.

Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. – Уфа: Китап, 1994. – 360 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.: Вост. лит., 1999. – Т. 1. – 630 с.

Михно П.С., Петри Б.Э. Чикойский всадник // Тр. секции археологии Ин-та археологии и искусствознания Рос. ассоциации науч. ин-тов обществ. наук. – М., 1929. – Т. 4. – С. 323–328.

Могильников В.А. Кимаки // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981а. – С. 132–133. – (Археология СССР).

Могильников В.А. Сросткинская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981б. – С. 45–46. – (Археология СССР).

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. – М.: Наука, 2002. – 362 с.

Молодин В.И., Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Одна из первых публикаций XVIII в. по археологии Сибири // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, 2002. – С. 38–57.

Окладников А.П. Конь и знамя на Ленских писаницах // Тюркологический сборник. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – Вып. 1. – С. 143–154.

Плотников Ю.А. О предназначении литых фигур, изображающих всадников // Мат-лы XX Всесоюз. науч. студен. конф. «Студент и научно-технический прогресс»: История. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1982. – С. 55–59.

Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии: древность и средневековье. – М.: Искусство, 1982. – 288 с.

Распопова В.И., Шишкина Г.В. Согд // Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья: Средняя Азия в раннем средневековье. – М.: Наука, 1999. – С. 50–77.

Савинов Д.Г. Расселение кимаков в IX–X веках по данным археологических источников // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1976. – С. 94–104.

Сунгатов Ф.А., Юсупов Р.М. Бронзовая фигурка всадника с Южного Урала // Южный Урал в скифо-сарматское время: Сб. ст. к 70-летию А.Х. Пшеничнюка. – Уфа: Гилем, 2006. – С. 246–256.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

Худяков Ю.С. Кыргызы в Восточном Туркестане // Кыргызы: Этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. – Бишкек: Кыргызстан, 1996. – С. 180–194.

Худяков Ю.С., Хаславская Л.М. Иранские мотивы в средневековой торевтике Южной Сибири // Семантика древних образов. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 118–125.

Материал поступил в редакцию 27.07.07 г.

УДК 903.2

Г.М. Буров

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского
пр. Вернадского, 4, Симферополь, 95007, Украина
E-mail: burov@poluostrov.net

ДЕРЕВЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ НОВЫХ КАТЕГОРИЙ СЕРЕДИНЫ I ТЫС. Н.Э. С ПОСЕЛЕНИЯ ВИС II (БАССЕЙН ВЫЧЕГДЫ)

В статье описаны некоторые деревянные изделия из старицного торфяника на поселении Вис II близ оз. Синдорского (Республика Коми, Россия) и предпринята попытка их функционального определения. Ряд предметов представляются деталями черканов – ловушек ущемляющего типа на пушного зверька. Выделены сверхильные луки с усовершенствованным креплением тетивы, вкладышевое изделие, мотыги, детали жалюзи от задвижных окон курных жилищ, крюк хозяйственного назначения, лыжса, рукояти различных вещей, шар, использовавшийся, вероятно, для игры, скульптурное изображение человека – предмет культа или игрушка и пр.

Введение

Полихронное поселение Вис II близ Синдорского озера (Россия, Республика Коми) – уникальный памятник. Оно расположено на останце песчаной надпойменной террасы, где люди обитали от мезолита до раннего средневековья. В черту этого поселения входит торфяник старицного происхождения, сохранивший тысячи деревянных изделий раннего этапа ванвиздинской культуры (приблизительно V в. н.э.). Сотни из них уже найдены при раскопках 1962, 1963 и 1966 гг. По количеству и разнообразию этих предметов Вис II не имеет себе равных среди известных мне синхронных памятников Северной Евразии.

Стратиграфия Виса II подробно описана в монографии, посвященной древностям синдорского микрорайона (Синдора) [Буров, 1967]. Основная часть деревянного инвентаря охарактеризована в серии статей, изданных в России и Великобритании. В одних работах дан общий обзор находок [Буров, 1966,

с. 165–173; 1968, с. 202–209; Буров, 1996; 2001, п. 222–227], другие посвящены конкретным темам: лукам и стрелам [Буров, 1983], рыболовным снаряжадам [Буров, 1984; Буров, 2005], деревообрабатывающему ремеслу [Буров, 1993б], прочим отраслям ремесленного производства [Буров, 2001], саням [Буров, 1981, 1995]. Все же этими публикациями введение в научный оборот висских ванвиздинских вещей из растительных материалов не завершено. Обделенными вниманием оказались преимущественно предметы тех категорий, которые представлены единичными экземплярами. Изучение их, как и вещей, составляющих серию, продолжалось на протяжении десятилетий. Выводы о назначении отдельных предметов были пересмотрены, функции других, ранее загадочных, удалось установить. Для чего служили некоторые изделия, до сих пор трудно с полной уверенностью сказать. В настоящей статье представлены результаты новых исследований деревянных предметов с Виса II.

Описание вещей

Черканы – ловушки ущемляющего действия. В торфянике найдена сегментовидная планочка длиной 7 см из дерева хвойной породы (которое отличается от торфяниковой древесины березы и сходных пород гораздо лучшей сохранностью – твердостью, отсутствием многочисленных трещин и пр.). С одной стороны она имеет три выемки (рис. 1, 3). Две из них симметрично расположены на суженных концах и невелики, третья – крупная, находится ближе к одному концу, чем к другому. Ранее мной было отмечено, что изделие напоминает неолитические каменные и костяные стерженьки удильных крючков, но отличается от них наличием глубокой средней выемки. В настоящее время приведенная параллель представляется неудачной. Для стерженька удильного крючка [Загорска, 1991, рис. 5] планочка выглядит слишком широкой. Но главное, несмотря на исключительную тонкость изготовления, глубокая средняя выемка имеет острые кромки (здесь сечение детали – правильный прямоугольник), чего нельзя сказать о других участках планочки. Эта выемка явно специального профиля, в виде двух соединенных дуг, из которых одна, меньшая, рассчитана на упор, а другая, большая, – на скольжение асимметрично закругленного предмета, предположительно курка черкана.

Черканы у русских, коми, разных народов Сибири служили для добывания горностая и других мелких пушных зверей. Устройство сибирского черкана, бытавшего у кетов, подробно описано Е.А. Алексеенко [1967, с. 59]. Иллюстрацией же здесь может быть изображение селькупского черкана (рис. 1, 2) [Прокофьева, 1956, с. 670]. «Основу ловушки, – пишет Е.А. Алексеенко, – составлял стан – сук-развилка или согнутый пополам толстый черемуховый прут с заостренными (для втыкания в землю) концами, соединенными поперечной дощечкой. Выше нее, в концах, имелись длинные продольные вырезы. В средней части стана перпендикулярно ему прикрепляли лучок из лиственницы с сухожильной тетивой. Тетива привязывалась к костылю – плоской палке, оканчивавшейся поперечной планкой, концы которой подвижно входили в продольные прорези развилок стана. К верхнему концу стана на веревке были последовательно прикреплены курок (вилообразная палочка) и сторожок (заостренная книзу палочка с зарубкой на верхнем конце). Ловушку ставили у норки зверька и настораживали черкан. Курок удерживал своими рожками тетиву (прикрепленную к верхнему концу костыля) оттянутой, т.к. противоположный его конец фиксировалась веревка, соединенная с верхним концом сторожка, острье которого вставлялось в отверстие нижней поперечной планки. Зверек, выходя из норки, касался сторожка, легко соскальзывавшего. Соскочивший при этом курок освобождал тетиву, стремительно опускав-

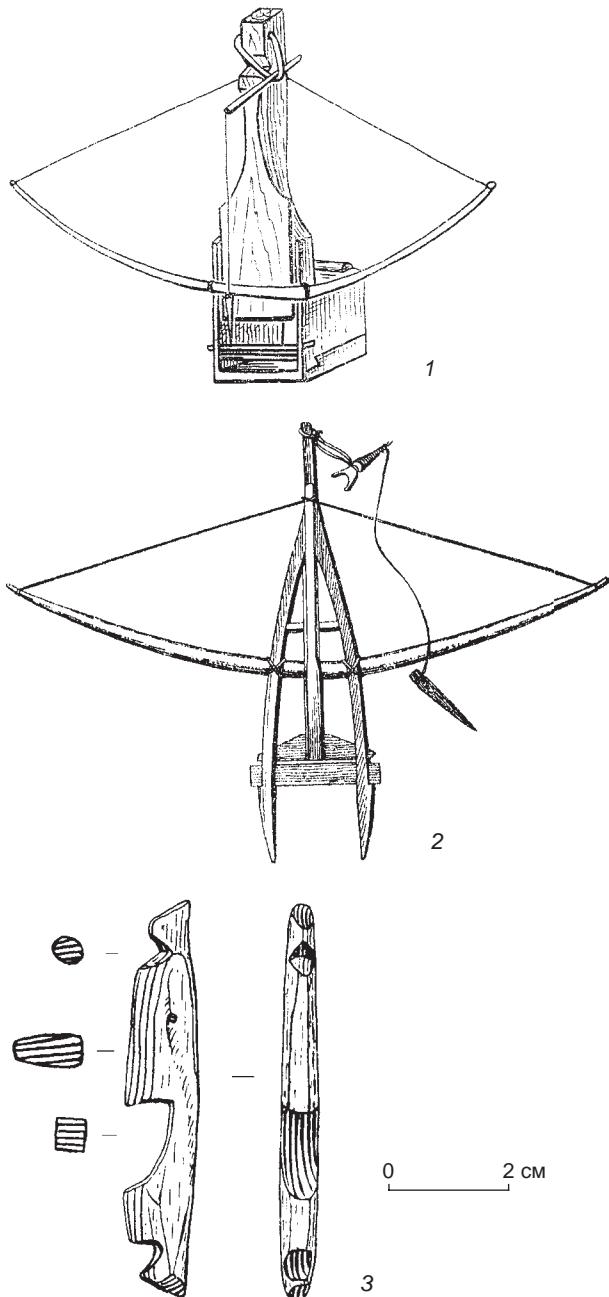

Рис. 1. Кomi (1) и селькупский (2) черканы, предполагаемый деревянный держатель курка черкана с Виса II (3).

1 – по: [Конаков, 1983]; 2 – по: [Прокофьева, 1956].

шую костыль, который придавливал животное. Сходная ловушка, но с иным спусковым приспособлением бытowała у коми (рис. 1, 1) [Конаков, 1983, рис. 34, а]. Черкан с Виса II был снабжен несколько более сложным спусковым механизмом, чем этнографические ловушки. Но во всех трех случаях использован один и тот же принцип рычага. Найдки в торфянике позволяют реконструировать висский черкан.

Описанная сегментовидная планочка рассчитана на привязывание в двух местах (на концах) к перфорированному верхнему концу стана с помощью ремешков. Прилегающая к нему поверхность шире, чем противоположная с выемками, и имеет форму дуги в продольном профиле. Такие особенности обеспечивали плотное прилегание планочки к стану. Ее можно рассматривать как держатель курка. Дальнейшая реконструкция произведена с помощью экспериментальной модели висского черкана (рис. 2, б). У этой модели курок (не представленный в коллекции Виса II) подогнан к средней выемке держателя и имеет два отверстия: одно – для металлического гвоздя, при помощи которого курок присоединяется к костылю, другое – для прикрепления веревочки, идущей к нижней дощечке. Железная ось в виде гвоздя располагается на 2–3 мм выше кромки держателя курка, а курок свободно вращается на оси. Только в таком случае черкан может быть насторожен и сработает, когда зверек заденет веревочку (верхний конец курка при этом сместится вниз). Эксперимент показал также, что для нормальной работы спускового механизма требуется еще опора костыля, прикрепленная к нему железным или деревянным гвоздем со стороны, противоположной той, где помещен курок.

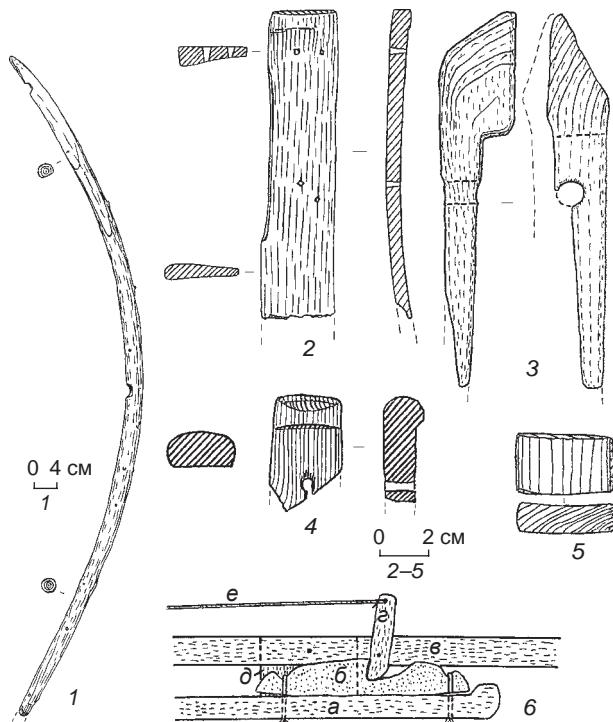

Рис. 2. Предполагаемые деревянные детали черканов (1–5)

и реконструкция спускового механизма черкана (6).

1 – лучок; 2–4 – фрагменты станов; 5 – опора костыля.
а – стан; б – держатель курка; в – костыль; г – курок; д – опора костыля; е – веревка.

Экспериментальным путем установлено: опорный уступ держателя курка, изготовленный из сосны по образцу висского, выдерживает статическую нагрузку не менее 10 кг. В то же время едва ли этот держатель принадлежал спусковому устройству мощного лука, который настораживали на тропе лося или медведя, хотя такие луки, очевидно, были на Висе II и имели аналогичные приспособления, но крупных размеров. Судя по находкам на поселении Вис I, они существовали уже в мезолите [Burov, 1981, S. 385–386].

Изучение загадочных деревянных предметов в коллекции Виса II позволило выделить, помимо держателя курка, другие детали, принадлежащие, вероятно, черкану. Наибольший интерес представляет бруск (древесина хвойной породы) шириной 2,8, толщиной 0,3–0,8 см с одним сохранившимся концом (утолщенным для прочности, как у мезолитических луков) [Ibid, Abb. 2, 3, 5] и одним обломанным. Предмет имеет две пары проходящих мелких (0,1–0,2 см в поперечнике) угловатых отверстий, размещенных как раз на таком расстоянии друг от друга, какое нужно для привязывания висского держателя курка (рис. 2, 2). Эта находка подтверждает правильность определения функции планочки.

К той же категории, что и описанный перфорированный предмет, относятся два других, также из древесины хвойных пород, – фрагменты брусков, один из которых (ширина 2,7 см) имеет срезы, появившиеся при попытке утилизации (рис. 2, 4), однако видно, что конец утолщен и рядом находится отверстие. Правда, оно большего диаметра (0,3 см), чем в первом случае, и расположено по оси симметрии, т.е. можно думать, что на бруске было только два отверстия для крепления держателя курка. Следовательно, ремешок охватывал держатель, оба конца пропускались в одно отверстие и связывались, вероятно, с применением кляпа – палочки с перехватом в средней части и закругленными концами. Целая серия таких палочек найдена в средневековом Новгороде (X–XV вв.) – от мелких, служивших пуговицами, до изделий более 25 см в длину, применяющихся в морском деле [Колчин, 1968, табл. 80, 6, 7]. В коллекции Виса II имеется один предмет из древесины хвойной породы, в котором следует усматривать половинку кляпа длиной примерно 20 см (рис. 3, 5). Конец асимметрично закруглен, перехват окаймлен валиками.

Другой обломок стана черкана (или устройства для сторожевого лука) принадлежит крупной детали с резким заостренным утолщением и просверленными отверстиями диаметром ок. 1 см (см. рис. 2, 3). Сколько их было, точно не известно, однако значительная величина сохранившегося отверстия позволяет предположить, что их могло быть лишь два.

Еще один предмет (древесина хвойной породы) может рассматриваться как опора костыля (см. рис. 2, 5). Это бруск 3,8 × 2,4 × 1,1 см, подходящий по форме и

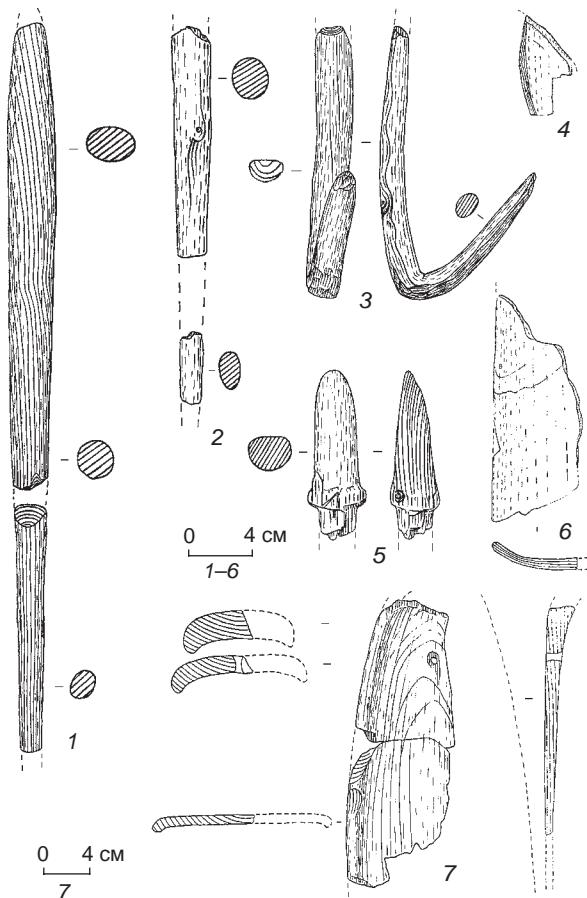

Рис. 3. Деревянные изделия.
1, 2 – стержни; 3 – крюк; 4, 6 – обломки лыж (?);
5 – кляп (?); 7 – фрагмент лыжи.

ширине к висскому держателю курка. По-видимому, по какой-то причине деталь не была закончена (перфорирована).

Важнейшей частью черкана является лук. В коллекции Виса II имеется множество пластин от сложных луков [Буров, 1983, рис. 2], которые слишком дороги для того, чтобы служить деталями черканов. Для этой цели вполне подходят простые изделия грубой работы, но достаточно значительных размеров. Черкану, по-видимому, принадлежал примитивный лук в виде ствола молодого дерева хвойной породы диаметром до 3 см с подтесанным комлевым концом, на котором сделана выемка для прикрепления тетивы (см. рис. 2, 1). Незначительная часть противоположного конца обломана. Другая выемка, очевидно для свободного прохождения костиля, скорее всего, расположена посередине лука, что позволяет определить размер изделия. Его длина по прямой более 110 см, а в выпрямленном виде – порядка 125 см. Лук был в употреблении и сохранил дугобразную форму.

Так, выделив держатель курка как исходное звено в цепи деталей, устанавливаем всю цепь, состоящую

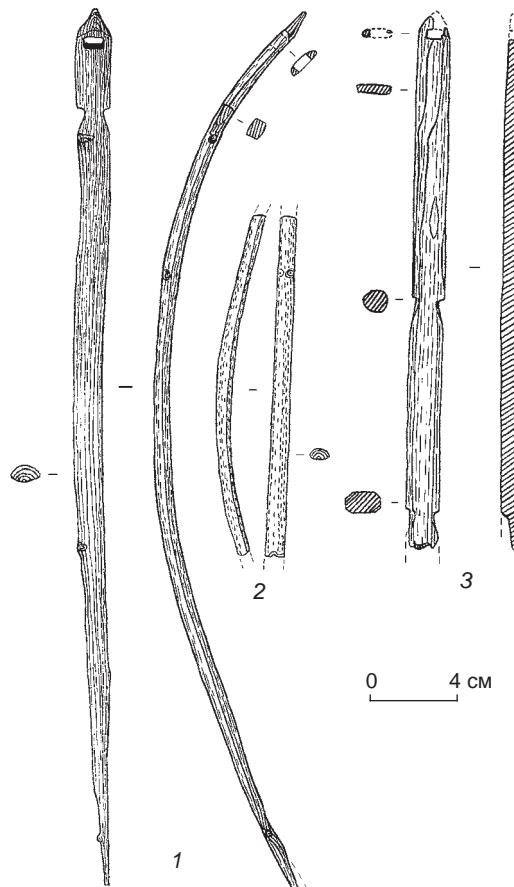

Рис. 4. Сверлильные лучки.

из загадочных ранее изделий, и приходим к выводу о вероятном существовании у ванваздинских племен охотничих ловушек – черканов со спусковым устройством особого типа.

Сверлильные (или огневые) луки с усовершенствованым креплением тетивы. В коллекции Виса II имеется значительное количество простых луков разных категорий и типов из древесины хвойных пород. В основном представлены незаконченные, обломанные изделия и фрагменты прямого профиля, т.е. без следов употребления [Буров, 1983, рис. 1, 1, 2; 2, 3]. В этой серии выделяются два предмета. Один из них – дугообразный лучок с обломанным концом (рис. 4, 1). Длина сохранившейся части изделия по прямой 40,7 см, а в выпрямленном виде – 44,5 см. Изготовлен лучок из тонкого прута, частично сохранившего естественную цилиндрическую форму. Сечение линзовидное. Специфика лука в том, что на оставшемся заостренном конце, помимо выемок для тетивы, в 3 см от них проделано прямоугольное отверстие 0,9 × 0,6 см. Его функция сомнений не вызывает: как показало изучение экспериментальной копии этого лука, отвер-

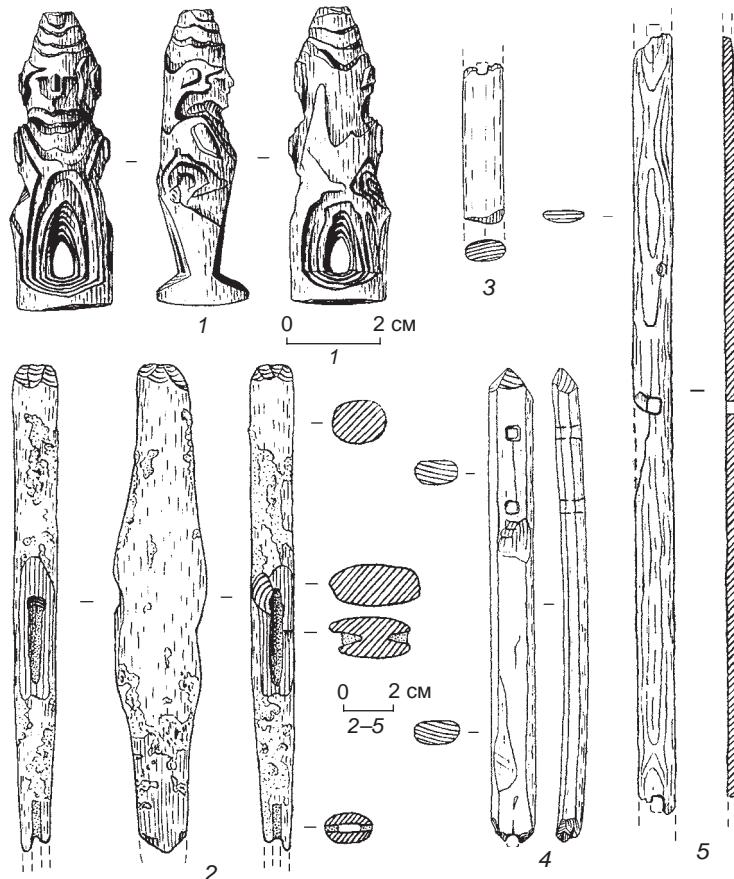

Рис. 5. Статуэтка (1), вкладышевое изделие (2) и пластины жалози (3–5).

ствие призвано надежно крепить тетиву. Новый сверлильный лук (а рассматриваемое изделие, очевидно, служило деталью лучкового сверла) [Семенов, 1968, рис. 16, 14; 56] может быть в работе почти прямым, и тетива в таких условиях легко соскальзывает или срывается, обламывая края перехвата либо уступчики. С целью предотвратить это, перехват вырезан так, чтобы его крутые края были обращены не к середине лука, а к отверстию. Тетива пропускается через отверстие с внутренней стороны лучка, раздваивается, ее концы охватывают уступчики перехвата и связываются на той же внутренней стороне. Теперь нагрузка приходится в основном на прочный край отверстия и лишь в незначительной степени на перехват.

Разгадка специфики описанного лучка проливает свет на функцию другого изделия сходного типа, но прямого (рис. 4, 3). У него также прямоугольное отверстие на конце ($0,8 \times 0,4$ см) и аналогичный перехват, однако расстояние между ними больше (13 см) и в 10 см от этого перехвата есть еще один. Длина фрагмента чуть больше 25 см; следовательно, не исключено, что изделие имело и третий перехват. Это усовершенствованный вариант лука – с легко регулируемым

натяжением тетивы путем выбора подходящего перехвата. Такое приспособление больше всего подходит для сверлильных луков. Использование отверстия для фиксации тетивы, правда более простое, имело место еще в мезолите [Burov, 1981, Abb. 2; 3, 2; 5, 1, 2; 7, 1, 5; 8, 3, 6].

На поселении Виса II найдены также бывший в работе дугообразный лучок меньших размеров с обломанными концами (рис. 4, 2) и простые луки прямого профиля, которые могли быть сверлильными, принадлежностями ловушек и детскими игрушками. Описанные два лука пригодны для получения огня, но в ванвиздинский период, вероятно, уже существовали кресала; они известны в Верхнем Прикамье на агафоновском этапе VI–VII вв. [Голдина, 1985, рис. 16, 71]. Следовательно, эти лучки, скорее всего, были частями сверл.

Вкладышевое изделие. Неожиданной находкой явился уплощенный эллипсовидный в сечении предмет из древесины лиственной породы (рис. 5, 2). В его расширенной средней части симметрично выдолблены два продольных остроногих паза длиной 3,5 см, шириной 0,5–0,6 см, а на одном (более тонком) конце, к сожалению обломанном, – глубокий плоскодонный, шириной 0,3–0,4 см. Все пазы заполнены глинистой массой: средние – сплошь, а в концевом есть прямоугольная полость от предмета шириной 0,9 и толщиной не более 0,3–0,4 см. Такой же массой покрыты и участки поверхности. Длина сохранившейся части предмета 20,4 см, ширина у излома (2,1 см) и на противоположном конце (2,2 см) почти одинакова, а толщина в первом случае значительно меньше. Это явно основа вкладышевого изделия той категории, которая появилась в верхнем палеолите, получила массовое распространение в мезолитическое время и сохранилась на сейминско-турбинских памятниках Северо-Восточной Европы. В каменном веке вкладыши были в виде кремневых микролитов, а в бронзовом их изготавливали из отщепов с применением сплошной плоской ретуши, придавая геометрические очертания [Бадер, 1964, рис. 94, а–ж].

В срединных пазах висского изделия, очевидно, были закреплены глинистой массой тонкие пластинки, видимо, трапециевидной формы, возможно, обломки железных ножей, а на конце был наложен предмет с четырехугольным в сечении черешком, вероятно, железный наконечник стрелы или ножик [Буров, 1967, табл. XXXIII, 5, 13–15]. Ванвиздинцы, зная технику изготовления грубых кремневых скребков, других изделий из кремня не делали.

Отсутствие упора для руки и миниатюрность рукояти свидетельствуют о том, что вкладышевое изделие едва ли применялось как кинжал. Оно могло служить метательным оружием, подобно мезолитическим дубинкам [Буров, 1993а, рис. 6, 2, 3]. То обстоятельство, что вкладышевое оружие, как и кремневый скребок, пережило у ванvizдинских племен свой век, объясняет применение слабого глинистого связующего состава: использование гораздо более качественного вещества, смолы, было, по-видимому, забыто.

Мотыги. В торфянике Виса II найдены две или три мотыги (из древесины хвойных пород), назначение которых может быть связано с земледелием, собирательством или просто с земляными работами. Одно орудие совершенно целое, имеет Г-образную форму (рис. 6, 1). Рабочей частью послужил наружный слой древесного ствола, рукоятью – дугообразный сук. Заостренный в профиле клин с закругленной рабочей кромкой слегка отогнут к рукояти, конец которой отведен назад. Клин в основном прямоугольный в сечении, и лишь его рабочая часть имеет с наружной стороны дополнительное ребро. Размеры изделия довольно значительные: длина орудия 64,3 см, клина – 27,0, его ширина 7,3–7,5 см.

Ближайшие аналоги описанной мотыги – орудия Старой Ладоги VII–Х вв. [Корзухина, 1971, с. 123–127]. Целый экземпляр из ее древнейшего горизонта отличается только прямой рукоятью и большей длиной (90 см) [Орлов, 1954, с. 345, рис. 3, 3]. Аналогичны и мотыги Новгорода X–XV вв.: одна из них (XI в.), длиной ок. 84 см, имеет такую же дугообразную рукоять, как висская; другая, более крупная, сходна со староладожской [Колчин, 1968, с. 17, 18, рис. 6, 1, 2]. Довольно близка к находке из Виса II и мотыга со славянского поселения Вильдберг северо-западнее Берлина [Vogt, 1975, S. 500, Abb. 3, 5]. Подобные изделия вплоть до XIX в. использовались на территории нынешней Вологодской обл. при подсечном земледелии и в Белоруссии для рыхления почвы в огородах [Орлов, 1954, с. 345].

Вторая мотыга (рис. 6, 2) меньших размеров: ширина обломанного с обоих концов овального в сечении клина всего 3,2–3,6 см, длина его была ок. 21 см. Главная особенность клина – наличие пары боковых выемок, указывающих на то, что орудие имело наконечник. Мотыги с привязанными каменными, роговыми или железными наконечниками широко использовались в примитивном земледелии на территории Южной Америки и Африки, например в Патагонии [Липперт, 1902, с. 36] и Камеруне [Lips, 1961, obr. 58]. На Висе II найдена также изогнутая палка из древесины хвойной породы, напоминающая рукояти двух описанных орудий.

Висские мотыги, хотя и могли использоваться для выкапывания могил, очажных ям и т.п., в собиратель-

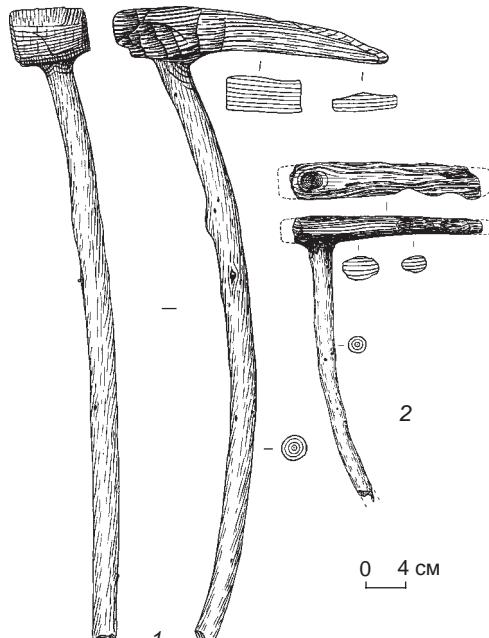

Рис. 6. Мотыги.

стве, все же служат серьезным указанием на зачатки земледелия у ванвиздинских племен, начавших осваивать скотоводство. Правда, Ю.А. Краснов считает, что мотыга в древности была вспомогательным орудием первичной обработки почвы, уступая по своему значению, в частности, «палкам-копалкам» [1971, с. 21–53].

Жалюзи. Серию из трех экземпляров составляют вырезанные из лущин (древесина хвойных пород) подovalные в сечении планки с выдолбленными квадратными отверстиями, размещенными в одном случае с примерно равными интервалами (ок. 16 см), в другом – с разными (14 и 3 см). Все три изделия (см. рис. 5, 3–5) представлены фрагментами, один из которых подвергался утилизации (см. рис. 5, 4). Найдки аналогичны деталям жалюзи из Новгорода, сшитым сырьемятными ремнями по краям и в середине или только по краям [Колчин, 1968, рис. 75]. Правда, эти планки клиновидные в поперечном разрезе и присоединялись одна к другой внахлест. Их длина 22,5 и 23,5 см, а висских – не менее 34 см. По мнению Б.А. Колчина, новгородские жалюзи могли применяться в задвижных окнах курных жилищ [Там же, с. 85]. Если висские изделия имели такое же назначение, то, вероятно, они сплошь покрывались кожей или мехом для необходимого уплотнения.

Крюки. В жилищах же использовались, очевидно, крюки. Один из них, со срезанным верхом (длина сохранившейся части 17,3 см), вырезан из изогнутого куска древесины, может быть, из ствола сломанного, но выжившего дерева; шип заострен (см. рис. 3, 3).

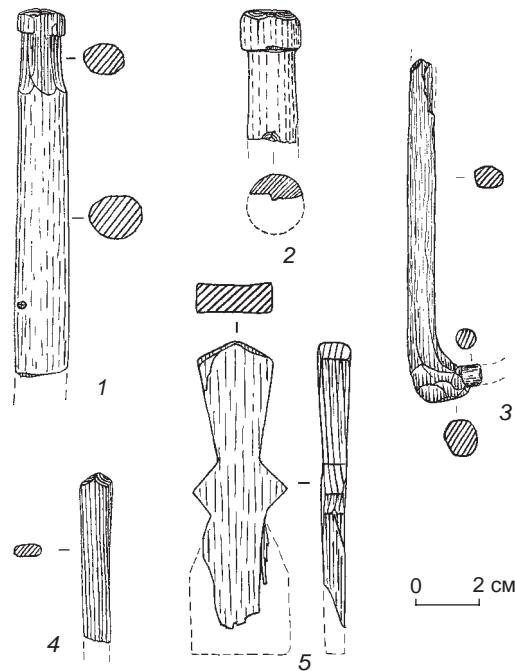

Рис. 7. Загадочные предметы.

1 – палка с перехватом на конце; 2 – палка с головкой;
3 – хозяйственный или удильный крючок; 4 – ручка миниатюрного изделия; 5 – скульптурное изображение (?)

В Новгороде собраны, наряду с настенными, подвесные крюки, напоминающие виссий, но у них массивный низ (вырезаны из куска дерева с отходящим сучком) и тупой шип. В верхней части имеются головка, перехват или отверстие для веревки. На крюки длиной от 8 до 40 см вешали одежду, посуду и пр.

Другой обломанный крюк, возможно удильный, сделан из куска хвойной древесины с отходящим сучком (рис. 7, 3). Длина сохранившейся части 10,7 см, а всего изделия – не менее 11,5 см. Целый одношипный удильный крючок из дерева (на щуку) с Виса II имеет длину 8,9 см, но трехшипные достигают 13,3 см [Буров, 1984, с. 160]. В то же время слабая изогнутость рассматриваемого изделия свидетельствует в пользу того, что это крюк для подвешивания.

Шар. Оригинальной находкой является шар (диаметры 5,5 и 6,3 см) из ствола или ветки лиственного дерева диаметром ок. 6,1 см (рис. 8, 8). Он может рассматриваться как детская игрушка либо принадлежность какой-то игры.

Лыжа. Обломком лыжи следует считать плоский предмет (из древесины лиственной породы) толщиной в основном 0,8 см с бортиками высотой ок. 0,5 см по краям (см. рис. 3, 7). К концу изделие суживается и утолщается, напоминая мезолитические лыжи вис-

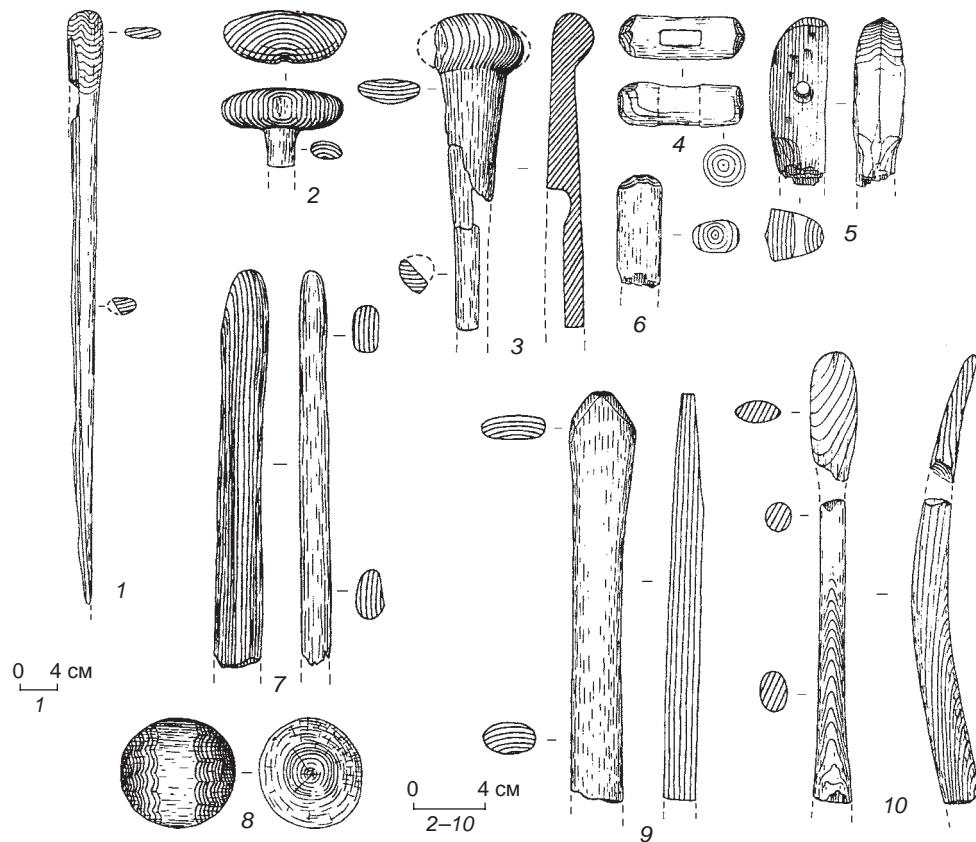

Рис. 8. Шар (8) и рукояти различных изделий.

ского типа [Burov, 1989, fig. 2, 1; 3], в отличие от которых имеет отверстие на оси симметрии. Максимальная ширина лыжи не менее 16 см. Еще два артефакта из древесины лиственной (см. рис. 3, 6) и хвойной (см. рис. 3, 4) пород, возможно, являются фрагментами изделий, сходных с описанным.

Неидентифицированные вещи. Загадочными по функции остаются две вытесанные из древесины лиственной породы овально-круглые в сечении палки (см. рис. 3, 1, 2). Обнаружены крупные прямые рукояти с грибовидным (см. рис. 8, 2, 3) и закругленным (см. рис. 8, 7) концом, с лопастью (см. рис. 8, 1, 9) и односторонним расширением (см. рис. 8, 5, 6); одна из последних вырезана из хвойного дерева и имеет отверстие, по-видимому, для подвешивания (см. рис. 8, 5); остальные – из древесины лиственных пород. Обломки могут принадлежать веслам, лыжным палкам, боталам (приспособлениям для загона рыбы в сеть) или другим изделиям. Одна рукоять из древесины лиственной породы – от мелкого предмета типа ложки (см. рис. 7, 4).

На существование в ванвиздинское время деревянных половников или ковшей косвенно указывает изогнутая ручка с лопастью на конце, вырезанная из древесины лиственной породы (см. 8, 10). Длина предмета 34,5 см, ширина лопасти 2,6 см. Ковши и ложки с похожими ручками найдены в Новгороде [Колчин, 1968, табл. 27, 6; 29, 4; 31, 1; 32, 4].

По-видимому, деталью весла было цилиндическое навершие (древесина лиственной породы) диаметром 2,5 см с пазом $2,5 \times 1,1$ см, сильно залощенное от употребления (см. рис. 8, 4). Подобными деталями завершаются рукояти некоторых весел из Новгорода. Характерны они и для весел, бытующих у коми, коми-пермяков, обско-угорских народов [Буров, 1984, с. 165].

Трудно определить назначение изделий (из древесины хвойных пород), от которых сохранились палочки с головкой или перехватом (см. рис. 7, 1, 2). Правда, они напоминают ниченки – детали ткацкого станка. На Висе II встречаются деревянные [Буров, 2001, с. 127, 128] и глиняные пряслица [Буров, 1967, табл. XXXIII, 16, 21], но не выделены веретена (часть находки в средневековом Новгороде).

Скульптура. Не имеет прямых аналогов миниатюрная стоячая фигурка высотой 6,3 см из палки (хвойная порода) диаметром 2 см (см. рис. 5, 1). Скульптурное изображение человека на постаменте, возможно, выполнено в технике уступчатого скола по годовым слоям, однако более вероятно, что изделие какое-то время до попадания в торфяник находилось в условиях, неблагоприятных для сохранности древесины (например, в песке или проточной воде), вследствие чего приобрело некоторую окатанность и ступенчатость поверхности. Показаны нос, глазные впадины, подбородок, уши, шея, плечи, сложенные

на животе руки, ноги, суживающийся кверху головной убор. Фигурка напоминает некоторые бронзовые пластики, близкие по времени к ванвиздинской культуре [Буров, 1992, рис. 2, 6]. Служила культовым предметом или игрушкой.

Нет близких параллелей и для другого предмета из древесины хвойной породы (см. рис. 7, 5), в котором, однако, можно предположительно усматривать незаконченное скульптурное изображение человека – детскую игрушку или подражание бронзовой культовой пластинке [Спицын, 1906, рис. 416]. По общему очертанию изделие слегка сходно с описанной выше деревянной скульптурой.

Заключение

Как явствует из всего изложенного, отдельные категории деревянных изделий с Виса II представлены одиночными экземплярами. Однако, поскольку на торфянике этого поселения вскрыта всего лишь примерно $\frac{1}{20}$ часть площади культурного слоя, не подлежит сомнению, что при дальнейших раскопках не только будут найдены новые рыболовные приспособления и увеличатся численно серии деревянных изделий (детали саней, весла, охотничьи и сверлильные луки, стрелы, детали черканов, удильные крючки, ботала, лопаточки для работ с глиной, топорища, рукояти тесел, кнопки, пряслица, скребки, гребни, пластины жалюзи и пр.), но и станут серийными уникальные находки. Несомненно, будут обнаружены также вещи неизвестных пока здесь категорий и типов. Ведь по количеству категорий деревянный инвентарь Виса II резко превосходит коллекции предметов из кости, металла, глины и стекла.

Список литературы

Алексеенко Е.А. Кеты. – Л.: Наука, 1967. – 260 с.

Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. – М.: Наука, 1964. – 176 с.

Буров Г.М. Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды // СА. – 1966. – № 1. – С. 155–173.

Буров Г.М. Древний Синдор: из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э. – М.: Наука, 1967. – 220 с.

Буров Г.М. Результаты раскопок Висских торфяников в 1963–1964 гг. // Учен. зап. Перм. гос. ун-та. – 1968. – Вып. 191. – С. 194–209.

Буров Г.М. Фрагменты саней с поселений Вис I (мелозит) и Вис II (I тысячелетие н.э.) // СА. – 1981. – № 2. – С. 117–131.

Буров Г.М. Луки и деревянные стрелы V–VI вв. н.э. с поселения Вис II в Привычегодье // КСИА. – 1983. – Вып. 175. – С. 55–62.

Буров Г.М. К изучению рыболовства на Европейском Северо-Востоке в середине I тысячелетия н.э. // Вопросы истории Европейского Севера. – Петрозаводск: Петрозавод. гос. ун-т, 1984. – С. 147–165.

Буров Г.М. Бронзовые культовые плакетки I тысячелетия н.э. на Крайнем Северо-Востоке Европы: печорский местный «звериный» стиль // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. – Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 1992. – С. 51–59.

Буров Г.М. Деревянные орудия охоты у мезолитических племен Крайнего Северо-Востока Европы // СА. – 1993а. – № 3. – С. 149–164.

Буров Г.М. Обработка дерева и бересты у племен ван-виздинской культуры // Вопросы истории Европейского Севера. – Петрозаводск: Петрозавод. гос. ун-т, 1993б. – С. 129–144.

Буров Г.М. Сани раннего средневековья с поселения Вис II в бассейне Вычегды // РА. – 1995. – № 3. – С. 184–192.

Буров Г.М. Деревянные орудия ремесленного производства с поселения Вис II в бассейне Вычегды (середина I тыс. н.э) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4 (8). – С. 124–130.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1985. – 280 с.

Загорска И.А. Рыболовство и морской промысел в каменном веке на территории Латвии // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. – Л.: Наука, 1991. – С. 39–64.

Колчин Б.А. Новгородские древности: деревянные изделия. – М.: Наука, 1968. – 184 с.

Конаков Н.Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX в. – М.: Наука, 1983. – 248 с.

Корзухина Г.Ф. О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладоги // Скандинавский сборник. – Таллин, 1971. – № 16. – С. 123–133.

Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. – М.: Наука, 1971. – 168 с.

Липперт Ю. История культуры в отдельных очерках. – СПб.: Электропечатня, 1902. – 448 с.

Орлов С.Н. Остатки сельскохозяйственного инвентаря VII–X вв. из Старой Ладоги // СА. – 1954. – № 21. – С. 343–354.

Прокофьева Е.Д. Селькупы // Народы Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 665–686 с.

Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. – Л.: Наука, 1968. – 363 с.

Спицын А.А. Шаманские изображения // Зап. отд-ния рус. и славян. археологии Рус. археол. об-ва. – 1906. – Т. 8, вып. 1. – С. 29–45.

Burov G.M. Der Bogen bei den mesolithischen Stämmen Nordosteuropas // Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte Potsdam. – 1981. – Bd. 14/15. – S. 373–388.

Burov G.M. Some Mesolithic Wooden Artifacts from the Site of Vis I in the European North East of the U.S.S.R. // The Mesolithic in Europe. – Edinburgh: Donald, 1989. – P. 391–401.

Burov G.M. Wooden Objects and Constructions of the Fifth Century AD at the Site of Vis II, North East European Russia // NewsWARP: the Newsletter of the Wetland Archaeology Research Project, England. – 1996. – N 20. – P. 27–31.

Burov G.M. Ancient Wooden Objects and Structures in Oxbow Peat Bogs of the European Northeast (Russia) // Enduring Records: the Environmental and Cultural Heritage of Wetlands. – Oxford: Oxbow Books, 2001. – P. 214–232.

Burov G.M. Fishing Gear of the 1st Millennium AD in the North East of European Russia // J. of Wetland Archaeology, England. – 2005. – Vol. 5. – P. 5–16.

Lips J.E. Pri prameňoch civilizácie. – Bratislava: Osveta, 1961. – 304 s.

Vogt H.-J. Archäologische Beiträge zur Kenntnis der landwirtschaftlichen Produktionsinstrumente der Slaven in der brandenburgischen Bezirke // Ethnographisch-archäologische Zeitschrift. – 1975. – Bd. 16. – S. 491–503.

Материал поступил в редакцию 15.10.07 г.

УДК 903'14

Н.В. Полосьмак¹, Е.С. Богданов¹, Д. Цэвээндорж², Н. Эрдэнэ-Очир²¹*Институт археологии и этнографии СО РАН**пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия**E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru**E-mail: natalia.polosmak@gmail.com*²*Институт археологии Монгольской академии наук**Археологийн хүрээлэн Монгол улсын шинжслэх ухааны академийн**Жуковын гудамж, 77, Улаанбаатар, 51**E-mail: dtseveen@yahoo.com*

ХАНЬСКАЯ КОЛЕСНИЦА ИЗ КУРГАНА 20 В НОИН-УЛЕ (МОНГОЛИЯ)*

В статье рассматривается археологический контекст расположения легкой прогулочной колесницы «яо чэ» в ноин-улинском кургане 20. Даётся описание ее деталей, проводятся аналогии. Установлено, что колесница была поставлена в могильную яму в неразобранном виде, но со снятыми колесами. Ее транспортировка в погребение производилась по дромосу. Традиция помещения колесницы (или колесниц) в могилу соответствует древнекитайской погребальной обрядности.

В 2006 г. в горах Ноин-Ула (Северная Монголия) Южно-Алтайским отрядом ИАЭТ СО РАН совместно с Институтом археологии Монгольской академии наук был исследован уникальный погребальный комплекс – «царский» курган хунну. Результаты работ получили отражение в предварительных публикациях [Полосьмак, Богданов, Цэвээндорж, 2006; Polosmak, Tseveendorj, Bogdanov, 2007; Полосьмак и др., 2008, с. 77–87].

Описание археологического контекста находки

Верхняя часть колесницы (зонт и части кузова) найдена на глубине 11,62–12,66 м (от условного нуля) на

уровне последней, пятой, ступени могильной ямы, почти в центре, ближе к восточной стене (рис. 1). Колесница получила повреждения во время разграбления: при устройстве грабительского хода был задет зонт и разрушена задняя и боковая части кузова; они деформировались под тяжестью многотонного утрамбованного заполнения могилы, состоящего из глины и камней. Детали колесницы залегали в последовательном порядке; следовательно, колесница была поставлена в погребение в неразобранном виде, колеса, очевидно, были сняты и уложены плашмя; подобное прослеживается по китайским захоронениям периодов Чжаньго и Хань. (Например, в погр. 2 могильника Цзыхэдянь (prov. Шаньдун) у колесниц были сняты только колеса.)

Первыми были обнаружены остатки зонта (рис. 2): *in situ* сохранились следы 19 (из 24) черных лакированных спиц с надетыми на них медными позолоченными навершиями с четырехлепестковой розеткой на конце*.

*Еще одно медное навершие спицы зонта (20-е) было обнаружено в грабительском лазе. Ниже колесницы найде-

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 06-06-80069а, гранта НШ-1648.2008.6. и проекта № 21.2 Программы РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

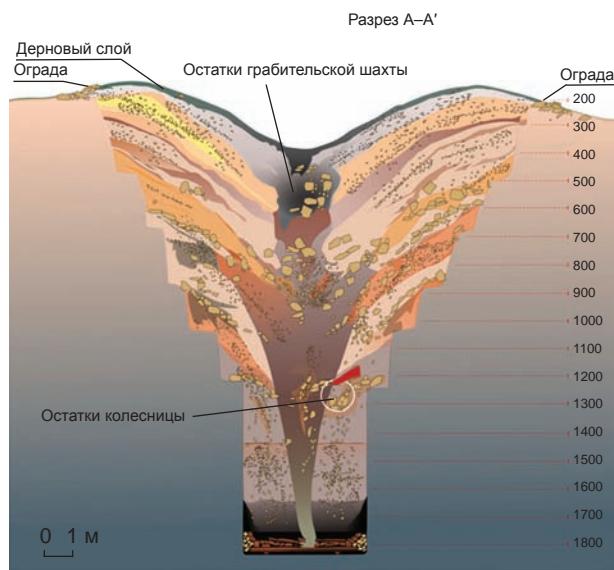

Рис. 1. Стратиграфия ноин-улинского курга 20.

Рис. 2. Расчистка зонта ханьской колесницы.

Рис. 3. Выполненные из бронзы и позолоченные наконечники спиц зонта ханьской колесницы с фрагментами спиц, покрытых черным лаком.

Рис. 4. Кожаная «заплатка» для растяжки шелкового покрытия зонта колесницы.

Позолоченные наконечники спиц зонта, найденные *in situ*, близки по длине (немногим более 9 см), но не идентичны, поэтому можно предположить, что они отливались в разных формах. Каждое навершие имеет острый шип, обращенный вверх (рис. 3). На многих шипах сохранились надетые небольшие округлые сложенные вдвое лоскутки кожи, пришитые мелкими стежками к шелковому покрытию зонта (рис. 4). Внутри каждой «заплатки» были обнаружены деревянные палочки, плотно обернутые шелком. Вероятнее всего, маленькие кусочки кожи со вставленными в них деревянными деталями, пришивали специально для того, чтобы на них, не боясь порвать, можно было растянуть с помощью шипов на медных наконечниках спиц шелковое покрытие зонта. Следы завязанных шелковых лент, окрашенных киноварью в красный цвет, зафиксированы на верхней деревянной части рукояти зонта, куда вставлялись спицы, и на трех наконечниках спиц (см. рис. 2, 5). Длина последних вместе с навершиями составляла ок. 1 м. Диаметр верхней части деревянной ручки зонта, аналогичной найденной в ноин-улинском кург. 6, равнялся 0,1 м [Руденко, 1962, с. 47, рис. 42]. Таким образом, диаметр зонта достигал ок. 2,1 м. Такой зонт мог полностью прикрыть седоков.

Под зонтом и каменной выкладкой (на глубине 12,25–13,33 м) обнаружена правая часть кузова колесницы (рис. 6). Кузов изготовлен из дерева, покрыт шелковой тканью и лаком. Само дерево ис-

ны еще четыре навершия такой же формы. От описанных ранее они отличаются тем, что сделаны из другого металла, не имеют позолоты и остатков дерева внутри, короче (их длина – не многим более 7 см) и массивнее.

Рис. 5. Навершие спицы зонта с остатками шелковой ленты *in situ*.

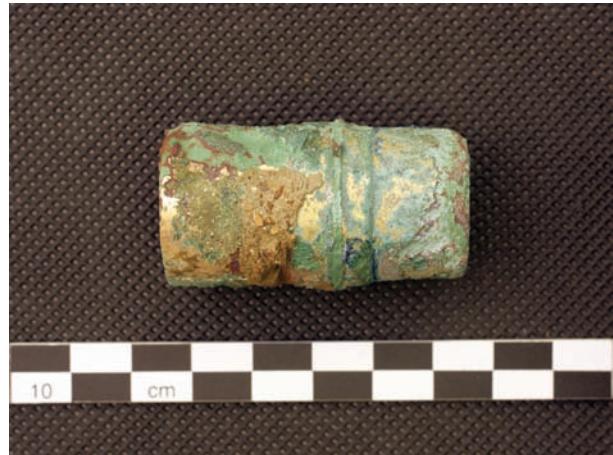

Рис. 7. Навершие деревянного стержня, укреплявшего боковую стенку колесницы.

Рис. 6. Боковая стенка колесницы.

Рис. 8. Остатки передней стенки ханьской колесницы.

тлело; объем между слоями лака заполняла глина с включениями небольших разрозненных кусочков древесины. На внутренней поверхности лакированного слоя кузова можно различить рельеф, отражающий переплетение ткани. Боковая стенка колесницы (высота 0,45–0,5 м, ширина 0,6 м) имеет рельефную «клетчатую» поверхность, которая покрыта красным лаком и оконтурена черным лаком. С краю она была укреплена деревянным стержнем с бронзовым, покрытым позолотой навершием цилиндрической формы (рис. 7). Передняя стенка колесницы деформирована, сохранилась не полностью (рис. 8). Ее верхняя часть представляет собой ребристый «желоб» (ширина 0,15 м), а нижняя состоит из трех рельефно выделенных полос. Вся передняя стенка (высота 0,4 м) была покрыта черным лаком; толщина его слоя составляла 2–3 мм. Пол колесницы (размеры сохранившейся части 0,5 × 1 м)

представлен следами покрытых черным лаком деревянных реек, укрепленных крест на крест и создававших решетчатую поверхность (размеры ромбов, которые они образовывали, 9 × 9 см) (рис. 9–11). Под полом колесницы были обнаружены коррозированные фрагменты железных изделий, возможно, конструктивно связанных с колесницей.

К востоку и западу от кузова колесницы на глубине 12,9–13,7 м находились остатки двух деревянных колес диаметром ок. 1,5 м (см. рис. 9, 12). Спицы колес покрыты черным лаком, в центральной части – красным. Широкий деревянный обод (толщина 8 см) был окрашен в черный цвет и не содержал металлических деталей (рис. 13). В колесе, судя по лучше сохранившемуся правому, была, вероятно, 21 спица. Внутренний малый обод, к которому крепились спицы, снаружи окрашен красным лаком, изнутри – черным. Колеса крепились к оси

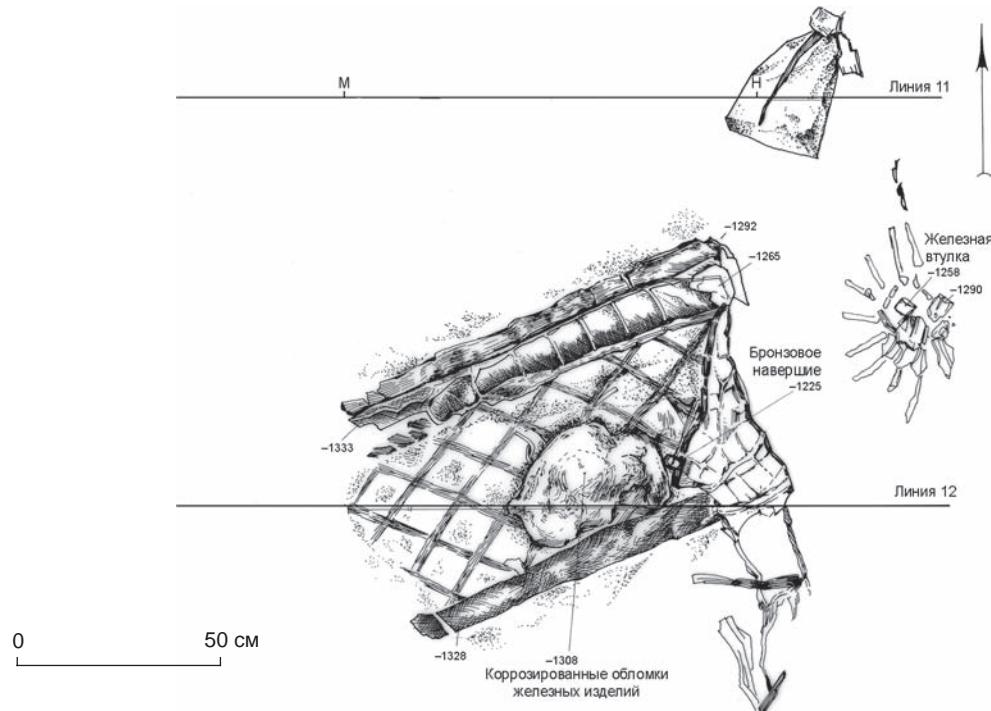

Рис. 9. План кузова колесницы из ноин-улинского кург. 20 и находок рядом с ней.

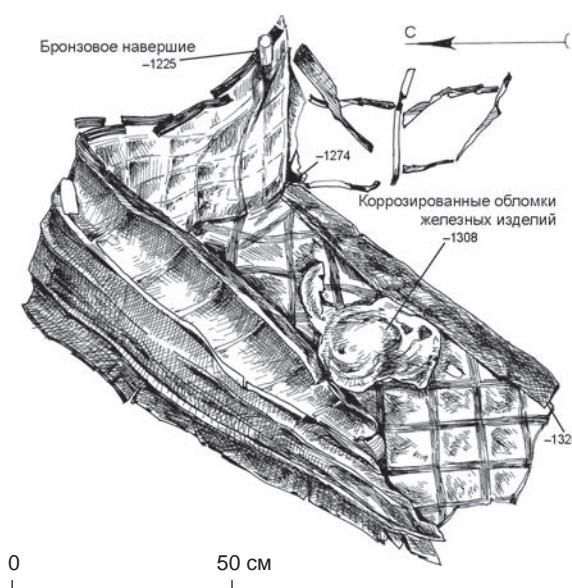

Рис. 10. Сидение и часть кузова колесницы из ноин-улинского кург. 20.

с помощью двух железных втулок и колец, а также массивных бронзовых, покрытых позолотой наосьников (обнаружен только один) (рис. 14). Найдено также бронзовое, покрытое позолотой навершие цилиндрической формы с остатками деревянного стержня внутри (рис. 15).

Рис. 11. Остатки пола колесницы (в центре – коррозированные фрагменты железных изделий).

Основные выводы и интерпретация

Колесницы из могил хунну являются уникальным материалом для изучения конструкций и художественного оформления ханьских колесниц. Колесница, обнаруженная в кург. 20 в Ноин-Уле относится к

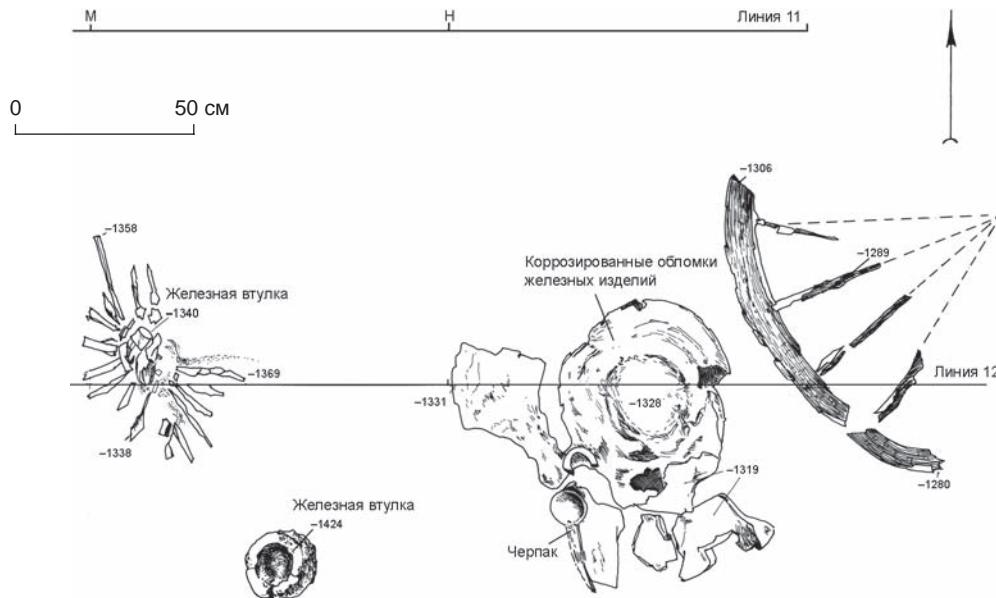

Рис. 12. План взаиморасположения находок под кузовом колесницы.

Рис. 13. Фрагмент правого колеса in situ.

яо чэ – наиболее популярному и универсальному типу повозок в ханьское время. Такие повозки использовались и как легкие прогулочные экипажи, и как военные колесницы. Их отличает наличие зонта *хуа-гай*, который относится к новшествам, появившимся в ханьское время. В эпоху Цинь зонт не получил сколько-нибудь широкого распространения [Кожанов, 1984, с. 74]. Колеса *яо чэ* были большие, с массивной втулкой, разными в сечении по конфигурации спицами: ближе к сочленению с втулкой – эллипсовидные, а у обода – почти круглые. Запрягались такая повозка обычно одной лошадью, иногда двумя или тремя [Там же, с. 70] (рис. 16).

Легкие колесницы с зонтами, судя по находкам, были погребены и в других, исследованных ранее ноин-улинских курганах. Бронзовые наконечники спиц

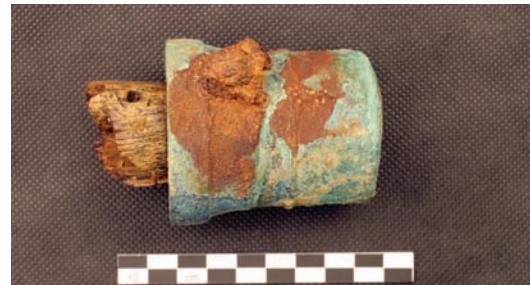

Рис. 14. Бронзовый, покрытый позолотой наосьник с остатками деревянной оси.

Рис. 15. Бронзовый, покрытый позолотой наконечник яремной жерди (?).

зонта (они были разбросаны в погребальной камере) зафиксированы в Мокром (№ 1) [Руденко, 1962, с. 117, табл. 28, 6, 7], Кондратьевском курганах и кург. 25 [Там же, с. 123]. Были обнаружены части зонтов, деревянных колес, а также наосьники [Там же, табл. 24, 5, 6], скобы-поручни [Там же, табл. 28, 1, 2, 4], кольца для крепления вождей [Там же, табл. 28, 3, 5].

Рис. 16. Реконструкция легкой повозки ханьского времени, запряженной лошадьми (по: [Лю Юнхуа, 2002, с. 133]).

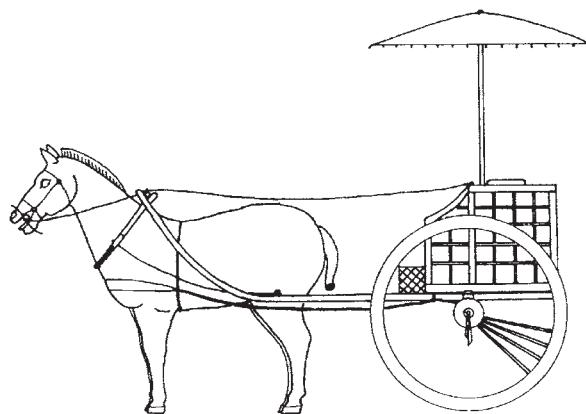

Рис. 17. Реконструкция колесницы из ханьской мог. 1 у горы Шуанжуашань (по: [Цуй Даюн, 1997, с. 24]).

Рис. 18. Уменьшенная копия колесницы из ханьского захоронения № 48 около г. Увэй, пров. Ганьсу (по: [Лю Юнхуа, 2002, с. 105, рис. 127]).

Легкая повозка, аналогичная рассматриваемой, была найдена в 2005 г. французскими археологами в мог. T20 памятника Гол-Мод в Архангайском аймаке Республики Монголия [Guilhem, 2007, р. 75; Desroches, 2007, pic. 21]. В могильной яме отмечены бронзовые навершия спиц зонта, металлические детали колес и остатки красного лака со стенок колесницы [Guilhem, 2007, р. 71–73; Desroches, 2007, pic. 13].

На территории современного Китая подлинные колесницы типа *яо чэ* были обнаружены во многих ханьских могилах (см., напр.: [Лю Юнхуа, 2002, с. 133; Цуй Даюн, 1997, с. 24]). У колесницы из ханьского погребения на памятнике у горы Шуанжуашань в пров. Шаньдун колеса в поперечнике составляли примерно 144 см, имели ок. 30 спиц. В захоронении было найдено также 30 грибовидных наверший спиц зонтика из позолоченной бронзы (длина 5,6 см). Диаметр зонта 160 см. На спицах прослежены следы шелковой ткани. Кузов сохранился плохо. Многочисленные медные детали колесницы инкрустированы серебром и демонстрируют высокий уровень искусства эпохи Хань [Цуй Даюн, 1997, с. 19–21]. Хотя колесница сохранилась не полностью (большая часть деревянных деталей истлела, а металлические залегали бессистемно), китайские исследователи пытались ее реконструировать с учетом найденных в ханьских погребениях деревянных и бронзовых моделей колесниц, материалов из гробницы императора Цинь Шихуана, упоминаний в письменных источниках, а также многочисленных изображений колесниц эпохи Хань. Детали колесницы № 1 из Шуанжуашань (рис. 17) полностью соответствуют деталям колесницы из захоронения в Маньчэн (пров. Хэбэй) и уменьшенной копии колесницы из ханьского захоронения № 48 в местности Моцзюцзы около г. Увэй (рис. 18). Это свидетельствует об их принадлежности одному типу, который в письменных памятниках называется «легкая военная колесница»* [Там же, с. 22].

В «Споре о соли и железе» – одном из важнейших источников по культуре эпохи Западной Хань – Хуань Куань, порицая современные ему нравы, этот тип колесниц с зонтами описывает так: «Ныне среди простолюдинов богатые (украшают экипажи) серебром и золотом, в том числе золотыми цветами со стеблями, изогнутыми в виде когтя, которые укреплены на концах дуг, образующих каркас балдахина колесницы, (а также) привязывают бунчуки к шестам и обертывают (парчой) древки знамен; лица среднего (достатка) инкрустируют золотом удила коней, окрашивают (части экипажа) в ярко-крас-

*Перевод с китайского А.Н. Чистяковой.

ный цвет, украшают нефритом знамена и (используют в повозках) «летящие деревянные решетки» [2001, с. 85–86]. Интересно отметить, что по эдикту Цзинь-ди (144 г. до н.э.) сановники, получавшие 2 000 мер *ши*, имели право покрасить киноварью оба боковых заслона своего экипажа, а чиновники, получавшие от 1 000 до 600 *ши*, – только левый заслон [Там же, с. 356–357].

Колесницы относились к т.н. пяти приманкам китайского двора, призванным подчинить хунну (варваров-ху) и принудить их упасть к ногам императора. «Привлечем, притянем к себе их уши, привлечем их глаза, привлечем их рты, привлечем их желудки, и они окажутся в четырех отношениях привлечены, – говорилось в докладах высокопоставленного чиновника императору. – А еще мы привлечем к себе их сердца. Так разве же мы не подчиним варваров-ху, не принудим их упасть (к нашим ногам)?! Это и называется пять приманок» (цит. по: [Ермаков, 2005, с. 375]). В качестве первой приманки главам кланов сюнну рекомендовалось предоставить вместе с другими предметами роскоши пять отделанных серебром колесниц, а четвертой приманки – как проявление щедрости к сдавшимся, перешедшим на китайскую сторону большим людям сюнну – наряду с другими благами боевую колесницу вличное хранение [Там же]. По-видимому, именно таким образом колесницы попадали в степь, к хунну.

В хуннских погребениях рассматриваемого периода встречаются колесницы и других типов. Так, в кург. 7 могильника Царам в Бурятии обнаружена ханьская колесница [Миняев, Сахаровская, 2007], которая, согласно реконструкции, предложенной авторами раскопок, по типу отличается от колесницы из ноин-улинского кург. 20 [Там же, рис. 3, 5].

Выводы

В могильную яму ноин-улинского кург. 20 была помещена легкая прогулочная колесница *яо чэ* (она могла использоваться и как военная, и как охотничья). Все ее деревянные части были лакированные, а бронзовые детали позолоченные. Зонт украшали алые шелковые ленты, привязанные на каждую шестую спицу. Колесница была поставлена в могильную яму в неразобранном виде, но со снятыми колесами. Ее транспортировка в погребение производилась по дромосу. Традиция помещать колесницу (или колесницы) в могилу соответствует древнекитайской погребальной обрядности. Ханьская знать нередко уходила в мир иной в сопровождении не одной, а нескольких или даже нескольких десятков колесниц разных типов. Они помещались при входе в могилу, над или рядом с погребальной камерой. Присутствие в ноин-улинском кург. 20 колесницы – свидетельство высокого статуса погребенного и соблюдения

ханьских традиций в погребальном обряде. Согласно китайским письменным источникам, колесницы в числе важных подарков императорского двора преподносились хуннуской знати; с ними представители последней не расставались и после смерти. Однако колесницы могли быть не только даром, но и военной добычей, количеством которой всегда намного превышало добровольные пожертвования, получаемые хунну от Хань.

Список литературы

- Ермаков М.Е.** Династия Хань перед угрозой извне (из докладов Цзя И трону). Введение, переводы, заключение // Дальний Восток. – М.: Издат. фирма «Вост. лит.», 2005. – Кн. 4. – С. 362–383. – (Страны и народы Востока; вып. 32).
- Кожанов С.Т.** Колесный транспорт эпохи Хань // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 67–75. – (История и культура Востока Азии).
- Лю Юнхуа.** Древнекитайские колесницы и конская упряжь (снаряжение). – Шанхай: Цышу чубаньшэ, 2002. – 202 с. (на кит. яз.).
- Миняев С.С., Сахаровская Л.М.** Ханьская колесница из могильника Царам // Археол. вести. – 2007. – Вып. 14. – С. 130–137.
- Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д.** Раскопки кургана хунну в горах Ноин-Ула, Северная Монголия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 12, ч. 1. – С. 460–462.
- Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д., Эрдene-Очир Н.** Изучение погребального сооружения кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2. – С. 77–87.
- Руденко С.И.** Культура хунну и Ноинулинские курганы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 203 с.
- Хуань Куань.** Спор о соли и железе. – М.: Издат. фирма «Вост. лит.», 2001. – Т. 2. – 829 с.
- Цуй Даюн.** Чжунго гудай чэйо мацзюй (Древние китайские колесницы и конское снаряжение) // Каогу. – 1997. – № 3. – С. 16–26 (на кит. яз.).
- Guilhem A.** L'aristocratie xiongnu // Mongolie, les Xiongnu de l'Arkhagai. Mission archéologique française en Mongolie. Musée national des Arts asiatiques-Guimet. – P.: [S.l.], 2007. – P. 70–75.
- Desroches J.-P.** The French Archaeological Mission in Mongolia // International symposium in celebrations of the 10-th anniversary of MON-SOL Project. – Seul, 2007. – P. 190–202.
- Polosmak N.V., Tseveendordj D., Bogdanov E.S.** Ноин-Ула № 20 Tomb // International symposium in celebrations of the 10-th anniversary of MON-SOL Project. – Seul, 2007. – P. 155–176.

УДК 903.43

А.П. Бородовский¹, С.В. Горохов²¹*Институт археологии и этнографии СО РАН**пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия**E-mail: 32S@mail.ru*²*Новосибирский государственный педагогический университет**ул. Вилойская, 28, Новосибирск, 630126, Россия**E-mail: gorohov100@rambler.ru*

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ УМРЕВИНСКОГО ОСТРОГА

(археологические исследования 2002–2004 гг.)*

Умревинский острог – один из уникальных объектов, связанных с освоением русскими Верхнего Приобья в начальный период вхождения территории юга Западной Сибири в состав Российского государства. В результате археологических исследований установлено, что его оборонительные сооружения представлены внутренним и внешним валами, рвом, набережной угловой башней, тыном и помостом. Выявлены два строительных периода; первый связан с сооружением палисада в виде тына и земляных оборонительных сооружений – первая треть XVIII в.; второй – с возведением угловой набережной башни, строительство которой сопровождалось комплексом ритуальных действий (закладное захоронение, закладная монета) – 1730–1734 гг. К концу XVIII столетия оборонительные укрепления пришли в негодность, а на территории острога начал формироваться некрополь.

Введение

На территории Новосибирской обл. первый русский острог появился в 1703 г. в устье р. Умревы [Миненко, 1989] (рис. 1). В течение первого десятилетия XVIII в. шло целенаправленное размещение оборонительных сооружений на левом и правом берегах р. Оби, по направлению с севера на юг. Строительству Умревинского острога благоприятствовали два обстоятельства: поражения, нанесенные кыргызам в 1701 г. отрядами Алексея Кругликова (на Божьем озере и у с. Пачинского на р. Томи) и Ивана Тихонова Великосельского (в урочище Караказ), и увод кыргызов джунгарами в 1703 г. в глубинные районы своего ханства [Кызласов, 2003, с. 139]. В 1702 г. служилые люди под руководством томского сына боярского А. Кругликова,

поднявшись вверх по р. Оби от Уртамского острога до р. Умревы, определили место нового острога. Через год он был поставлен в 450 м выше устья р. Умревы на берегу Умревинской протоки р. Оби для охраны русских поселений на южной границе Томского уезда от набегов калмыков и осуществления административных функций на обском правобережье до устья р. Ини на юге, а также для усиления контроля над чатскими татарами, чьи юрты размещались в обширной пойме Оби напротив впадения в нее рек Ояш, Умрева и Порос.

Умревинский острог просуществовал менее 100 лет, трансформировался в некрополь, а большинство жителей переселилось в с. Умрева. В дальнейшем на этом месте не было населенных пунктов. Последний раз его отметил на карте проф. А. Зайцев в 1895 г. при прокладке линии Сибирской железной дороги [Геологические исследования..., 1896, с. 13]. В XX в. острог оказался в забвении, и долгое время место его расположения оставалось неизвестным. Ситуация из-

*Работа выполнена при финансовом содействии РФФИ (проект № 08-06-00429) и гранта Президента РФ для поддержки ведущих научных школ (НШ-6568.2006.6).

Рис. 1. Расположение Умревинского острога.

менилась в конце прошлого столетия, когда усилиями главного археолога Новосибирской обл. С.В. Колонцова и благодаря рекомендациям краеведа К.П. Зайцева местонахождение этого памятника было вновь установлено [Бородовский, 2002; Бородовский, Бородовская, 2003, с. 10–11; Бородовский, Косарева, 2003, с. 15–18].

Размеры Умревинского острога были значительны. Его внутреннее пространство представляет собой прямоугольник 53×65 м (3420 м^2). Площадь вместе с земляными оборонительными сооружениями составляет ок. 7700 м^2 . Умревинский острог был больше Ляпинского ($42(39,5) \times 26(24)$ м) и Казымского ($58(42) \times 40$ м) на средней Оби (рис. 2); по размерам он наиболее близок Саянскому (на среднем Енисее) [Скобелев, 1999], протяженность земляных укреплений которого составляла 270 м (65×70). В архитектурно-планировочном отношении сибирские остроги представляли собой различные варианты четырехугольников [Баландин, 1974], вытянутых вдоль берега реки, как правило, по линии север – юг. Такая форма была удобна для организации обороны и наиболее рационального использования земли внутри них. При этом конфигурация острогов учитывала рельеф местности. Оборонительные линии на отдельных участках могли искривляться, приспосабливаться к ландшафту [Градостроительство..., 1994, с. 30–35; Черная, 2002, с. 151]. Поэтому в плане Умревинский острог (топографическая съемка 2002 г.) не отличается правильностью геометрической формы (рис. 3).

Методы исследования

Археологические раскопки на территории Умревинского острога начались в 2000 г. по инициативе Национально-производственного центра по сохранению историко-культурного наследия при администрации Новосибирской обл. под руководством А.В. Шаповалова.

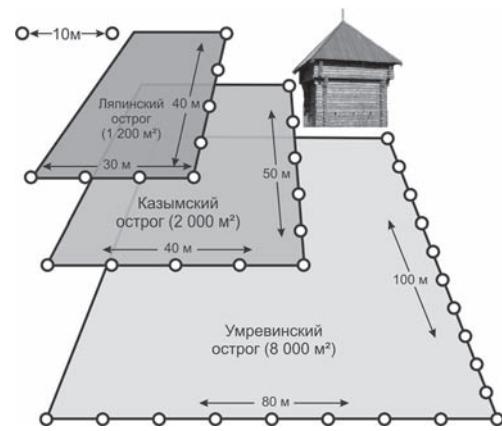

Рис. 2. Схема соотношений площадей острогов.

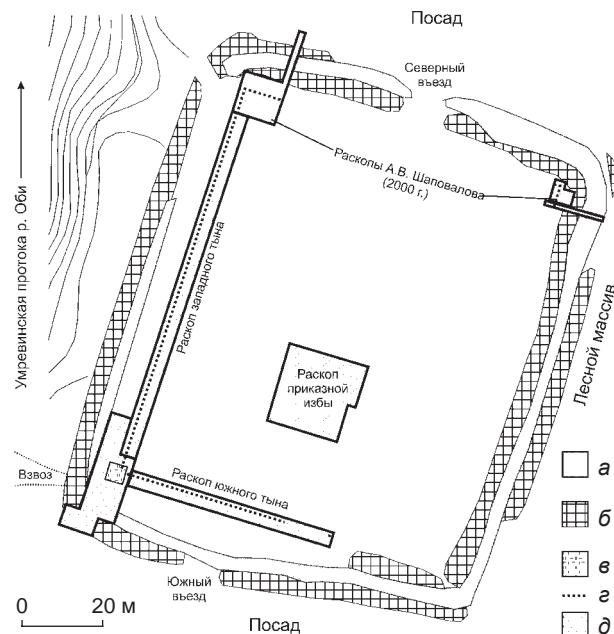

Рис. 3. Топографический план-схема Умревинского острога.

a – ров; *b* – вал; *v* – башня; *g* – тын; *d* – раскоп.

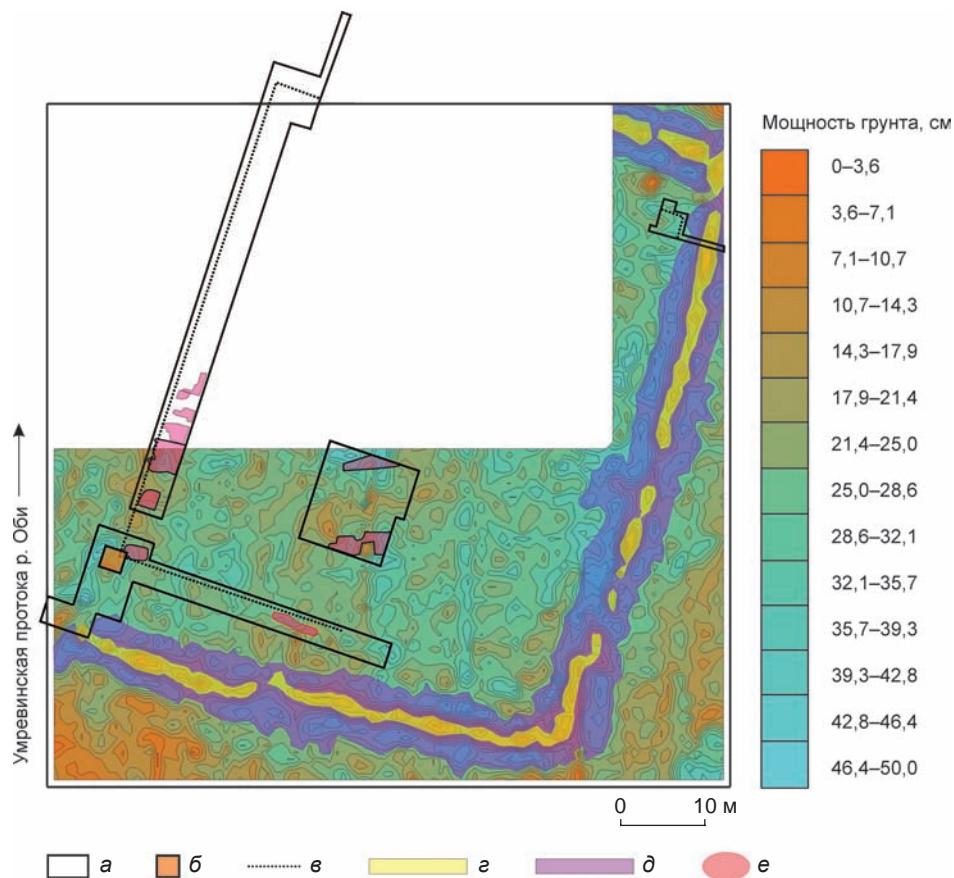

Рис. 4. Совмещение геофизической карты и топографического плана части территории Умревинского острога.
а – раскоп; б – башня; в – тын; г – ров; д – вал; е – вскрытые погребения.

валова*. Они охватили северную часть оборонительных сооружений на площади ок. 100 м² (рис. 3). С 2002 по 2004 г. археологические работы на памятнике проводились одним из авторов публикации**. Были исследованы три участка оборонительных сооружений (рис. 3): юго-западный угол у края террасы недалеко от взвоза с реки (вскрыто 96 м²) с целью выявления остатков башни [Бородовский, 2002; 2003] для ее реконструкции к 300-летнему юбилею острога в 2003 г.; западная линия тыновых укреплений (вскрыто 212 м²) и половина (западная южной (вскрыто 81 м²).

*Шаповалов А.В. Отчет об археологических исследованиях Умревинского острога в Мошковском районе Новосибирской области в 2000 г. – Архив Научно-производственного центра по сохранению историко-культурного наследия при администрации Новосибирской области.

**Бородовский А.П. Отчет об археологических исследованиях Умревинского острога в Мошковском районе Новосибирской области в 2002 г. – Архив Научно-производственного центра по сохранению историко-культурного наследия при администрации Новосибирской области.

В 2002 г. до проведения раскопочных работ был применен естественно-научный метод малоглубинного индукционно-частотного зондирования с помощью электромагнитного сканера ЭМС-2, который впервые использовался на памятнике типа «острог». Была исследована структура грунта в южной половине и в северо-восточном углу на глубину до 0,5 м (работа выполнена Ю.А. Манштейном). Результатом применения данного метода стала геофизическая карта удельного сопротивления грунта электромагнитным волнам (рис. 4), на которой дифференциация участков местности по этому показателю отражена 14-компонентной цветовой гаммой (от ярко-оранжевого до ярко-синего). Оранжевыми оттенками представлена некая структура, напоминающая своими очертаниями и местом расположения фрагмент земляных оборонительных укреплений Умревинского острога. При совмещении геофизической карты и топографического плана она совпадала со рвом. С внешней и внутренней сторон ров на карте окаймляет структура, представленная гаммой синего цвета. Она совмещается с валами на топографическом плане.

Ров образуется путем изъятия грунта, поэтому ниже его нет участков, потревоженных человеком. Вал, напротив, является структурой, образованной потревоженным грунтом. Поэтому, чем больше смещение в сторону синей части цветовой гаммы, тем больше мощность такого грунта. Каждому цвету соответствует мощность грунта в 3,57 см (50 см/14 цветов). Определить структуру потревоженного слоя можно только на глубину до 0,5 м. Участки с большей мощностью грунта независимо от ее величины на геофизической карте представлены самым интенсивным синим цветом. Это не связано с возможностями ЭМС-2, а определено его конкретными настройками для проведения данного исследования [Бородовский, Манштейн, 1998]. Используя предложенный способ интерпретации геофизической карты, удалось уточнить планиграфию земляных оборонительных сооружений и выявить скрытые конструктивные элементы, которые могли быть обнаружены только в ходе раскопок [Горохов, 2003, 2006а, б].

Земляные оборонительные сооружения

Земляные оборонительные сооружения Умревинского острога, представленные рвом и валами, имеют в плане подквадратную форму и расположены длинными сторонами вдоль реки по линии северо-восток – юго-запад (см. рис. 3, 4). Размеры 86,5 × 70 м, что в единицах измерения начала XVIII в. соответствует 40 × 31,2 печатным саженям [Шостынь, 1975, с. 256].

На основе визуального наблюдения и анализа геофизической карты можно составить представление о планиграфии земляных оборонительных сооружений. Ров окружает тын острога и прерывается один раз напротив места предполагаемого северного въезда. Здесь же существует разрыв внешнего и внутреннего валов. Западная часть рва практически не видна на местности, т.к. разрушена грунтовой дорогой. Валы по обе стороны рва визуально не прослеживаются сплошными. Внутренний наблюдается на северном и восточном участках, а также в крайней восточной четверти южной части оборонительных сооружений. При этом есть разрыв непосредственно в юго-восточном углу. В западной части внутренний ров не прослеживается. Возможно, он разрушен грунтовой дорогой. Внешний вал наблюдается на западной и южной сторонах. На юге есть разрыв, по ширине соответствующий таковому в районе северного въезда. Внешний вал прослеживается также в крайней западной четверти северной части земляных оборонительных сооружений, непосредственно на северо-восточном углу и на центральном участке восточной стороны (длина этого участка равняется приблизительно половине ее протяженности). Геофизические данные позволяют существенно уточ-

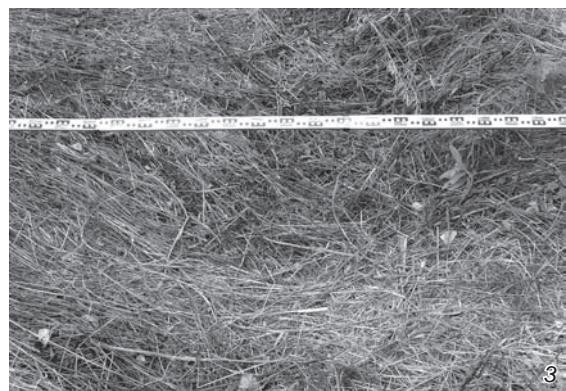
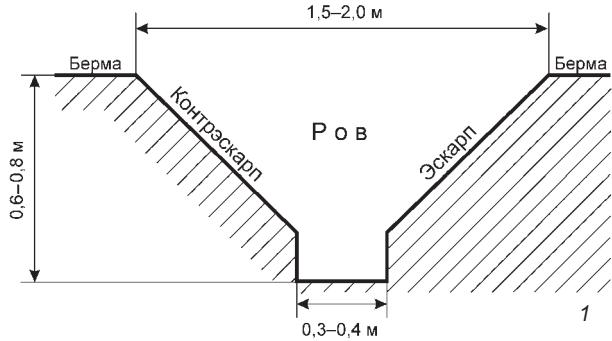

Рис. 5. Ров на юго-западном участке земляных оборонительных сооружений.

1 – схема сечения рва [Краткий артиллерийский военно-исторический лексикон..., 2006, с. 137]; 2 – стратиграфический разрез; 3 – современный вид рва в районе юго-западной башни (съемка 2007 г.); 4 – стратиграфия его заполнения за 2003–2007 гг.

Рис. 6. Этапы расчистки остатков западного тына (1–4).

нить планиграфию. Северный ров, по крайней мере, в одном месте имеет искусственное заполнение, которое не идентифицируется на местности. Четыре участка с таким же заполнением есть и в восточном рве, один – в южном. Внутренний и внешний валы являются сплошными. То, что на местности они прослеживаются не везде, может быть связано с их естественным разрушением, но массы искусственно перемещенного грунта отчетливо зафиксированы ЭМС-2.

В ходе археологических раскопок Умревинского острога был исследован ров на юго-западном участке земляных оборонительных сооружений (рис. 5). Его ширина 1,5–2,0 м, на уровне материка – 0,35–0,4, глубина 0,6–0,8 м (от уровня материка) [Бородовский, 2002]. В течение 2003–2007 гг. велись наблюдения за заполнением этого участка рва, которые позволяют судить об интенсивности и характере происходящих изменений. Наиболее мощное заполнение сформировалось на дне (12–14 см), полностью нивелировав нижний конструктивный элемент рва. Стенки перекрывают слой грунта толщиной 1–2 см. За период наблюдений вся поверхность рва покрылась растительностью. Незначительные размеры земляных оборонительных сооружений связаны с тем, что в XVIII в. они постепенно теряют былое значение для обороны острогов [Шаповалов, 1997].

Тыновые укрепления

Непосредственно под дерновым слоем начинало прослеживаться заполнение тыновой канавки в виде полосы желтого суглинка (рис. 6, 1). Канавка присутствует на всех исследованных участках. Ее ширина до 50 см, глубина до 87 см от материкового уровня (рис. 7, 3), что вполне соответствует стандартам конца XVII в. – 1–1,5 аршина (71,0–105,5 см).

Между сохранившимися в канавке тынинами различия в расстояния различные (см. таблицу). Отсутствие тынин на ряде участков канавки, а также наличие в ее заполнении пустот свидетельствуют о том, что часть из них после прихода в негодность выдергивалась.

Как правило, перед строительными работами определялось точное количество бревен для «тынового леса». Например, по приказу воеводы Попова для ремонта Илимского острога в 1753 г. их было заготовлено не менее 1 500. Учитывалось количество тынин между башнями. В описании Илимского острога (1703 г.) указано: от Спасской проезжей башни до наугольной, по правой стороне укреплений на расстоянии 12 печатных саженей ($2,16 \text{ м} \times 12 = 25,92 \text{ м}$), установлено 115 тынин, от наугольной до средней Богоявленской проезжей на участке длиной в 61 сажень ($2,16 \text{ м} \times 61 = 131,76 \text{ м}$) – 648 (см.: [Васильевский, Моддин, Седякина, 1978]).

Рис. 7. Один из сохранившихся фрагментов западного тына (1, 2) и тыновая канавка после удаления заполнения (3).

Перечень сохранившихся тынин западного тына

Квадрат	Кол-во тынин	Длина ряда, м	Расстояние до следующих(ей) тынин(ы), м	Сохранность
АЖ 4	2	–	–	Целые
АЛ–АП	14	3,3	4,25	»
АУ–АЧ	23	5	3	1 тлен – 11 целых – 10 тлен – 1 целая
АШ	1	–	0,7	Целая
АЩ	1	–	0,5	»
АЭ–АЮ	8	–	1,3	Целые
БА	1	–	2,2	Тлен
ББ	1	–	0,8	»
БВ	3	–	0,7	»
БГ	2	–	0,4	»
БК	3	–	5,5	Целые
БМ–БО	3	1	1,7	»
БС	1	–	3,5	Целая
БТ–БЦ	17	2	4,2	9 целых – 8 тлен

В западном тыне Умревинского острога могло быть до 366 тынин. Из них сохранился 21 % (см. таблицу). Для сооружения тына каждое бревно раскалывали на две половинки (рис. 8), которые чаще всего устанавливались в канавку выпуклой стороной наружу, однако некоторые тынини – наоборот. Число заготовленных бревен для западного тына могло составлять до 183.

Несколько ям от столбов располагалось с восточной стороны западного тына на расстоянии от 0,8 до 2,4 м от него. Интервалы между ними составляли от 2,3 до 4,0 м. По направлению к юго-западной башне отмечалось постепенное удаление этих ям от тыновой канавки. В непосредственной близости от башни установить их наличие не удалось. Возможно, ямы от столбов были срыты при многократном сооружении

здесь могил (рис. 9). Эти столбы являлись опорами для помоста, пристроенного с внутренней стороны к западному тыну (рис. 10). Парное расположение некоторых ямок, вероятно, связано с ремонтом опор. На северо-западном краю острога ямки от столбов не обнаружены. Возможно, они были уничтожены в результате активного антропогенного воздействия (грунтовая дорога и распашка).

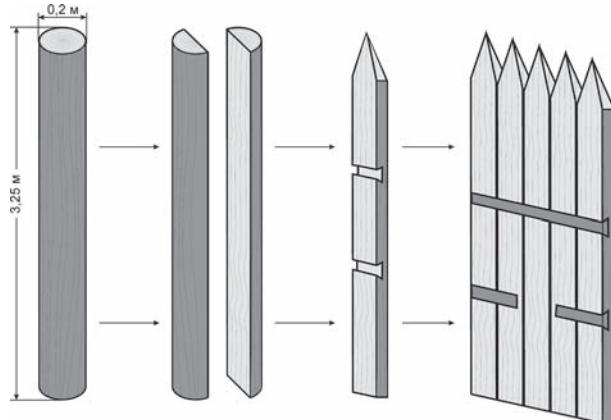

Рис. 8. Схема основных стадий технологии изготовления тыновой стены.

Канавка южного тына на расстоянии 28 м от юго-западной набережной башни прерывается и возобновляется только через 6 м. Это может объясняться тем, что здесь находились ворота южного въезда в острог или располагалась проездная (либо непроездная) башня без ленточного свайно-столбчатого фундамента. Однако разрыв тыновой канавки не вполне соответствует разрыву в системе рва и валов, зафиксированному на местности (см. рис. 3). На всем протяжении раскопанной части южного тына с внешней стороны острога следует серия ямок различных размеров. Возможно, они остались от элементов ограды некрополя, сформировавшегося на территории острога в XIX в. Такие же ямки расположены и в районе разрыва тыновой канавки.

В раскопе западного тына встречались многочисленные кованые железные гвозди и несколько скоб (рис. 11). Они могли скреплять элементы тына и помоста, а также деревянных погребальных конструк-

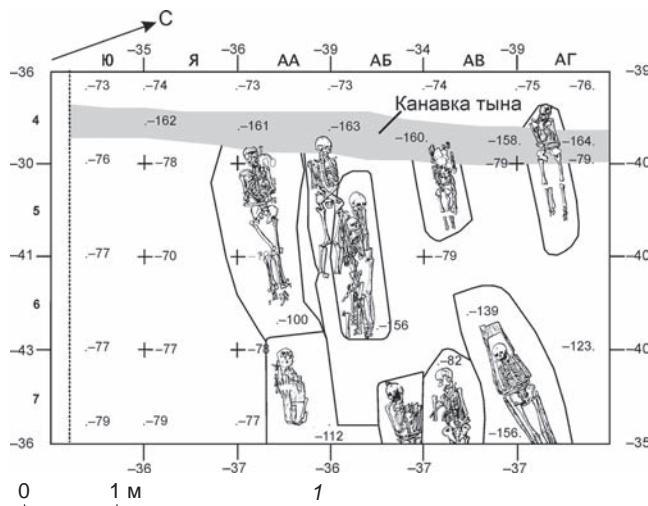
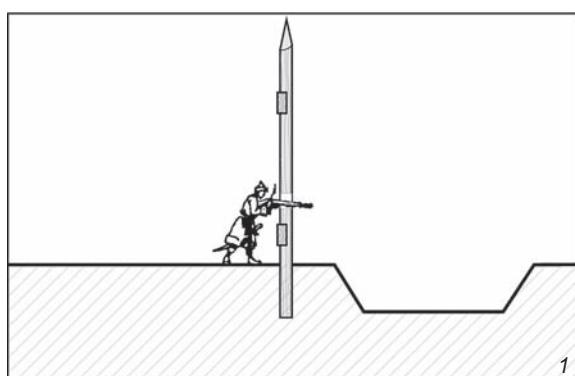

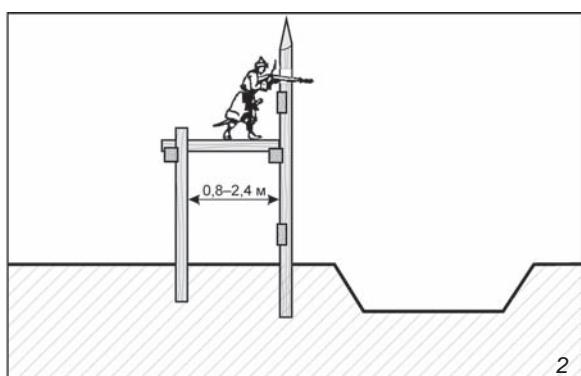
Рис. 9. Фрагмент русского некрополя в южной части раскопа западного тына.

2

1

2

Рис. 10. Модель тыновых укреплений без помоста (1) и с помостом (2).

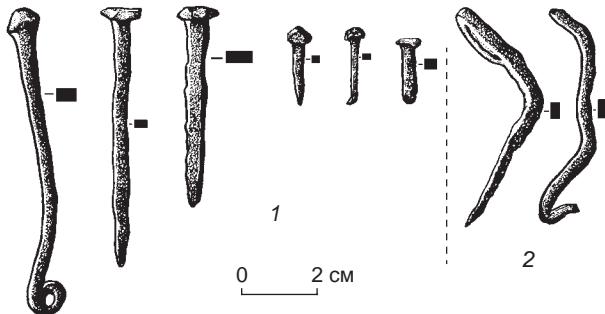

Рис. 11. Гвозди (1) и скобы (2) из раскопов деревянных оборонительных сооружений.

ций в могилах, примыкающих непосредственно к тыну. Однако все гвозди найдены только в могильных ямах. Можно предположить, что часть из них некогда скрепляла элементы тынового укрепления и позднее попала в могилы при их сооружении. Но, поскольку гвозди полностью отсутствуют вне связи с могильными ямами, скорее всего, они при сооружении и ремонте тына и помоста не использовались. Кроме того, большинство относительно крупных экземпляров располагались по периметру гробов и колод и, по всей видимости, скрепляли их части. Короткие гвозди (ок. 2,5 см) не могли служить для скрепления элементов тына и принадлежали, скорее всего, обуви, аналогичной той, что зафиксирована в одном из погребений на центральном участке внутреннего пространства острога.

Две скобы (7–8 см), обнаруженные рядом с тыновой канавкой на расстоянии ок. 18 м друг от друга, напротив, не находились в могильных ямах и могли быть скрепляющими элементами тына или, что более вероятно с учетом их размеров, помоста [Горохов, 2007]. Типологически они близки к тем, что применялись при строительстве и ремонте судов. Когда суда приходили в негодность, скобы изымались и могли быть использованы для других целей. Так, по данным письменных источников, в окрестностях Чаусского острога осуществлялась расковка дощников [Миненко, 1990]. Аналогичные факты выявлены при археологическом исследовании Мангазеи [Визгалов, 2006].

Конструкция тына и помоста, вероятно, была обусловлена в т.ч. и нуждами артиллерии. Косвенно на это указывают находки 2002 г. В 200 м к северу от острога, на территории приусадебного участка лесника, было обнаружено скопление 15 железных ядер диаметром 4,2 см и массой 310 г, что соответствует калибру в $\frac{3}{4}$ гривенки (фунта) (рис. 12, 2). На их поверхности отчетливо видны литейные швы. Вероятно, ядра являлись зарядом для «затинной» пищали (артиллерийское орудие для стрельбы по живой силе противника). Такие орудия могли размещаться на помосте.

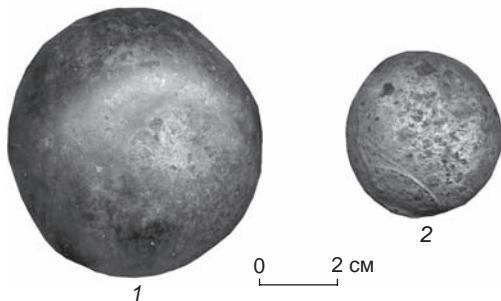

Рис. 12. Ядра, найденные в непосредственной близости от Умревинского острога.

Деревянные оборонительные сооружения нуждались в систематическом ремонте. Каждые 5–10 лет чинили тесовые покрытия. Мелкие текущие ремонты острогов выполняли в среднем через 29 лет [Варфоломеев, Шаповалова, 1991]. Как отметил Д.Г. Мессершмидт в своем путевом описании, спустя 19 лет после основания (ок. 1722 г.) Умревинский острог был частично разрушен [Messerschmidt, 1962, S. 74–78]. Вероятно, в первой трети XVIII в. произошелся какой-то ремонт его укреплений. Посетивший эти места в 1734 г. Г.Ф. Миллер отметил, что Умревинский острог состоял из четырехугольного палисада с двумя башнями и церковью Трех Святителей (см.: [Элерт, 1988, с. 76]).

Позднее, очевидно в самом конце XVIII в., на территории острога стал формироваться некрополь. Судя по хронологии захоронений, основывающейся на особенностях нательных крестов и внутримогильных деревянных конструкций (колод и гробов), наиболее ранней его частью является юго-западный край. Здесь образовались целые комплексы ярусных захоронений, иногда перерезающих западный тын (см. рис. 9) [Бородовский, Воробьев, 2005] (аналогичная ситуация была прослежена во время исследований Красноярского острога [Тарасов, 2003]). Это свидетельствует о том, что к началу XIX столетия Умревинский острог в качестве единого оборонительного сооружения уже не существовал. Значительная часть тынин не сохранилась в тыновой канавке, т.к. была удалена при сооружении некрополя и хозяйственной деятельности.

Башня

Археологическое исследование башен русских острогов в Сибири является не только одной из актуальных задач в ходе проведения полевых работ, но и важным основанием для последующих реконструкций данных оборонительных сооружений. Особое значение это приобретает в случае полного отсутствия их наземных деревянных конструкций. Можно

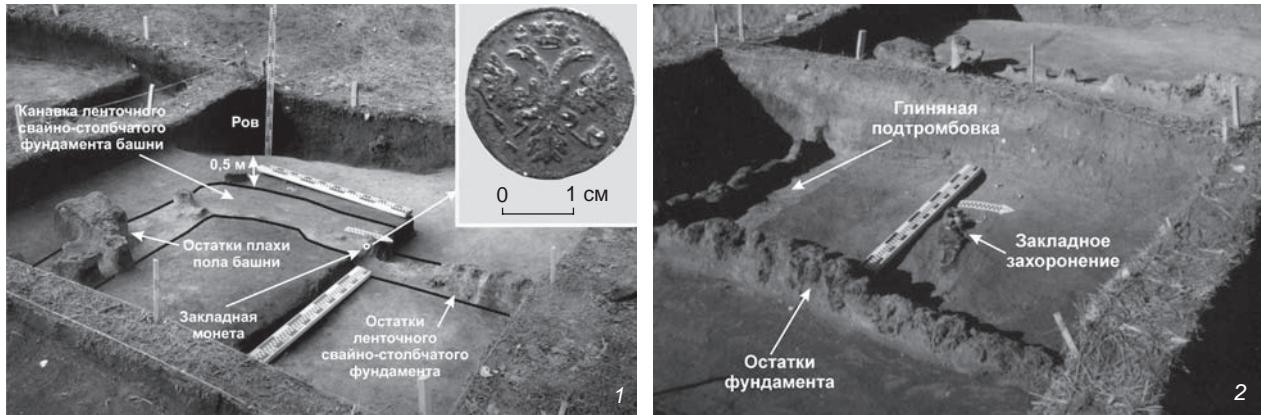

Рис. 13. Часть фундамента юго-западной набережной башни.

Рис. 14. Ленточный свайно-столбчатый фундамент жилого дома середины XX в. на севере Верхнего Приобья (с. Юрг-Акбальк Кольванского р-на Новосибирской обл.).

привести, пожалуй, лишь одно исключение – Казымский (Юильский) острог, башни которого, возведенные, согласно дендрохронологическим данным, в первой половине XVIII в. [Комин, 1980, с. 126], сохранились на момент его исследования в достаточно полном виде [Молодин, Добжанский, 1978]. В других случаях, как правило, башни не только не сохранились, но и пока не выявлены в ходе археологических раскопок [Черная, 2002, с. 150].

Юго-западная набережная башня Умревинского острога на момент ее изучения была представлена остатками подквадратного ($3,2 \times 3,5$ м) ленточного свайно-столбчатого фундамента (рис. 13). Он состоял из полубревен диаметром до 20 см, длиной от 50 до

78 см, установленных вертикально, плотно друг к другу с последующей подтромбовкой глиной в канавообразном углублении. Сваи южной и восточной частей ленточного фундамента расположены вплотную к внешней стенке канавки и подтромбованы с внутренней стороны, а северной и восточной – наоборот.

Устойчивая традиция земляных работ по устройству ленточных фундаментов древнерусских оборонительных сооружений существовала с IX столетия. В XVII–XVIII вв. составлялись особого рода инструкции по определению качества грунта при возведении таких сооружений [Шор, 1958, с. 28]. Например, в грамоте Сибирского приказа, направленной в г. Тюмень в 1700 г., предписывалось найти участок с «твердой землей», где следовало вырыть рвы для фундамента укреплений [Копылова, 1979, с. 121]. Слабые грунты требовали уплотнения и усиления оснований под крепостными сооружениями путем забивки свай [Черная, 2002, с. 136]. Эолово-делювиальные лесовые суглинки среднечетвертичного возраста Приобского плато на большей части современного Мошковского р-на Новосибирской обл. являются достаточно слабыми грунтами с низкой несущей способностью. Поэтому наиболее рациональным типом фундамента на этой территории является свайный [Районы..., 1996, с. 101]. Он до сих пор распространен на севере Верхнего Приобья (рис. 14).

Фундамент юго-западной набережной башни перекрыт глиняной засыпкой, видимо необходимой для лучшей сохранности нижних венцов. Над ней обнаружены отдельные фрагменты перекрытия из плах (см. рис. 13, 1). Они располагались исключительно вдоль длинной оси острога. Выяснение наличия деревянного пола в острожных башнях и того, как он укладывался, достаточно важно. В традиционной русской домостроительной архитектуре жилища с настланым из досок полом появились только в начале XVIII в. Наличие или отсутствие дощатого пола имело социаль-

ный и региональный аспекты [Громов, 1985, с. 327]. Особый государственный статус острожных сооружений и обширный опыт строительства заимок, зимних изб в Сибири дают веские основания для предположения о существовании такого пола в башнях. Материалы других сибирских острогов позволяют говорить о двух вариантах настила пола: вдоль длинной оси острога и поперек. В сибирских условиях башни острогов использовались и как жилое помещение. Поэтому для сохранения тепла в них делалась изоляция нижних и верхних ярусов. В частности, известно утепление межэтажного перекрытия из глины и земли [Черная, 1996, с. 109]. Глиняная засыпка основания юго-западной набережной башни Умревинского острога вполне могла иметь именно такое назначение.

Не исключено, что на башне находилось артиллерийское орудие. Косвенно об этом свидетельствует обнаружение ядер. В 2003 г. местный житель передал А.П. Бородовскому артиллерийское ядро диаметром 7 см (калибр 4 фунта), найденное на берегу Умревинской протоки, непосредственно напротив острога (см. рис. 12, 1). По рассказам местных жителей, еще одно такое же ядро было обнаружено в 4 км южнее острога на правом берегу р. Оби.

Северо-восточный угол юго-западной башни был перерезан более поздним коллективным захоронением (рис. 15, 1). Кости девяти человек (взрослых и детей) находились непосредственно у входа в нее. Погребенные были уложены несколькими ярусами, от двух до трех человек в каждом. Глубина захоронения от материковой поверхности небольшая (0,3–0,6 м). Дверной проем был смещен к северо-восточному углу сруба так, как это было принято до недавнего времени в рубленых русских домах и небольших хозяйственных постройках.

Под глиняной засыпкой основания юго-западной башни обнаружено захоронение младенца (не старше 2 месяцев – определение антрополога Д. Позднякова) в колоде непосредственно на погребенной почве. Оно появилось до возведения башни. Младенец был захоронен в вытянутом положении на спине, головой на запад. Из сопроводительного инвентаря найден только православный нательный бронзовый проушной крест. Место расположения захоронения не исключает его закладной характер (см. рис. 13, 2). Несмотря на то что такого рода жертвы противоречат канонам христианства, они имели довольно широкое распространение в практике строительства [Кубан, 2007].

На одной из центральных свай западной стороны фундамента башни реверсом вверх лежала медная монета – «денга» 1730 г. (см. рис. 13, 1). Возможно, она была закладной, а не случайно утерянной. На российском флоте в XVIII в. существовала традиция «прятать монеты, отчеканенные в год постройки корабля» [Дыгalo, 2000, с. 119]. Не исключено, что и расположение

Рис. 15. Раскоп юго-западной набережной башни.

монеты гербом (реверс) Российской империи вверх было также не случайно. В конце XIX – начале XX в. при закладке крестьянских домов первыми всегда кладили продольные бревна, что, по поверьям, должно было обеспечить благополучие семьи. По углам оклада помещали кусочки хлеба, маленький камешек и деньги – жертву домовому, «суседке» [Бардина, 1994, с. 121]. На территории Новосибирской обл. вплоть до недавнего времени сохранялись сходные ритуалы. Например, в пос. Сузуне и д. Стародубровино Мошковского р-на под окладной венец, на фундамент, в четырех углах будущей избы закладывали по монете, «чтобы водились деньги». В деревнях Мамоново и Старобибеево Болотниковского р-на также закладывали монеты [Майничева, 2002, с. 85]. Поэтому «денга» на фундаменте башни, видимо, не случайна. Именно здесь располагался передний угол Умревинского острога. Обнаружение закладной монеты позволяет выделить два периода строительства деревянных оборонительных сооружений: 1) до возведения юго-западной набережной башни (на ее месте находился угол тына); 2) постройка юго-западной набережной башни в системе уже сложившихся тыновых укреплений (не ранее 1730 г. и не позднее 1734 г., когда было составлено описание Умревинского острога Г.Ф. Миллером).

Башня располагалась на одной из самых высоких площадок острога около взвоза, ведущего к реке (см. рис. 3, 4). По размерам сруба (полуторосаженный стандарт) и угловому расположению входа башня ближе всего к одночастному типу крестьянского жилища [Медведев, 1985, с. 37]. Такие параллели не случайны, поскольку в росписи строений Каштацкого острога конца XVII в. указывалось, что в «том остроге построено на четырех углах четыре избы. А на трех избах построены три башни» (цит. по: [Бородовский и др., 2005, с. 67]). Они могут быть аргументом в пользу конструктивных архаизмов угловой юго-западной башни, связанных с наследием допетровской Руси.

По вопросу о количестве башен в Умревинском остроге существует несколько мнений. Одно из них принадлежит Г.Ф. Миллеру, который в своем описании острога за 1734 г. указал, что он «состоял из четырехугольного палисада с двумя башнями» (цит. по: [Элерт, 1988, с. 76]). Очевидно, именно на основании этого описания в конце 80-х гг. XX в. была выполнена одна из первых реконструкций Умревинского острога, опубликованная в книге Д.Я. Резуна и Р.С. Васильевского [1989, с. 277]. В ходе археологических исследований на северо-западном и северо-восточном углах тыновых укреплений остатки башен не выявлены.

Ров, примыкающий к юго-западной набережной башне, был перекрыт обильными следами интенсивного горения. Возможно, это связано с заключительным этапом ее существования, когда она могла быть сожжена. Известен прецедент с деревянной башней Ляпинской крепости. В 1927 г. ее сжег местный крестьянин, «поскольку развалины, находясь на сенокосных угодьях, ему мешали» [Крадин, 1988, с. 89]. Для территории Умревинского острога такой вариант вполне вероятен, поскольку вплоть до недавнего времени эти земли интенсивно использовались под посадку картофеля и сенокосы. Время возникновения пожара во рву на юго-западном краю острога маркируют фрагменты русской керамики, точная атрибуция которой в будущем позволит установить относительную хронологию данного события.

Заключение

Умревинский острог – один из уникальных объектов, связанных с освоением русскими территории Верхнегорного Приобья в начальный период вхождения земель юга Западной Сибири в состав Российского государства. Его оборонительные сооружения представлены внутренним и внешним валами, рвом, набережной угловой башней, тыном и помостом. Исследовано чуть менее половины всей протяженности тыновых укреплений, что составляет 490 м². Выявлены два строительных периода. В первой трети XVIII в. был возведен палисад

в виде тына и земляных оборонительных сооружений. Определено, что сначала вырыли ров, а затем канавку для установки тына, как это имеет место на юго-западном участке оборонительных сооружений. Выкидом грунта из рва и канавки тына был образован внутренний вал. Второй строительный период приходится на 1730–1734 гг. и связан с возведением набережной угловой башни, строительство которой сопровождалось комплексом ритуальных действий (помещение закладного захоронения и закладной монеты).

Вопрос о наличии артиллерийских орудий на территории Умревинского острога является дискуссионным. По данным Г.Ф. Миллера, оставившего описание Умревинского острога, в 1734 г. гарнизон не располагал артиллерией. Письменные источники XVIII в. уделяют мало внимания этому. Как выразился Г.Ф. Миллер в своем труде по истории Сибири, «к тому же сие в истории не весьма важно» [1750, с. 274], что ярко характеризует степень освещенности данного вопроса в его работе.

Наиболее вероятными представляются следующие версии относительно попадания ядер на территорию, прилегающую к острогу. Первая – ядра были зарыты в землю для хранения. Данная версия основана на аналогичном прецеденте, описанном в труде П.А. Словцова: дворянин Зиновьев, направлявшийся из Москвы к Хабарову с различными грузами, среди которых были и пушечные ядра, зарыл эти ядра в землю в Тугирском остроге «как бы ненужные» [1886, с. 49]. Вторая версия – ядра, зарытые в землю, маркировали принадлежность данной местности российскому государю. Основание – прецедентный случай, когда в лагере В. Беринга на Командорских островах был совершен аналогичный акт [Станюкович, 1998]. Наконец, третья версия – кража ядер как предметов, имевших высокую ценность и состоявших на строгом учете [Толмачев, 1999, с. 232]. Например, при раскрытии «заговора» в Якутске в 1690 г. его инициаторы были обвинены в том, что хотели «великих государей пороховую и свинцовую казну пограбить» [Башкатова, Половинкин, 1980, с. 156].

К концу XVIII столетия оборонительные укрепления, вероятно, пришли в негодность, а на территории острога начал формироваться некрополь. Наиболее поздний его край к XIX в. занял северо-западную часть острога. Именно здесь внутренний вал перекрывает тын.

Сравнение данных письменных источников с полученными в ходе археологических исследований показывает различную степень отражения реальности. Категоричное мнение В.Н. Курилова о том, что реконструкции, основанные на археологических или графических материалах, гипотетичны, а памятники письменности дают довольно обширную и, главное, достоверную информацию по истории первого эта-

па сибирской деревянной архитектуры [1989, с. 87], методически и фактически не верно [Черная, 2002, с. 131]. Например, в различных описаниях Томского кремля, сделанных в XVII в., очевидно разнотечение в количестве башен [Там же, с. 83]. В отношении Умревинского острога это справедливо вдвойне, поскольку письменных источников по нему почти не сохранилось, а известные описания настолько скучны, что получить более или менее полное представление о памятнике без археологических данных невозможно.

Список литературы

Баландин С.Н. Оборонная архитектура Сибири в 17 в. // Города Сибири: (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 7–37.

Бардина П.Е. Русские // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1994. – Т. 2. – С. 101–164.

Башкатова З.В., Половинкин И.Ф. К истории рода Поломошных и их деятельности в Сибири // Историко-архитектурный музей под открытым небом: Принципы и методика организации: Сб. ст. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 141–157.

Бородовский А.П. Археологические исследования Умревинского острога // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 258–265.

Бородовский А.П. Продолжение исследований Умревинского острога // Археологические открытия 2002 года. – М.: Наука, 2003. – С. 337–339.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Русские остроги XVIII века на территории Новосибирской области. – Новосибирск: Науч.-произв. центр по сохранению истор.-культур. наследия, 2003. – 44 с.

Бородовский А.П., Воробьев А.А. Некрополь на территории Умревинского острога // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Ом. гос. ун-т, 2005. – С. 191–202.

Бородовский А.П., Косарева И. Умревинский острог: три столетия сибирской истории. – Новосибирск: Сибирская Горница, 2003. – 68 с.

Бородовский А.П., Манштейн А.К. Использование средств электромагнитного сканирования при изучении археологических памятников юга Западной Сибири: (Исследовательская программа) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 4. – С. 483–487.

Бородовский А.П., Оболенский А.А., Бабич В.В., Борисенко А.С., Морцов Н.К. Древнее серебро Сибири (краткая история, состав металла, рудные месторождения). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 88 с.

Варфоломеев Ю.А., Шаповалова Л.Г. Обеспечение долговечности памятников деревянного зодчества при эксплуатации // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Российской Севера:

Межвуз. сб. – Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 1991. – С. 150–155.

Васильевский Р.С., Молодин В.И., Седякина Е.Ф. Исследования Илимского острога // Древние культуры Приангарья: Сб. ст. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 215–232.

Визгалов Г.П. Мангазея – первый русский город в сибирском заполярье (по материалам новых археологических исследований): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2006. – 21 с.

Геологические исследования и разведочные работы по линии Сибирской железной дороги. – СПб., 1896. – Вып. 5. – 180 с.

Горохов С.В. Малоглубинное индукционно-частотное зондирование в археологии Западной Сибири // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем: Мат-лы 43-й Всерос. (с международным участием) археол.-этнограф. конф. молодых ученых. – Томск: Том. гос. ун-т, 2003. – С. 36–37.

Горохов С.В. Археологические и геофизические исследования Умревинского острога // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2005 г.: Археология, этнография, устная история. – Барнаул: Барнаул. гос. пед. ун-т, 2006а. – Вып. 2: Мат-лы II Регион. науч.-практ. конф. Барнаул, 1–2 декабря 2005 г. – С. 38–43.

Горохов С.В. Корреляция археологических и геофизических данных по материалам Умревинского острога // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Мат-лы XLVI Регион. (II Всерос.) археол.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых, посвященной 160-летию со дня рождения И.Т. Савенкова и 110-летию со дня рождения В.И. Громова. Красноярск, 28–30 марта 2006 г. – Красноярск, 2006б. – Т. 1. – С. 195–197.

Горохов С.В. Скобяные изделия Умревинского острога // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Мат-лы XLVII Регион. (III Всерос. с международным участием) археол.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 3–4 апреля 2007 г. – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2007. – С. 156–158.

Градостроительство Московского государства XVI–XVII вв. – М.: Стройиздат, 1994. – 317 с.

Громов Г.Г. Крестьянское жилище // Очерки русской культуры XVIII века. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1985. – Ч. 1. – С. 317–342.

Дыгало В.А. Откуда и что на флоте пошло. – М.: Крафт+, 2000. – 383 с.

Комин Г.Е. Дендрохронология Казымского городка // Историко-архитектурный музей под открытым небом: Принципы и методика организации: Сб. ст. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 121–126.

Копылова С.В. Каменное строительство в Сибири (конец XVII–XVIII в.). – Новосибирск: Наука, 1979. – 255 с.

Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. – М.: Искусство, 1988. – 190 с.

Краткий артиллерийский военно-исторический лексикон, или Терминологический словарь всего, преимущественно до русской полевой артиллерии начала XIX столетия касаемого / сост. А.А. Смирнов. – М.: Изд-во ГИМ, 2006. – 232 с.

Кубан А.А. Изучение строительных жертвоприношений немецкими исследователями XX века // Археология, этно-

логия, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Мат-лы XLVII Регион. (III Всерос. с международным участием) археол.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 3–4 апреля 2007 г. – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2007. – С. 245–247.

Курилов В.Н. Из истории шатрового зодчества в Сибири XVII в. // Памятники быта и хозяйственного освоения Сибири: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 87–94.

Кызылсов Л.Р. Государства Южной Сибири в XVI–XVIII вв. // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2003. – № 10. – С. 138–141.

Майничева А.Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья: проблемы эволюции и контактов (середина XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 143 с.

Медведев П.П. Типология крестьянского жилья беломорского Поморья второй половины XIX – первой трети XX в. // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей: Межвуз. сб. – Петрозаводск: Петрозаводск. гос. ун-т, 1985. – С. 36–47.

Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. – СПб.: Изд-во Имп. Акад. наук, 1750. – Кн. 1. – 490 с.

Миненко Н.А. Русские остроги и форпосты на территории Новосибирского Приобья и Барабы // Памятники Новосибирской области: Памятники археологии. Памятники истории. Памятники архитектуры. – Новосибирск: Кн. изд-во, 1989. – С. 80–91.

Миненко Н.А. По старому Московскому тракту. – Новосибирск: Кн. изд-во, 1990. – 183 с.

Молодин В.И., Добжанский В.Н. Археологическое исследование Казымского острога // Древние культуры Алтая и Западной Сибири: Сб. ст. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 191–202.

Районы и города Новосибирской области: Природ.-эконом. справочник 1996 г. – Новосибирск: Кн. изд-во, 1996. – 519 с.

Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. – Новосибирск: Кн. изд-во, 1989. – 304 с.

Скобелев С.Г. Саянский острог – памятник русской эпохи в истории Евразии // Евразия: культурное наследие

древних цивилизаций: Сб. науч. ст. – Новосибирск: [Б.и.], 1999. – Вып. 2. – С. 185–207.

Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. – СПб.: [Тип. И.И. Скороходова], 1886. – 417 с.

Станюкович А.К. Археологические комплексы лагеря экспедиции Беринга на правом берегу р. Командор // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVIII–XIX вв.: Историко-археологические исследования. – Владивосток: [Б.и.], 1998. – Т. 3. – С. 115–128.

Тарасов А.Ю. История изучения Красноярского острога // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: [Б.и.], 2003. – Вып. 2. – С. 78–81.

Толмачев Е.П. Исторические портреты // Сб. Рус. истор. об-ва. – М.: Наука, 1999. – Т. 1 (149). – С. 230–236.

Черная М.П. Нарымский острог // Земля Парабельская: Сб. науч.-популяр. очерков к 400-летию Нарыма. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1996. – С. 94–116.

Черная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2002. – 187 с.

Шаповалов А.В. Пограничные крепости Южной Сибири XVIII в.: особенности архитектуры // Куйбышев (Каинск): исторический опыт социально-экономического и культурного развития: Тез. докл. Регион. науч.-практ. конф. – Куйбышев, 1997. – С. 12–15.

Шор Д.И. Русское военное инженерное искусство XVI–XVII вв. в свете «Устава ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» // Военно-инженерное искусство и инженерные войска русской армии: Сб. ст. – М.: Воениздат, 1958. – С. 18–35.

Шостын Н.А. Очерки истории русской метрологии XI–XIX вв. – М.: Изд-во стандартов, 1975. – 272 с.

Элерт А.Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 59–101.

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727: Tagebuchaufzeichnung / Hrsg. von E. Winter, G. Uschman, G. Jarosch. – Berlin, 1962. – Bd. 1. – 379 S.

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА

УДК 903.27

А.Е. Рогожинский

Казахский научно-исследовательский институт
по проблемам культурного наследияnomadov
ул. Толе би, 21/23, Алматы, 050010, Казахстан
E-mail: alexeyro@hotmail.com

О СОВРЕМЕННЫХ ЗАДАЧАХ АРХЕОЛОГИИ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА КАЗАХСТАНА И СРЕДНЕЙ АЗИИ

В статье рассматриваются некоторые вопросы изученности известных местонахождений петроглифов Казахстана и Средней Азии (Тамгалы, Саймалы-Таш, Заразутсай) в связи с проблемой включения их в Список всемирного наследия ЮНЕСКО и будущей подготовкой трансграничной серийной номинации «Наскальное искусство Центральной Азии». Обосновывается необходимость комплексного изучения памятников наскального искусства как разновидности культурного ландшафта.

Введение

Недавно на карте всемирного наследия появился новый объект – «Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы», первый памятник наскального искусства Центральной Азии, вошедший в Список ЮНЕСКО. Что этому предшествовало и как происходило? Что последует и что для этого необходимо? Думается, эти вопросы интересуют многих отечественных специалистов. В рамках текущей дискуссии хотелось бы изложить некоторые соображения, касающиеся ряда выдающихся памятников Казахстана и Средней Азии, чтобы на их примере оценить возможности существующих подходов к изучению наскального искусства.

Тамгалы и перспективы трансграничной серийной номинации ЮНЕСКО «Наскальное искусство Центральной Азии»

В последние годы накоплен опыт гармоничного единения задач изучения и сохранения памятников наскального искусства Казахстана и Средней Азии как потенциальных объектов мирового наследия. О силь-

ных и слабых сторонах этой стратегии уже приходилось говорить [Рогожинский, 2005, с. 206–207]; здесь остановимся на имеющихся результатах.

В 2003–2004 гг. представленная Республикой Казахстан номинация «Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы» успешно прошла экспертизу ИКОМОС и ЮНЕСКО, и решением 28-й сессии Комитета по всемирному наследию памятник был включен в Список ЮНЕСКО. Это стало возможным благодаря позитивной политике ЮНЕСКО в странах региона и всесторонней поддержке государства. В основе достигнутого лежит также многолетний труд большого коллектива специалистов – археологов, геологов, архитекторов и реставраторов, – последовательно реализовавшего широкую программу действий, намеченную еще в 1998 г. [Рогожинский, Аубекеров, Сала, 2004, с. 49]. Координирующим научно-методическим центром в подготовке номинации выступил Научно-исследовательский и проектный институт памятников материальной культуры МК РК (далее – НИПИПМК).

Еще недавно ситуация в Тамгалы, как и на многих других памятниках такого рода, была критической: отсутствие юридической защиты, физической охраны, неконтролируемое массовое посещение туристами и

активное хозяйственное использование этой территории. Но в течение нескольких лет удалось добиться утверждения статуса комплекса (в 2001 г. он внесен в Список памятников республиканского значения), затем организации его охраны и управления (как временная мера осуществлялись в 2001–2003 гг. НИПИПМК) и, наконец, создания в 2003 г. Государственного заповедника-музея «Тамгалы». В 2001–2006 гг. в рамках ЮНЕСКО-норвежско-казахстанского проекта «Менеджмент, консервация и презентация Тамгалы» (координатор А.-С. Хиген (Норвегия), научный руководитель А.Е. Рогожинский) выполнена большая программа научных исследований и консервационных работ, направленных на сохранение памятников и ландшафта Тамгалы. Параллельно готовилась документация для включения комплекса в Список ЮНЕСКО. В 2002–2003 гг. подготовили досье номинации Тамгалы – пакет документов, исчерпывающие характеризующих памятник, его выдающуюся значимость, современное состояние и меры по сохранению. К 2004 г. была завершена разработка менеджмент-плана, определяющего принципы устойчивого сохранения комплекса и включающего детальные программы практической деятельности по управлению, охране, изучению, консервации, мониторингу и туризму на 2004–2008 гг.

Процедура представления памятников в Список ЮНЕСКО подробно изложена в «Руководстве по выполнению Конвенции о всемирном наследии»; здесь остановимся на содержании номинации Тамгалы. Уже на стадии подготовки в 1998 г. заявки на включение комплекса в Предварительный список ЮНЕСКО были определены категория и критерии для обоснования выдающейся ценности объекта: археологический ландшафт с петроглифами как исключительное свидетельство исчезнувшей культурной традиции [Конвенция..., ст. 1; Руководство..., разд. II А, ст. 45, 47; разд. II D, ст. 77, критерий III].

По определению Конвенции и Руководства, местонахождения петроглифов, подобные Тамгалы, могут быть отнесены к достопримечательным местам и классифицироваться как культурные ландшафты – совместные творения человека и природы, представляющие выдающуюся мировую ценность с точки зрения истории, эстетики или этнологии. Поскольку речь идет о комплексе наскальных рисунков и других памятников, опосредованно фиксирующих способ обитания здесь людей и взаимодействия с природным окружением, следует говорить об археологическом ландшафте, в составе которого петроглифы играют определенную значимую роль. Выявление этой роли – главная задача научного исследования.

Наскальные рисунки, как недвижимые памятники, не существуют вне природного и культурного контекста, и, если пространственная и времененная их связь с другими археологическими объектами не зафиксиро-

вана, значит, она просто еще не выявлена. Культурный контекст петроглифов может формировать живая традиция (создание новых рисунков и/или подновление древних, почитание мест их нахождения), которая становится объектом этнологического изучения; отсутствие такой традиции означает окончательное ее исчезновение, и выявление таковой является предметом историко-археологической реконструкции. Наскальные рисунки наряду с другими памятниками (поселения, могильники, стоянки и др.) отражают в ландшафте характер обитания древних коллективов, их отношение к окружающей среде, функциональную значимость отдельных ее компонентов в зависимости от уровня общественного, технического развития в конкретный исторический период. Выявление и интерпретация пространственно-временных связей памятников и природного ландшафта составляют содержание исторической реконструкции.

Тамгалы – это крупный комплекс археологических объектов, сосредоточенных на сравнительно небольшой территории (900 га) и датируемых от эпохи бронзы до Нового времени. Здесь зафиксировано более 100 пунктов с наскальными рисунками, десятки поселений, стоянок, могильников и др. Общее количество петроглифов приближается к 5 000, из них 3 000 выбиты на скалах небольшого каньона. Не все виды памятников изучены в равной мере: различны были цели, методы и масштабы исследований, ведущихся в Тамгалы с 1957 г. Основное внимание исследователи уделяли документированию и анализу петроглифов. Внедрение с начала 1990-х гг. системного подхода и применение геоархеологических методов дали возможность решить основные исследовательские задачи. Комплексное изучение памятников и природного ландшафта (геология, геоморфология, неотектоника, гидрогеология, биология и палеоботаника) позволило синхронизировать археологический контекст и изменения окружающей среды на протяжении 3 200 лет. Принципиальное значение для реконструкции палеоландшафта Тамгалы имеют выводы специалистов о состоянии рельефа и климата района в различные исторические периоды. Археолого-геоморфологическое картирование выявило устойчивую связь памятников разного вида и возраста с определенными формами рельефа, а также их группирование по функционально-типологическим признакам. В структуре археологического ландшафта отчетливо выделяется территория сосредоточения петроглифов и разновременных могильников, вокруг которой формировалась жилая зона. Природные особенности каньона не только сделали его главной достопримечательностью Тамгалы, но и обеспечили среду, преобразованную создателями древнейших петроглифов в скальную галерею. С эпохи бронзы он играл роль ядра комплекса, о котором в среде коренного населения до сих пор сохранились представления как о

сакральном месте – «Танбалы аулие». Выявлена связь традиционного почитания этого места с культом предков, но не с рисунками на скалах.

Анализ пространственного расположения петроглифов позволил выделить три типа местонахождений, отличающиеся привязкой к определенным формам рельефа, количеством, репертуаром и качеством изображений: основные (каньон), периферийные и связанные с традиционными коммуникациями. Типология наскальных рисунков Тамгалы основана на анализе стиля, иконографии, репертуара, техники и опирается на данные стратиграфии серий, выделенных здесь и на других местонахождениях Семиречья. Наконец, имеется репрезентативная коллекция строительных камней с рисунками из трех могильников эпохи бронзы и с поселения. Для них получена серия калиброванных дат по ^{14}C (11 измерений) и ЭПР. Все это позволяет аргументированно решать вопросы датировки как самих памятников, так и выделенных групп изображений.

Время создания древнейших петроглифов Тамгалы, обладающих наибольшей эстетической и культурной ценностью, определяется в интервале второй половины XIV – XIII в. до н.э. Эти рисунки локализуются в пределах каньона, отличаются рядом специфических особенностей репертуара, иконографии, стиля, техники и тесной связью с «архитектурой скал», образуя единый изобразительный комплекс, что позволяет выделять их как тип петроглифов Тамгалы. Географический ареал данного культурного феномена ограничен Юго-Западным Семиречьем, а его происхождение связывается с миграционным импульсом из Центрального Казахстана и синтезом с местной архаической изобразительной традицией [Рогожинский, Аубекеров, Сала, 2004, с. 54–55]. Древнейшие рисунки образуют первичный фон, изобразительный ряд каньона-святилища Тамгалы, трансформировавшийся в последующие времена вплоть до наших дней, когда наскальное творчество полностью утратило общественное значение. Изучение петроглифов разных периодов с позиций качественных изменений техники, репертуара, выбора поверхности, отношения к сложившемуся ранее изобразительному ряду (дополнение древних композиций, подновление рисунков, палимпсесты), а также расположения относительно синхронных групп других памятников, традиционных коммуникаций и водных источников позволило определить основные тенденции развития наскального творчества в контексте освоения территории урочища и функционального зонирования культурного ландшафта. Отметим, что доказательная база значимости Тамгалы оказалась значительно шире обоснования достоинств отдельных серий петроглифов. Соответственно, и документация памятника структурно выглядит более развитой, чем это традиционно предусматривается петроглифоведением [Рогожинский, Хорош, Чарлина, 2004, рис. 1].

В целом анализ археологических и этнологических данных позволил создать историческую реконструкцию Тамгалы, в которой эволюция изобразительной деятельности представлена на фоне выявленных палеоэкологических и культурно-исторических изменений от эпохи бронзы до современности. Это и определило содержание номинации и обоснование исключительной значимости археологического ландшафта Тамгалы.

Включение памятника в Список ЮНЕСКО следует рассматривать как первый шаг к утверждению мировой ценности такого широкого культурного явления, как наскальное искусство Центральной Азии. Археологический ландшафт Тамгалы, обладая самостоятельной значимостью, в историко-культурном, этнологическом, географическом и временном аспектах представляет все же лишь часть того многообразия, которым характеризуется это явление как единое целое. Раскрыть во всей полноте его содержание возможно лишь на примере серии репрезентативных памятников наскального искусства, расположенных сегодня на территории разных стран региона (рис. 1). Поэтому ближайшей перспективой совместной деятельности ЮНЕСКО и заинтересованных государств в данной сфере становится подготовка трансграничной серийной номинации «Наскальное искусство Центральной Азии». В процедурном отношении это может рассматриваться как расширение номинации Тамгалы и осуществляться поэтапно, по мере подготовки к включению в Список ЮНЕСКО новых комплексов или групп (клusterов) памятников. Не затрагивая здесь проблемы менеджмента трансграничных объектов всемирного наследия, остановимся на вопросах научного обоснования будущей номинации.

Сложность видится прежде всего в том, что в мировой практике нет precedента серийной номинации памятников наскального искусства. Кроме того, известные на сегодня попытки их целостного рассмотрения в пределах региона и отдельных территорий [Формозов, 1969; Шер, 1980; Ksica, 2001; Tashbaeva et al., 2001; Ковтун, 2001] основаны на ограниченном круге источников, предоставляемых традиционным петроглифоведением, и поэтому не раскрывают в необходимой полноте исключительность феномена, его мировую значимость. Неразрешимой остается сегодня и задача типологии памятников наскального искусства, а значит, определения критериев их оценки [Рогожинский, 2002, с. 16–18]. Это обстоятельство вызвало трудности при проведении сравнительного анализа археологического ландшафта Тамгалы с другими известными объектами региона, т.к. большинство из них исследовано в русле иной парадигмы, предусматривающей изучение и фиксацию собственно наскальных изображений в отрыве от природного и культурного контекстов. Примеры системного подхода к петроглифам как составляющей культурного ландшафта в отечественной археологии

Рис. 1. Петроглифические (а) и другие (б) памятники Средней Азии и Казахстана.

Петроглифы: 1 – Шахты; 2 – Зараут-камар; 3 – Сийпанташ; 4 – Сармиштай; 5 – Аксакалатасай и Сангикумасай; 6 – Арапаузен; 7 – Сулайман-Тоо; 8 – Суук-Дёбё; 9 – Саймалы-Таш; 10 – Ходжакент; 11 – Арпаузен; 12 – Кульджабасы; 13 – Тамгали; 14 – Ешкиольмес.

Другие памятники: 1 – Кара-депе; 2 – Геоксюр; 3 – Гонур; 4 – Сапаллитепа; 5 – Джаркутан; 6 – Пашхурт; 7 – Заманбаба; 8 – Тугайное; 9 – Саразм; 10 – Зардча Халифа; 11 – Сох; 12 – Ошское поселение; 13 – Шагым; 14 – Дальверзин; 15 – Базар-Курган; 16 – Арипа; 17 – «кульсайского типа».

единичны. Из новейших попыток его реализации отметим исследование наскальных рисунков Монгольского Алтая [Jacobson, Kubarev, Tseevendorj, 2001, р. 7–39]. В последние годы изучение петроглифов в составе археологического и природного ландшафта проводится на ряде известных памятников Казахстана и Узбекистана: Кульджабасы, Арпаузен, Ешкиольмес [Рогожинский, Аубекеров, Сала, 2004, с. 60–92] и Сармиштай [Хужаназаров, Реутова, 2004], которые являются потенциальными объектами серийной номинации. Но эти яркие памятники относятся к тому же типу, что и Тамгали; они не охватывают все этапы эволюции наскального искусства региона, не дают представления о его истоках и современных проявлениях, об иных формах изобразительной деятельности. Поэтому, говоря о перспективе серийной номинации, прежде всего необходимо дать ясное определение самого культурного явления, выработать критерии типологии памятников и оценки их значимости в истории древних и современных народов. Иными словами, речь идет о разработке научной концепции серийной номинации наскального искусства Центральной Азии. Возможно ли это при современном уровне изученности памятников региона?

Ниже предлагаются два этюда, посвященные некоторым известным местонахождениям петроглифов Средней Азии. На этих примерах можно представить круг проблем, возникающих сегодня при их идентификации.

Центрально-азиатский колосс

Саймалы-Таш является крупнейшим в регионе местонахождением петроглифов, расположенным в условиях вечной мерзлоты (3 500 м над ур.м.), чрезвычайно труднодоступным, исключительно богатым уникальными рисунками, открытый более 100 лет назад и испытавшим серию «штурмов» (иначе не назвать эти героические восхождения!) трех-четырех поколений исследователей, но и поныне остающимся непознанным колоссом наскального искусства Центральной Азии. Будучи потенциальным объектом мирового наследия, он может номинироваться как яркий образец взаимодействия разных культур и специфический тип высокогорных петроглифических памятников. Чтобы оценить такую возможность, рассмотрим имеющие-

ся сегодня данные с позиций их достаточности для обоснования значимости Саймалы-Таша; знакомство с местонахождением облегчает выполнение задачи*.

История изучения памятника освещена в ряде публикаций [Шер, 1980, с. 105–111; Мартынов, Марьяджев, Абетеков, 1992, с. 5–19; Ташбаева, 2004, с. 96–97]. Результаты последнего по времени «штурма», предпринятого в 1991–2002 гг. кыргызскими археологами под руководством К.И. Ташбаевой при участии на заключительном этапе А.-П. Франкфорта [Ташбаева, 2004, с. 97], пока остаются неопубликованными.

Специалисты естественно-географических наук не привлекались археологами к совместному изучению памятника. Поэтому сведения о природном окружении и даже о субстрате петроглифов крайне скучны. В сущности, весь объем имеющихся на эту тему данных может быть исчерпан краткой характеристикой местонахождения: Ферганский хребет, верховья р. Кугарт, ледниковый цирк, на дне которого имеются моренные отложения и небольшое озеро; рельеф холмисто-увалистый, на участке долины с петроглифами перепад высот составляет более 500 м (2 800–3 440 м над ур.м.); снежный покров лежит 10–11 месяцев в году; растительность бедная, представлена несколькими видами травянистых и кустарниковых растений; район эпизодически используется как летнее пастбище с середины июля до середины августа; основные транзитные пути из Ферганской долины на Тянь-Шань – современные и древние – проходят значительно севернее и южнее [Бернштам, 1997, с. 398; Воропаева, Горячева, 1998, с. 35].

Ненамного лучше обстоит дело с изученностью памятников, образующих вместе с петроглифами комплекс Саймалы-Таш. К.И. Ташбаевой произведены раскопки курганов раннего железа на местонахождении Саймалы-Таш II, но следы древних стоянок до настоящего времени не выявлены. Между тем сезонные и стационарные поселения здесь должны были быть; их обнаружение и исследование могут стать ключевыми для культурно-хронологической атрибуции петроглифов.

Сегодня круг источников по Саймалы-Ташу ограничен сведениями о наскальных рисунках, занимавших основное внимание всех исследователей. Но, несмотря на многократные попытки выполнить «полное обследование» памятника, точное количество петроглифов не установлено. По-видимому, можно говорить о нескольких десятках тысяч; во всяком случае, вычисления А.Н. Бернштама согласуются с новейшими подсчетами К.И. Ташбаевой, зафиксировавшей ок. 10 тыс. камней с одиночными изображениями и многофигурными композициями [Ташбаева, 2004,

с. 97]. Это заставляет признать Саймалы-Таш одним из крупнейших памятников наскального искусства Центральной Азии и мира.

Более разработанной кажется тема типологии и периодизации петроглифов. Классификация А.Н. Бернштама в целом остается признанной современными исследователями и лежит в основе типологических схем многих памятников Средней Азии и Казахстана. Все попытки ее верификации свелись к уточнениям частного порядка и некоторой детализации. Тем не менее на данный момент не существует классификации, отражающей выявленное многообразие петроглифов Саймалы-Таша.

Дискуссионной остается проблема датировки и культурной атрибуции древнейших наскальных рисунков т.н. геометрического стиля. Эти вопросы являются узловыми для выяснения генезиса и ареала данной изобразительной традиции, определения историко-культурной значимости Саймалы-Таша в целом. В публикациях, вышедших после 1980 г., тема хронологии петроглифов геометрического стиля фактически не обсуждается. Авторы ограничиваются перечислением выводов Я.А. Шера или ссылкой на предложенную им гипотетическую датировку древнейших рисунков III тыс. до н.э., но уже как на установленный научный факт [Мартынов, Марьяджев, Абетеков, 1992, с. 23–25; Марьяджев, Горячев, 2002, с. 65; Ташбаева, 2006, с. 249]. Между тем предположение Я.А. Шера [1980, с. 208–209] являлось четверть века назад лишь формальным заполнением хиатуса в хронологии культур древней Ферганы и Тянь-Шаня. Что можно добавить сегодня к такому решению вопроса?

Прежде всего нужно отказаться от категоричного вывода об отсутствии оснований для соотнесения петроглифов битреугольного стиля с чустской культурой. Этого вывода, вероятно, не следовало делать и в 1980 г., поскольку уже тогда были известны фрагменты расписной керамики с изображениями животных в битреугольном стиле, найденные на Ошском поселении [Заднепровский, 1980, с. 483]. Интерпретируя позже эти открытия, Ю.А. Заднепровский заключил, что «сходство изображений фигур из двух соединенных треугольников позволяет говорить о распространении в Фергане единых стилевых приемов изображения животных в расписном орнаменте на сосудах и наскальных рисунках. Оно является серьезным основанием для датировки этих петроглифов Саймалы-Таш чустским периодом. Возможно даже предположить, что они производились одними и теми же мастерами» [1997, с. 93]. Согласившись с этим, следовало бы признать гипотетическую датировку петроглифов заниженной по меньшей мере на полтысячелетия, поскольку период существования чустской культуры сегодня определяется достаточно надежно серией радиоуглеродных дат Чуста, Дальверзина и Ошского поселения

*Автор участвовал в экспедициях на Саймалы-Таш, проводившихся 1980-х гг. под руководством А.Н. Марьяджева и А.И. Мартынова.

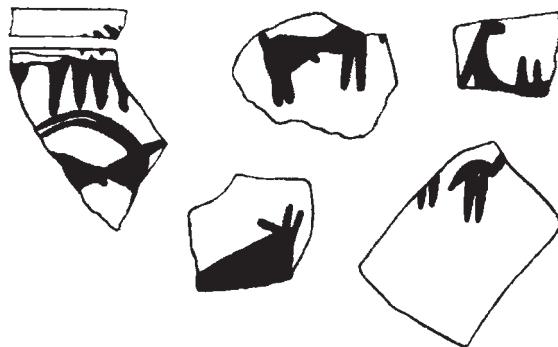

Рис. 2. Расписная керамика с зооморфными изображениями с Ошского поселения (по: [Заднепровский, 1997]).

(XV/XIV – IX/VIII вв. до н.э.) [Там же, с. 74–77], а также анализом химического состава и типологии металла (середина XIV – VIII/VII вв. до н.э.) [Рузанов, 1999а, с. 47–48; 1999б, с. 32–35]. Два последних памятника синхронные, содержат слои, относящиеся к раннему этапу культуры [Заднепровский, 1997, с. 90–92], и находятся примерно в 100 км от Саймалы-Таша. Кроме того, среди петроглифов горы Сулайман-Тоо, на южном склоне которой располагается Ошское поселение, выделяется серия специфичных рисунков (лабиринты, солярные знаки), аналогичных изображениям на Саймалы-Таше. Впрочем, уверенно связывать их с чустской культурой и датировать серединой II тыс. до н.э. [Малтаев, 2000; Аманбаева, Сулайманова, Жолдошов, 2006, с. 266] преждевременно: в орнаментике чустских сосудов и на других предметах эти мотивы не встречаются.

Таким образом, к перечню косвенных данных о возрасте и культурной принадлежности древнейших петроглифов Саймалы-Таша следует добавить зооморфные изображения на чустской расписной керамике (рис. 2; 3, 1, 2) и, с оговорками, некоторые плохо атрибутируемые рисунки Сулайман-Тоо. Достаточно ли этого для окончательного решения проблемы? Остается согласиться с мнением В.М. Массона, что «проведенные аналогии с расписной керамикой юга являются случайными, и датировка древнейших изображений Саймалы-Таша требует иных обоснований» [1959, с. 116].

Весомым доказательством могло бы стать, например, обнаружение петроглифов геометрического стиля в составе датируемых археологических объектов (поселений, погребений) на самом памятнике или другом местонахождении Ферганского хребта, где преимущественно получила распространение эта изобразительная традиция. В перспективности поиска на Саймалы-Таше стационарных поселений убеждает обилие древнейших наскальных рисунков; именно они составляют, по подсчетам Ю.Н. Голендухина [1971, с. 186], более 70 % от всего числа петроглифов. Их концентрация на ограниченном участке основного местонахождения и малое количество в соседних долинах

указывают на наличие в пределах урочища мест долговременного обитания. Наконец, содержание ранних петроглифов рисует облик культуры, совершенно иной в техническом и экономическом отношении, чем культура «конно-кочевой формации» [Медоев, 1979, с. 6]. Вероятно, древнейшие обитатели Саймалы-Таша не были столь же мобильны, какnomады I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. или современные скотоводы, ежегодно поднимающиеся сюда на короткий срок со своими стадами. Создание десятков тысяч петроглифов геометрического стиля реально осуществимо при более длительном обитании здесь людей, чем это возможно в современной природной обстановке.

Данные палеогеографии Средней Азии позволяют наметить вероятные хронологические интервалы, когда могли существовать оптимальные климатические условия для долговременного обитания в высокогорных ландшафтах Тянь-Шаня. Думается, для реконструкции палеоэкологии Саймалы-Таша будет корректной экстраполяция результатов комплексного географического и гляциологического изучения района, к которому относится долина р. Кугарт.

В палинологических спектрах отложений озер Чатыркёль (3 530 м над ур.м.) и Сонкёль (3 016 м над ур.м.) фиксируются климатические колебания, отражающие тенденцию к аридизации в раннем и позднем голоцене с периодом относительного увлажнения климата в интервале 7–4 тыс. л.н. [Серебряный, Спасская, Пшенин, 1993, с. 91]. Специалистами выделяются рубежи, с которыми связаны значительные ландшафтно-климатические изменения, реконструируемые для интересующего нас района. Так, ок. 4 000 л.н. (некалиброванные даты по ^{14}C – $4\ 450 \pm 150$, $3\ 450 \pm 150$) отмечаются значительное сокращение площади льдов, увлажнение и общее потепление климата, рост разнотравья, продвижение вверх границы лесов, что было связано с прогрессировавшей на предыдущем этапе регрессией последнего горного оледенения Тянь-Шаня [Севастьянов и др., 1980, с. 120]. Время ок. 3 000 л.н. ($2\ 980 \pm 80$) выделяется по палинологическим данным как период значительной аридизации климата, интенсивного таяния ледников, потепления, преобладания разнотравно-полынной растительности [Там же, с. 144–148]. Трангрессивная фаза горного оледенения ок. 2 000 л.н. характеризуется похолоданием, увеличением влажности, сокращением разнотравья [Там же, с. 148–149]. В интервале 1 500–500 л.н. ($1\ 540 \pm 70$, $1\ 150 \pm 80$, 580 ± 110) в горных долинах вновь отмечается значительное потепление, распространение пустынной и степной растительности (в т.ч. культурных злаков в районе оз. Сонкёль), свидетельствующие о более сухом и теплом климате, при котором здесь было возможно земледелие [Там же, с. 146–147]. Наконец, после похолодания XVII–XIX вв., сопряженного с последней фазой

трансгрессии оледенения, на Тянь-Шане сложились современные природно-климатические условия.

В свете изложенного становится объяснимым отсутствие на Саймалы-Таше ясно выраженного пласта петроглифов позднего средневековья и Нового времени [Мартынов, Марьяшев, Абетеков, 1992, с. 44]. С палеоклиматической обстановкой I тыс. до н.э. согласуется большое количество рисунков раннего железного века на местонахождении Саймалы-Таш I (более 20 % [Голендухин, 1971, с. 186]) и в смежных долинах, а также наличие упоминавшихся выше курганных могильников. Благоприятные условия для длительного обитания в высокогорье, по-видимому, имели место во второй половине II – начале I тыс. до н.э. Петроглифы этого времени многочисленны на Саймалы-Таше (более 30 % [Там же]), а могильник Арпа (бассейн оз. Чатыркель) фиксирует освоение горной зоны степными племенами в период ксеротерма.

Примером оседлого обитания в сходных условиях высокогорья могут служить памятники эпохи поздней бронзы, исследованные в Заилийском Алатау (Казахстан) и выделенные недавно в «кульсайский тип» или «кульсайскую культуру» «племен горной бронзы Северного Тянь-Шаня» [Марьяшев, Горячев, 1999]. Изучение климата позднего голоценена и условий адаптации в горных и пустынных районах Северного Тянь-Шаня и Южного Прибалхашья позволило синхронизировать возникновение этих объектов с фазой потепления и увлажнения климата в горной зоне и установлением аридных условий на равнине 3 200–2 800 л.н. [Aubekerov, Sala, Nigmatova, 2003, p. 25, fig. 2].

Наконец, вторая половина III – первая половина II тыс. до н.э. может быть периодом создания древ-

нейших петроглифов Саймалы-Таша, отличающихся, с одной стороны, сюжетно-тематическим единством, с другой – стилистическим и иконографическим разнообразием (битреугольные и прямоугольные фигуры животных) [Шер, Голендухин, 1982, с. 20–21; Марьяшев, Рогожинский, 1987, с. 56–57]. Последнее, возможно, отражает развитие ранней изобразительной традиции в течение относительно длительного времени. Так, следуя иным путем к определению возраста древнейших петроглифов Саймалы-Таша, мы получили результат, сходный с гипотетической датировкой Я.А. Шера: конец III – первая половина II тыс. до н.э. Для сужения этого интервала, как и для культурной идентификации петроглифов геометрического стиля, по-прежнему могут привлекаться только косвенные данные.

Прежде всего нужно упомянуть о недавнем открытии могильника Шагым [Аманбаева, Рогожинский, Мэрфи, 2005]. Он является сегодня наиболее ранним памятником эпохи бронзы Ферганы, хронологически предшествующим чустской и кайраккумской культурам. Погребальный обряд находит параллели в энеолитических могильниках Средней Азии (Саразм, Пархай II, Кара-Депе, Геоксюр), а типы вещей (рис. 3, 3–9) сопоставимы с бактрийско-маргианским комплексом и особенно близки таковым в материалах памятников Саразм IV, Зардча Халифа, Тугайное и Заманбаба в Зерафшанской долине. Индивидуальный возраст этих памятников остается предметом дискуссий, но в целом первые три могут быть датированы концом III – началом II тыс. до н.э. [Кузьмина, 2000, с. 16–19; Аванесова, 2005, с. 12], а для последнего более вероятной датой признается первая четверть II тыс. до н.э. [Пьянкова, 1998, с. 161–162]. Таким об-

Рис. 3. Расписная керамика с Ошского поселения (1, 2), предметы из могильника Шагым (3–9) и кельт из с. Базар-Курган (10).

разом, могильник Шагым выступает коррелятом зе-рафшанских древностей бактрийско-маргийского комплекса в Ферганской долине, фиксируя самый северо-восточный пункт распространения древнеземледельческой культуры Средней Азии.

Ранее в Фергане были известны отдельные предметы передневосточного импорта, которые не могли привлекаться без оговорок к обсуждению датировки и происхождения петроглифов Саймалы-Таша. Открытие могильника Шагым, кажется, впервые позволяет говорить о присутствии в Фергане на рубеже III – II тыс. до н.э. населения, возможно являвшегося носителем тех самых «изобразительных традиций древне-иранских племен», о коих писал Я.А. Шер [1980, с. 208–209]. Вероятно, с этим же можно связывать и серию случайных находок: Хакский клад, скульптуру в виде змей из с. Сох, две каменные гири и бронзовый кельт-лопатку из с. Базар-Курган (рис. 3, 10), хранящиеся в Ошском музее*. География находок позволяет думать о широком освоении в указанный период горных долин Южной и Северо-Восточной Ферганы (см. рис. 1), где следует ожидать новых подобных открытий. Кельт из Базар-Кургана найден близ устья р. Кугарт, в 80–90 км от Саймалы-Таша; могильник Шагым расположен недалеко от еще одного высокогорного памятника – Суук-Дёбё, недавно обнаруженного кыргызскими археологами и оцениваемого ими как ближайший аналог Саймалы-Таша [Малтаев и др., 2002].

Таким образом, круг источников, которые могут быть привлечены сегодня для идентификации петроглифов Саймалы-Таша, значительно расширился. Но эти косвенные данные еще не позволяют раскрыть историко-культурное значение памятника и обосновать его исключительную мировую ценность на основе выработанных критериев. Необходим качественный перелом в изучении Саймалы-Таша; традиционный петроглифоведческий подход должен смениться комплексным.

Первые и последние

К древнейшим памятникам наскального искусства Средней Азии исследователи единодушно относят группу местонахождений с рисунками, выполненными краской, – Зараут-камар, Шахты, Куртеке.

*Кельт отличается от других подобных изделий Средней Азии и Казахстана, но идентичен кельту из Шагыма; по составу примесей в металле он также близок шагымской коллекции, поэтому отнесение его к древностям степных культур Ферганы второй половины II тыс. до н.э. [Заднепровский, 1996, с. 17, рис. 1] является ошибочным. Оба кельта следует рассматривать как хронологически более раннюю, а типологически, возможно, исходную форму для данной категории изделий поздней бронзы.

Возможно, они являются первыми или одними из ранних свидетельств наскального изобразительного творчества в регионе; в силу разных причин их связь с живой традицией давно утрачена и культурный контекст может реконструироваться гипотетически. Но есть немало мест, где древние рисунки (нередко вместе с другими артефактами и природными объектами) сохраняют значение в современном культурном контексте; они включены в живую традицию почитания святых мест [Хужаназаров, 2000], представляя последние свидетельства если не создания наскальных рисунков, то их традиционного использования и толкования.

Зараут-камар является едва ли ни самым известным памятником наскальной живописи Средней Азии, открытый ранее многих других и получившим сравнительно полное описание в научной литературе [Рогинская, 1950; Формозов, 1966а, 1969; Хужаназаров, 2001]*. Грот располагается сегодня на территории природного Сурхандарьинского заповедника, благодаря чему ландшафт Зараут-сая и росписи хорошо сохранились.

Зарисовки Зараут-камара, сделанные А.Ю. Рогинской в 1940-х гг., до настоящего времени остаются основной документацией памятника. Опубликованные ею рисунки, многократно воспроизведенные в других изданиях, имеют неточности в воспроизведении изображений и интерьера грота; на зарисовках отсутствуют средневековые надписи, нанесенные на свободные поверхности между древними изображениями. Впрочем, не лишены существенных погрешностей и копии, изданные А. Розвадовским [Rozwadovski, 2004, fig. 5]. Акварели художника А.Ю. Рогинской, стремившейся к точной передаче рисунков в рельфе, порой более верно передают важные детали изображений и субстрата, по праву сохраняя значение первоисточника.

Вопреки мнению, что Зараут-камар, Шахты и Куртеке являются «достоверными памятниками наскального искусства заключительного этапа каменного века в Средней Азии» [Шер, 1980, с. 181], возраст древнейших рисунков остается невыясненным. В отличие от Шахты грот Зараут-камар не мог служить постоянным убежищем, культурных отложений в нем нет, и датировка рисунков основывается на их сюжетно-тематической интерпретации [Формозов, 1966б, с. 56]. Отставая мезолитический возраст росписей, Я.А. Шер утверждал, что в Средней Азии «ни в одной сюжетной сцене, которая может быть объяснена как охота с луком, нет быка как объекта охоты» [1980, с. 182]. Но сцены охоты лучников на быка-тура, датируемые

*В 2006 г. был осмотрен автором. Ознакомление с памятниками Средней Азии – потенциальными объектами серийной номинации – проводилось в рамках проекта ЮНЕСКО «Региональная сеть сотрудничества по наскальному искусству Центральной Азии. CARAD – Central Asian Rock Art Database».

неолитом – эпохой бронзы, известны в Сармишсае [Хужаназаров, 2001, с. 26–30]; есть они и в Тамгалы. Орнитоантропоморфные фигуры в Зараут-камаре обнаруживают отдаленное сходство с изображением «птицеловека» в Шахты. Однако росписи этого памятника, несмотря на выявленный В.А. Рановым культурный слой с кремневыми изделиями [1961, с. 81], не датированы. Словом, имеющиеся данные не позволяют сегодня уверенно говорить о наскальной живописи Зараут-камара и Шахты, как о древнейшей в регионе, и рассуждения об истоках данной изобразительной традиции и последующем ее развитии пока не находят основания.

Для уточнения возраста рисунков Зараут-камара и Шахты целесообразно использовать возможности естественно-научных методов датирования, но вряд ли это однозначно решит проблему: часть изображений Зараут-камара в 1940-х гг. протиралась керосином [Рогинская, 1950, с. 48]. Представляется перспективным комплексное изучение памятников долины Зараут-сай. До сих пор систематический поиск и раскопки здесь были направлены на исследование объектов каменного века. Лишь А.А. Формозов предпринял попытку интерпретации Зараут-сая в более широком археологическом контексте [1966а, с. 23].

Район Зараут-камара входит в зону сложения одного из центров древнеземледельческой культуры Средней Азии и ее ранних контактов с культурами степного типа. Такие памятники доисторической Бактрии, как Сапаллитепа и Джаркутан, расположены в 30–40 км от Зараут-камара; археологические объекты, представляющие сапаллинскую культуру, выявлены недавно в 15 км от грота [Мокробородов, 2005]. Нельзя исключать возможность датировки ранней живописи Зараут-камара эпохой бронзы, хотя для этого пока еще мало данных.

Исследователи выделяют три разновременные группы изображений, указывающие на длительную историю памятника, особый этап которой связан со средневековьем, когда были сделаны молитвенные арабские надписи. Возможно, благодаря переосмыслению Зараут-камара как мусульманского культового места древняя живопись сохранилась до наших дней. Во всяком случае, надписи с именем пророка, покрывающие поверхность грота, порой бережно вписаны между древними рисунками (рис. 4, б). К сожалению, археологический ландшафт Зараут-сая, насыщенный поздними (относительно каменного века) памятниками, остается фактически не исследованным, как и

Рис. 4. Изображения и средневековые надписи на стенах грота Зараут-камар.

сохранившаяся в местной среде традиция культового почитания грота. В этой связи представляет интерес открытие на юге Узбекистана еще одного памятника наскальной живописи – Сийпанташ. Впервые он был обследован в 2001 г. Р.Х. Сулеймановым [2002], предварительно датировавшим росписи в интервале мезолит – эпоха бронзы. В 2006 г. нам удалось осмотреть этот пока малоизвестный памятник.

Сийпанташ («скользкий камень») представляет собой группу скальных навесов с куполообразными поверхностями (рис. 5, а). Выделяются два больших навеса с рисунками, сделанными минеральной краской черного, желтого и красно-коричневого цвета. На первом (основном) представлены геометрические фигуры и силуэтное изображение быка. Наблюдаются перекрывание одних рисунков другими, выполненными разной краской и, по-видимому, в разное время. Наклонная поверхность под навесом сильно заглажена; по заполированной дорожке скатываются приходящие сюда для совершения ритуалов паломники. Второй навес украшен геометрическими фигурами и отпечатками миниатюрных ладоней.

Разновременность рисунков Сийпанташа очевидна. Силуэтное изображение животного более раннее; оно имеет иконографическое сходство с фигурой быка в Зараут-камаре (см. рис. 4, а; 5, б). Ряды пересекающихся линий, образующих ромбы и треугольники; соединенные основаниями треугольники как орнаментальные мотивы встречаются на кельтеминарской керамике [Виноградов, Мамедов, 1975, рис. 12, 2, 15; 25, 12; 30, 10, 21; 34, 5], что может указывать на неолитический возраст части рисунков Сийпанташа. Аналогичные изображения есть также среди наскальных рисунков Аксакалатасая и Сангикумасая [Хужаназаров, 2004, с. 112; Rozwadovski, 2004, fig. 88, photo 27, 28].

Сохранность живописи и окружающего ландшафта Сийпанташа остается удовлетворительной, несмотря на расположение памятника на окраине густонаселенного кишлака. Сийпанташ считается священным

местом: посещение его будто бы помогает роженицам, бездетным и больным; здесь приносят в жертву скот и петухов в честь святого исцелителя Сийпанташ-ота. Спуск по гладкой скале под навесом с рисунками является одним из главных магических актов.

Значимость Сийпанташа определяется не только древностью и художественными достоинствами рисунков; это яркий пример совместного творения человека и природы, являющийся сегодня ценным свидетельством еще не угасшей культурной традиции. Но в этом значении Сийпанташ не уникален, а входит в серию памятников наскального искусства Средней Азии, характеризующих современный этап их традиционного использования и интерпретации. К ним можно отнести Ходжакент и Сангижумасай в Узбекистане, Сулайман-Тоо и Араван в Кыргызстане. В Ходжакенте объектом поклонения является скала с петроглифами. Изображение жеребца на Араванской скале осмысливается мусульманами Ферганы как образ боевого коня халифа Али; источник под ней, мазар Дул-дул-ата и устроенная в скале чилля-хана с каменным фетишием в виде дето-

родного органа образуют функционирующий поныне культовый комплекс (рис. 6, б). Петроглифы, лунки, каменные желоба, отполированные, как в Сийпанташе, паломниками, входят в аналогичный комплекс еще одной святыни – горы Сулайман-Тоо (рис. 6, а).

Названные памятники отличаются один от другого: различны субстрат, техника, репертуар, стиль и возраст рисунков; возможно, различаются совершаемые там обряды. Но есть и сходство, позволяющее рассматривать их как один тип культурного ландшафта: все они демонстрируют живую традицию преобразования природной среды и организации культурного пространства с помощью изобразительных средств коммуникации. Независимо от первоначального назначения данных объектов и смыслового содержания древних рисунков сегодня они остаются функционально однородными, значимыми элементами традиционной культуры народов Средней Азии, а их отличительные особенности отражают многообразие одного и того же явления. К сожалению, этот важный пласт культуры народов Средней Азии, как и полве-

Рис. 5. Центральный навес со скользкой полоской под ним (а) и изображение быка (б) в Сийпанташе.

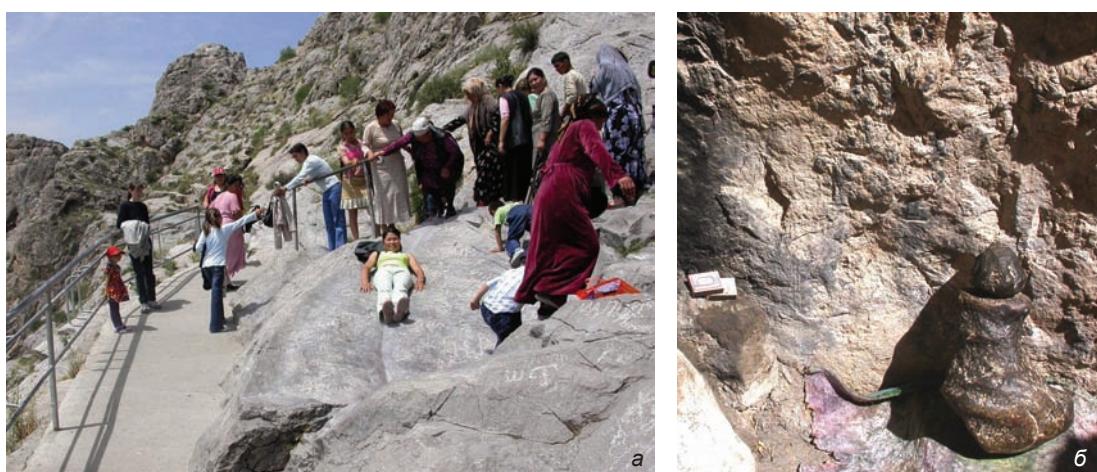

Рис. 6. Ритуальное катание по скальному желобу на горе Сулайман-Тоо (а) и каменный фетиши у Араванской скалы (б) в Ошском оазисе.

ка назад [Формозов, 1969, с. 19–20], остается практически не исследованным. Отрывочные сведения и наблюдения, сделанные на отдельных памятниках, не дают еще цельной картины функционирования «святых мест» с наскальными изображениями и не могут сегодня служить основой для их сравнительного изучения и оценки культурной значимости.

Заключение

Перед исследователями, вовлеченными в подготовку серийной номинации ЮНЕСКО «Наскальное искусство Центральной Азии», встает задача обоснования ценности этого наследия, идентифицируемого в категориях Конвенции как культурный ландшафт, на основе сравнительного анализа в региональном и мировом контекстах. Предвидятся трудности такого исследования, поскольку уровень изученности и документированности памятников региона различный, нет единой источниковой базы, позволяющей интерпретировать их как разновидность культурного ландшафта. Методологическая основа, в рамках которой исследовано большинство памятников наскального искусства Центральной Азии, ориентирована на документирование и анализ рисунков вне природного и культурного контекстов. Данный подход не позволяет выявлять имманентные свойства этого изобразительного творчества, решать задачи типологии памятников и определения критериев для оценки их значимости, имеет ограниченные возможности для культурно-хронологической идентификации археологических объектов.

Перспективным представляется комплексное исследование памятников, предполагающее целостное рассмотрение их культурного и природного контекстов в исторической ретроспективе. Единый мультидисциплинарный научный подход и стандартизованные формы документации, вырабатываемые в процессе решения общих задач изучения и сохранения памятников, могут обеспечить требуемый объем источников для обоснования мировой значимости наскального искусства Центральной Азии.

Изучение традиционных представлений, связанных с местонахождениями наскальных рисунков, приобретает особое значение. Это обусловлено и важностью научных изысканий в данной области, и задачами прикладного характера: необходимостью разработки модели устойчивого сохранения и менеджмента памятников на основе традиционных институтов их охраны и попечения, вовлечения в этот процесс местных сообществ во взаимодействии с государственными органами. Современная действительность показывает, что путь к дальнейшему изучению наскального искусства тесно связан с задачами сохранения данного вида культурного наследия.

Список литературы

Аванесова Н.А. О культурной атрибуции колесного транспорта доисторической Бактрии (по материалам сапаллинской культуры) // История Узбекистана в археологических и письменных источниках. – Ташкент: Фан, 2005. – С. 7–25.

Аманбаева Б.Э., Рогожинский А.Е., Мэрфи Д. Могильник Шагым – новый памятник эпохи бронзы Восточной Ферганы (Кыргызстан) // Археологические исследования в Узбекистане – 2004–2005 годы. – Ташкент: Фан, 2005. – Вып. 5. – С. 256–265.

Аманбаева Б.Э., Сулайманова А.Т., Жолдошов Ч.М. Петроглифы Ошского оазиса // Кыргызстан: история и современность. – Бишкек: Изд-во Ин-та истории НАН РК, 2006. – С. 257–267.

Бернштам А.Н. Наскальные изображения Саймалы-Таш // Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. – Бишкек: Фонд «Сорос-Кыргызстан», 1997. – Т. 1. – С. 388–407.

Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан: Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов. – М.: Наука, 1975. – 288 с.

Воропаева В.А., Горячева В.Д. Великий Шелковый путь и культурные взаимосвязи Тянь-Шаня и Ферганы // Изучение древнего и средневекового Кыргызстана. – Бишкек: Мурас, 1998. – С. 34–39.

Голендухин Ю.Н. Вопросы классификации и духовный мир древнего земледельца по петроглифам Самалы-Таша // Первобытное искусство. – Новосибирск: Наука, 1971. – С. 181–202.

Заднепровский Ю.А. Ошский оазис в древности // Археологические открытия 1979 года. – М.: Наука, 1980. – С. 483.

Заднепровский Ю.А. Основные этапы истории культуры Южного Кыргызстана в свете новых данных (1976–1984) // Древний и средневековый Кыргызстан. – Бишкек: Илим, 1996. – С. 15–32.

Заднепровский Ю.А. Ошское поселение: к истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. – Бишкек: Мурас, 1997. – 172 с.

Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 184 с.

Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://whc.unesco.org>

Кузьмина Е.Е. Первая волна миграции индоиранцев на юг // Вестн. древней истории. – 2000. – № 4. – С. 3–20.

Малтаев К.Ж. Новые археологические находки из Оша // Ош и Фергана: археология, новое время, культурогенез, этногенез. – Бишкек: Мурас, 2000. – Вып. 4. – С. 84.

Малтаев К.Ж., Адилбаев Ж.А., Насиров Т.А., Алымкулов А.К. Новый памятник древнего искусства урочища Суук-Дёбэ // Цивилизации Центральной Азии: земледельцы и скотоводы; традиции и современность: Тез. докл. Междунар. науч. конф. – Самарканд: Изд-во Ин-та археологии НАН РУз, 2002. – С. 70.

Мартынов А.И., Марьинов А.Н., Абетеков А.К. Наскальные изображения Саймалы-Таша. – Алма-Ата: Изд-во КазНИИКИ, 1992. – 110 с.

- Марьяшев А.Н., Горячев А.А.** Памятники кульсайского типа эпохи поздней и финальной бронзы Семиречья // История и археология Семиречья. – Алматы: Фонд «Родничок»; Фонд «XXI век», 1999. – Вып. 1. – С. 44–56.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А.** Наскальные изображения Семиречья. – Алматы: Фонд «XXI век», 2002. – 238 с.
- Марьяшев А.Н., Рогожинский А.Е.** Вопросы периодизации и хронологии петроглифов Казахстана // Скифо-сибирский мир. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 55–59.
- Массон В.М.** Древнеземледельческая культура Марганицы. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 216 с. – (МИА; № 73).
- Медоев А.Г.** Гравюры на скалах. – Алма-Ата: Жалын, 1979. – Ч. 1. – 176 с.
- Мокробородов В.В.** Керамика эпохи бронзы из кишлака Пашхурт // Археологические исследования в Узбекистане – 2004–2005 годы. – Ташкент: Фан, 2005. – Вып. 5. – С. 160–164.
- Пьянкова Л.Т.** Энеолит и бронзовый век // История таджикского народа. – Душанбе: Суруш, 1998. – Т. 1. – С. 124–200.
- Ранов В.А.** Рисунки каменного века в гроте Шахты // СЭ. – 1961. – № 6. – С. 70–81.
- Рогинская А.Ю.** Зараут-Сай. – М.; Л.: Дет. лит., 1950. – 55 с.
- Рогожинский А.Е.** Изучение и сохранение памятников наскального искусства в Казахстане (итоги и перспективы на рубеже столетий) // Вестн. САИПИ. – 2002. – Вып. 5. – С. 12–20.
- Рогожинский А.Е.** Перспективы изучения и сохранения памятников наскального искусства Центральной Азии // Мир наскального искусства: Сб. докл. Междунар. конф. – М.: Ин-т археологии РАН, 2005. – С. 206–210.
- Рогожинский А.Е., Аубекеров Б.Ж., Сала Р.** Памятники Казахстана // Памятники наскального искусства Центральной Азии: общественное участие, менеджмент, консервация, документация. – Алматы: НИПИПМК МК РК, 2004. – С. 45–94.
- Рогожинский А.Е., Хорош Е.Х., Чарлина Л.Ф.** О стандарте документации памятников наскального искусства Центральной Азии // Памятники наскального искусства Центральной Азии: общественное участие, менеджмент, консервация, документация. – Алматы: НИПИПМК МК РК, 2004. – С. 156–161.
- Рузанов В.Д.** Новые данные о датировке Дальверзина и Чуста (по материалам типологического и химического исследования металлических изделий) // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. – Бишкек: Мурас, 1999а. – Вып. 2. – С. 46–48.
- Рузанов В.Д.** Еще раз о хронологии чустской культуры Ферганы // РА. – 1999б. – № 4. – С. 24–37.
- Руководство по выполнению Конвенции ЮНЕСКО об охране всемирного наследия: [Электронный ресурс].** – Режим доступа: <http://whc.unesco.org>
- Севастьянов Д.В., Шнитников А.В., Лийва А.А., Бердовская Г.Н., Земляницина Л.А.** Озера Чатыркель и Сонкель // Озера Тянь-Шаня и их история. – Л.: Наука, 1980. – С. 70–149.
- Серебрянный Л.Р., Спасская И.И., Пшенин Г.Н.** Стратиграфия и палеогеография горных областей Средней Азии // Развитие ландшафтов и климата Северной Евразии. – М.: Наука, 1993. – Вып. 1: Региональная палеогеография: Поздний плейстоцен – голоцен: элементы прогноза. – С. 89–91.
- Сулейманов Р.Х.** Сийпанташ – новый памятник первобытного искусства в долине Кашкадарья // Цивилизации Центральной Азии: земледельцы и скотоводы; традиции и современность: Тез. докл. Междунар. науч. конф. – Самарканд: Изд-во Ин-та археологии НАН РУз, 2002. – С. 71.
- Ташбаева К.И.** Памятники Кыргызстана // Памятники наскального искусства Центральной Азии: общественное участие, менеджмент, консервация, документация. – Алматы: НИПИПМК МК РК, 2004. – С. 95–106.
- Ташбаева К.И.** Высокогорная галерея Саймалы-Таш – культурное наследие Кыргызстана // Кыргызстан: история и современность. – Бишкек: Изд-во Ин-та истории НАН РК, 2006. – С. 246–256.
- Формозов А.А.** О наскальных изображениях Зараут-камара в ущелье Зараут-сай // СА. – 1966а. – № 4. – С. 14–26.
- Формозов А.А.** Памятники первобытного искусства на территории СССР. – М.: Наука, 1966б. – 134 с.
- Формозов А.А.** Очерки по первобытному искусству. – М.: Наука, 1969. – 255 с.
- Хужаназаров М.М.** Наскальные рисунки и их взаимосвязь с исламскими культовыми местами // Тр. Междунар. конф. по первобытному искусству. 3–8 августа 1998 г. – Кемерово, 2000. – Т. 2. – С. 220–226.
- Хужаназаров М.М.** Древнейшие наскальные изображения Сармишсая // История материальной культуры Узбекистана. – Ташкент, 2001. – Вып. 32. – С. 24–30.
- Хужаназаров М.М.** Памятники Узбекистана // Памятники наскального искусства Центральной Азии: общественное участие, менеджмент, консервация, документация. – Алматы: НИПИПМК МК РК, 2004. – С. 109–114.
- Хужаназаров М.М., Реутова М.А.** Археологические исследования и консервационные работы на памятнике наскального искусства Сармишсай // Археологические исследования в Узбекистане в 2003 г. – Ташкент: Фан, 2004. – С. 186–194.
- Шер Я.А.** Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.
- Шер Я.А., Голендухин Ю.Н.** Колесницы Саймалы-Таша // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. – Фрунзе: Илим, 1982. – С. 18–25.
- Aubekerov B.J., Sala R., Nigmatova S.A.** Late Holocene Paleoclimate and Paleogeography in the Tien Shan – Balkhash Region // PAGES News. – 2003. – Vol. 11, N 2/3. – P. 24–26.
- Jacobson E., Kubarev V., Tseevendorj D.** Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Baga Oigor. – P.: De Boccard, 2001. – 481 p., 15 map., 399 pl. – (Repertoire des petroglyphes d'Asia Centrale; fasc 6). – (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale; vol. 5).
- Ksica M.** Rock Art of Soviet Eurasia // Rock Art in the Old World: Papers presented in Symposium. A of the AURA Congress, Darwin (Australia) 1988. – New Delhi, 2001. – P. 491–512.
- Rozwadowski A.** Symbols through Time: Interpreting the Rock Art of Central Asia. – Poznan: Institute of Eastern Studies A. Mickiewicz University, 2004. – 132 p.
- Tashbaeva K., Khujanazarov M., Ranov V., Samashev Z.** Petroglyphs of Central Asia. – Bishkek: IICAS, 2001. – 220 p.

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 391

Е.Ф. Фурсова

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: mf11@mail.ru

ЗООМОРФНЫЕ ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ КОМПОЗИЦИИ В ТРАДИЦИОННО-БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Целью исследования является анализ иконографических, композиционных, стилистических особенностей зооморфных образов в женских рукоделиях русского старожильческого населения Западной Сибири середины XIX – первой половины XX в. Комплексное изучение образов животных в вышитых и тканых рукоделиях указанного региона проводится впервые и позволяет выявить многообразие типов и видов орнаментальных композиций, выдвинуть гипотезы об их происхождении и функциях в традиционно-бытовой культуре сибиряков. Источником послужили материалы, собранные автором в 1980–1990-х гг. в ходе этнографических экспедиций: женские рукоделия, хранившиеся мастерами преклонного возраста как память о молодости или относительно молодыми людьми как памятные вещи о бабушке или матери, свекрови; некоторые из полотенец относятся к категории поминальных, т.е. разданных после смерти кого-либо на память. Этнографические материалы показывают, что истоки анималистических образов (коней, львов, собак, зайцев, слонов и пр.) различны; при рассмотрении их роли и смысловой нагрузки в рукоделиях необходимо учитывать и ранние формы, и поздние трансформации, межэтнические взаимодействия, влияние городской культуры.

Введение

Родовые, или народные, представления, знания об окружающем мире и технологические умения, передававшиеся из поколения в поколение, необходимы для выживания и развития этноса. Этнические образы, сюжеты, излюбленные композиции изобразительного искусства формируются на различных этапах развития мировоззрения народа и по этой причине, как это было не раз продемонстрировано исследователями, могут служить полноценным этнографическим источником. Орнаментальное искусство (собственно ритмический ряд и сюжеты, основанные на принципах симметрии) соответствовало всему стилю жизни славян-земледельцев, издавна сочетавших свой крестьянский труд с охотничим промыслом, отражало представления о структуре мира и о тех силах, которые им управляли.

По мнению ряда исследователей, зооморфные формы традиционного декоративно-прикладного искусства тесно связаны с традиционным хозяйством, представляют собой по большей части этнически окрашенную стилизацию образов родной природы и ее обитателей [Гроссе, 1899, с. 290; Токарев, 1978, с. 131]. Обосновывая связь сюжетных, изобразительных орнаментальных мотивов с культурой «первобытных народов», охотников и собирателей, Э. Гроссе отмечал: «В то время как цивилизованные народы предпочтительно берут для своей орнаментики формы растительности, первобытный орнамент почти исключительно ограничивается формами человеческими и животными...» [1899, с. 111]. При рассмотрении указанных элементов традиционной культуры нами принимается во внимание также магическая теория происхождения орнамента, согласно которой сюжеты

орнаментации порождены существовавшими до христианства верованиями восточных славян [Народные знания..., 1991, с. 96]. В последние годы все большую популярность приобретает идея ряда ученых о зооантропоморфной модели мира как одной из наиболее архаичных [Арсеньев, 1990, с. 144; Евсюков, 1988, с. 16, 62; Денисова, 2003, с. 33].

Вопросы реконструкции функций и значения образов животного мира в традиционных предметах декоративно-прикладного искусства восточно-славянских народов пока далеки от удовлетворительного решения, несмотря на выход в свет ряда работ, например, В.А. Гура, А.Ф. Журавлева, З.П. Соколовой и др. Чтобы раскрыть роль и место анималистических образов в этнической картине мира славян, необходимо выяснить, что лежало в основе традиции их воплощения в обрядовых рукоделиях (вышивке), деталях жилища (резьбе), утвари (росписи). Почему одни образы были популярны и распространены, другие изображались очень редко? Каковы истоки иконографии экзотических животных? Очевидно, что изучение этих вопросов могло бы помочь осветить некоторые элементы ранних представлений и верований в культуре славянских народов, объяснить их удивительную сохранность на местах вторичного освоения – землях Сибири. Исследование символики восточно-славянской духовной культуры и изобразительного искусства невозможно без полноценного типологического анализа материала и классификации современных типических форм, а также без выявления специфических региональных вариантов их проявлений [Толстой, 1990, с. 48].

В народной культуре славян VI–XIII вв. отмечены следы особого отношения человека к зверю [Седов, 1982, с. 267–268]. Восточно-славянский языческий пантеон включал много культов высших и низших богов, олицетворявших силы природы, ее обитателей, в т.ч. животных. Фольклорные и этнографические материалы XIX – начала XX в. свидетельствуют о длительном сохранении следов почитания животных, элементов промысловых культов, обрядов-мистерий умирающего и воскресающего зверя. Вспомним, например, русскую сказку о Крошечке-Хаврошечке, которая закапывала кости коровы в саду и поливала их водой. Подобный по смыслу сюжет «корова есть» в виде присказки зафиксирован и в Сибири [Русские народные бытовые сказки..., 1985, с. 222].

Цель настоящей статьи – исследовать по иконографии, композиционным особенностям, стилистике, технологии шитья воплощенные в традиционно-бытовых предметах образы животных, их смысловую нагрузку. Важно выявить многообразие зооморфных композиций на территории юга Западной Сибири и их привязку к конкретным этнографическим, конфессионально-этнографическим и территориальным

группам русских, украинцев и белорусов. Мы не претендуем на освещение всех важных вопросов затронутой проблематики и попытаемся раскрыть во всей его сложности и многогранности один из аспектов понимания традиционного зооморфного орнамента. К сожалению, носители традиции в лучшем случае могут сообщить только название изображенного. Еще в 1920-х гг. Д.А. Болдырев-Казарин писал, что «лучшее время для изучения народного искусства уже прошло», теперь же, спустя почти 100 лет, исследователю приходится привлекать немногочисленные образцы музеиных экспонатов и крупицы полевых материалов, дополняя их этнографическими и фольклорными записями последних полутора веков.

Комплексное изучение зооморфных композиций и орнаментов восточно-славянских народов Западной Сибири предполагает анализ бытования и распространения зооморфных сюжетов в предметах традиционно-бытовой культуры – женских рукоделиях, жилище, утвари; картографирование наиболее широко запечатленных образов животных; исследование генезиса роли зооморфных мотивов.

В данной статье обозначенные вопросы рассматриваются на материалах женских рукоделий (вышивка, тканье, вязание). Образцы декоративно-прикладного искусства в виде резьбы по дереву привлекаются в основном как источник информации о частоте встречаемости конкретных мотивов в народной жизни; они, безусловно, нуждаются в отдельном специальном исследовании. Что же касается росписи по дереву, то в Сибири она представлена не столь значительно.

Традиции зооморфных сюжетов мы изучали не только по материалам музеиных коллекций, нередко представляющих случайные образцы, но и по результатам полевых этнографических экспедиций, состоявшихся в 1980–1990-х гг., когда наблюдалось угасающее бытование рукоделий в качестве памятных вещей о старших поколениях (матерях, бабушках) в семейном хранении, в сундуках – «яшишках». Полотенца, типичные для изучаемого региона вида, состояли из трех ярусов – вышивка, кружево-прошва и фигурные концы-свесы. Сибирские женщины предпочитали вместо свесов мастерить кисти; информанты подчеркивали, что полотенца с вышивкой, прошвой и свесами более характерны для российских переселенок. И старожилы, и россиянки старшего поколения ткали кухонные полотенца – рукотери; их в отличие от праздничных не вышивали, но дополняли узкими полосками красной крашенины.

К Пасхе домашний иконостас покрывали вышитыми полотенцами-набожниками; их развещивали по обеим сторонам от икон. Такое оформление красный угол сохранял все лето. По нашим наблюдениям, основные мотивы орнаментов-набожников не были зооморфными, они включали растительные узоры, реже свастику,

изображения предметов быта, например самоваров. К свадьбе стены завешивали ткаными и вышитыми невестой полотенцами; как это выглядело в интерьере, можно увидеть на известной картине В.М. Максимова «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу». Полотенцам отводилась особая роль в погребальной обрядности: с их помощью гроб опускали в могилу. По окончании церемонии эти полотенца повязывали на березах или других близко растущих деревьях.

Изображения животных в традиционных рукоделиях более характерны для русских сибиряков-старожилов, части чалдонов и гораздо менее – для русских, украинских и белорусских переселенцев. В русском народном творчестве зооморфные мотивы количественно уступают антропоморфным, растительным, орнитоморфным; их доля, по нашим наблюдениям, невелика.

Согласно нашим полевым этнографическим материалам, по частоте встречаемости образы животных, запечатленные в произведениях народной культуры и искусства, можно разделить на три неравные части: большую составляют образы домашних (лошадей, собак), меньшую – диких (барсов, зайцев, лис), самую небольшую – экзотических (слонов, львов). Изученные композиции можно разделить на односоставные, в которых присутствуют только животные, и многосоставные – с включением людей, растений и т.д. Преобладают последние. Среди образов животных встречались трудно опознаваемые, идентификация которых в значительной мере затруднена. Анималистические мотивы исполнены, как правило, в одной манере: в профиль в виде фигуры с геометризованными контурами и декоративным усложнением туловища.

Образы коня и других домашних животных

Конь – наиболее распространенный зооморфный образ в русском декоративном искусстве, заключавший в себе множество смысловых нюансов. Его генезис связан с аграрной направленностью хозяйства и духовной культурой, верованиями славянских народов, влиянием, как полагают, обитателей южных степных пространств [Голубева, 1966, с. 81; Маслова, 1951, с. 96]. В славянских древностях X–XIII вв. этот образ воплощен в металлических подвесках, амулетах [Седов, 1982, с. 224, 232, 290]. Особую роль в распространении культа коня, как отмечал Б.А. Рыбаков, сыграла княжеская дружина [1953, с. 65–69]; изображение этого животного, по мнению многих ученых, служило оберегом [Стасов, 1894, с. 112]. Материалы этнографии исторической и современности представляют образ коня связанным с солнцем (конские бега, катания на Масленицу, фольклорные эпитеты «золотоголовый», «золотохвостый» и пр.), а также вожатым душ

в загробный мир и, наконец, жертвенным животным [Седов, 1957, с. 20; Брагина, 2003, с. 36].

На территории Новосибирского Приобья, Салайрского кряжа изображение коня встречается в традиционных женских рукоделиях (вышивка, вязание крючком), домовой резьбе наличников, детских резных игрушках. В среде старожильческого населения Барабы сохранились самодельные деревянные или металлические гребешки с навершиями в виде парноголовых коньков (рис. 1).

В женских рукоделиях, как доказано по материалам из Европейской России, типологически наиболее ранними были образы коня и всадника. Трехсоставные композиции с находящейся в центре женской фигурой или храмовой постройкой с конями по бокам нам встретились в среде старожилов Приобья. Кони вышиты с подогнутыми ногами – как бы застывшими в беге. Если рассматривать композицию в целом, то понятна их охранная, по отношению к центральной фигуре, функция. Корпус коня показан упрощенно-схематично в виде пятиугольника (рис. 2). В сибирских вариантах вышивки лошадина голова иногда изображалась с ушами в виде палок, напоминающих рога. Описанные композиции, выполненные в технике белой перевити, демонстрируют близкое сходство с

Рис. 1. Гребешки с навершиями в виде парноголовых коньков, Чистоозерный р-он Новосибирской обл.
Здесь и далее фото автора.

Рис. 2. Композиция «коны со всадниками», белая перевити,
д. Легостаево Искитимского р-на Новосибирской обл.,
вторая половина XIX в.
Полевые материалы автора 1989 г.

хорошо известными по публикациям северно-русскими вышивками [Маслова, 1978, с. 120, 124]. Именно рогам крупных рогатых животных придавалось сакральное значение, возможно они играли роль амулетов. Вылепленные из глины рога, хорошо известные в пластике Триполья, обнаружены на памятниках в Поднестровье, Дунайском бассейне, а также Средней и Западной Европе [Бибиков, 1953, с. 241].

В.А. Городцов в трехчастном узоре с конями-всадниками увидел отражение культурного влияния древних даков, имевшего место задолго до Рождества Христова [1926, с. 34]. Исследователь, в частности, писал: «Русская иконография шитья, насколько известно, оказывается неповторяющейся ни у одной славянской народности Средней Европы, следует заключить, что выделение русских славян совершилось ранее Р.Х., когда последовало восприятие культа великой богини» [Там же]. Женская фигура изображала, как считал В.А. Городцов, великую богиню или, если в центральной части была представлена церковь с главками, храм в ее честь. Небесная символика всад-

ников определялась вышитыми изображениями солнца в виде лучистых дисков под копытами коней. По его мнению, в одном из этих всадников скрывается, по-видимому, русский бог грозы и войны Перун, а в другом – может быть, Стрибог – бог ветра, непогоды и водной стихии вообще [Там же, с. 35]. В сибирские вышивки привнесено христианское содержание: главки храмов увенчаны крестами, небесные всадники, если следовать приведенным выше интерпретациям, стоят на страже Православия, православной веры.

Сюжеты первого типа условны, подчинены архаичному канону, второго – более близки к натуралистичности; они воплощены в технике белой перевити и вязании крючком (рис. 3). Исследованные полотенца были привезены в Сибирь российскими переселенцами во второй половине XIX – начале XX в. На них, как и в описанных первых вариантах вышивок, пары коней показаны в динамике, но более искусно и реалистично. На изображении вздыбленные и чуть присевшие на задние ноги животные то ли охраняют кого-то, то ли служат кому-то, олицетворяя собой напор, энергию. Запечатленные в такой позе животные расположены с двух сторон от композиционного центра – растения (дерева, куста, цветка). Иконография таких вышивок устойчивая, рисунок вписывается в треугольник с устремленной вверх вершиной. Имеются все основания считать эту композицию относительно поздней, сложившейся на основе когда-то заданного (возможно, геральдического) образца. Хронологически ранний тип таких орнаментов выполнен в технике белой перевити, более поздний – связан крючком. В Европейской России, считает Г.С. Маслова, ареал подобных композиций с конями по бокам от дерева выходит за пределы Северо-Западного региона [1978, с. 184].

В реалистические или близкие к ним по манере исполнения вышивки могли включаться архаичные композиции. Очевидная неслучайность присутствия в композиции разнообразных элементов заставляет особенно пристально и под разными углами зрения анализировать многоярусную вышивку «стенового полотенца» старообрядцев с предгорий Алтая (рис. 4). Дать однозначную оценку данной композиции сложно в силу ее уникальности. По содержанию рисунок, видимо, соотносим с мифологической схемой строения славянской картины мира: верхние женские фигуры божеств, головы которых увенчаны коронами, изображены в позе молящих. Принадлежность к Небесному царству (слав. Правъ) подчеркивается солярными символами, которые находятся в руках божеств. Между божествами – небесные птицы с высоко поднятыми хвостами, напоминающие павлинов (пав ?). Далее следует орнаментальный ряд с ритмичным чередованием узоров. В них можно разглядеть греческие начальные буквы имени Иисуса Христа – Ι (иот) и Χ (хи) [Как выбрать..., 2003, с. 22]. Очевидно, старообрядцы

Rис. 3. Полотенца, выполненные в технике креста и белой перевити (а), а также белой перевити (б).
а – Новосибирский художественный музей; б – пос. Кыштовка Новосибирской обл., конец XIX – начало XX в. Полевые материалы автора 1999 г.

стремились вышить на полотенце монограммный до-константиновский крест с характерным перекрестным совмещением этих букв; в результате получалась фигура креста, вертикально пересеченного чертою, – Ж. Данная многосоставная композиция на старообрядческом полотенце органично соединяет христианские и дохристианские символы. Ниже этого ряда вышиты три птицы с высоко поднятыми крыльями, а под ними – цветочная лоза. В языческие времена считалось, что птица, сидящая на дереве, – это душа, направляющаяся на небо [Левкиевская, 2007, с. 174]. Сверху и снизу фигурки птиц вышивки окаймлены волнообразными линиями, которые, возможно, олицетворяют водную преграду (реку), отделявшую, согласно славянской мифологии, загробный мир от человеческого.

Для нашего исследования интересны изображения всадников на конях, которые, к сожалению, сохранились плохо (некоторые детали повреждены). Кони запечатлены в динамической позе с поднятой передней ногой, на них – грациозно сидящие наездники, они показаны в профиль. В сюжет включены цепи из треугольников (стрелы ? молнии ?) над головами наездников, а между ними, внизу, какие-то мелкие животные (птицы ?). Завершают картину мироустройства орнаментальный ряд из восьмилепестковых розеток, вписанных в правильные восьмиугольники, а также ряд ромбов. Вышивка выполнена, вероятно, в конце XIX – начале XX в. Об этом свидетельствуют типология изображенного и манера рисунка: присутствуют как архаичные образы божеств и птиц, так и более поздние реалистические изображения всадников и коней в «Земном мире» (слав. Явь ?). В русском народном фольклоре конь, обладающий многими магическими и героическими качествами, всегда верный помощник своего властелина – наездника, что, возможно, отражено в данном сюжете.

Конь был символом соединения жизни и смерти. Считалось, что благодаря своему месту на границе миров он обеспечивал возможность перевоплощения. Мотив перерождения с помощью коня просматривается в сказках «Сивка-бурка», «Конек-Горбунок». В сибирских вариантах сказок кони участвуют в разного рода волхованиях («Сказка про Ивашку-худого поваришку», «Сивко-бурко, веший коурко»): герой, пролезая через ухо коня, изменял свой внешний облик, становился удачливым, обретал счастье [Русские сказки..., 1993, с. 204, 217].

В Сибири у украинских переселенцев в вышивках с христианской тематикой кони запечатлены в реалистической манере. Например, на полотенце из Карасукского р-на Новосибирской обл. изображен Св. Георгий Победоносец, о чем свидетельствует подпись «Григорий Победоносец», над его головой – храм, а под копытами вздыбленного коня – повергнутый змий, напоминающий хвостатую химеру (рис. 5). Отсутствие

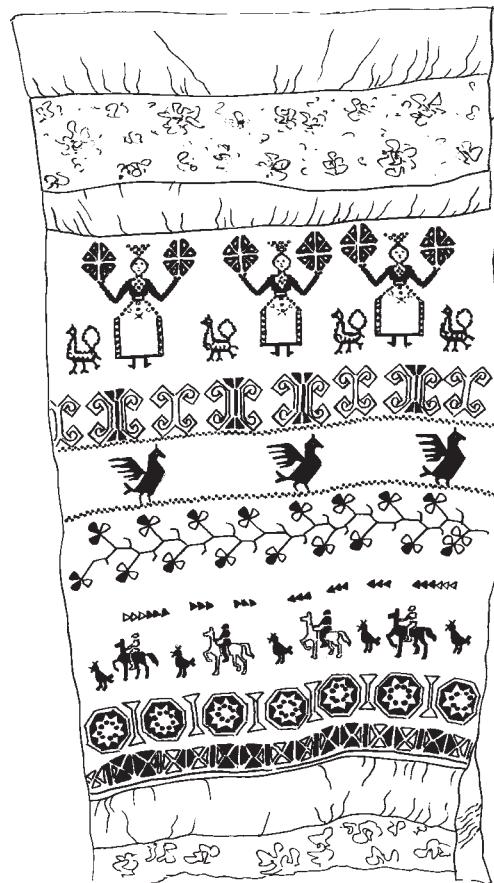

Рис. 4. Старообрядческое полотенце, выполненное в технике креста, г. Зыряновск Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан, конец XIX – начало XX в. Полевые материалы автора 1983 г.

Рис. 5. Украинское полотенце с образом Св. Георгия, выполненное в технике креста, пос. Карасук Новосибирской обл.

в этом сюжете условности свидетельствует о том, что эти анималистические изображения утратили свои прежние сакральные функции, освободились от культового содержания.

В изучаемом регионе можно отметить наличники с зооморфными узорами, выполненными в технике пропильной, или сквозной, резьбы. В Приобье домовая резьба этого вида включает фигуры пары коней в динамичной позе («на бегу»), расположенные с двух сторон от окна. В Тогучинском р-не Новосибирской обл. (быв. Тарьминская вол. Томского у.) кони изобража-

Рис. 6. Резные наличники, д. Верх-Ирмень Ордынского р-на Новосибирской обл.
Полевые материалы автора 1989 г.

Рис. 7. Резные наличники, д. Лебедево Тогучинского р-на Новосибирской обл.
Полевые материалы автора 1988 г.

лись условно, четкой линейной графикой как бы с гордо повернутой назад головой (рис. 6). В этом районе встречаются пропильная резьба с более реалистичными образами коней, по внешнему обрису напоминающими соответствующие детские игрушки (рис. 7). Детские игрушки, предназначавшиеся в основном для мальчиков, представляли лошадок либо для езды верхом, либо запряженных в повозки (рис. 8). Сделать предположение об использовании в ритуалах деревянных лошадок, ставших впоследствии бытовыми вещами, позволяют материалы русских первопоселенцев Сибири XVII в.: похожие на детские игрушки фигурки коньков обнаружены под первыми венцами срубов; это, возможно, строительная жертва (см.: Материалы Нефтюганской археологической экспедиции, 2007 г. – Музей Сибирского казачества, Сургут).

Изображения других домашних животных более редки, их ареалы не совпадают с районами бытования «конских» образов. Для решения вопросов о корнях и символике «собаки» важны археологические свидетельства XII–XIII вв. о жертвоприношениях собак, которые совершались с целью умилостивить, задобрить враждебные человеку силы, посылающие болезни и смерть [Макаров, 1987, с. 76–77; Нидерле, 2000, с. 300].

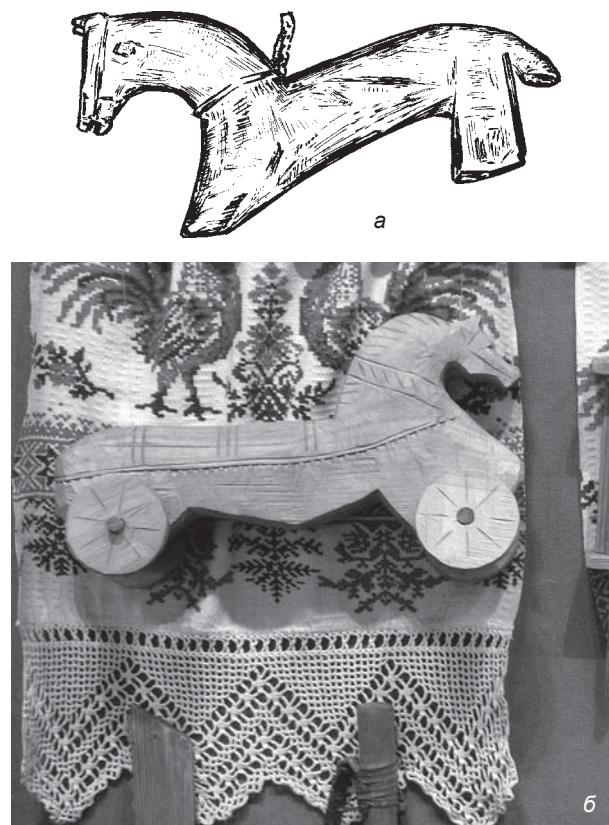

Рис. 8. Деревянные игрушки – фигурки коня,
Красноярский краеведческий музей.

Рис. 9. Украинское полотенце, пос. Карасук Новосибирской обл., начало XX в.

Полевые материалы автора 2003 г.

Рис. 10. Композиция с собачками, вышивка крестом, Новокузнецкий краеведческий музей.

В женских рукоделиях XIX – начала XX в. собаки изображались спутниками людей, животных. Например, в вышивке «Молодец коня поил, к красной девке приводил» верный пес сопровождает молодца при его посещении «красной девки» (рис. 9). Фигуры собак составляли орнаментальные ряды. Нет оснований говорить о том, что собаки играли значительную роль в жизни русских крестьян, но с ними связано много примет,

поворий, пословиц и загадок. В народном искусстве и фольклоре собака представлялась не только спутником и соратником человека, но и прорицателем, предвестником событий (например, воет поднявши голову – к пожару, опустив книзу – к покойнику и т.д.) [Булычев, 1876, с. 1]. Согласно приметам крестьян Ирбитского у., собак не следовало держать в избе, потому что во время грозы «андел Господень с молоньми гоняется за нечистым, который от него укрывается в кошках и собак». Их изображения в сибирских рукоделиях типологически достаточно поздние – конец XIX – начало XX в., выполнены крестом или связанны крючком. В некоторых композициях фигуры собак появились, вероятно, на месте более ранних изображений, скопе всего коней, по обеим сторонам вазона. Тем более, что сам вазон с обращенным вверх трилистником удивительно точно копирует подобные узоры с конями (рис. 10). В 1910–1930-х гг. вышивка крестом развива-

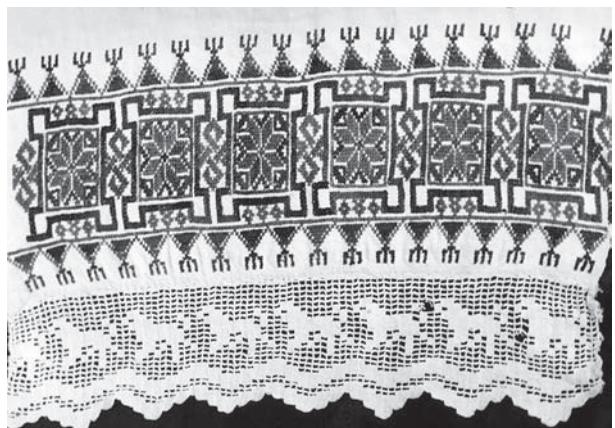

Рис. 11. Конец полотенца, вышивка крестом и вязание крючком, пос. Чарышское Алтайского края, начало XX в.

Рис. 12. Конец полотенца, вышивка крестом и вязание крючком, Новокузнецкий краеведческий музей.

лась под влиянием образцов т.н. канвовых узоров, городской моды, в результате стали популярными орнаментальные ряды из фигур собачек (рис. 11).

Отдельные вышивки с изображениями коровы известны в разных местах исследуемой территории Приобья, Салаирского кряжа. Их объединяет натуралистичность изображений, возможно заимствованных из «канвовых узоров» (рис. 12). Образы других домашних животных в рукоделиях на территории Сибири не встречаются.

Образы диких и экзотических животных

При анализе образов львов или барсов (в графике порой трудноразличимых) важно отметить, что в этнографической литературе известны некоторые трехчастные композиции с фантастическими животными, у которых имеются конские головы, лапы и S-образно изогнутые хвосты [Маслова, 1978, с. 78, 81, 90, 91; Разина, 1970, с. 139]. Интересен факт не только полиморфности, но и взаимозаменяемости этих образов – коней и львов.

а

б

Рис. 13. Наличники на доме 1865 г., д. Яндово Семёновского р-на Нижегородской обл. (а); роспись по дереву печной доски, г. Вологда (б).

Полевые материалы автора 2002 (а) и 2006 (б) гг.

Мотив льва зафиксирован этнографами в вышивках из северных, центральных и южно-русских губерний России [Маслова, 1978, с. 86, 184]. Подобные вышивки в технике цветной перевити сохранились в российских музеях в единичных экземплярах, относящихся, как правило, к концу XVIII в. [Разина, 1970, с. 118–119]. Образы львов или барсов появились под влиянием декора, привозимых в Древнюю Русь византийских, итальянских тканей, феодальной геральдики, каменной резьбы Владимира-Сузdalских храмов, наконец, орнаментов лицевых рукописей [Макарова, 1986, с. 68, 70, 74, 117; Рыбаков, 1956, с. 27; Даркевич, 1975, с. 190–191; 1976, с. 205; Культура Византии..., 1989, ил. цв.; Лелеков, 1975, с. 61]. Фигуры львов часто встречаются в домовой резьбе и росписи голбцев, рундуков русских Севера и Поволжья [Белов, 1982, с. 272, 279] (рис. 13). Зафиксированы они и в домовой резьбе старинных сибирских городов; здесь львы выступают, в частности, как персонажи наивной живописи [Памятники Сибири..., 1974, рис. 247, 248].

Профильное изображение льва с приподнятой лапой и S-образно изогнутым хвостом, характерное для образцов декоративного искусства Новгородской земли, широко представлено и в Сибири (рис. 14). Сибирский лев в изучаемый период выполнялся как в технике белой перевити, так и вывязывался крючком. Центральная в композиции фигура льва могла обрамляться вверху растительными узорами, внизу обычно заканчивалась ячеистой сеточкой и кистями. Тело льва усыпано разрозненными квадратами, кончик хвоста в виде цветка, лапы, как правило, с когтями, шея обрамлена шерстью. В сибирских образах не заметно хищных черт, контуры плавные, мягкие, морда добродушная, как бы улыбающаяся, с парой смеющихся на бок глаз. Характерная для античной и византийской традиций трактовка льва как «героя, побеждавшего хищников в единоборствах», «рассерженного льва» совершенно не типична для сложившейся русско-сибирской иконографии.

В Северной Барабе нами отмечено полотенце с композицией т.н. геральдических львов, изображенных в профиль уже гораздо реалистичнее (рис. 15). Сюжет вышит крестом красными и черными нитками. На рисунке поднятыми когтистыми лапами львы как будто бы поддерживают охраняемую ими вазу с пышным букетом цветов. Важность и особую «царственную» сакральность образа подчеркивают короны-трезубцы. Низ обрамлен растительным орнаментом в виде трех крупных роз, а сверху и снизу от него – бордюрами из дубовых листьев. Подобный мотив был известен в Верхнем Поволжье, Подвиде, Вологодчине, откуда и мог быть занесен в Сибирь северорусскими переселенцами [Маслова, 1978, с. 86].

Образ зайца встречается в качестве элемента сложной композиции, также орнаментальных рядов. При-

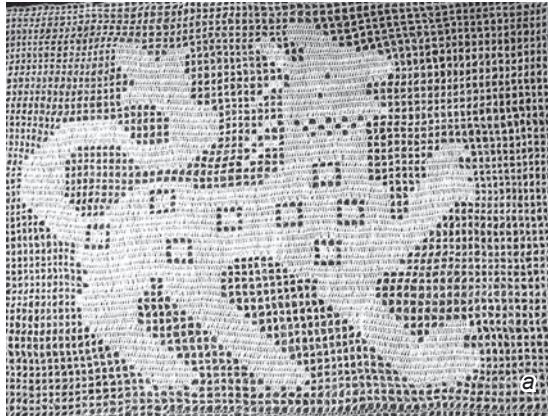

Рис. 14. Вышивка по белой перевити, Музей Кемеровского государственного университета культуры и искусств (а); концы полотенца, вышитые крестом и по белой перевити, пос. Тогучин Новосибирской обл. (б).

мером первого является сюжет на полотенце из с. Гжатского Куйбышевского р-на Новосибирской обл. с вышитыми крестом узорами красного и черного цвета, которое датируется информаторами концом XIX – началом XX в. (рис. 16). Вышивка передает, вероятно, сценку празднования Троицы, праздника Сочествия Святого Духа и известный по местным материалам обряд кумления [Фурсова, 2003, с. 13, 37, 43]. Центральными фигурами являются девушки в сарафанах и с венками на головах. Они изображены танцующими с платочками в руках. Справа и слева от девушек – деревья, украшенные цветами, плодами, листьями, от которых исходят в разные стороны кресты. Между деревьями внизу находится вазон с растением, из которого будто бы «произрастают» девушки: ветви заканчиваются их фигурками. Вставленные между всеми участниками сюжета четыре зайца показаны в статичной позе – присевшими на задние лапки. Судя по их месту в вышивке, лесные зверушки играют подчиненную роль, подчеркивают связь действия с природой. Встречаются рукоделия с изображением зайчиков в позе «идущих» с поднятой вверх лапкой, в виде орнаментальных рядов

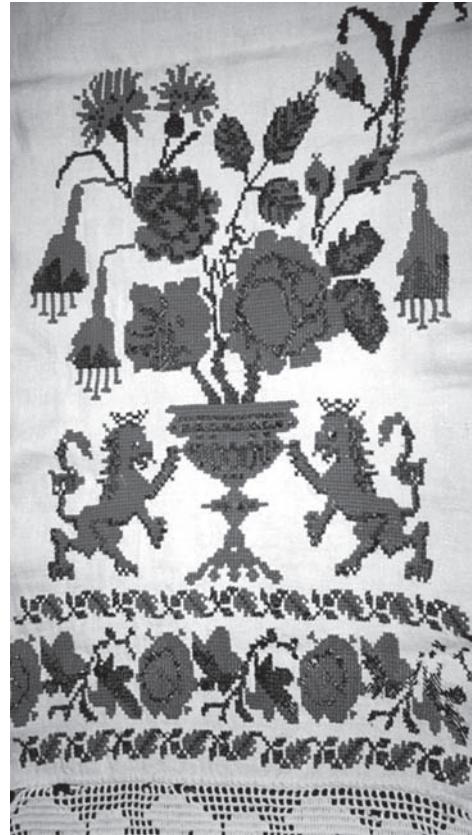

Рис. 15. Концы полотенца, вышивка крестом и вязание крючком, пос. Венгерово Новосибирской обл.

Рис. 16. Концы полотенца, вышитые крестом, с. Гжатское Куйбышевского р-на Новосибирской обл., конец XIX – начало XX в.

(рис. 17). Заметим, что иконография подобных изображений везде легко читаема: выполнена ли вышивка крестом или «заячий» сюжет вывязан крючком.

В фольклорных произведениях заяц выступает в роли или безобидной трусливой лесной зверушки, или нежелательного пришельца в крестьянской избе, обладающего демоническими качествами и приносяще-

Рис. 17. Белорусское полотенце, вышивка крестом и вязание крючком, д. Зверобойка Тогучинского р-на Новосибирской обл., начало XX в.
Полевые материалы автора, 2003 г.

Рис. 18. Концы полотенца, вышивка двойным крестом и в технике цветной перевити, с. Мишиха Кытмановского р-на Алтайского края, вторая половина XIX в., Музей Института археологии и этнографии СО РАН, № 36 Е.
Полевые материалы автора 1983 г.

Рис. 19. Концы полотенца, вышивка крестом и в технике белой перевити, Красноярский музей им. В.И. Сурикова.

го несчастье [Булычев, 1876, с. 2; Гура, 1997, с. 177]. Широко были распространены запреты на употребление в пищу мяса зайца, обоснованные отсутствием у этого животного раздвоенных копыт, о чем «указано в Святом Писании», и что дожило до наших дней благодаря «Святому Преданию». В фольклоре Русского Севера заяц как мужской образ изображался послушным женихом или парнем – участником хороводов, поцелуйных игр, свадебных обрядов [Гура, 1997, с. 178]. В русских игровых песнях о попавшем в ловушку зайце улавливаются известные эротические символы, связанные с браком, первой брачной ночью. Проведенный анализ дает основание говорить о том, что набор «заячьих» семантических элементов, возможно, был характерен для обрядовых свадебных полотенец.

Особо следует отметить полотенце (по-местному «полотенец») из с. Мишиха Кытмановского р-на Алтайского края, сделанное в конце XIX в. из белого холста (рис. 18). Концы вышиты грубыми льняными нитками розового (изначально, возможно, красного) и серого (изначально черного ?) цвета в технике двойного креста. Орнамент образован ромбовидными геометрическими фигурами в сочетании с растительными узорами (его аналоги в русской народной вышивке не обнаружены). Ниже – вышивка в технике цветной перевити, композиционный центр составляют фигура мужчины (судя по костюму, это служилый в присутственной одежде с тростью и сапогах с каблуками) и расположенное слева от нее дерево. По бокам один под другим изображены четыре слона в профиль. Цветовое решение включает красный цвет (основной) и детали из черного и голубого цвета, из которых оформлены ветки дерева. Вероятно, вышитые концы перешиты с более старого полотенца, т.к. нити льна в них слегка желтоватого оттенка, отличаются от фона основного полотна. Описанная композиция навевает воспоминания о знаменитом

путешественнике Афанасии Никитине и его безвестных сопутниках, купцах, побывавших в «заморских странах», в Индии. Истоки этого сюжета в алтайской вышивке следует искать, возможно, в декоре набивных тканей XVII–XVIII вв. (западно-европейских и пр.), из которых изготавливали присутственную одежду привелигированные слои русского общества [Бирюкова, 1973, с. 40–41]. Отметим также сходство между воплощенными в алтайских вышивках слонами и синкетичными конями-слонами финноязычных народов Северо-Запада России [Косменко, 1984, с. 119].

В сибирских городских музеиных коллекциях имеются вышивки, иллюстрирующие известные сюжеты произведений русской литературы. Например, на полотенце вышиты персонажи и название (правда, слова переставлены) басни А.И. Крылова «Ворона и лисица» (рис. 19). В данном случае обращает на себя внимание условно-символическое изображение дерева (возможно, каштана, судя по очертаниям листвьев) и реалистичные образы лисы и вороны. Ворона, слегка наклонившись, держит в клюве кусок сыра, а лиса, присевшая на задние лапы, с вожделением смотрит вверх. Между ними изображен мужчина (этот персонаж не вписан в сюжет басни), несущий в руке какой-то предмет, возможно, рюмку. Заканчивается вышитая крестом композиция надписью внизу: «Пташки поверили», которая раскрывает смысл изображенного. Далее следует меандрический орнамент, выполненный в технике белой перевити. Полотенце, возможно, было изготовлено в городской среде 1910–1920-х гг. в качестве подарочного, в память о каком-либо событии или в назидание.

Выводы

Распространенность типологически ранних зооморфных мотивов в русском народном творчестве связана, видимо, с длительным сохранением элементов охотниччьего промысла, сопровождавшимся анимализмом. Обожествление животных, как известно, являлось одной из основных религиозных систем, которая базировалась на представлении о единстве общества и природы. Зооморфные образы, зафиксированные в женских рукоделиях и в ряде других традиционно-бытовых предметов восточно-славянских переселенок Сибири, возможно, были привязаны к определенным обрядовым действиям, которые в древности совершились у святилищ с верой, что такие качества животных, как сила, ловкость, красота, сексуальная активность, передаются людям. На данном этапе изученности проблемы весьма сложно соотнести функции орнаментированных полотенец (свадебных, погребальных, обыденных и пр.), их ритуальную значимость с зооморфными персонажами. Очевидно, что, приходя в новую семью, новобрачная привносила в дом мужа вышитые

и вытканные полотенца, совершая переход «из одной родовы в другую», соединяла «покровителей» двух семей и таким образом закреплялась сама. Можно также предположить, что в обряде погребения повязанное на кресте или на расположеннем рядом дереве полотенце также когда-то могло служить своеобразной меткой родовой принадлежности умершего. По всей видимости, функции подобных полотенец были гораздо шире, чем это обычно подчеркивается в этнографической литературе: они выходили за рамки представлений о связи с загробным миром и идеи плодородия.

Изображения животных в сибирском декоративно-прикладном творчестве представлены как элементы сложных композиций вместе с антропо-, орнитоморфными, растительными рисунками, а также в виде орнаментальных рядов, чаще всего второстепенных по значимости образов (например, зайцев, собачек). Конь запечатлен во многих произведениях народного изобразительного искусства и устного народного творчества, а, например, слоны – в одном, что свидетельствует об отсутствии глубинных корней этого образа в пластиках русской духовной культуры. В Сибири, как и в Северо-Восточной Руси, долгое время удерживались тотемистические по своему характеру верования, связанные с культом хозяина тайги – медведем, которому отводилась главенствующая роль среди лесных зверей [Болонев, Фурсова, 2000; Гура, 1997, с. 159]. Однако в изобразительном искусстве его образ нами не отмечен ни в женских рукоделиях, ни в резьбе по дереву. Прояснить данный вопрос, возможно, помогут интерпретации известных по сибирским материалам слитных воедино зоо-, орнито-, антропоморфных изображений на тканых рукоделиях, которые весьма условны и многогранны и поэтому нуждаются в специальном изучении.

Собранные материалы, относящиеся к Приобью, Присалаирью, Алтаю и отчасти Барабе, позволяют констатировать, что образы домашних и некоторых диких животных (коны, зайцы, собаки) в вышивках на этих территориях представлены достаточно широко, а экзотических (слоны, львы) – единично. В целом это не соответствует оценке сибирского декоративного искусства как несодержащего сложных сюжетных композиций [Болдырев-Казарин, 1924, с. 8–9; Бломквист, 1930, с. 419], что уже отмечалось некоторыми исследователями [Русакова, 1983, с. 119]. Важно отметить, что в лесостепной Барабе в вышивке, домовой резьбе преобладают образы птиц, в лесной части Среднего Приобья, в Присалаирье – образы коней, собак, львов, коров, зайцев, слонов. Бытование в Сибири орнаментальных композиций полотенец конца XIX – первой трети XX в. с зооморфными мотивами свидетельствует о перенесении сюда северо-русских традиций: их носители не только сохраняли и переносили с полотенца на полотенце стародавние образы, но и развивали их в направлении реалистичности рисунка. Собранные

материалы показывают, что истоки анималистических образов могут быть различные; к каждому конкретному образу необходимо подходить индивидуально, принимая во внимание вероятные ранние формы, их трансформации, межэтнические взаимодействия, влияние городской культуры, фабричного производства.

Список литературы

- Арсеньев В.Р.** Звери=Боги=Люди. – М.: Изд-во полит. лит., 1990. – 160 с.
- Белов В.** Лад. Очерки о народной эстетике. – М.: Мол. гвардия, 1982. – 294 с.
- Бибиков С.Н.** Раннетрипольское поселение Лука-Брублевецкая на Днестре. К истории ранних земледельческо-скотоводческих племен на юго-востоке Европы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 460 с.
- Бирюкова Н.Ю.** Западноевропейские набивные ткани XVI–XVIII веков. – М.: Искусство, 1973. – 176 с.
- Бломквист Е.Э.** Искусство бухтарминских старообрядцев // Бломквист Е.Э., Гринкова Н.П. Бухтарминские старообрядцы. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. – С. 397–432.
- Болдырев-Казарин Д.А.** Народное искусство в Сибири (Из очерков по истории русского искусства в Сибири) // Сибирская живая старина: Этнографический сборник. – 1924. – Вып. 2. – С. 5–20.
- Болонев Ф.Ф., Фурсова Е.Ф.** Культ медведя в верованиях крестьян Сибири в прошлом и настоящем // Народы Сибири: История и культура: медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 84–89.
- Брагина Л.И.** Символы и знаки реальности в истории. – М.: Моск. гос. ун-т культуры и искусств, 2003. – 173 с.
- Булычев Н.П.** Сборник примет, поверий, пословиц, поговорок и загадок, записанных в Ирбитском уезде Д. чл. Н.П. Булычевым // Зап. Урал. об-ва любителей естествознания. – 1876. – Т. 3, вып. 2. – С. 1–11.
- Голубева Л.А.** Коньковые привески Верхнего Прикамья // СА. – 1966. – № 3. – С. 80–98.
- Городцов В.А.** Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве // Тр. ГИМ. – 1926. – Вып. № 1. – С. 7–36.
- Гроссе Э.** Происхождение искусства / пер. с нем. А.Е. Грузинский. – М.: [Изд. М. и С. Сабашниковых], 1899. – 293 с.
- Гура А.В.** Символика животных в славянской народной традиции. – М.: Индрик, 1997. – 912 с.
- Даркевич В.П.** Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII веков. – М.: Искусство, 1975. – 350 с.
- Даркевич В.П.** Об одном рельефе Дмитриевского собора во Владимире // Средневековая Русь. – М.: Наука, 1976. – С. 204–208.
- Денисова И.М.** Зооморфная модель мира и ее отголоски в русской народной культуре // ЭО. – 2003. – № 6. – С. 19–40.
- Евсюков В.В.** Миры о вселенной. – Новосибирск: Наука, 1988. – 176 с.
- Как выбрать нательный крест.** – М.: Ковчег, 2003. – 48 с.
- Косменко А.П.** Народное изобразительное искусство вепсов. – Л.: Наука, 1984. – 199 с.
- Культура Византии.** Вторая половина VII – XII в. – М.: Наука, 1989. – 680 с.
- Левкиевская Е.Е.** Мифы русского народа. – М.: Аст-рель: АСТ, 2007. – 526 с.
- Лелеков Л.А.** Искусство Древней Руси в его связях с Востоком (К постановке вопроса) // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. – М.: Наука, 1975. – С. 55–80.
- Макаров Н.А.** Жертвенный комплекс конца XII – начала XIII в. на Каргополье // КСИА. – 1987. – Вып. 190. – С. 73–79.
- Макарова Т.И.** Черневое дело Древней Руси. – М.: Наука, 1986. – 155 с.
- Маслова Г.С.** Народный орнамент верхневолжских карел. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 137 с.
- Маслова Г.С.** Орнамент русской народной вышивки. – М.: Наука, 1978. – 207 с.
- Народные знания.** Фольклор. Народное искусство: Свод этнографических понятий и терминов. – М.: Наука, 1991. – Вып. 4. – 167 с.
- Нидерле Л.** Славянские древности. – М.: Алетейя, 2000. – 590 с.
- Памятники Сибири.** Западная Сибирь и Красноярский край. – М.: Сов. Россия, 1974. – 385 рис.
- Разина Т.М.** Русское народное творчество. – М.: Изобраз. искусство, 1970. – 255 с.
- Русакова Л.М.** Орнаментика полотенец сибирских крестьянок (традиции и инновации) // Традиции и инновации в быту и культуре народов Сибири. – Новосибирск: Гос. публич. науч.-тех. биб-ка СО АН СССР, 1983. – С. 104–126.
- Русские народные бытовые сказки Сибири.** – Новосибирск: Наука, 1985. – 255 с.
- Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные и о животных.** – Новосибирск: Наука, 1993. – 349 с.
- Рыбаков Б.А.** Искусство древних славян // История русского искусства. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 1. – С. 65–69.
- Рыбаков Б.А.** Культура Древней Руси. – М.: Знание, 1956. – 501 с.
- Седов В.В.** К вопросу о жертвоприношениях в Древнем Новгороде // КСИИМК. – 1957. – Вып. 68. – С. 20–30.
- Седов В.В.** Восточные славяне в VI–XIII вв. – М.: Наука, 1982. – 327 с.
- Стасов В.В.** Коньки на крестьянских крышах // Собр. соч. – СПб.: [Тип. М.М. Стасюлевича], 1894. – Т. 2. – 112 с.
- Токарев С.А.** История зарубежной этнографии. – М.: Выш. шк., 1978. – 351 с.
- Толстой Н.И.** К реконструкции семантики и функции некоторых славянских изобразительных и словесных символов и мотивов // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. – Л.: Наука, 1990. – С. 47–67.
- Фурсова Е.Ф.** Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – первая треть XX в.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Ч. 2. – 267 с.

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

НОВЫЕ ПРАЗДНИКИ НАРОДОВ САЯНО-АЛТАЯ

В работе освещается трансформация современной праздничной культуры республик Саяно-Алтая. Праздники рассматриваются в контексте формирования этнонациональной идеологии в республиках Южной Сибири. Источниковая база исследования включает полевые материалы автора (сценарии праздников, данные социологических опросов), материалы средств массовой информации (региональная пресса и интернет). Изучение праздников Республики Алтай, Республики Тыва, Республики Хакасии позволяет сделать выводы о том, что новые этнонациональные праздники Эл Ойын, Наадым, Тун пайрам – один из способов воспроизведения этничности тюркоязычного сообщества региона; праздники превращаются в форму манифестации этнонациональной идеологии, в них одновременно проявляются две тенденции – синтез традиций в границах евразийского сообщества и архаизация ритуальной культуры. По форме это реконструкции древних обрядов с использованием элементов традиционной праздничной культуры, но имеющие в своей основе иную идею, новое содержание; из родовых и локальных эти праздники постепенно превращаются в общенациональные и государственные.

В этнополитическом развитии субъектов Российской Федерации в конце XX – начале XXI в. отчетливо обозначились два направления. Первое связано со стремлением республиканских элит вписать свои регионы в мировое сообщество, второе – с актуализацией этнического самосознания, культурного наследия и исторического прошлого. Эти процессы определили характер создания этнонациональной идеологии, конструирования и мобилизации этничности республик Саяно-Алтая.

В формировании новой идеологии участвуют этнонациональные общественные организации, учреждения образования, науки, культуры и искусства. Одним из направлений деятельности творческих и научных кругов республики является праздничная культура. Новые праздники и ритуалы, призванные автономиями в качестве государственных, ориентированы на этнополитическую мобилизацию населения и утверждение этнонациональной идеологии в Республике Алтай, Республике Тыва, Республике Хакасии.

В Республике Алтай (РА) статус государственного получил народный праздник Эл Ойын («Народные игры»). Это официальное культурно-массовое мероприятие, организуемое и финансируемое правительством республики. Его подготовкой и проведением руководит специальный комитет, в который входят представители всех уровней власти. Впервые праздник состоялся в 1988 г. в с. Ело Онгудайского р-на РА. Затем творческой площадкой для праздничных торжеств

стали: в 1990 г. – с. Шыргайты Шебалинского р-на, в 1992 г. – с. Кырлык Усть-Канского р-на, в 1994 г. – с. Улаган Улаганского р-на, в 1996 г. – с. Боочи Онгудайского р-на, в 1998 г. – с. Корумду Усть-Коксинского р-на, в 2000 г. – с. Кокоря Кош-Агачского р-на, в 2002 г. – с. Катунь Чемальского р-на, в 2004 г. – с. Кебезень Турочакского р-на. Согласно первоначальной концепции, изменение места проведения мероприятия подчеркивало «кочевой характер» праздника и традиционной культуры местного населения. С 2006 г. Эл Ойын проводится в с. Ело – географическом центре Алтая, значимом для алтайцев.

Творческие круги пытаются вписать праздник в поликультурный контекст региона. В «Положении о народном празднике Республики Алтай Эл Ойын» декларируются следующие цели и задачи: сохранение традиций и обычая алтайского народа; приобщение молодежи к традициям предков; развитие традиционных народных промыслов и ремесел, декоративно-прикладного творчества; укрепление братства и дружбы всех народов, проживающих на территории республики; утверждение принципов межнационального сотрудничества в области культуры и искусства. Таким образом, Эл Ойын ориентирован на решение задач национального возрождения и одновременно на утверждение идеи толерантности во взаимодействии народов региона.

До 2001 г. для праздника ежегодно разрабатывалась своя эмблема. Выбор образов всегда опирался

Открытие Эл Ойына в 1992 г. Встреча гостей.

на репертуар, представляющий археологические, культурные и природные реалии Алтая. Так, в центре эмблемы Эл Ойына, проходившего в 1988 г., был элемент традиционного алтайского орнамента, в 1992 г. – фигуры птиц, выполненные в традициях скифо-сибирского звериного стиля, и трех вершин горы Белухи, в 2000 г. – изображение т.н. Укокской принцессы. Для последующих церемоний была утверждена постоянная эмблема. В ее основу положен рисунок флага, созданный в 1917 г. известным художником, общественным деятелем Г.И. Чорос-Гуркиным для Алтайской Горной Думы. Центральным образом является изображение горной вершины, из-за которой восходит солнце, внизу горы – три извивающиеся полосы – реки Алтая, по бокам от композиции – традиционный алтайский орнамент. Эмблема Эл Ойына представлена на флаге праздника, который вместе с Государственным флагом Российской Федерации, Государственным флагом Республики Алтай и символами алтайских родов торжественно поднимают в начале праздника в присутствии официальных лиц республики и гостей праздника.

Эл Ойын занимает важное место в структуре современной праздничной обрядности Алтая. Фестиваль призван сохранить самобытную культуру народов Республики Алтай, поэтому его главная тема всегда связана с героическим прошлым, самобытной культурой предков. По замыслу организаторов, Эл Ойын – это праздник духовного единения тюркских народов. Символьной элитой, под которой понимают научную и творческую интеллигенцию, создающую и тиражирующую этнические ценности и символы [Сагитова, 2005, с. 72], проводится идея об уникальности тюркской культуры. Ее сравнивают с античной культурой. По версии творческих кругов республики, корни Эл Ойына уходят во времена древних скотов и гуннов, кочевников тюркских каганатов. В период праздника в древности прекращались междуусобицы и войны, вчерашние противники становились участниками своеобразных олимпийских игр Центральной Азии.

Праздник Эл Ойын, зародившийся как культурно-спортивное мероприятие на рубеже XX–XXI вв., приобрел, по замыслу его создателей, глубинный исторический и этнический смысл; стал символом возврата к нравственным ценностям предков. Важной особенностью Эл Ойына является подчеркнутое уважение к традиционной культуре алтайцев, почитание старейшин – глав проживающих на Алтае родов. Именно им предоставляется право окончательного выбора места проведения торжества. Старейшины проводят обряд освящения места праздника, который призван, сохранить традиционные ценности.

В празднике участвуют центры народных промыслов и ремесел РА, республиканские и районные творческие коллективы, профессиональные и самодеятельные мастера горлового пения, мастера национальных видов спорта. Каждый район представлен делегацией, которая выступает в национальной одежде. На открытии праздника участники несут знамя района, на праздничной поляне традиционно ставят юрты.

Программа праздника включает, помимо обряда освящения места церемонии (мургуул), театрализованное представление по мотивам местных преданий, выставку-ярмарку декоративно-прикладного искусства «Город мастеров», конкурсы национальных жилищ, одежду и стилизованного костюма, накосных украшений «Шанкы», спортивные соревнования и многочисленные концерты. Торжественное открытие праздника сопровождается театрализованным представлением. Оно задает тему праздника и меняется от сезона к сезону. Так, для постановки на Эл Ойыне в 2000 г. было выбрано эпическое сказание «Очи-Бала»; организаторы праздника провели параллели между легендарной воительницей алтайского народа Очи-Бала и «Укокской принцессой», обнаруженной на плато Укок в 1993 г. экспедицией ИАЭТ СО РАН. Героями пред-

ставления Эл Ойына в 2004 г. стали богиня Умай-Эне, а также персонажи, олицетворяющие реки Бию и Катунь, и богатыри центрально-азиатских эпических сказаний «Джангар», «Гэссэр» и «Алып-Манас».

Эл Ойын в 2006 г. был посвящен 250-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав Российской государственности. Праздничные торжества включали мероприятия, связанными темами которых были древняя история коренного населения Алтая и его традиционная культура. К празднику было приурочено открытие памятника Г.И. Чорос-Гуркину и памятного знака «Алтай – сердце Евразии».

Памятник Г.И. Чорос-Гуркину был открыт в центре г. Горно-Алтайск 5 июля 2006 г. Для населения РА известный художник являлся выразителем интересов алтайского народа. В начале XX в. он выступал за автономию алтайского народа, его право быть равным и свободным в составе великих народов России, за сохранение национальной культуры, языка и быта.

Памятный знак «Алтай – сердце Евразии» установлен от имени Республики Татарстан на границе Республики Алтай с Алтайским краем. Мемориал представляет собой композицию в виде шести скрепленных ободом дуг, которые образуют купол, символизирующий юрту. В основании памятного знака лежит «ковер»-шестигранник из брускатки, в центре очерчен очаг и высится девятиметровая стела – символ Мирового дерева, связующего землю и небо. Венчает ее золотой знак «Алтын казык» («Полярная звезда»). Памятник, согласно концепции его авторов, символизирует общую прародину татарского и алтайского народов. В его оформлении проявляются характерные для алтайской, татарской и многих других символьных элит традиционализм и мифологизация прошлого; ставка сделана на архаику и культурные приоритеты, связанные с тюркским миром.

После открытия памятников состоялось главное мероприятие Эл Ойына в 2006 г. – межрегиональный народный праздник. Его идеологию и сценарий определяли события 250-летней давности. Церемония открытия началась с театрализованного представления на тему добровольного присоединения Алтая к России. Главными героями постановки были 12 легендарных зайсанов времен Елизаветы, которых представляли зайсаны современных алтайских родов. Зайсаны участвовали также в параде районов; юрты с коновязями ага-зайсана и зайсанов родов составляли центральную архитектурную композицию праздника. Символически обозначенная преемственность современной и исторической родовой элиты Алтая легитимизировала институт зайсанства в глазах населения и повышала его общественно-политический статус.

В целях актуализации традиционных социальных институтов еще в конце 1990-х гг. специально для Эл

Ойына были разработаны вымпелы, наглядно представляющие систему родовых символов. Символы родов – тамги – служили эмблемами делегаций районов на торжественном открытии праздника. Во время театрального действия знамена алтайских родов были водружены рядом с Государственным флагом Российской Федерации и Государственным флагом Республики Алтай.

Тамги и изображения родовых животных использовались в качестве элементов декорирования одежды, представленной на конкурсе национального костюма «Семья крепка традициями». На выставке-ярмарке изделий народных промыслов «Мастеровой Алтай» участникам и гостям праздника предлагалась многочисленная сувенирная продукция с родовой символикой: предметы одежды, украшения из бисера, вымпелы, амулеты и т.д.

Стремление оценить эффективность современных символьных практик определило содержание авторского опроса, который был проведен среди молодежи РА в 2007 г. Праздничная культура стала одной из тем, включенных в анкету, предложенную учащимся Республиканской национальной гимназии им. В.К. Плакаса. К отмечаемым ученики относили общегражданские праздники – Новый год, 8 Марта, 23 февраля, 9 Мая. Любимыми праздниками респонденты называли Новый год, день рождения, Чага байрам. Среди национальных праздников учащиеся указывали, как правило, Эл Ойын и Чага байрам. Некоторые вспомнили такие праздники, как Йылгаяк, Тюрюк байрам, Кай-байрам, фестиваль «Родники Алтая», Ирбизек. На вопрос «в какой мере Вы участвуете в культурной жизни вашего народа?» примерно 80 % учащихся ответили, что соблюдают народные традиции и обряды, 30 % – принимают активное участие в родовых и республиканских праздниках, молениях.

На протяжении двух последних десятилетий алтайская символьная элита пытается оптимально синтезировать традиции и новации в празднично-обрядовой системе. Сегодня в ней нашли свое отражение и этническая специфика коренного титульного населения республики, и его стремление к установлению этнокультурных связей.

Тенденции, проявившиеся в развитии праздничной культуры РА, характерны и для других автономий Саяно-Алтая. В современной Республике Тыва основным государственным праздником является День Республики, который совмещен с праздником Наадым. Его традиции уходят в прошлое. Известен архивный документ, подтверждающий давность традиции: «На совещании Народного правительства Тану-Тува от седьмого числа четвертой луны третьего года (14 августа 1923 г.) по решению всех хошунов страны при Правительственном органе договорились организовать чествование родной земли и больших игр Наады-

ма. На нем будут бороться двести шестьдесят четыре борца. Будут соревноваться сто пятьдесят скакунов. На призы для победивших борцов и скакунов выделяются четыреста штук товаров, тридцать бадей араки, спиртных напитков на двести рублей, три тысячи штук повы-лешек, четыреста штук сыра, два кадана баранзад, сорок кадаков саржи, девять волов и сто один баран. Все это будет использовано во время праздника. Там же постановили, что со всех хошунов не должны забывать привезти иноходцев и рысаков» (цит. по: [Наадым, 2005]).

Первый официальный Наадым состоялся 28 июля 1922 г. – через год после образования Тувинской Народной Республики. Он отмечался ежегодно до 1970 г. и был упразднен скорее по идеологическим, чем по организационным и финансовым причинам. С 1989 г. проведение праздника возобновилось с обретением Республикой Тыва государственного статуса. По своей форме восходящий к древним традициям скотоводов Центральной Азии Наадым конца ХХ в. был близок советскому празднику животноводов. Сегодня очевидна его историко-этнографическая аутентичность.

В последнее десятилетие торжественные мероприятия Наадыма приурочены к празднованию Дня Республики, ставшего конституционным праздником Республики Тыва. Политическое и социальное значение этого праздника велико. Он является зерном воплощением в жизнь национальной идеи по возрождению традиций, обычаяев, обрядов, самобытной культуры не только тувинского, но и других народов, проживающих в Туве [Там же].

К праздничному мероприятию в республике тщательно готовятся. Заранее составляется сценарий. На местах к этой дате подводятся итоги деятельности животноводов. Передовикам производства вручают почетные грамоты и премии. Лучшим животноводам республики посвящаются статьи в газете «Тувинская правда».

Порядок проведения праздника остается неизменным. Праздничные мероприятия начинаются с поднятия Государственного флага Российской Федерации и Государственного флага Республики Тыва. Затем следует выступление Президента Республики Тыва или членов правительства. Далее начинается концерт тувинских мастеров горлового пения, проводятся соревнования по национальным видам спорта (скачки, борьба хуреш, стрельба из лука). Порядок проведения Дня Республики по сути полностью копирует мероприятие советского Наадыма. Согласно официальной концепции, праздник способствует воспитанию гражданина нового модернизированного сообщества, воспевает трудовые победы населения.

О востребованности новых соционормативных практик свидетельствуют, например, данные опроса, который проводился в Тувинском государственном

университете. Студенческая молодежь выделяет общегражданские праздники – Новый год, 23 февраля, 8 Марта, 9 Мая, День Конституции, а также национальные – Шагаа и Наадым. Большая часть респондентов отмечает Новый год и Шагаа. Наадым несколько уступает в популярности. Однако праздниками своего народа студенты (среди которых преобладают тувинцы) считают Шагаа и Наадым; 70 % опрошенных ответили, что соблюдают народные традиции и обряды, 50 % – принимают активное участие в республиканских праздниках, обрядах и молениях, ок. 10 % – занимаются народными промыслами.

Новые ритуалы и праздники играют важную роль в возрождении самобытного культурного наследия хакасского народа. В атмосфере роста национального самосознания в Республике Хакасия в последнее десятилетие сделана ставка на возрождение традиционной культуры. Актуализации языческих, религиозных культов способствует деятельность символической элиты, отстаивающей теории «исконных религий» [Анжиганова, 2003; Тугужекова, 1999, с. 96].

Представители творческой интеллигенции занимаются написанием сценариев, реконструкцией и постановкой забытых традиционных обрядов. Так, хакасский праздник Тун пайрам, как и другие календарные обряды, был восстановлен усилиями сотрудников Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, членов Союза писателей Хакасии и других деятелей культуры по воспоминаниям.

Сегодня праздник Тун пайрам выполняет интегрирующую функцию; придание ему статуса государственного можно считать одним из значимых событий в культурной жизни Республики Хакасия. За время существования республики этот праздник трансформировался из архаизированной аутентичной модели в фольклорный фестиваль.

В основе республиканского праздника Тун пайрам в 1993 г., сценарий которого был подготовлен А.С. Тутатчиковой, лежала идея поклонения Матери-Земле, которая «разрешилась от бремени и рождался новый день». В первоначальном варианте в ходе праздника разыгрывалось театрализованное жертвоприношение рода харга с участием шамана и героев-юношей с поязками улдуруба на голове: «По ходу солнца направляются к ходу ритуального действия богатыри. Впереди едет Алып с огнем, за ним Алып с ритуальной березой – Пай Хазын и третий всадник ведет за собой белую лошадь – Ызых. ...Всадники, поочередно поклонившись Старейшине и получив благословение, зажигают огонь “Тун пайрама”, устанавливают ритуальную березу и привязывают к сарчине ритуального коня. Старейшина окропляет Пай Хазын, Огонь и ритуального коня айраном, со словами благопожелания, прославляющими цветущую Хакасию».

В таком варианте праздника присутствует тема первотворения, обновления; она лежала и в основе традиционного хакасского праздника Тун пайрам. Особенностью современной праздничной культуры Хакасии стал авторский характер создания и проведения торжеств. Вторая редакция Тун пайрама разрабатывалась Л.А. Тинниковой и А. Чапрай.

На Тун пайраме в 1996 г. главным действующим лицом была Кун Арыг – персонаж хакасского эпоса, покровительница хакасского народа, тоскующая по родной земле. Лейтмотивом праздника являлась идея возвращения Кун Арыг, много лет скитавшейся на чужбине, на хакасскую землю, куда вместе с ней возвращались радость, добро и мир. В контексте Тун пайрама этот сюжет призван актуализировать историческую память, способствовать возрождению утраченных традиций. Но полный возврат к традиции оказался не возможен и не нужен. В конечном итоге произошла нивелировка этнической специфики Тун пайрама. В 2001 г. праздник приобрел республиканский статус. Делегации из различных районов Хакасии (Бейского, Усть-Абаканского, Аскизского, Таштыкского и др.) на Базинской поляне близ с. Аскиз Аскизского р-на поставили свои юрты, в которых демонстрировались достижения мастеров народного творчества, проходили выступления фольклорных ансамблей. Праздник открыла Хозяйка земли – царица Хакасии. На главной сцене развернулось театрализованное действие с ее участием. Мифическая царица в белоснежном наряде и остроконечном головном уборе спустилась по склону горы в окружении духов – хозяев стихий: воды, земли, растений и огня. Она окропила все стороны света молоком, пожелала своему народу мира и счастья и зажгла священный огонь Тун пайрама.

Затем прошел обряд почитания священной березы Пай Казын, которая находилась возле сцены. На это дерево все присутствовавшие на церемонии высокие гости, в т.ч. глава Республики Хакасии А.И. Лебедь, повязали цветные ленточки – чалама. После окончания официальной части началось народное гулянье.

Большой интерес вызвал конкурс хакасских красавиц. Девушки должны были продемонстрировать знание хакасских традиций, фольклора, умение носить национальный костюм. Кроме самих участниц конкурса в нем были задействованы их мамы и бабушки. Так была актуализирована проблема межпоколенной трансляции традиций, т.е. реализовалось высшее предназначение праздника, которое он имел в традиционном обществе.

Стремление к сохранению и передаче обычая старины в хакасском обществе не угасает, но с каждым годом сфера традиционного в Тун пайраме сужается, уступая место фестивальным практикам, имеющим надэтнический характер. В 2002 г. этни-

ческая составляющая праздника была сведена к минимуму. Республиканский праздник проводился в форме спартакиады.

Тенденция интерпретации Тун пайрама в контексте этнического символизма, объединяющего население региона на основе общего героического прошлого и уникальной культуры, вновь проявилась в 2007 г. в рамках празднования 300-летия добровольного вхождения Хакасии в состав Российской государства. Программа празднования включала три больших блока: первый – Дни исторического и культурного наследия Республики Хакасии (конец июня – начало июля), второй – Дни культуры Хакасии в Москве (сентябрь), третий – Дни тюркской письменности и культуры (сентябрь – октябрь). В подготовке юбилейных торжеств участвовали государственные структуры республиканского и районного значения, учреждения образования и культуры, общественные организации, средства массовой информации.

Празднования, посвященные 300-летию вхождения Хакасии в состав Российской государства, открылись выставкой «Тайны древней земли Хакасии», которая была организована Хакасским национальным краеведческим музеем им. Л.Р. Кызласова. Камертоном в ней звучали тема древней истории родной земли, обращение к археологическим реалиям Минусинской котловины. Даже объявление об открытии выставки было стилизовано под рунические письмена.

Композиционно авторы построили экспозицию так, чтобы посетители музея получили целостное представление о культуре коренного тюркоязычного населения региона с древних эпох до современности. Выставка предметов сопровождалась фотографиями, а также серией публицистических зарисовок, в которых в яркой и эмоциональной форме описывались основные вехи истории Хакасии: афанасьевская, окуневская, андроновская и карасукская, тагарская, таштыкская эпохи, современность. В рамках музейной экспозиции был сформирован образ народа с древним и героическим прошлым.

В Республиканском центре культуры им. С.П. Кадышева проходил конкурс на лучшую сувенирную продукцию по трем номинациям: сувениры с праздничной символикой, сувенирная продукция с государственной символикой республики, сувениры.

Кульминацией праздника стали Дни исторического и культурного наследия Республики Хакасии. Их и открывал республиканский праздник Тун пайрам. Девизом торжественного мероприятия стали слова: «Сотвори совершенную душу».

Программа праздника, проводимого в Республике Хакасии с начала 1990-х гг., осталась неизменной. Тун пайрам в 2007 г. включал театрализованное представление «Легенда о посланнике неба Алтын Арчоле», торжественное открытие праздника, концерт масте-

ров искусств, фестиваль национальной одежды народов республики, конкурс хакасской кухни, юрт, родов, фестиваль исполнителей хакасского традиционного музыкального фольклора, спортивные состязания по национальным видам спорта, выставку изделий народных мастеров и умельцев.

Театрализованное представление отсылало зрителей к мифическим временам первоотворения; главным героем постановки был богатырь с совершенной душой Алтын Арчол, принесший на землю порядок и справедливость. Особое внимание организаторами праздника уделялось идее связи поколений. Старейшины родов хакасского народа активно участвовали в праздничных действиях. Во время торжественного открытия они совершили ритуал зажжения священного огня праздника. Был проведен конкурс хакасских родов, призванный пропагандировать родовое движение, приобщить молодежь к истории народа и традициям рода. Частью праздника стал конкурс «Родной язык и культура – духовное наследие народа». Участники конкурса соревновались на знание хакасского языка и народных традиций. Они должны были проявить себя как исполнители произведений устного народного творчества и музыкальных произведений, знатоки основ народной медицины и педагогики, истории хакасского народа и Хакасии, обрядов почитания духов земли, огня, неба, а также элементов традиционных праздников – Тун пайрам, Чыл пазы. Лейтмотивом всех мероприятий являлось обращение к истории предков, самобытной культуре и традициям коренного населения региона. Все конкурсы, проводимые на Тун пайраме, были направлены на сохранение и возрождение обычаев и традиций, популяризацию и развитие традиционной материальной культуры хакасов.

В символическом оформлении праздника были использованы известные по археологическим памятникам образы: солярный знак, характерный для окуневской археологической культуры, руническая письменность, солярные личины тазьминской археологической культуры, государственные символы Республики Хакасия, традиционный хакасский орнамент.

Следующим значимым событием в рамках празднования 300-летия добровольного вхождения Хакасии в состав Российской государства и реализации Республиканской целевой программы сохранения и поддержки культуры и искусства Республики Хакасия явился Первый межрегиональный фестиваль «Полбек» («Медленный танец»). В фестивале приняли участие профессиональные фольклорные и танцевальные коллективы Тувы, Горного Алтая, Шории, Бурятии, Республики Саха (Якутия), Башкортостана, Хакасии. Фестиваль был организован с целью сохранения фольклорных традиций и пропаганды богатого историко-этнографического наследия.

В начале июля 2007 г. в Республике Хакасии отмечался Хакас Чирі («Праздник Земли Хакасии»). Он начался с богослужения в Спасо-Преображенском соборе г. Абакана. Возглавил литургию управляющий делами Московской Патриархии митрополит Калужский и Боровский Климент. Он же освятил икону, специально написанную и посвященную 300-летию добровольного присоединения Хакасии к Российскому государству. На открытии праздника было зачитано послание Святейшего Патриарха Русской Православной церкви Алексия. В нем отмечалась роль культурного наследия русского народа, давшего толчок всестороннему развитию региона. Духовным основание союза русского и хакасского населения провозглашалось православие «в рамках культурной традиции которого происходило приобщение народа этой древней земли к достижениям европейской цивилизации» [300-летие..., 2007].

За богослужением последовали театрализованное открытие праздника «Рождение Хакасии», главной темой которого являлась тема дружбы хакасского и русского народов, и карнавальное шествие «Путь длиною в триста лет». Во время карнавала на движущихся платформах районов республики разыгрывались театральные зарисовки на темы древней и современной истории региона, шаманские мистерии. Популярность на карнавале приобрел мифический образ Солнечной царицы – царицы Хакасии. Во многих инсталляциях были использованы элементы историко-культурного ландшафта Минусинской котловины – стелы и традиционные коновязи.

В рамках празднования 300-летия добровольного вхождения Хакасии в состав Российской государства, Дней тюркской письменности и культуры прошло открытие памятника Н.Ф. Катанову – известному учению-востоковеду, внесшему вклад в развитие отечественной тюркологии.

Разработки символической элиты в праздничной сфере находят отклик в молодежной среде Республики Хакасии. Согласно опросу, проведенному в Хакасской национальной гимназии-интернате им. Н.Ф. Катанова, учащиеся отмечают общегражданские (Новый год, 23 февраля, 8 Марта, 9 Мая), республиканские (Тун пайрам, Очи пайрам, Чыл пазы) и христианские (Рождество, Пасха, Троица) праздники. Любимыми праздниками хакасской молодежи являются день рождения и Новый год. Респонденты проявляют хорошее знание республиканских (Тун пайрам, Чыл пазы, Очи пайрам) и родовых (Чир инэ куні, Ынырхас) праздников.

Исследования показывают, что феномен этнического праздника Тун пайрам в Республике Хакасии, как в фокусе, отражает ситуацию, сложившуюся в регионе. С одной стороны, для республики характерно стремление сформировать национальную идею, новую национальную идеологию на основе об-

ращения к древности и историческим корням, с другой – сохранить этнокультурное многообразие данного региона.

Современная праздничная культура субъектов Российской Федерации органично включается в символическое пространство отдельных регионов. В ходе праздничных мероприятий в республиках Саяно-Алтая используется система этнических символов и образов, сформулированная в 1990-е гг. Среди них: государственные символы, образ героя-богатыря, образ древнего прошлого, элементы традиционной культуры и культурно-исторического ландшафта. Анализ государственных праздников еще раз подтверждает, что в Республике Алтай, Республике Тыва, Республике Хакасия на рубеже XX–XXI вв. развитие этнонациональной идеологии переместилось в культурную сферу.

Символьная элита Республики Алтай, Республики Тыва и Республики Хакасии с успехом выполняет свою функцию по конструированию и распространению национальных символов. Основой поиска являются археологическое прошлое, традиционная культура тюркских народов Саяно-Алтая. При этом современная праздничная культура в яркой, колорит-

ной форме представляет ценности полизначного сообщества, формирует образ уникального региона с неповторимой культурой.

Список литературы

Анжиганова Л.В. Сакральные основания культуры хакасов: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gov.khakassnet.ru> (24.02.2003).

Возрождение традиций // Тувинская правда. – 2002. – № 92/93. – С. 3.

Наадым // Тувинская правда. – 2005. – № 95. – С. 3.

Сагитова Л.В. Гражданская и культурная идентичность в российских учебниках истории в контексте демократизации поликультурных сообществ // Реализация национально-регионального компонента исторического образования в национальных республиках Поволжья и Приуралья: проблемы и перспективы. – Казань: [Б.и.], 2005. – С. 62–74.

300-летие союза Хакасии и России // Церковный вестник. – 2007. – № 13/14 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tserkov.info/numbers/churchsociety/?ID=2231> (23.08.2007).

Тугужекова В.Н. Современное состояние хакасского этноса // Этносоциальные процессы в Сибири. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. – Вып. 3. – С. 94–97.

Е.В. Самушкина

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090*

Россия

E-mail: khakassie@yahoo.com

* * *

Фоторепортаж «Алтай – Эл Ойын-1992» подготовлен Збигневом Костом.

З. Кост родился в 1951 г. в Гданьске. В 1976 г. окончил Варшавский университет по специальности «социальная психология». В 1983 г. поступил на факультет фотографии Художественной академии Герит Ритвельд (Амстердам, Нидерланды). Более 30 лет занимается только фотографией. Для съемок выбирает места, как правило, удаленные от европейской цивилизации. З. Кост фотографировал афонские монастыри в Греции, курды в Турции, еврейские районы Krakova, древние памятники Египта, современную жизнь Амстердама и

Чикаго. Результатом его фотоисследований стали репортажи, альбомы и выставки. В 1990 г. в редакции журнала «Советское фото» в Москве состоялась первая персональная выставка З. Коста в России. В 2003 г. в нашей стране с успехом прошла его выставка «Широкий взгляд», в 2006 г. в галерее при Московском доме фотографии – выставка «Темный свет». З. Кост – член Союза фотохудожников России почти со дня его создания. По приглашению и при поддержке союза он совершил несколько путешествий по России. Признание получили его фотосессии, посвященные Башкирии, Алтаю, Татарстану и т.д.

Збигнев Кост

*Pieter Langendijkstraat 57-1
1054 XZ Amsterdam
Netherlands
tel +31(0)20 6126975
z.kosc@chello.nl
<http://www.zbigniewkosc.nl>*

1. Фестивальная поляна Эл Ойына в 1992 г.

На широкой поляне близ с. Кырлык Усть-Канского р-на, где в начале XX в. проходили первые моления последователей Белой веры Алтая, развернулся праздник Эл Ойын. В 1992 г. его впервые отмечали как государственный праздник Республики Алтай. Яркий, многоголосый фестиваль заполнил пространство зеленых горных долин, предопределив развитие новой традиции.

2. Праздничный концерт на открытии Эл Ойына в 1992 г.

3. Юные участницы концерта в день открытия Эл Ойына в 1992 г.

Праздник объединил все лучшее, что было создано на земле Алтая – его древние традиции и художественные эксперименты, возрожденные из небытия символы и живую культуру. Не борьба, а взаимосвязь эпох, народов и поколений стала основной темой праздника.

4. Соревнования по национальной алтайской борьбе куреш.

5. Объездка яка гостями праздника после проведения скачек на яках.

Праздник заставил вспомнить забытые ритуалы и ценности. Дал новый импульс к развитию мужества и силы, заложенных в искусстве традиционных состязаний, которые были рождены в среде кочевников и воинов степных пространств Евразии.

6. Конские бега.

7. Член делегации Улаганского р-на.

Праздник вернул престиж национальному костюму. Он заставил молодых женщин открыть бабушкины сундуки, а пожилых взять в руки иголки и вспомнить крой стариных нарядов. Красота явилась горам Алтая в облике, созданном культурами тюркских и славянских народов края.

8. Соревнования лучников.

9. Члены делегации Кош-Агачского р-на.

Праздник придал высокий смысл этнических символов песенной лирике народов Алтая, мастерству сказительства и горлового пения. Но одновременно в рамках праздника приобрели значение самые простые и обыденные вещи – умение приготовить традиционную похлебку кочо, колбасу дюргом, встретить гостя чашкой айрана или кумыса.

10. Приготовление национального блюда дюргом из внутренностей барана.

11. Участники парада Эл Ойына в 1992 г.

Праздник Эл Ойын, возникнув в конце XX в., стал динамическим началом современной праздничной культуры Алтая. Он предопределил векторы ее развития, в котором устремленность в будущее соединилась с пристальным вниманием к прошлому.

12. Победитель скачек Эл Ойына в 1992 г.

АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 572

Т.А. Чикишева

Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: chikisheva@ngs.ru

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ТУВЫ

Палеоантропологический материал является одним из важнейших источников для этногенетических реконструкций в археологии. В статье представлены результаты исследования краинологических серий из погребений эпохи ранних кочевников Центральной Тувы: ранней (середина – вторая половина VII в. до н.э.) и финальной (V–IV вв. до н.э.) стадий алдыбельской культуры (номинально-погребальные комплексы Аржан-2 и Копто соответственно), уюкско-саглынской культуры (VI–IV вв. до н.э.) и переходного к эпохе хунну периода (II в. до н.э. – I в. н.э.) (могильник Догээ-Баары II). Показан сложный и динамичный антропологический состав скифского населения Тувы на всех этапах его существования. Морфологические особенности уюкско-саглынских групп находят прототип в антропологическом составе носителей монгун-тайгинской культуры. Для алдыбельской серии из кургана Аржан-2 предполагается общий субстрат с раннескифским населением Горного Алтая.

Введение

Современный уровень археологической изученности Тувы и Центральной Азии в целом позволяет разделить культурогенез ранних кочевников этого региона на этапы, имеющие свой комплекс общееисторических и локально-хронологических факторов, стимулировавших и опосредовавших процессы этнокультурной трансформации. В основе раннего этапа (рубеж IX–VIII – рубеж VI–V вв. до н.э.) лежит консолидация местных племен, носителей традиций монгунтайгинской культуры, и окуневского населения, отесненного в горно-степные районы Центральной Азии андроновскими мигрантами [Савинов, 2002]. В этот период культурные связи населения Тувы были ориентированы на восток – Северный и Северо-Западный Китай, Монголию. Со второй половины VI в. до н.э. трансконтинентальными по влиянию стали события, связанные с geopolитическими амбициями державы Ахеменидов Передней Азии. Начиная с этого времени во всем Азиатском регионе скифо-сибирской общности появились импульсы с

запада и формировались новые культурные традиции [Там же; Марсадолов, 1999; Таиров, 1999].

Существуют два подхода к интерпретации наблюдаемого разнообразия культурных традиций ранних кочевников Тувы: в рамках единой культуры, подразделенной на этапы, и в составе нескольких. Соответственно, процессы культурогенеза в скифский период рассматриваются либо как последовательное саморазвитие одной культуры, либо как смена нескольких культурно-исторических комплексов [Савинов, 2002, с. 77].

Идея монокультурного генезиса скифского населения Тувы разрабатывалась на основе археологических материалов, полученных до 1970-х гг.: С.И. Вайнштейн выделял кызылганскую культуру [1958], Л.Р. Кызласов и М.Х. Манай-Оол – уюкскую [Кызласов, 1958, 1977, 1979; Манай-Оол, 1970]. Периодизация Л.Р. Кызласова придерживается А.М. Мандельштам, представляя скифскую эпоху Тувы в многотомном издании «Археология СССР» [1992].

Концепция поликультурности эпохи ранних кочевников Тувы начинает разрабатываться в 1970-х гг. и становится доминирующей, когда возрастает чис-

ло открытых и изученных памятников, в т.ч. относящихся к начальному этапу. Среди них два элитарных поминально-погребальных комплекса – Аржан-1 [Грязнов, Манай-Оол, 1973; Грязнов, 1980] и Аржан-2 [Чугунов, Парцингер, Наглер, 2002]. После открытия первого М.П. Грязнов предложил рассматривать его материалы в рамках отдельной культуры, названной им аржанской и датируемой VIII–VII вв. до н.э., или аржанского этапа культуры ранних кочевников [1980]. А.Д. Грач выделил в Туве две культуры скифского времени: алды-бельскую, разделенную на два этапа – аржанский (VIII–VII вв. до н.э.) и усть-хемчикский (VII–VI вв. до н.э.), – и саглынскую (V–III вв. до н.э.) [1975, 1980]. Его периодизацию в целом поддерживает Д.Г. Савинов, но памятники аржанского типа предлагает выделять в самостоятельную культуру [2002]. Исследователи, активно ведущие раскопки на территории Тувы в настоящее время, памятники конца VI – III вв. до н.э. относят к уюкско-саглынской культуре, восходящей к алды-бельскому субстрату, и дифференцируют в ней уюкскую и саглынскую традиции, имеющие разные ареалы, различные источники инновационных элементов и разное время их внедрения в алды-бельский субстрат [Семёнов, 1992; Čugunov, 1998; Чугунов, 1999б, 2001; Васильев, Слюсаренко, Чугунов, 2003]. Финальный этап алды-бельской культуры распространяется до V в. до н.э. [Čugunov, 1998].

Археологический материал, безусловно, является определяющим при реконструкции процессов этно-культурогенеза в любой пространственно-временной структуре древнего населения, и усилиями археологов история ранних кочевников Тувы восстанавливается во всей многогранности взаимосвязей, взаимовлияний и контактов в составе скифо-сибирской этнокультурной общности, сложившейся в степном поясе Евразии в I тыс. до н.э. Тем не менее верификация выводов, полученных на основе археологических данных, результатами антропологического исследования имеет большое значение. Археология располагает элементами материальной культуры, которые часто заимствуются от соседей и не всегда могут служить доказательством смены населения. И только специфический комплекс морфологических черт человека, антропологический тип, обнаруженный вне ареала его формирования, является самым точным свидетельством миграции. Употребление выражений «генетические связи» и «генетические контакты» уместно именно в интерпретации палеоантропологических данных, представляющих собой размеры и форму костей скелета человека. Хотя в настоящее время мы не знаем, какие конкретно гены обуславливают размер и форму черепной коробки, скуловых дуг, носовых костей, челюстей и многих деталей их морфологии, но понимаем, что эти признаки наследуются и сходство по ним имеет явно генетическое происхождение.

Палеоантропологические материалы эпохи ранних кочевников с территории Тувы исследовались ведущими российскими антропологами Г.Ф. Дебецем и В.П. Алексеевым. По результатам этих исследований констатировались смешанность антропологического состава тувинских скифов на уровне двух рас – монголоидной и европеоидной – и неизменность соотношения монголоидного и европеоидного компонентов на протяжении скифского и гунно-сарматского времени. Предполагалась генетическая связь обоих компонентов с местным населением эпохи бронзы. Правда, гипотетический антропологический субстрат реконструировался на основе скромного материала, насчитывающего в общей сложности два десятка черепов: из могильников Аймырлыг XIII (окуневская культура) [Гохман, 1980], Байдаг III (карасукская культура) [Там же], безынвентарных погребений монгун-тайгинской культуры [Алексеев, 1974] и единственного захоронения эпохи энеолита – ранней бронзы на берегу р. Тора-Хем [Алексеев, 1984].

Первой публикацией палеоантропологических материалов с территории Тувы была статья Г.Ф. Дебеца, в которой анализировались черепа из раскопок С.А. Теплоухова 1926–1929 гг. [1950]. Этот материал был подразделен на две хронологические группы: раннюю, скифского и гунно-сарматского времени, и позднюю, эпохи раннего средневековья (приблизительно VII–X вв. н.э.). Г.Ф. Дебец констатировал, что население раннего железного века на территории Тувы имело в своем антропологическом составе ощутимую монголоидную примесь, которая практически с тем же удельным весом зафиксирована им и в эпоху средневековья.

В дальнейшем по мере поступления материалы скифского времени из Тувы исследовались В.П. Алексеевым и были опубликованы им в ряде статей. Датировка черепов из раскопок С.А. Теплоухова была пересмотрена: ранняя группа подразделена на скифскую, синхронизированную с тагарской культурой Минусинской котловины, и сарматскую, отнесенную к рубежу новой эры. У этих черепов были определены размеры, характеризующие высоту переносья, и углы горизонтальной уплощенности лицевого скелета, что более объективно показало участие монголоидного компонента в формировании антропологического состава населения в разные эпохи. Однако ни перегруппировка материала, ни более полноценная антропометрическая программа не изменили выводов Г.Ф. Дебеца [Алексеев, 1956]. Заметных различий по соотношению монголоидного и европеоидного компонентов между ранними (скифскими) и поздними (сарматскими) черепами В.П. Алексееву не удалось установить и при подключении к серии С.А. Теплоухова материалов из раскопок С.И. Вайнштейна и А.Д. Грача 1950-х гг. [Алексеев, 1959]. Были, правда,

отмечены определенные различия между группами погребенных в земляных курганах со срубом и каменных курганах в квадратной оградке, но какой-либо исторической интерпретации они не получили из-за ограниченности сравнительных данных с сопредельных территорий Хакасии, Алтая, Монголии.

В следующей статье, подводящей очередные итоги изучения накопленных по Туве палеоантропологических материалов, В.П. Алексеев дифференцировал монголоидный компонент в составе скифского населения этого региона на два типа, имеющие различия в размерах лицевого отдела. Для одного, с большими размерами, предполагалось центрально-азиатское происхождение, для другого, с малыми размерами, – северное «таежное» [Алексеев, 1962]. Увеличившаяся по объему и территориальному охвату серия вновь не продемонстрировала изменения соотношения европеоидного и монголоидного компонентов в антропологических составах населения скифского и гунно-сарматского времени.

В последней работе, посвященной палеоантропологии Тувы, В.П. Алексеев еще раз обобщил весь опубликованный ранее материал (скифского, гунно-сарматского и тюркского времени) [1984]. К моменту написания статьи в археологии уже остро стояла проблема периодизации скифской эпохи, но он не стал перегруппировать скифскую краниологическую коллекцию в соответствии с принадлежностью памятников к разным культурам или их этапам. Этот момент был оговорен особо. По мнению В.П. Алексеева, разбивка серии на малочисленные группы не позволила бы объективно обсуждать реальность антропологических различий между ними. В то же время материал был разделен на четыре группы по территориальной приуроченности к районам Тувы – западному, центральному, восточному и южному, естественные географические границы которых не обговаривались. Перспективность предложенного подхода следовала из предположения, что если существующие между памятниками разных районов культурные различия коррелируют с различиями в антропологическом составе населения, то последние будут обнаружены. ТERRиториальные группы получились неравномерными по численности, а две из них – восточная и южная – оказались представленными единичными и фрагментарными черепами. Тем не менее выявилась определенная закономерность: признаки монголоидного комплекса в наименьшей степени были выражены в западной группе, больше – в центральном районе и еще более усиливались в южном и восточном. Причем обнаруженные морфологические комплексы напоминали два монголоидных антропологических типа – центрально-азиатский (южная группа) и байкальский (восточная).

При всей важности полученных результатов, свидетельствующих о сложности протекавших на тер-

ритории Тувы этногенетических процессов, ими не могут быть исчерпаны все проблемы, связанные с историей региона в эпоху скифов. Многие вопросы, на которые должна ответить антропология, все еще остаются нерешенными. Так, раскопки в Турено-Уюкской котловине (Центральная Тыва) элитарного поминально-погребального памятника Аржан-1 предоставили факты, позволяющие говорить о том, что на территории Тувы на рубеже IX–VIII вв. до н.э. сформировался атрибутивный комплекс, объединяющий культуры скифского типа. В связи с этим открытием особенно остро встали вопросы о происхождении ранних кочевников Тувы и их влиянии на скифский мир в целом. Антропологический аспект данной проблемы впервые может быть рассмотрен в настоящее время благодаря проведенным в 2001–2003 гг. раскопкам еще одного элитарного поминально-погребального комплекса – Аржан-2. До этого события в распоряжении исследователей не было скелетных остатков тувинских кочевников начального периода эпохи скифов.

Периоды смены культур являются очень сложными для реконструкции процессов этнокультурогенеза. В истории ранних кочевников Тувы особое место занимает рубеж VI–V вв. до н.э., когда под влиянием инокультурных импульсов началась трансформация автохтонной алды-бельской культуры и формировались уюкско-сагынские традиции. По археологическим данным констатируется западное происхождение основных инноваций в культурогенезе населения, реконструируются межпопуляционные связи на уровне отдельных памятников. В настоящее время мы можем изучать этот процесс на палеоантропологических материалах.

Очень противоречивым периодом истории ранних кочевников Тувы является также рубеж III–II вв. до н.э., или позднескифское время, когда в степной полосе Евразии распространялись новые этнические компоненты, которые фиксируются в археологических комплексах этого времени. На их основе в Центральной Азии образовалось государство Хунну. Палеоантропологические материалы этого периода также вводятся в научный оборот впервые.

Мир ранних кочевников отличался уникальным миграционным потенциалом, что, наверное, стало одной из причин универсализации культурной атрибутики. Но это не привело к гомогенизации антропологического состава населения степей Евразии в скифскую эпоху [Алексеев, 1986], благодаря чему особенности скелетной морфологии являются хорошим источником для этногенетических реконструкций.

Материал и методы

Усилиями археологов, проводящих раскопки в Турено-Уюкской котловине с середины 1990-х гг., накопле-

ны палеоантропологические материалы, относящиеся к разным этапам развития культуры ранних кочевников. Они надежно датированы современными методами радиоуглеродного анализа и дендрохронологии [Евразия..., 2005].

В основу данного исследования положены краинологические серии из нескольких поминально-погребальных комплексов.

1. Антропологические материалы раннескифского времени из кургана Аржан-2, расположенного в долине одноименной реки. Получены в 2001–2003 гг. в результате работ совместной экспедиции Эрмитажа (г. Санкт-Петербург) и Немецкого археологического института (г. Берлин). Тринадцать раннескифских погребений датируются серединой – второй половиной VII в. до н.э. и относятся к раннему этапу алдыбельской археологической культуры.

2. Краинологическая серия финального этапа алдыбельской археологической культуры из курга 4 могильника Копто, расположенного на правобережной террасе одноименной реки – правого притока р. Каа-Хем (Малый Енисей). Памятник раскопан Центрально-Азиатской экспедицией Санкт-Петербургского филиала НИИ культурного и природного наследия под руководством К.В. Чугунова в 1996 г. [Čugunov, 1998; Чугунов, 1999б]. Курган датируется V в. до н.э. [Čugunov, 1998].

3. Краинологическая серия раннего этапа уюкско-саглынской культуры (VI–IV вв. до н.э.) из могильника Догээ-Баары II, расположенного на правобережной террасе р. Бий-Хем (Большой Енисей), в 5 км выше слияния с Каа-Хемом и в 8 км к северу от г. Кызыла. Памятник исследовался Центрально-Азиатской экспедицией НИИ культурного и природного наследия под руководством К.В. Чугунова. Антропологические материалы получены при раскопках 1990–2000 гг. [Чугунов 1994, 1996, 1999а, 2001, 2007; Čugunov, 1998].

4. Краинологическая серия переходного к эпохе хунну периода (II в. до н.э. – I в. н.э.) из курга 23–25 могильника Догээ-Баары II.

Этнокультурные группы, имеющие антропологическое сходство с палеопопуляциями ранних кочевников Тувы выявлялись методом иерархического кластерного анализа комплекса краинометрических признаков, в который вошли продольный, поперечный и высотный диаметры черепной коробки, верхняя высота и скелетовая ширина лица, наименьшая ширина лба, высота и ширина орбит, высота и ширина носа, угол выступания носовых косточек, симметрический и дакриальный указатели, общий угол вертикального, а также назомалярный и зигомаксиллярный углы горизонтального профиля лица. Классификация групп проводилась методом средней связи с помощью системы обработки данных SPSS. В качестве меры их сходства использовано квадратичное

евклидово расстояние. К анализу были привлечены следующие краинологические материалы.

5. Сборная серия из могильников культуры окуневского типа Аймырлыг XIII и XXVII в Центральной Туве [Гохман, 1980].

6. Мужские черепа из могильника культуры карасукского типа Байдаг III в Западной Туве [Там же].

7. Сборная окуневская серия (первая половина II тыс. до н.э.) из Хакасии [Громов, 1997].

8. Сборная карасурская серия (конец II – начало I тыс. до н.э.) из Хакасии [Рыкушина, 1980].

9. Сборная серия из погребений андроновской культуры в Минусинской котловине [Алексеев, 1961].

10. Сборная андроновская серия (середина II – начало I тыс. до н.э.) из Западного Казахстана [Алексеев, 1964; Гинзбург, 1962; Комарова, 1927].

11. Сборная андроновская серия из Северного, Центрального и Восточного Казахстана [Дебец, 1948; Гинзбург, 1956б; Исмаголов, 1963].

12. Черепа из погребений тазабагъянской культуры (середина II – начало I тыс. до н.э.) могильника Кохча-3 (Южное Приаралье) [Гинзбург, Трофимова, 1972].

13. Сборная серия из безынвентарных погребений монгун-тайгинской культуры предскифского времени Тувы [Алексеев, 1974].

14. Мужские черепа из безынвентарных захоронений Западной Монголии [Там же].

15. Серия эпохи бронзы из могильника Гумугоу в Синьцзяне [Хань Кансинь, 1986].

16. Черепа из погребений уюкско-саглынской культуры (V–IV вв. до н.э.) могильника Аймырлыг в Центральной Туве [Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987].

17. Сборная серия скифского времени (V–III вв. до н.э.) из разных могильников на территории Тувы [Алексеев, 1984]. Преобладают черепа из западных районов. В основном материал происходит из памятников уюкско-саглынской культуры.

18. Серия гунно-сарматского времени (III–I вв. до н.э.) из могильника Аймырлыг XXXI в Центральной Туве [Богданова, Радзюн, 1991].

19. Краинологические материалы гунно-сарматского времени (I в. до н.э. – V в. н.э.) с памятника Кохэль в Центральной Туве [Алексеев, Гохман, 1970].

20. Сборная серия гунно-сарматского времени из разных могильников Тувы [Алексеев, 1984].

21. Мужские черепа из раннескифских погребений Горного Алтая (VIII–VI вв. до н.э.) [Тур, 1997].

22. Сборная серия гунно-сарматского времени (I в. до н.э. – III–IV вв. н.э.) с нескольких местонахождений в центральном и южном районах Горного Алтая [Чикишева, Поздняков, 2002].

23. Сборная пазырыкская серия (V–III вв. до н.э.) из разных могильников Горного Алтая [Чикишева, 2003].

24. Сборная серия из погребений кара-кобинского типа в Горном Алтае [Там же].

25. Сборная серия большереченской культуры (VIII–VI вв. до н.э.) из Быстровки-2, -3 в Новосибирском Приобье (неопубликованные данные; измерения выполнены в 2001 г. студенткой Новосибирского государственного университета М.В. Шпаковой).
26. Сборная серия каменской культуры (III–I вв. до н.э.) из могильников Масляха-1, -2 в степных предгорьях Алтая [Рыкун, 1999].
27. Мужские черепа гунно-сарматского времени (последние века до нашей эры – первые века нашей эры) из Гилёва и Карболихи в степных предгорьях Алтая [Алексеев, Мамонова, 1988].
28. Сборная серия тагарской культуры из Минусинской котловины [Козинцев, 1977].
29. Сборная таштыкская серия из Минусинской котловины [Алексеев, 1961].
30. Черепа скифского времени (V–III вв. до н.э.) из могильника Улангом в Западной Монголии [Мамонова, 1980].
31. Сборная серия эпохи хунну из Монголии [Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987].
32. Сборная серия эпохи хунну из Забайкалья [Мамонова, 1974].
33. Черепа скифского времени (IX–V вв. до н.э.) из могильника Чауху-4 в небольшой горной долине, прорезающей южные отроги Тянь-Шаня на территории Синьцзяна (см.: [Поздняков, Комиссаров, 2007]).
34. Черепа сакского времени из могильника Алагуру в Турфанской долине (Синьцзян) [Хань Кансинь, 1995].
35. Сборная сакская серия (VII–IV вв. до н.э.) из Северного Казахстана [Гинзбург, 1963].
36. Сборная серия сакского времени (V–IV вв. до н.э.) из Восточного Казахстана [Гинзбург, 1956а, 1961].
37. Сборная сакская серия (V–IV вв. до н.э.) из Центрального Казахстана [Дебец, 1948; Гинзбург, 1956а].
38. Мужские черепа из погребений тасмолинской культуры (VII–III вв. до н.э.) могильников Карамурун и Тасмола в Центральном Казахстане [Исмагулов, 1970].
39. Сборная серия сакского времени (IV–II вв. до н.э.) из комплекса памятников чирикрабатской культуры на территории древней дельты Сырдарьи [Трофимова, 1963].
40. Сборная сакская серия (VII–VI вв. до н.э.) из могильников Южный Тагискан и Уйгарак (древняя дельта Сырдарьи) [Итина, Яблонский, 1997].
41. Сборная серия сакского времени (IV–II вв. до н.э.) из комплекса памятников джетыасарской культуры на территории древней дельты Сырдарьи [Трофимова, 1958; Кияткина, 1993, 1995].
42. Сборная серия из основных погребений куюсайской культуры могильников Тумек-Кичиджик (VII–V вв. до н.э.) и Тарым-Кая (VI–V вв. до н.э.) в Присаракамышской дельте Амудары (Северная Туркмения) [Трофимова, 1979].
43. Сборная серия сакского и раннеусуньского времени (VII–III вв. до н.э.) из Тянь-Шаня [Гинзбург, 1954, 1960; Миклашевская, 1964].
44. Сборная усуньская серия (IV в. до н.э. – I–II вв. н.э.) из Тянь-Шаня [Гинзбург, 1954, 1960; Миклашевская, 1959, 1964].
45. Сборная серия усуньского времени (III в. до н.э. – III в. н.э.) из разных могильников Восточного Казахстана (район Прииртышья) [Гинзбург, 1956а].
46. Сборная усуньская серия (IV в. до н.э. – III в. н.э.) из Семиречья [Исмагулов, 1962].
47. Сборная серия из разных могильников саргатской культуры [Багашев, 2000].
48. Сборная савроматская серия (VI–IV вв. до н.э.) из Южного Приуралья [Акимова, 1968а, 1968б].
49. Сборная серия савроматского времени (VI–IV вв. до н.э.) из Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья [Гинзбург, 1959; Фирштейн, 1961; Кондукторова, 1962; Балабанова, 2000].
50. Сборная раннесарматская серия (IV–III вв. до н.э.) из Южного Приуралья [Акимова, 1968а].
51. Сборная серия раннесарматского времени (IV–I вв. до н.э.) из Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья [Гинзбург, 1959; Тот, Фирштейн, 1970].
52. Сборная среднесарматская серия (I – первая половина II в. н.э.) из Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья [Там же].
53. Сборная среднесарматская серия (I – первая половина II в. н.э.) из Приднепровья [Кондукторова, 1956].
54. Черепа из могильника у с. Николаевка Одесской обл. (IV–III вв. до н.э.) в Прутско-Днестровском междуречье [Великанова, 1975].
55. Сборная серия из погребений скифской знати в Северном Причерноморье (IV в. до н.э., степное Нижнее Приднепровье) [Фирштейн, 1966; Круц, 2005].
56. Черепа из скифского могильника Никополь (IV–III вв. до н.э.) в степном Нижнем Приднепровье [Алексеев, 1986].

Результаты антропологического анализа

Визуально краниологические серии из кургана Аржан-2 производили впечатление однородных. Сравнение внутригрупповых дисперсий крациометрических признаков со стандартными подтвердило это. Ни по одному из признаков не обнаружено достоверного повышения изменчивости. Напротив, она снижена. Это свидетельствует о том, что индивидуальные значения признаков крациометрического комплекса в мужской и женской группах очень близки к среднегрупповым показателям (табл. 1, 2).

Таблица 1. Средние характеристики мужских краниологических серий скифского времени с территории Тувы

Признак	Аржан-2 (VII в. до н.э.)			Копто (V в. до н.э.)			Догээ-Баары II (VI–IV вв. до н.э.)			Догээ-Баары II (II в. до н.э.– I в. н.э.)		
	X	N	S	X	N	S	X	N	S	X	N	S
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1. Продольный диаметр	180,89	9	5,16	179,8	4	5,3	186,20	10	9,39	175,50	4	6,76
8. Поперечный диаметр	147,25	8	5,34	135,8	4	6,9	141,00	9	4,66	136,50	4	4,80
8 : 1. Черепной указатель	81,55	8	2,79	75,6	4	5,0	76,38	9	5,81	77,82	4	2,56
17. Высотный диаметр от базиона	133,78	9	5,38	133,7	3	2,3	132,71	7	7,11	130,50	4	7,33
20. Высотный диаметр от пориона	114,50	8	4,07	114,00	2	1,41	116,29	7	4,15	112,00	3	7,21
5. Длина основания черепа	105,22	9	9,63	100,00	3	2,65	103,57	7	5,77	100,50	4	1,29
9. Наименьшая ширина лба	94,84	8	3,74	92,83	3	4,25	95,34	11	4,16	90,85	4	8,90
10. Наибольшая ширина лба	124,75	8	5,95	121,67	3	1,15	120,88	8	4,39	116,25	4	8,85
9 : 8. Лобно-поперечный указатель	64,45	8	2,62	66,96	3	2,79	67,14	9	3,94	66,49	4	4,94
11. Ширина основания черепа	129,63	8	13,13	128,33	3	2,52	129,00	6	1,67	125,67	3	7,09
12. Ширина затылка	113,38	8	4,63	110,33	3	3,06	112,63	8	4,96	105,50	4	6,45
29. Лобная хорда	106,95	10	2,47	106,87	3	4,32	109,86	9	8,55	105,58	4	1,70
30. Теменная хорда	111,78	9	5,83	110,67	3	10,69	113,00	9	8,19	108,25	4	8,77
31. Затылочная хорда	93,74	9	5,25	93,50	4	4,47	92,76	10	4,27	90,60	4	3,26
25. Сагиттальная дуга	365,00	9	16,09	367,75	4	8,81	372,10	10	17,41	355,00	4	19,36
26. Лобная дуга	125,80	10	5,25	128,00	3	0,00	130,56	9	7,14	124,50	4	6,45
27. Теменная дуга	124,33	9	8,70	123,00	3	14,73	124,44	9	9,50	121,25	4	8,34
28. Затылочная дуга	114,78	9	5,36	114,75	4	7,46	115,60	10	6,83	109,25	4	5,62
26 : 25. Лобно-сагиттальный указатель	34,50	9	1,02	35,05	3	0,87	35,22	9	1,32	35,08	4	0,48
27 : 25. Теменно-сагиттальный указатель	34,04	9	1,25	33,63	3	3,35	33,54	9	1,59	34,14	4	0,60
28 : 25. Затылочно-сагиттальный указатель	31,45	9	0,96	31,22	4	2,29	31,23	9	1,48	30,79	4	0,84
28 : 27. Затылочно-теменной указатель	92,57	9	5,56	94,25	3	16,89	93,43	9	8,21	90,23	4	3,91
Угол поперечного изгиба лба	142,91	8	5,22	143,30	3	1,66	136,65	10	3,65	138,95	4	4,99
Sub.NB. Высота продольного изгиба лба	24,13	10	2,54	26,93	3	1,07	25,61	9	2,50	24,58	4	2,57
Sub.NB. : 29. Указатель продольного изгиба лба	22,60	10	2,69	25,24	3	1,66	23,30	9	1,10	23,31	4	2,80
Высота изгиба затылка	21,79	9	3,55	25,35	4	4,12	25,36	10	3,19	22,83	4	3,39
45. Скуловой диаметр	140,57	7	3,87	136,00	3	3,46	135,17	6	3,31	133,33	3	3,06
45 : 8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	94,64	7	2,41	98,10	3	1,81	95,71	6	5,92	97,89	3	3,93
40. Длина основания лица	96,56	8	3,89	94,00	3	2,65	98,00	6	4,10	94,67	3	1,53
40 : 5. Указатель выступания лица	91,98	8	8,54	94,00	3	0,16	95,99	6	3,33	93,73	3	0,63
48. Верхняя высота лица	72,44	9	2,60	71,00	3	3,61	71,29	7	3,45	73,33	3	1,53
48 : 17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	54,08	8	3,02	53,11	3	2,12	53,74	6	4,81	55,71	3	3,78
47. Полная высота лица	118,00	8	4,84	118,00	3	7,94	116,00	3	6,08	120,67	3	6,43
43. Верхняя ширина лица	107,61	9	3,81	104,67	3	3,21	107,67	9	3,43	103,67	3	4,73
46. Средняя ширина лица	100,00	9	4,39	93,67	3	1,53	97,00	7	3,79	98,33	3	4,73
60. Длина альвеолярной дуги	52,3	9	3,6	52,0	3	1,0	53,0	7	2,3	51,7	3	2,52
61. Ширина альвеолярной дуги	63,9	9	1,7	62,7	3	1,5	63,8	6	2,3	62,3	3	3,06

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
61 : 60. Челюстно-альвеолярный указатель	122,7	9	8,0	120,6	3	5,2	121,6	6	1,7	120,8	3	7,56
62. Длина неба	46,5	8	2,4	44,3	3	1,2	43,0	7	4,0	44,3	3	1,15
63. Ширина неба	35,7	9	2,0	34,8	3	2,4	38,7	7	5,1	35,6	3	2,10
63 : 62. Небный указатель	77,0	8	5,0	78,5	3	5,8	77,4	6	7,70	80,4	3	5,52
55. Высота носа	52,5	9	2,1	52,5	4	2,7	51,6	7	3,0	53,6	3	3,29
54. Ширина носа	24,8	9	1,7	25,0	4	1,0	24,3	8	2,3	24,1	3	2,12
54 : 55. Носовой указатель	47,2	9	4,1	47,7	4	3,6	48,0	7	4,0	45,0	3	1,29
51. Ширина орбиты от mf	43,4	9	1,4	43,7	4	0,7	42,7	6	2,1	42,8	3	1,32
51a. Ширина орбиты от d	41,0	9	1,9	41,1	4	0,5	39,9	6	1,3	40,4	3	1,05
52. Высота орбиты	33,3	9	2,1	33,1	4	2,1	32,0	7	1,4	32,2	3	1,35
51 : 52. Орбитный указатель	77,0	9	6,2	75,7	4	4,4	75,8	6	3,9	75,2	3	2,25
52 : 51a. Указатель орбиты от d	81,3	9	4,5	80,5	4	6,0	80,9	6	3,9	79,7	3	3,24
Бималярная ширина	97,9	9	3,1	97,8	3	2,3	98,0	11	3,4	96,5	4	1,82
Высота назиона над бималярной шириной	15,7	9	2,5	15,8	3	0,3	18,0	11	2,1	16,0	4	2,37
Зигомаксиллярная ширина	98,7	9	4,5	93,8	3	3,8	94,8	8	2,9	96,6	3	5,96
Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной	20,7	9	4,4	19,4	3	1,4	20,2	8	3,0	22,2	3	1,16
Назомалярный угол	144,5	9	4,6	144,1	3	0,6	139,7	11	4,1	143,4	4	5,02
Зигомаксиллярный угол	134,6	9	9,1	135,2	3	1,4	134,0	8	5,7	130,6	3	4,68
SC. Симотическая ширина	6,8	9	1,9	8,5	4	3,6	8,6	9	2,0	6,3	3	1,53
SS. Симотическая высота	3,6	9	1,6	4,0	4	1,3	4,2	9	1,0	3,3	3	1,74
SS : SC. Симотический указатель	54,6	9	22,2	49,2	4	10,7	50,0	9	13,3	50,6	3	14,54
MC. Максиллофронтальная ширина	19,0	9	2,2	17,7	4	1,4	19,3	6	2,6	18,6	3	3,67
MS. Максиллофронтальная высота	6,6	9	1,8	6,5	4	1,1	6,9	6	1,0	6,7	3	1,99
MS : MC. Максиллофронтальный указатель	34,8	9	9,1	36,4	4	5,6	36,6	6	7,5	37,6	3	15,50
DC. Дакриальная ширина	20,5	9	1,8	20,4	4	0,8	21,7	6	3,2	21,3	3	3,62
DS. Дакриальная высота	10,7	9	1,6	10,1	4	1,3	11,5	6	2,1	11,2	3	1,71
DS : DC. Дакриальный указатель	52,5	9	10,0	49,6	4	4,8	53,8	6	11,6	54,1	3	14,95
FC. Глубина клыковой ямки (мм)	4,3	8	2,1	3,6	4	0,9	3,8	8	1,7	3,6	3	1,29
Высота изгиба скуловой кости (по By)	12,2	9	1,9	11,8	3	1,1	11,9	6	1,4	10,8	3	1,67
Ширина скуловой кости (по By)	55,3	9	3,6	56,7	3	4,4	55,6	6	2,3	54,9	3	3,52
Указатель изгиба скуловой кости	22,1	9	2,4	20,9	3	0,6	21,4	6	2,8	19,7	3	2,87
32. Угол профиля лба от назиона	83,3	8	4,3	85,3	3	5,8	83,0	6	3,3	79,7	3	3,79
GM/FH. Угол профиля лба от гlabelлы	75,1	8	4,7	78,3	3	3,5	76,2	6	3,3	73,0	3	3,61
72. Общий угол профиля лица	88,25	8	4,23	89,33	3	0,58	87,67	6	3,08	87,67	3	2,08
73. Угол профиля средней части лица	90,38	8	4,78	91,00	3	1,00	89,67	6	3,72	88,67	3	1,53
74. Угол профиля альвеолярной части лица	82,50	8	5,32	83,00	3	4,36	81,17	6	6,15	84,67	3	6,81
75. Угол наклона носовых костей	65,71	7	7,93	68,00	3	2,00	64,25	4	6,40	63,33	3	4,73
75(1). Угол выступания носа	24,13	8	5,54	21,33	3	1,53	22,20	5	4,71	24,33	3	5,03
68(1). Длина нижней челюсти от мышцелков	111,78	9	5,97	111,00	3	1,73	110,83	6	6,55	114,67	3	5,03
79. Угол ветви нижней челюсти	121,82	11	8,81	118,67	3	7,02	125,43	7	6,08	124,67	3	3,51
68. Длина нижней челюсти от углов	85,14	11	2,86	85,33	3	1,53	83,86	7	3,29	88,00	3	8,00

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
70. Высота ветви нижней челюсти	57,55	11	4,93	57,33	3	5,86	55,22	9	8,04	50,00	3	1,00
71а. Наименьшая ширина ветви	35,27	11	3,00	34,67	3	1,15	35,56	9	3,00	33,33	3	2,89
65. Мыщелковая ширина	120,13	8	4,61	125,00	1	—	120,40	5	6,11	117,00	3	4,00
66. Угловая ширина	109,60	10	6,00	100,33	3	4,16	103,29	7	7,97	101,00	3	7,94
67. Передняя ширина	48,64	11	1,80	46,33	3	0,58	46,89	9	3,37	45,67	3	2,31
69. Высота симфиза	33,45	11	2,73	33,00	3	4,00	34,86	7	2,19	34,67	3	2,08
69(1). Высота тела	32,91	11	2,17	32,00	3	2,00	32,89	9	2,37	33,00	3	2,00
69(3). Толщина тела	12,64	11	1,96	10,67	3	0,58	12,56	9	1,13	11,67	3	1,53
C*. Угол выступания подбородка	66,80	10	8,61	65,33	3	5,69	67,75	8	3,92	63,00	3	8,19
Надпереносье (по Мартину 1–6)	3,80	10	1,14	4,00	4	0,82	4,31	13	1,11	4,75	4	0,96
Надбровные дуги (1–3)	2,10	10	0,74	2,00	4	0,00	2,00	13	0,00	1,75	4	0,50
Наружный затылочный бугор (по Брука 0–5)	1,56	9	1,59	0,50	4	0,58	1,50	12	2,28	3,00	3	2,00
Сосцевидный отросток (1–3)	2,50	10	0,71	2,75	4	0,50	2,92	12	0,29	2,75	4	0,50
Передненосовая ость (по Брука 1–5)	4,00	8	0,76	3,25	4	0,50	2,75	8	1,39	4,00	3	1,73

Таблица 2. Средние характеристики женских крааниологических серий скифского времени с территории Тувы

Признак	Аржан-2 (VII в. до н.э.)			Копто (V в. до н.э.)			Догээ-Баары II (VI–IV вв.до н.э.)			Догээ-Баары II (II в. до н.э. – I в. н.э.)		
	X	N	S	X	N	S	X	N	S	X	N	S
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1. Продольный диаметр	171,17	6	6,01	170,5	8	5,2	180,00	8	7,87	177,00	2	—
8. Поперечный диаметр	140,20	5	6,65	143,7	7	4,9	139,86	7	3,93	145,00	1	—
8 : 1. Черепной указатель	82,96	5	5,53	84,3	7	4,1	78,49	8	4,04	79,20	1	—
17. Высотный диаметр от базиона	126,67	3	4,93	126,3	8	5,1	132,63	8	4,24	131,00	2	—
20. Высотный диаметр от пориона	111,75	4	4,03	113,40	5	3,58	115,25	8	4,10	116,00	2	—
5. Длина основания черепа	95,00	4	2,71	96,50	8	5,40	101,86	7	4,30	103,00	2	—
9. Наименьшая ширина лба	92,28	5	3,03	94,70	8	4,35	94,75	8	4,46	98,80	2	—
10. Наибольшая ширина лба	117,20	5	5,50	119,86	7	5,01	121,13	8	4,70	123,50	2	—
9 : 8. Лобно-поперечный указатель	65,91	5	3,13	66,70	7	1,62	68,27	8	3,13	70,40	1	—
11. Ширина основания черепа	124,75	4	2,87	125,29	7	4,96	123,50	6	4,59	125,50	2	—
12. Ширина затылка	108,80	5	2,17	110,33	6	3,20	106,50	6	5,24	110,50	2	—
29. Лобная хорда	105,64	5	4,56	106,44	8	3,89	106,05	8	3,13	103,95	2	—
30. Теменная хорда	109,54	5	5,89	104,13	8	5,77	114,88	8	6,88	110,50	2	—
31. Затылочная хорда	90,15	4	2,07	92,43	8	4,44	93,04	8	5,57	94,15	2	—
25. Сагиттальная дуга	348,33	3	6,43	349,63	8	11,44	365,67	9	9,84	361,50	2	—
26. Лобная дуга	119,20	5	4,87	123,00	8	5,01	125,88	8	5,59	122,00	2	—
27. Теменная дуга	119,80	5	2,68	116,75	8	8,15	126,50	8	8,37	120,00	2	—
28. Затылочная дуга	108,25	4	4,35	109,88	8	5,62	114,25	8	7,55	119,50	2	—
26 : 25. Лобно-сагиттальный указатель	34,54	3	0,51	35,20	8	1,51	34,37	9	1,12	33,76	2	—
27 : 25. Теменно-сагиттальный указатель	34,17	3	0,94	33,37	8	1,60	34,55	9	1,93	33,19	2	—
28 : 25. Затылочно-сагиттальный указатель	31,29	3	1,05	31,43	8	1,25	31,08	9	1,78	33,09	2	—

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
28 : 27. Затылочно-теменной указатель	91,65	3	5,43	94,43	8	7,21	90,46	9	10,28	99,95	2	—
Угол поперечного изгиба лба	139,28	5	2,94	131,83	6	4,65	140,33	7	3,91	135,70	2	—
Sub.NB. Высота продольного изгиба лба	23,24	5	1,91	24,56	8	2,25	27,43	7	1,21	25,45	2	—
Sub.NB. : 29. Указатель продольного изгиба лба	21,95	4	1,19	23,09	8	2,10	26,03	8	1,43	24,44	2	—
Высота изгиба затылка	22,53	4	1,90	23,66	8	2,62	24,86	8	2,48	25,75	2	—
45. Скуловой диаметр	127,50	2	2,12	128,00	7	5,07	125,33	6	4,41	128,00	1	—
45 : 8. Горизонтальный фациоцереб- ральный указатель	89,22	2	4,13	89,18	7	5,19	90,41	6	2,77	—	—	—
40. Длина основания лица	98,50	4	1,29	95,57	7	4,61	96,29	7	3,59	94,50	2	—
40 : 5. Указатель выступания лица	103,76	4	3,76	98,78	7	3,74	95,16	8	3,81	91,70	2	—
48. Верхняя высота лица	70,20	5	2,86	67,00	7	5,26	67,17	6	3,76	70,50	2	—
48 : 17. Вертикальный фациоцереб- ральный указатель	54,03	3	3,31	52,85	7	2,98	51,97	7	3,37	53,84	2	—
47. Полная высота лица	111,33	3	5,13	111,75	4	8,18	107,00	3	9,17	110,00	1	—
43. Верхняя ширина лица	103,30	5	3,67	102,00	7	6,06	106,43	7	5,00	105,50	2	—
46. Средняя ширина лица	102,13	4	2,95	91,17	6	4,45	94,13	8	3,09	92,00	2	—
60. Длина альвеолярной дуги	52,0	3	2,0	50,0	8	4,5	50,5	8	1,9	49,0	2	—
61. Ширина альвеолярной дуги	63,4	4	2,3	60,9	7	3,3	61,5	8	2,7	60,0	2	—
61 : 60. Челюстно-альвеолярный указатель	121,2	3	6,1	122,8	7	10,0	120,6	9	7,2	122,6	2	—
62. Длина неба	45,3	3	2,1	44,6	6	3,1	43,5	8	2,5	43,0	2	—
63. Ширина неба	35,5	4	0,6	32,8	8	3,2	34,3	8	2,5	31,6	2	—
63 : 62. Небный указатель	78,1	3	4,1	72,9	6	5,4	78,3	9	7,6	73,4	2	—
55. Высота носа	51,1	6	1,7	47,4	7	4,4	49,9	7	2,1	50,8	2	—
54. Ширина носа	24,8	4	2,1	22,3	7	2,0	25,1	7	2,0	25,5	2	—
54 : 55. Носовой указатель	51,0	5	4,7	47,1	7	2,6	50,0	8	3,4	50,1	2	—
51. Ширина орбиты от mf	41,8	6	0,8	41,2	6	2,5	42,3	7	2,3	43,5	2	—
51a. Ширина орбиты от d	39,5	5	0,7	39,4	6	2,2	39,7	7	2,1	40,4	2	—
52. Высота орбиты	31,5	6	2,3	32,7	6	2,3	33,0	7	1,9	32,2	2	—
51 : 52. Орбитный указатель	74,8	7	6,1	79,4	6	5,0	78,0	8	5,3	74,0	2	—
52 : 51a. Указатель орбиты от d	80,5	5	6,9	83,0	6	5,4	82,8	8	5,6	79,5	2	—
Бималярная ширина	94,3	5	3,7	94,8	8	5,5	97,4	7	5,2	98,6	2	—
Высота назиона над бималярной шириной	14,2	5	2,4	17,9	8	1,8	16,1	7	3,5	18,4	2	—
Зигомаксиллярная ширина	101,9	4	3,5	91,6	7	4,7	93,6	8	3,3	92,1	2	—
Высота субспинале над зигомаксил- лярной шириной	19,9	3	1,7	21,3	7	2,2	18,9	8	2,8	18,1	2	—
Назомалярный угол	146,6	5	4,0	138,6	8	3,2	143,4	7	7,0	139,1	2	—
Зигомаксиллярный угол	136,6	3	4,3	130,1	7	4,2	136,1	8	5,5	137,2	2	—
SC. Симотическая ширина	7,9	6	1,8	8,0	8	1,9	8,2	7	2,1	9,3	2	—
SS. Симотическая высота	2,7	5	0,5	2,9	7	0,8	3,5	7	1,1	4,7	2	—
SS : SC. Симотический указатель	34,5	6	7,2	35,5	7	6,1	41,5	8	7,9	50,3	2	—
MC. Максиллофронтальная ширина	18,2	6	1,6	18,5	7	1,5	20,3	7	3,0	19,7	2	—
MS. Максиллофронтальная высота	5,1	5	0,7	5,8	6	1,1	6,7	7	1,3	8,0	2	—
MS : MC. Максиллофронтальный указатель	27,5	6	3,6	31,3	6	5,1	32,6	8	8,2	40,5	2	—
DC. Дакриальная ширина	19,9	7	1,9	19,9	6	2,1	23,1	8	2,8	23,5	2	—

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
DS. Дакриальная высота	9,2	5	1,4	9,5	6	0,4	10,9	7	1,8	11,1	2	—
DS : DC. Дакриальный указатель	47,8	5	5,8	48,2	6	5,9	46,8	8	7,6	46,4	2	—
FC. Глубина клыковой ямки (мм)	3,0	4	0,7	2,3	7	0,9	3,4	8	1,6	4,1	2	—
Высота изгиба скуловой кости (по By)	12,1	3	0,8	11,5	5	0,8	11,5	8	2,0	11,3	2	—
Ширина скуловой кости (по By)	55,8	3	2,0	54,1	5	2,5	51,9	8	3,5	55,1	2	—
Указатель изгиба скуловой кости	21,7	3	0,9	21,2	5	1,1	22,8	9	3,5	20,5	2	—
32. Угол профиля лба от назиона	84,8	4	5,6	85,2	5	4,1	86,4	8	5,5	88,5	2	—
GM/FH. Угол профиля лба от гла- беллы	79,5	4	3,1	80,2	5	6,5	81,9	8	5,7	84,0	2	—
72. Общий угол профиля лица	86,25	4	2,99	85,40	5	1,52	86,00	7	5,39	91,50	1	—
73. Угол профиля средней части лица	89,25	4	3,69	88,20	5	3,63	88,00	7	5,10	93,00	2	—
74. Угол профиля альвеолярной части лица	76,75	4	4,50	78,20	5	4,71	82,71	7	6,97	89,50	2	—
75. Угол наклона носовых костей	65,33	3	4,04	66,00	5	3,67	62,50	6	7,15	65,00	2	—
75(1). Угол выступания носа	19,67	3	5,51	19,40	5	2,70	23,33	6	6,02	26,50	2	—
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	108,17	3	4,54	104,83	6	9,02	105,00	6	5,10	—	—	—
79. Угол ветви нижней челюсти	118,50	4	2,65	126,50	6	3,67	120,14	7	5,37	—	—	—
68. Длина нижней челюсти от углов	83,50	4	3,11	81,00	6	6,45	83,29	7	4,42	—	—	—
70. Высота ветви нижней челюсти	53,00	4	4,08	44,17	6	6,74	54,43	7	7,04	—	—	—
71а. Наименьшая ширина ветви	37,50	4	1,73	32,50	6	1,38	33,57	7	1,62	—	—	—
65. Мыщелковая ширина	113,00	2	4,24	112,60	5	5,27	111,83	6	4,17	—	—	—
66. Угловая ширина	100,00	4	6,48	93,67	6	5,43	95,71	7	4,89	—	—	—
67. Передняя ширина	47,50	4	1,73	46,50	6	2,59	47,00	6	3,63	—	—	—
69. Высота симфиза	31,13	4	2,59	30,17	6	1,17	30,17	6	1,17	—	—	—
69(1). Высота тела	29,00	4	2,94	27,67	6	2,88	29,17	6	1,47	—	—	—
69(3). Толщина тела	14,25	4	1,50	11,83	6	0,75	11,67	6	1,75	—	—	—
C*. Угол выступания подбородка	75,00	4	6,48	70,80	5	6,69	63,75	4	6,13	—	—	—
Надпереносье (по Мартину 1–6)	1,86	7	0,90	2,43	7	0,98	2,75	8	0,71	3,00	2	—
Надбровные дуги (1–3)	1,57	7	0,53	1,43	7	0,53	1,75	8	0,46	2,00	2	—
Наружный затылочный бугор (по Брука 0–5)	0,43	7	0,53	0,13	8	0,35	1,38	8	2,26	2,50	2	—
Сосцевидный отросток (1–3)	1,86	7	0,69	2,13	8	0,64	2,38	8	0,74	3,00	2	—
Передненосовая ость (по Брука 1–5)	3,20	5	1,10	2,67	6	1,21	3,86	7	0,90	4,00	2	—

Все погребенные в кургане Аржан-2, независимо от их пола и социального статуса, отраженного в дифференции могил по их местоположению на могильном поле и обрядовым атрибутам, являются носителями единого крааниологического комплекса. Его характеристики следующие: черепная коробка средневысокая, мезобрахицранная с умеренным рельефом; лицо широкое, по высоте чуть превышает средние варианты межгрупповой шкалы изменчивости признака; углы горизонтального профиля лицевого отдела больше типичны для групп метисного европеоидно-монголоидного происхождения, но они не достигают величин, характерных для представителей северных

континентальных монголоидов; вертикальный профиль лица прямой; носовое отверстие имеет среднюю ширину; переносье высокое, а угол выступания носовых костей небольшой. Рисунки 1–5 дают представление об облике черепов носителей ранней алды-бельской культуры, захороненных в кургане Аржан-2.

Крааниологическая серия финального этапа алды-бельской культуры из кург. 4 могильника Копто (некоторые черепа представлены на рис. 6–9) демонстрирует половой диморфизм. Одно из различий наблюдается в форме черепной коробки. Мужская группа по черепному указателю характеризуется как долихомезокранная. Женская включает только

Рис. 1. Череп женщины из центрального («княжеского») погр. 5 (скелет 2) кургана Аржан-2.
а – фронтальная норма; б – латеральная слева; в – вертикальная;
г – затылочная норма.

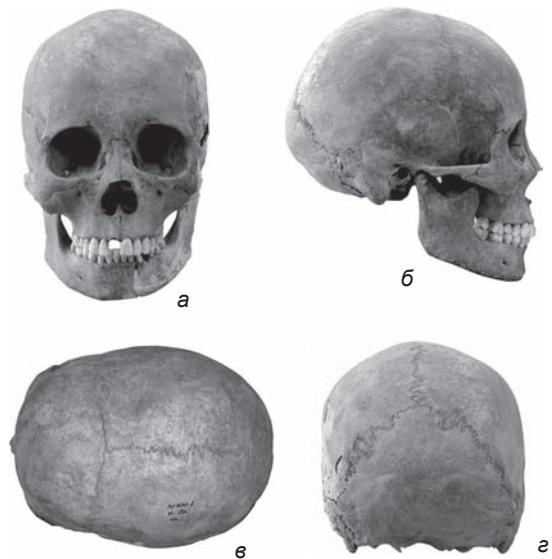

Рис. 3. Череп женщины из погр. 13 А (скелет 1) кургана Аржан-2.
а–г – см. рис. 1.

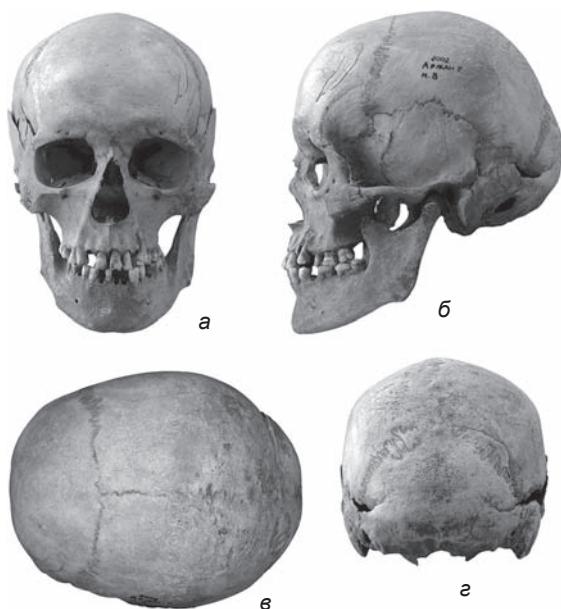

Рис. 2. Череп мужчины из погр. 8 кургана Аржан-2.
а–г – см. рис. 1.

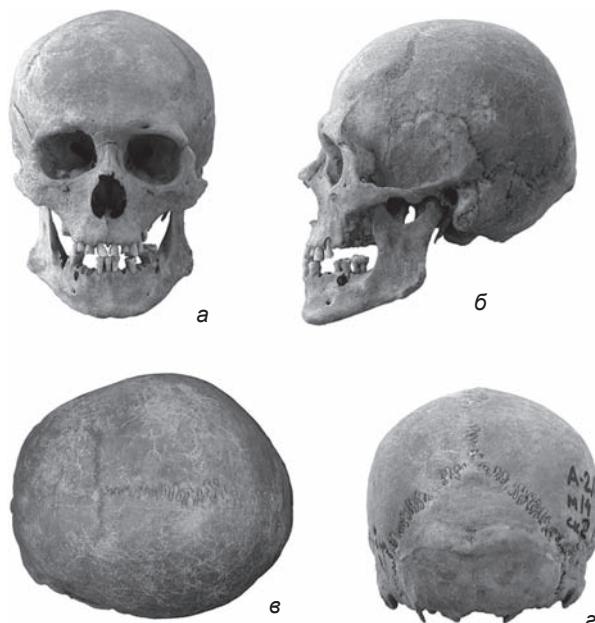

Рис. 4. Череп мужчины из погр. 20 (скелет 2) кургана Аржан-2.
а–г – см. рис. 1.

брахиокраные и гипербрахиокраные варианты и выделяется среди остальных групп ранних кочевников Тувы наибольшим черепным указателем. При этом высота черепа и соотношение компонентов сагиттальной дуги как в мужской, так и в женской выборках из Копто идентичны. Наименьшим компонентом сагиттального контура черепного свода является за-

тылочный. Эта особенность присуща всем четырем проанализированным мною крааниологическим сериям ранних кочевников Тувы. Что касается лобного и теменного компонентов, то в отличие от серии из Аржана-2, где их вклад в сагиттальную дугу примерно одинаков, у черепов из Копто вклад первого значительно больше.

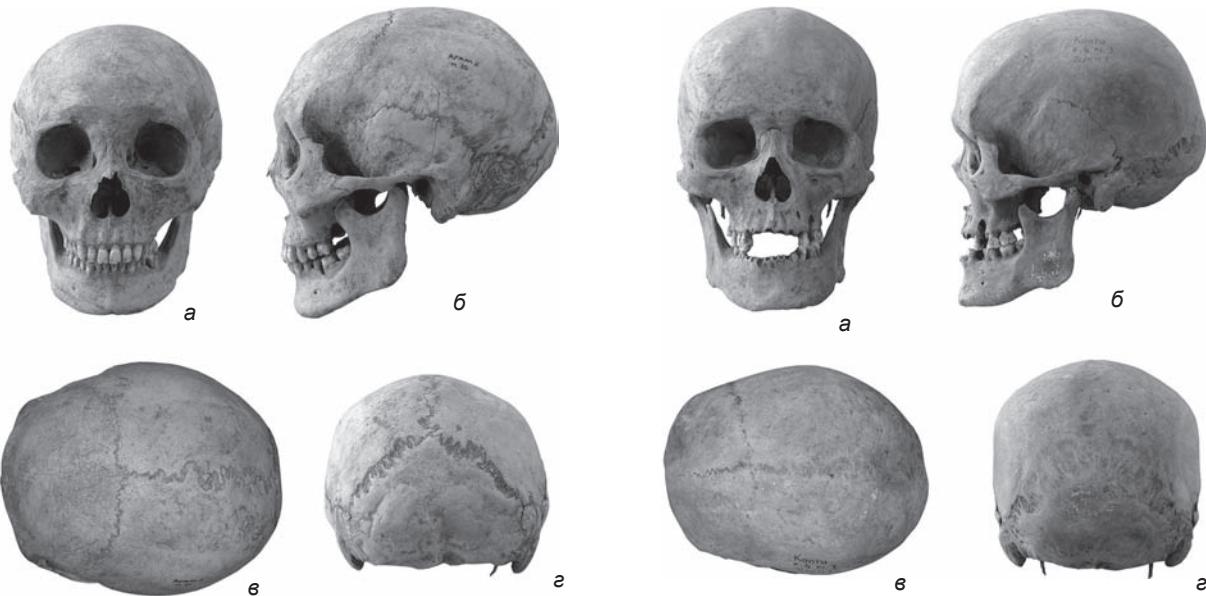

Рис. 5. Череп мужчины из погр. 26 кургана Аржан-2.
а–г – см. рис. 1.

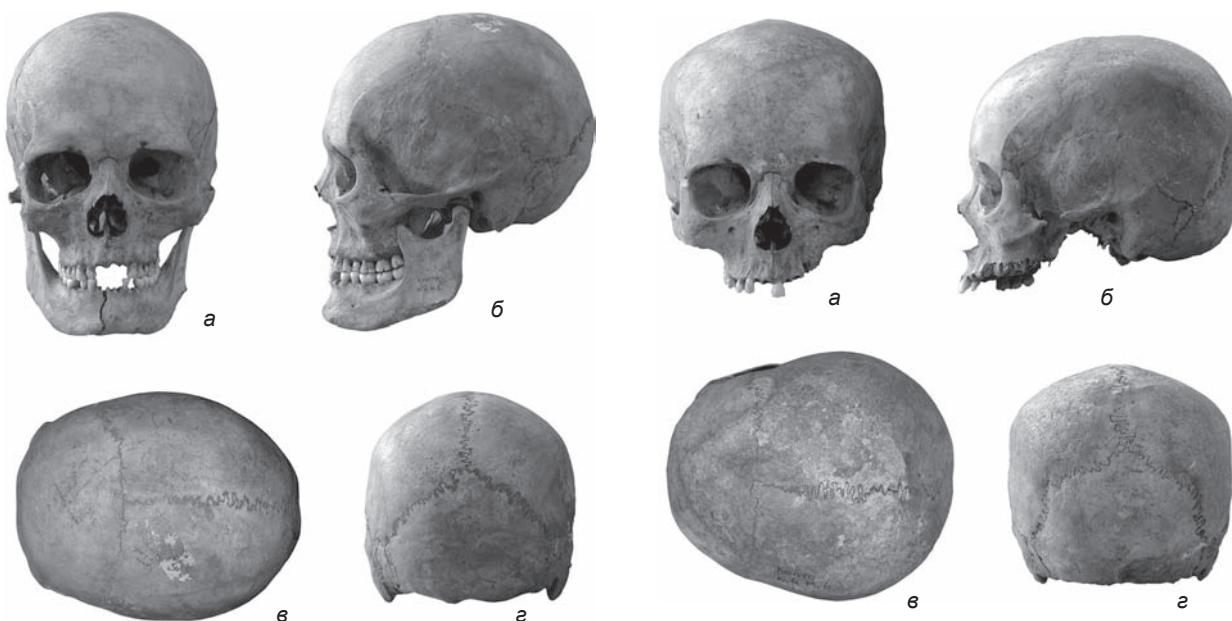

Рис. 6. Череп мужчины из погр. 1 кург. 4 могильника
Копто.
а–г – см. рис. 1.

Несколько существенных различий между женской и мужской группами из Копто наблюдается по признакам, характеризующим лицевой отдел черепа. Одно из них касается горизонтального профиля лица. Мужская группа характеризуется сочетанием мезогнатного (среднеуплощенного) профиля на уровне нижнего края скуловых костей и платиоп-

Рис. 7. Череп мужчины из погр. 3 кург. 4 могильника
Копто.
а–г – см. рис. 1.

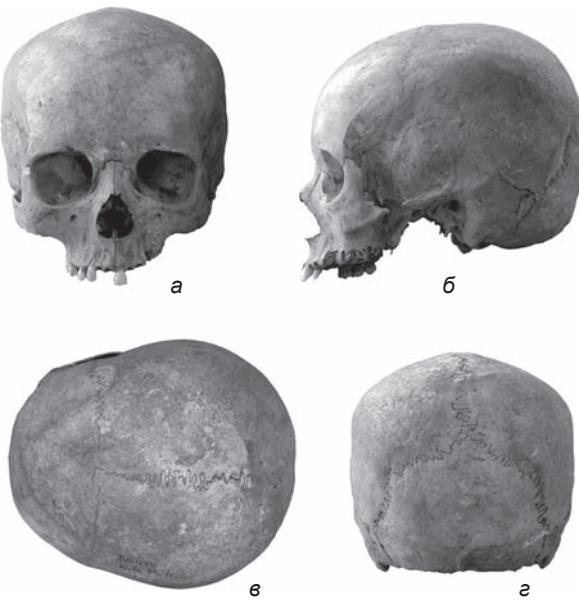

Рис. 8. Череп женщины из погр. 4 кург. 4 могильника
Копто.
а–г – см. рис. 1.

ного (плоского) на уровне орбит. Это присуще также всем индивидуумам, независимо от их половой принадлежности, погребенным в кургане Аржан-2. В женской группе из могильника Копто, в целом демонстрирующей заметное снижение величин назомаялярного и зигомаксиллярного углов (усиление клинопрозопии), появились гетеропропозитные вари-

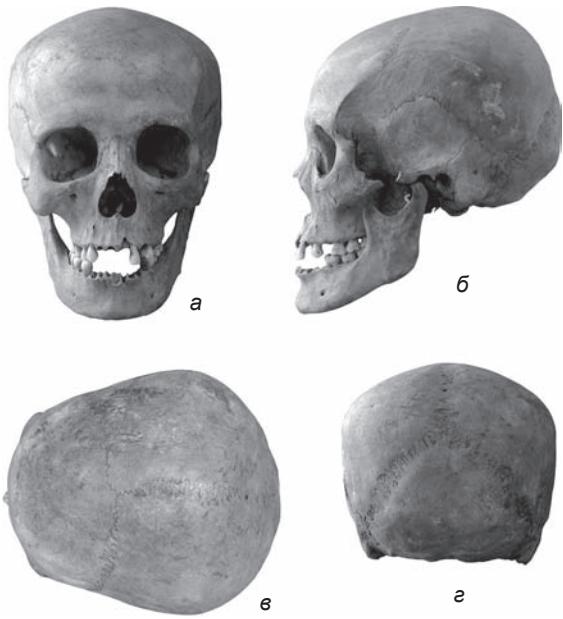

Рис. 9. Череп женщины из погр. 5 кург. 4 могильника Копто.
а–г – см. рис. 1.

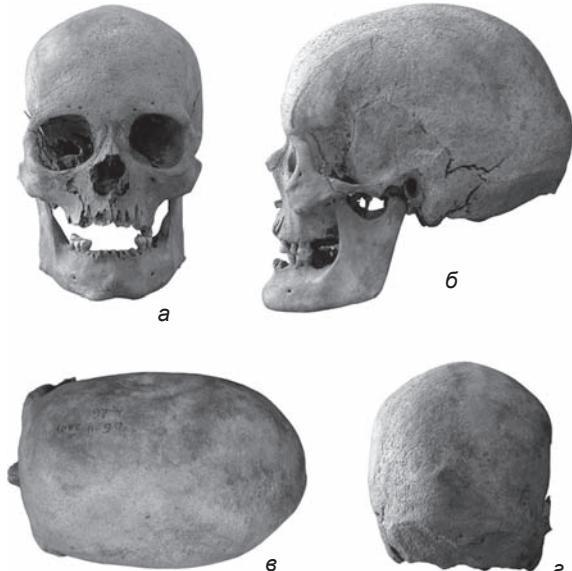

Рис. 10. Череп мужчины из кург. 26 уюкско-саглынской культуры могильника Догээ-Баары II.
а–г – см. рис. 1.

антами, характеризующиеся клинопным (острым) горизонтальным профилем лица на верхнем уровне и мезогнатным (среднеуплощенным), даже платигнатным (плоским) – на среднем. Платигнатия сопровождается наиболее малым углом выступания носа, а такое сочетание признаков присуще монголоидным черепам.

Несколько различий обнаруживается в комплексе признаков, характеризующих строение носового отдела. Носовой указатель в мужской группе имеет значения на границе мезоринных и хамеринных вариантов. У женских черепов носовое отверстие очень узкое, величина носового указателя минимальная на фоне других групп ранних кочевников Тувы, соответствует границе лепторинных и мезоринных вариантов. Высота переносца у женских черепов ниже, чем у мужских. Угол выступания носовых костей у них одинаков и наименьший среди анализируемых тувинских крааниологических серий скифского времени.

Высота лица в мужской, и в женской группах из Копто несколько меньше, чем в серии из Аржана-2, а ширина заметно меньше только в мужской.

Таким образом, сравнивая черепа из Аржана-2 и Копто, мы обнаруживаем некоторые различия между их комплексами крааниометрических признаков. По сравнению с аржанской серией, в мужской группе из Копто усилен элемент долихоморфии, в женской – брахиморфии. У женских черепов горизонтальный профиль лица в среднем близок к гомоклинопрозопному: назомалярный угол соответствует клинопному типу профиляированности, а зигомаксиллярный – всего лишь на одну единицу превышает порог значений клиногнатного типа. Но встречаются также черепа, у которых нарушена характерная для гомогенных групп положительная корреляция между горизонтальным профилем лица на верхнем и среднем уровнях.

В антропологическом составе населения финального этапа алды-бельской культуры выявляются три морфологических компонента. Специфику мужской группы определяют носители комплекса крааниологических признаков, почти идентичного таковому погребенных в кургане Аржан-2, но с более долихоморфными пропорциями мозгового и лицевого отделов черепа. Основной компонент антропологического состава женской группы отличается брахиморфными пропорциями мозгового отдела и острой клинопрозопной профилизированной лицевого отдела черепа, представлен также брахирантный компонент с плоским лицом.

В крааниологической серии из курганов уюкско-саглынской культуры могильника Догээ-Баары II не наблюдается отчетливой дифференциации морфологического комплекса в соответствии с полом (некоторые черепа представлены на рис. 10–13). По сравнению с материалами из Аржана-2 и Копто резко увеличился продольный диаметр мозговой коробки, преобладающими вариантами ее формы стали мезокранные и долихокранные. Лицевой отдел более долихоморфный за счет уменьшения ширины лица, в то время как его высота осталась прежней. По сравнению с черепами из Копто повысилось переносце и увеличился угол вы-

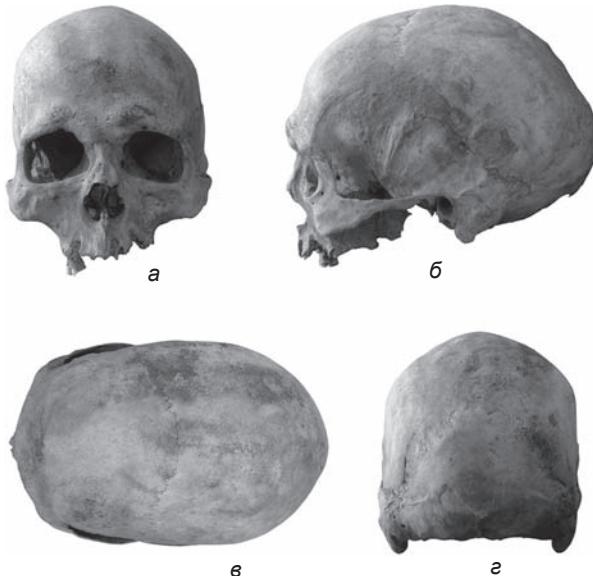

Рис. 11. Череп мужчины из кург. 18 уюкско-саглынской культуры могильника Догээ-Баары II.
а–г – см. рис. 1.

ступания носа, но эти признаки не вышли за пределы вариаций в аржанской серии.

Половой диморфизм проявляется в признаках горизонтального профиля лицевого скелета. Углы горизонтального профиля у мужчин уменьшились (особенно на верхнем уровне лицевого отдела), а у женщин гармонично увеличились на обоих уровнях.

В хронологически наиболее поздней серии, относящейся уже не к скифскому, а к гунно-сарматскому периоду истории ранних кочевников Тувы, наблюдается уменьшение основных диаметров черепной коробки (некоторые черепа представлены на рис. 14, 15). Усилился наклон лба при сохранении присущей всем предыдущим сериям степени его сагиттального изгиба (лобная кость во всех анализируемых тувинских материалах выпуклая). Увеличился высотный диаметр лицевого отдела, но одновременно уменьшился скапуловой диаметр в мужской группе, тогда как в женской он практически не изменился (однако это наблюдение сделано на единственном черепе и может не отражать основных тенденций изменчивости признака). Величина носового указателя заметно понизилась в мужской группе.

На отдельных черепах, как мужских, так и женских, наблюдается дисгармоничность горизональной профилировки лица, выражаясь в увеличении профиля на верхнем уровне и уплощении – на среднем; у одного, отличающегося острым горизонтальным профилем средней части лица, угол выступления носа имеет наименьшее значение в данной серии, хотя в среднем этот показатель увеличился и повысилось

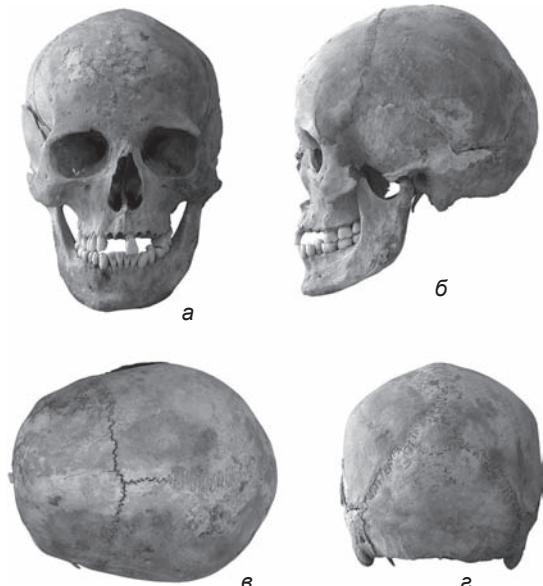

Рис. 12. Череп женщины из кург. 8 (скелет 2) уюкско-саглынской культуры могильника Догээ-Баары II.
а–г – см. рис. 1.

Рис. 13. Череп женщины из кург. 4 (скелет 1) уюкско-саглынской культуры могильника Догээ-Баары II.
а–г – см. рис. 1.

переносье. Наблюдаемое нарушение связанных исторической корреляцией морфологических признаков лицевого отдела свидетельствует о первых этапах метисации контрастных монголоидных и европеоидных антропологических типов.

Если принять в качестве исходного морфологического субстрата крааниологический тип группы из

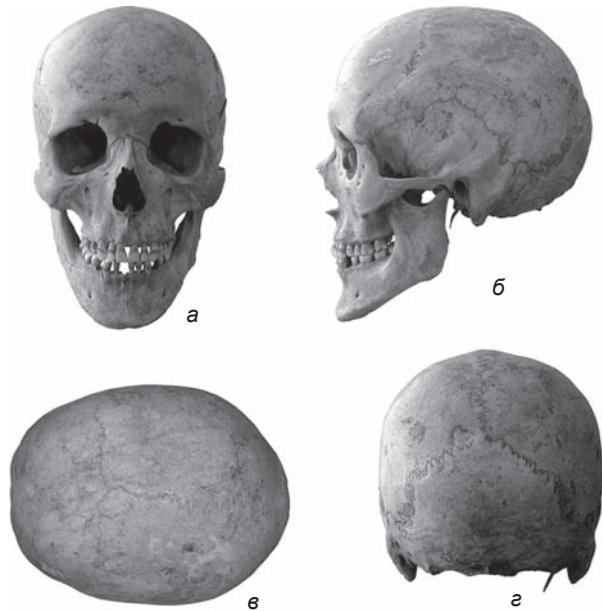

Рис. 14. Череп мужчины из кург. 23 (мог. 3) переходного к эпохе хунну периода из могильника Догээ-Баары II.
а–г – см. рис. 1.

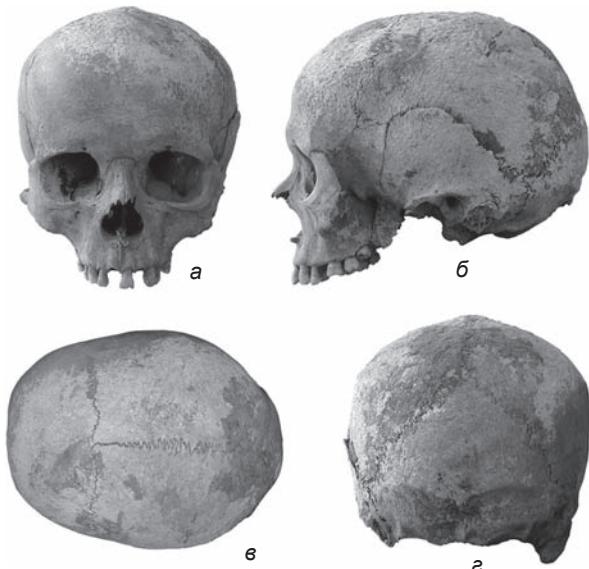

Рис. 15. Череп женщины из кург. 25 переходного к эпохе хунну периода из могильника Догээ-Баары II.
а–г – см. рис. 1.

Аржана-2, то тогда данные краинологии свидетельствуют о том, что трансформации культурных традиций на территории Центральной Тувы сопровождались изменениями в антропологическом составе населения. Эти изменения происходили в результате последовательной инфильтрации морфологических признаков, являющихся ведущими дифференциирующими особенностями европеоидных антрополо-

гических комплексов, и были связаны с постоянным притоком групп людей из западных районов евразийских степей. Для двух переходных периодов – к финальному этапу алды-бельской культуры (V в. до н.э.) и к гунно-сарматскому времени (конец III в. до н.э.) – на краинологическом материале улавливаются последствия импульса с востока Евразии: в антропологическом составе ранних кочевников Тувы появился компонент с хорошо узнаваемым морфологическим комплексом дальневосточной расы, основным у населения Северного Китая.

Возможно и другое объяснение сложного антропологического состава ранних кочевников Центральной Тувинской котловины. Доскифское население этого района не было однородным, а включало представителей европеоидной расы (могильник культуры окуневского типа Аймырлыг XIII) и носителей смешанных комбинаций признаков с преобладанием монголоидных (погребения культуры карасукского типа могильника Байдаг III) или европеоидных (сборная серия из безынвентарных погребений монгун-тайгинской культуры) черт. Одни и те же инновации воспринимались популяциями, генетически восходящими к разному антропологическому субстрату, и смена культурных традиций не была жестко детерминирована притоком новых групп людей. Но и в данном случае восточный импульс, связанный с населением Китая, остается очень вероятным.

Кластерный анализ позволил выявить краинологические серии, имеющие наибольшее сходство по комплексу краинометрических признаков. Это сходство предполагает сопряженность этнокультурогенетических процессов в группах населения, которые они представляют. Интерпретация всех деталей дендрограмм, являющихся итогом статистического анализа, не может претендовать на исчерпывающую реконструкцию чрезвычайно сложной системы генетических взаимоотношений в мире кочевников Евразии. Это масштабная, сложная, многотемная задача, решать которую придется не одному поколению археологов и антропологов. Результаты любого статистического анализа не являются истиной в последней инстанции. Формирование из опубликованного разными авторами материала сборных групп – это лишь начало допусков и предположений. Неравнозначность и несопоставимость антропологических серий – слишком частое явление при исследовании древних культур и этносов. Причудливость и многозначность информации увеличивает круг наших догадок, т.к. приходится делать выбор, при котором легко уйти в область беспочвенных выводов. Надо ли объяснять, как многократно возрастает их число, когда объектом исследования становится не просто одна конкретная группа населения, а громадная этнокультурная общность, история которой насыщена

бурными событиями, миграциями, войнами, стирающими первоначальные границы между народами и культурами, отрывающими комплексы физических признаков от их первоначальных ареалов. Тем не менее определенную структуру этногенетических связей в системе групп дендрограммы отображают. Переходя к их интерпретации, следует заметить, что, как правило, дендрограммы, построенные для мужских и женских серий, имеют много отличий. В этих отличиях аккумулируется специфика формирования антропологического состава мужского и женского населения, определяемая как особенностями исторических событий в регионах, откуда происходят палеоантропологические материалы, так и характером социальных, кровнородственных и брачных связей в тех коллективах, которые они представляют.

На дендрограммах кластеризации тувинских краинологических серий ранних кочевников и серий эпохи бронзы из Тулы и сопредельных ей Хакасии, Монголии и Синьцзяна (рис. 16, 17) выделяются две совокупности. Одна объединяет носителей уюкско-саглынской культуры, автохтонной монгун-тайгинской, а также карасукцев Минусинской котловины и андроновцев Казахстана. Краинологические серии из курганов алды-бельской культуры Аржана-2 и Копто выделились в отдельный кластер и не демонстрируют значимого сходства с привлеченными к анализу материалами эпохи бронзы. Такое распределение может свидетельствовать об автохтонности уюкско-саглынского населения, восходящего к антропологическому субстрату носителей монгун-тайгинской культуры. Хронологически более раннее население начального этапа алды-бельской культуры в данном составе групп не нашло антропологического субстрата. Попытаемся выявить его путем анализа серий ранних кочевников Евразии в целом, проявляющих наибольшее сходство по комплексу краинометрических признаков с группой из Аржана-2. В нашу задачу не входит интерпретация общей картины кластеризации палеоантропологического материала, происходящего из всех ареалов историко-культурных общностей ранних кочевников Евразии, составляющего 45 краинологических серий и вовравшего в себя всю изменчивость этого конгломерата населения. Остановимся на сериях из Тулы.

На дендрограмме кластеризации мужских групп (рис. 18) сформировался большой кластер, объединяющий ранних кочевников Тянь-Шаньского региона, Центрального и Восточного Казахстана, Южно-го Урала, Западной Сибири, Горного Алтая и Тулы. Вероятно, его можно экстраполировать на большую антропологическую общность, в которой протекали процессы сложных этнокультурных взаимодействий. Особый интерес в плане рассматриваемой темы представляют два подкластера. Один из них

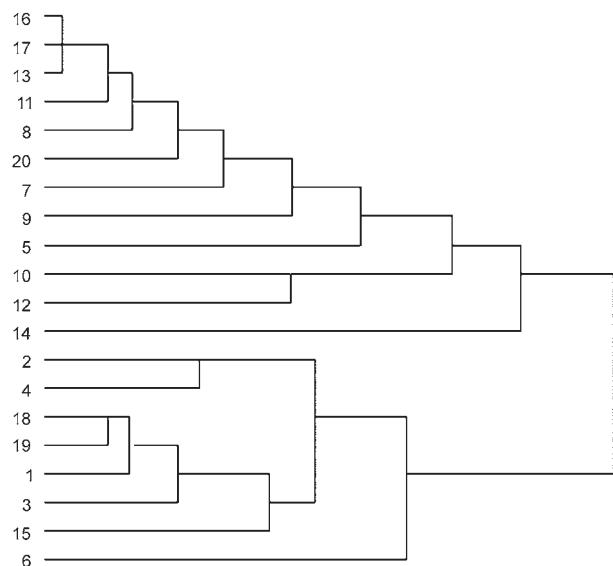

Рис. 16. Дендрограмма кластеризации мужских краинологических серий эпох раннего железа и бронзы из Тулы и с сопредельных территорий.
Цифры – порядковые номера серий в их перечне (см. выше «Материалы и методы»).

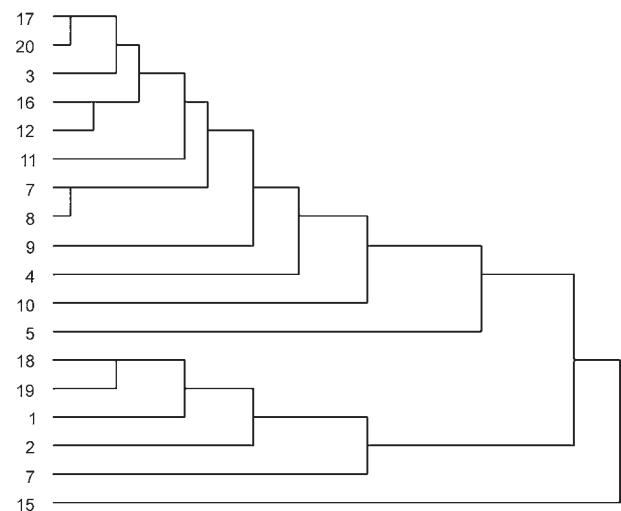

Рис. 17. Дендрограмма кластеризации женских краинологических серий эпох раннего железа и бронзы из Тулы и с сопредельных территорий.
Усл. обозн. см. рис. 16.

объединяет серии из погребений уюкско-саглынской, большереченской, саргатской, таштыкской и тасмолинской культур и этнокультурной группы саков-саракаваков Восточного Приаралья (палеоантропологический материал из могильников Тагискан и Уйгарак); другой – краинологические материалы из Аржана-2, курганов пазырыкской культуры и сборные серии гунно-сарматского времени Горного Алтая и Тулы. Относительно обособленное положение в этом большом

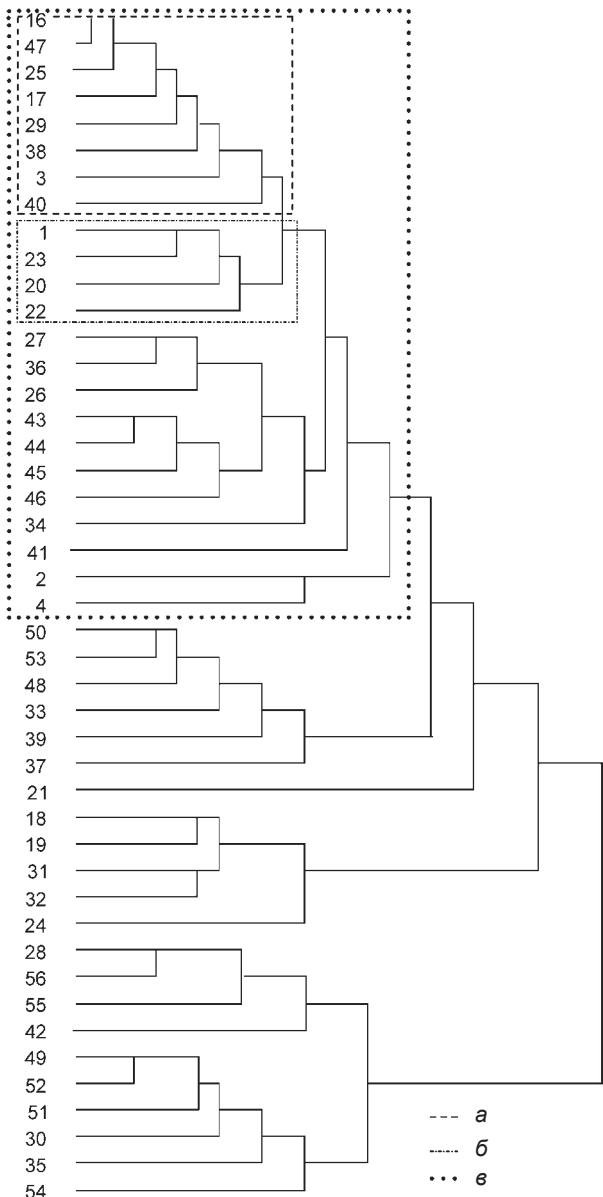

Рис. 18. Дендрограмма кластеризации мужских краиниологических серий скифо-сибирской этнокультурной общности.

а – кластер, объединяющий ранних кочевников Центральной Азии, Восточного Казахстана, Южного Урала и юга Западной Сибири; *б* – подкластер, в состав которого вошла серия уюкско-сагынской культуры (могильник Дагээ-Баары II); *в* – подкластер, включающий серию раннего этапа алдыбельской культуры (могильник Аржан-2).

Другие усл. обозн. см. рис. 16.

кластере занимают черепа из погребений финального этапа алдыбельской культуры Копто и переходного к гунно-сарматскому времени Догээ-Баары II.

Дендрограмма кластеризации женских групп (рис. 19) представляет очень хаотичную картину, которую можно объяснить только более интенсивными

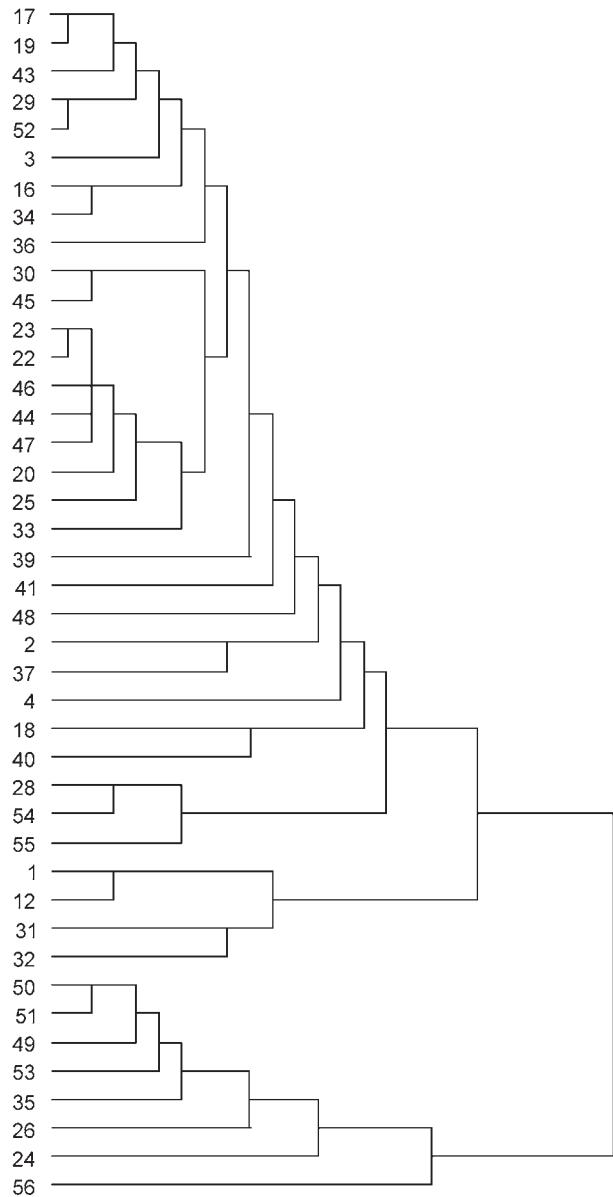

Рис. 19. Дендрограмма кластеризации женских краиниологических серий скифо-сибирской этнокультурной общности.

Усл. обозн. см. рис. 16.

этнокультурными взаимодействиями на уровне женской части популяций. Выявляется сходство тувинских групп скифского времени с саками Синьцзяна. Краиниологическая серия из Аржана-2 показала наиболее тесную связь с синхронной из Горного Алтая, т.е. женская выборка, так же как мужская, свидетельствует о тяготении наиболее ранней группы кочевников Тузы к населению Горного Алтая. Обособленное положение занимают черепа переходного к гунно-сарматскому времени периода из могильника Догээ-Баары II.

Выводы

Результаты сравнительного анализа краниометрических серий ранних кочевников Тувы свидетельствуют о разных антропологических субстратах уюкско-саглынского и алды-бельского населения. Речь идет не о контрастных антропологических типах, представляющих основу этих субстратов, а о вариантах в пределах одной южно-евразийской антропологической формации, ареал которой связан с центральными горно-степными районами Евразии [Чикишева, 2000, 2003]. Морфологические особенности черепов носителей уюкско-саглынской культуры находят прототип в монгун-тайгинской серии. Для ранней алды-бельской группы из Аржана-2 можно предположить общий субстрат с раннескифским населением Горного Алтая.

Нельзя не остановиться на, казалось бы, парадоксальном для Центральной Азии факте резкой дифференциации по комплексу краниометрических признаков скифских серий из Тувы, с одной стороны, и из Хакасии (тагарская культура) и Западной Монголии (Улангомский могильник) – с другой. Хотя погребальные конструкции Улангомского могильника и курганов Тувы имеют много общего, ближайшие параллели краниологическим сериям ранних тувинских кочевников обнаруживаются в Горном Алтае. Улангомский могильник датируется более поздним временем (V–III вв. до н.э.), чем Аржан-2, и не содержит захоронений раннего этапа скифской культуры. Однако ни в одной культурно-хронологической группе Тувы не обнаруживается следов физической ассимиляции со скифским населением Западной Монголии. По имеющимся на сегодняшний день фактам, ареал антропологического субстрата южно-евразийской формации (объединяющий население Алтая, Восточного Притяньшанья, Джунгарского нагорья) вклинивался в ареал другого на территории Тувы, восходящего к европеоидному афанасьевскому населению. Территория расселения афанасьевцев на востоке захватывала Синьцзян (могильник Гумугоу), возможно, восточные районы современной Монголии или доходила до ее границ – в любом случае, здесь был импульс из афанасьевской среды. С этой точки зрения носители тагарских культурных традиций и чандаманьская группа могли восходить к общему антропологическому субстрату.

Также можно говорить о сложном и динамичном антропологическом составе скифского населения Тувы на всех этапах его существования. Соотношение монголоидного и европеоидного в широком смысле компонентов не было постоянным, и вектор изменчивости краниологического комплекса был ориентирован в сторону усиления европеоидных или монголоидных особенностей в зависимости от исторической ситуации в Евразии.

Результат кластеризации морфологических особенностей тувинских краниологических серий в

целом хорошо согласуется с археологическими параллелями: конструктивные особенности поминально-погребальных комплексов и предметы инвентаря алды-бельской культуры находят аналогии на памятниках майэмирской культуры Горного Алтая, тасмолинской Центрального Казахстана, на Тагискене и Уйгараеке [Савинов, 2002, с. 94–95]. По мнению К.В. Чугунова, источники инновационных элементов уюкско-саглынских культурных традиций связаны с территорией расселения сакских племен и их путь пролегал через Центральный и Восточный Казахстан, Верхнее Приобье, Горный Алтай [Чугунов, 2001].

Список литературы

- Акимова М.С.** Материалы к антропологии древнего населения Южного Урала // Археология и этнография Башкирии. – Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1968а. – Т. 3. – С. 391–426.
- Акимова М.С.** Антропология древнего населения Приуралья. – М.: Наука, 1968б. – 119 с.
- Алексеев В.П.** Очерк палеоантропологии Тувинской автономной области // ТИЭ. – 1956. – Т. 33. – С. 374–393.
- Алексеев В.П.** Палеоантропологический материал скифского и сарматского времени с территории Тувы // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1959. – Вып. 7. – С. 252–259.
- Алексеев В.П.** Палеоантропология Хакасии эпохи железа // Сб. МАЭ. – 1961. – Вып. 20. – С. 238–327.
- Алексеев В.П.** Основные этапы истории антропологических типов Тувы // СЭ. – 1962. – № 3. – С. 49–58.
- Алексеев В.П.** Антропологический тип населения западных районов распространения андроновской культуры // Научн. тр. Ташкент. гос. ун-та. – 1964. – Вып. 235. – С. 20–28.
- Алексеев В.П.** Новые данные о европеоидной расе в Центральной Азии // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 370–390.
- Алексеев В.П.** Краткое изложение палеоантропологии Тувы в связи с историческими вопросами // Антропоэкологические исследования в Туве. – М.: Наука, 1984. – С. 6–75.
- Алексеев В.П.** Палеоантропология степей Евразии в скифское время // Мартынов А.И., Алексеев В.П. История и палеоантропология скифо-сибирского мира. – Кемерово: Изд-во Кемеров. гос. ун-та, 1986. – С. 38–63.
- Алексеев В.П., Гохман И.И.** Палеоантропологические материалы гунно-сарматского времени из могильника Ко-кэль // Тр. Тувин. комплекс. археол.-этногр. экспедиции. – М.; Л., 1970. – Т. 3. – С. 239–297.
- Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д.** Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век – эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 208–241.
- Алексеев В.П., Мамонова Н.Н.** Палеоантропологические материалы последних веков до нашей эры и тюркского времени с территории северо-западного Алтая // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 3–21.

Багашев А.Н. Палеоантропология Западной Сибири: Лесостепь в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 2000. – 374 с.

Балабанова М.А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья: Ранний железный век. – М.: Наука, 2000. – 135 с.

Богданова В.И., Радзюн А.Б. Палеоантропологические материалы гунно-сарматского времени из Центральной Тувы // Сб. МАЭ. – 1991. – Т. 44. – С. 55–100.

Вайнштейн С.И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции ТНИИЯЛИ в 1956–1957 гг. // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1958. – Вып. 3. – С. 217–237.

Васильев С.С., Слюсаренко И.Ю., Чугунов К.В. Актуальные вопросы хронологии скифского времени Саяно-Алтая // Степи Евразии в древности и средневековые: К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – Кн. 2. – С. 24–27.

Великанова М.С. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. – М.: Наука, 1975. – 284 с.

Гинзбург В.В. Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным // ТИЭ. – 1954. – Т. 21: Среднеазиатский этнографический сборник. – С. 354–412.

Гинзбург В.В. Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным // Антропологический сборник. – М., 1956а. – № 1. – С. 238–298. – (ТИЭ; т. 33).

Гинзбург В.В. Антропологическая характеристика населения Казахстана в эпоху бронзы // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР. – 1956б. – Т. 1. – С. 159–171.

Гинзбург В.В. Этногенетические связи древнего населения Стalingрадского Заволжья: (По антропологическим материалам Калиновского могильника) // МИА. – 1959. – № 60. – С. 324–594.

Гинзбург В.В. Материалы к антропологии древнего населения Южной Киргизии // Изв. АН Киргизской ССР. Сер. обществ. наук. – Фрунзе, 1960. – Т. 2, вып. 3. – С. 151–162.

Гинзбург В.В. К антропологии ранних кочевников Восточного Казахстана (черепа V–IV вв. до н.э. из могильника Усть-Буконы) // Антропологический сборник. – М., 1961. – № 3. – С. 82–97. – (ТИЭ; т. 71).

Гинзбург В.В. Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы: Захоронения могильника Тасты-Бутак в Актюбинской области // МИА. – 1962. – № 120. – С. 186–198.

Гинзбург В.В. Материалы к антропологии древнего населения Северного Казахстана // Сб. МАЭ. – 1963. – Т. 21. – С. 297–337.

Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. – М.: Наука, 1972. – 371 с.

Гохман И.И. Происхождение центрально-азиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. – Л.: Наука, 1980. – С. 5–34.

Грач А.Д. Алды-бельская культура раннескифского времени в Туве // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. – Новосибирск: ИИФИФ СО АН СССР, 1975. – С. 249–257.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.

Громов А.В. Происхождение и связи населения окуневской культуры // Окуневский сборник. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 301–345.

Грязнов М.П. Аржан: Царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука, 1980. – 62 с.

Грязнов М.П., Манай-Оол М.Х. Курган Аржан – могила «царя» раннескифского времени // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1973. – Вып. 16. – С. 191–206.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ. – 1948. – Т. 4. – 392 с.

Дебец Г.Ф. К палеоантропологии Тувы // КСИЭ. – 1950. – Вып. 10. – С. 97–111.

Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. – СПб.: Теза, 2005. – 290 с.

Исмагулов О. Антропологическая характеристика усеньей Семиречья // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР. – Алма-Ата, 1962. – Т. 16. – С. 168–191.

Исмагулов О. Палеоантропология Казахстана эпохи бронзы // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР. – Алма-Ата, 1963. – Т. 18. – С. 153–173.

Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1970. – 239 с.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки нижней Сырдарьи: (По материалам могильника Южный Тагискан). – М.: Россспэн, 1997. – 188 с.

Кияткина Т.П. Краниологические материалы из могильников Косасар-2 и Косасар-3 // Низовья Сырдарьи в древности. – М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1993. – Вып. 3: Джетыасарская культура. – Ч. 2: Могильники Томпакасар и Косасар. – С. 206–247.

Кияткина Т.П. Краниологический материал из Томпакасарского могильника // Низовья Сырдарьи в древности. – М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1995. – Вып. 5: Джетыасарская культура. – Ч. 5. – С. 282–289.

Козинцев А.Г. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. – Л.: Наука, 1977. – 142 с.

Комарова М.Н. Черепа бронзовой эпохи по левым притокам р. Урал // Казаки. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927. – С. 222–237.

Кондукторова Т.С. Материалы по палеоантропологии Украины // Антропологический сборник. – М., 1956. – № 1. – С. 166–203. – (ТИЭ; т. 33).

Кондукторова Т.С. Антропологические данные по древнему населению Оренбургской области // Вопр. антропологии. – 1962. – Вып. 11. – С. 43–57.

Круц С.И. Новые антропологические материалы из курганов скифской знати Северного Причерноморья // Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Героса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева Могилы). – Киев: Стилос, 2005. – Прил. № 2. – С. 459–501.

Кызласов Л.Р. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении) // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 81. История. – 1958. – № 4. – С. 71–99.

Кызласов Л.Р. Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры // СА. – 1977. – № 2. – С. 69–86.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1979. – 207 с.

Мамонова Н.Н. К антропологии гуннов Забайкалья // Рассогенетические процессы в этнической истории. – М.: Наука, 1974. – С. 201–228.

Мамонова Н.Н. Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии // Исследования по палеоантропологии и краинологии СССР. – Л.: Наука, 1980. – С. 60–74. – (Сб. МАЭ; т. 36).

Манай-Оол М.Х. Тува в скифское время (уюкская культура). – М.: Наука, 1970. – 121 с.

Мандельштам А.М. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 178–196. – (Археология СССР).

Марсадолов Л.С. Пазырыкский феномен и попытки его объяснения // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 104–107.

Миклашевская Н.Н. Результаты палеоантропологических исследований в Киргизии // Тр. Киргиз. археол.-этногр. экспедиции. – М., 1959. – Т. 2. – С. 295–331.

Миклашевская Н.Н. История распространения монголоидного типа на территории Киргизии // Науч. тр. Ташкент. гос. ун-та. – 1964. – Вып. 235. – С. 67–85.

Поздняков Д.В., Комиссаров С.А. Антропологические материалы из могильников группы Чауху (Синьцзян, Китай) // Алтай-Саянская горная страна и соседние территории в древности: История и культура Востока Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – С. 84–90.

Рыкун М.П. Материалы по краинологии населения Северного Алтая раннего железного века: (Каменская культура) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 1999. – Вып. 2. – С. 78–86.

Рыкушина Г.В. Население среднего Енисея в карасукскую эпоху (краинологический очерк) // Палеоантропология Сибири. – М.: Наука, 1980. – С. 47–63.

Савинов Д.Г. Ранние кочевники верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2002. – 204 с.

Семёнов В.А. Уюкские курганы // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 1992. – Ч. 2. – С. 63–65.

Таиров А.Д. Средняя Азия во второй половине VI в. до н.э. и кочевой мир Южного Урала // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 173–175.

Тот Т.А., Фирштейн Б.В. Антропологические данные к вопросу о Великом переселении народов: Авары и сарматы. – Л.: Наука, 1970. – 202 с.

Трофимова Т.А. Материалы по палеоантропологии Хорезма и сопредельных территорий // Тр. Хорезм. археол.-этногр. экспедиции. – М., 1958. – Т. 2. – С. 639–701.

Трофимова Т.А. Приаральские саки (краинологический очерк) // Материалы Хорезмской экспедиции. – М., 1963. – Вып. 6. – С. 221–247.

Трофимова Т.А. Черепа из погребений куюсайской культуры в могильниках Тумек-Кичиджик и Тарым-Кая // Кочевники на границах Хорезма. – М.: Изд-во АН СССР, 1979. – С. 77–93. – (Тр. Хорезм. археол.-этногр. экспедиции; т. 11).

Тур С.С. Краинологические материалы из раннескифских могильников Алтая // Кирюшин Ю.Ф., Тишкун А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1997. – Ч. 1: Культура населения в раннескифское время. – Прил. – С. 136–147.

Фирштейн Б.В. Савроматы Нижнего Поволжья (по антропологическим материалам из раскопок в низовьях р. Еруслан Стalingрадской области) // Антропологический сборник. – М., 1961. – № 1. – С. 53–81. – (ТИЭ; т. 71).

Фирштейн Б.В. Черепа из Александровского скифского кургана // Вопр. антропологии. – 1966. – Вып. 22. – С. 62–76.

Хань Кансинь. Антропологическое изучение могильника Гумугоу на р. Кокчедарья, Синьцзян // Каогу сюэбао. – 1986. – № 3. – С. 361–384 (на кит. яз.).

Хань Кансинь. Изучение древних погребений в Алагоу // Сычуо чжилу гудай изюйминь чжунцзу жэньлэйсюэ янъцзю (Изучение расовой антропологии древнего населения Шелкового пути). – Урумчи: Синьцзян жэньминь, 1995. – С. 71–175 (на кит. яз.).

Чикишева Т.А. Вопросы происхождения кочевников Горного Алтая эпохи раннего железа по данным антропологии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4 (4). – С. 107–121.

Чикишева Т.А. Население Горного Алтая в эпоху раннего железа по данным антропологии // Население Горного Алтая в эпоху раннего железа как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – С. 63–120.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Антропология населения Горного Алтая в гунно-сарматское время // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3 (3). – С. 116–131.

Чугунов К.В. Исследование погребально-поминального комплекса на могильном поле Догээ-Баары II в Туве // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. – СПб.: ИИМК РАН; Гос. Эрмитаж, 1994. – С. 195–199.

Чугунов К.В. Погребальный комплекс с кенотафом из Тувы // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. – СПб.: ИИМК РАН; Гос. Эрмитаж, 1996. – С. 69–80.

Чугунов К.В. Некоторые итоги исследования могильника Догээ-Баары II // Круг знания. – Кызыл: Республ. б-ка им. А.С. Пушкина, 1999а. – Вып. 2. – С. 33–46.

Чугунов К.В. Периодизация алды-бельской культуры Тувы и ее финальный этап // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999б. – С. 234–237.

Чугунов К.В. Локально-хронологические особенности культуры Тувы в середине I тысячелетия до н.э. // Евразия сквозь века. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2001. – С. 173–178.

Чугунов К.В. Могильник Догээ-Баары как памятник начала уюкско-саглынской культуры Тувы (по материалам раскопок 1990–1998 гг.) // Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова. – СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. – С. 123–144.

Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Элитное погребение ранних кочевников в Туве (предварительная публикация полевых исследований российско-германской экспедиции в 2001 г.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 2 (10). – С. 115–124.

Čugunov K.V. Der skithenzeitlich Kulturwandel in Tuva // Eurasia Antiqua. – Berlin, 1998. – Bd. 4. – S. 273–308.

УДК 903.5 (572)

А.Г. Козинцев*Музей антропологии и этнографии РАН**Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия**E-mail: agkozintsev@gmail.com*

ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЦЫ ЮЖНОЙ СИБИРИ И КАЗАХСТАНА, ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ МИГРАЦИИ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ СКИФОВ

Проведено многомерное статистическое сопоставление 245 мужских краниологических серий, относящихся к периоду от неолита до раннего железного века, с территории Евразии. Показано, что нет оснований считать какие-либо древние группы с территории Южной Сибири и Казахстана южноевропеоидными (средиземноморскими). Никаких поводов говорить о миграциях на эти территории из Средней и Передней Азии или из Закавказья антропология не дает. Группы, у которых разные исследователи обнаруживали «средиземноморский компонент» (носители окуневской культуры Тувы, елунинской, самусьской, афанасьевской и андроновской культур), сходны с населением степей Южной России и Украины эпохи бронзы, а также с рядом групп зарубежной Европы позднего неолита и бронзового века. Это сходство можно связывать с миграциями индоевропейцев (в основном индоиранцев) из Европы на восток, вплоть до Центральной Азии. Возращение потомков одной из их групп из Центральной Азии в Европу в раннем железном веке, видимо, было причиной появления на исторической арене скитов.

Введение

И.И. Гохман [1980], изучивший окуневскую краниологическую серию из Тувы, и В.А. Дремов [1980], исследовавший доандроновские черепа из Верхнего Приобья, высказали предположение об участии южных европеоидов – представителей средиземноморской расы, в частности ее «гиперморфного» варианта, – в формировании древнего населения этих районов. С тех пор вопрос о миграциях в Южную Сибирь из Средней, Передней Азии или с Кавказа в доандроновскую эпоху поднимался неоднократно. Основанием для этого послужили археологические материалы, относящиеся к самусьской культуре [Кирюшин, 2004], а также антропологические серии, относящиеся к елунинской и самусьской [Солодовников, Тур, 2003; Солодовников, 2006] культурам.

В последние годы стали известны археологические свидетельства, указывающие на родство елунин-

цев и окуневцев Тувы с населением Западной Европы эпохи ранней бронзы [Ковалев, 2007]. Эти материалы соответствуют мнению И.М. Дьяконова [1982], Л.С. Клейна [1980, 1990, в печати] и В.А. Сафонова [1989] о том, что в позднем неолите и раннем бронзовом веке очаг индоевропейских миграций на восток находился на территории зарубежной Европы. Возможно, этот очаг был вторичным, тогда как первичный (ранненеолитический) находился на Ближнем Востоке, в частности в Анатолии [Renfrew, 1987; Сафонов, 1989; Gray, Atkinson, 2003].

О том, что индоевропейцы (в частности, индоиранцы и тохары) двигались вглубь Азии не прямо со своей гипотетической анатолийской прародины, как это следует, например, из теории Вяч.Вс. Иванова и Т.В. Гамкрелидзе [1984], а из Европы, свидетельствуют и прекрасно сохранившиеся естественно мумифицированные тела людей эпохи бронзы и раннего железа из Синьцзяна. Грацильные европеоиды

данной территории (язык которых относился, видимо, к тохарской ветви) оказались русоволосыми, т.е. принадлежали не к средиземноморской, а к северной расе [Mallory, Mair, 2000]. Синьцзянские данные, впрочем, не противоречат и «курганной теории», согласно которой прародиной индоевропейцев были южно-русские степи [Gimbutas, 1985; Mallory, 1989]. О возможном родстве обитателей Синьцзяна эпохи бронзы, в частности людей из Гумугоу, и носителей елунинской культуры писали К.Н. Соловьевников и С.С. Тур [2003].

Проблема происхождения «средиземноморцев» Южной Сибири тесно связана с проблемой происхождения скифов, т.к. те и другие оказались краинологически весьма близки [Козинцев, 2000, 2007]; археологические же данные все убедительнее свидетельствуют о приходе скифов «из глубин Азии» [Савинов, 1994; Мачинский, 1998; Ковалев, 1998].

Цель данной статьи – проверить конкурирующие гипотезы о происхождении «средиземноморцев» Южной Сибири на обширном материале, значительная часть которого в нашей стране еще не введена в широкий научный оборот.

Материал и методика

Неопубликованные данные о материалах эпохи бронзы и скифского времени из Южной России и с территории Украины мне любезно предоставила С.И. Круц; источники информации о большинстве групп, опубликованных отечественными исследователями, см. в работах [Козинцев, 2000, 2007]. Данные о группах с территории зарубежной Европы и Ближнего Востока заимствованы из фундаментальной сводки И. Швидецкой и Ф. Рёзинга [Schwidetzky, Rösing, 1990].

Анализу подвергнуты 245 мужских краинологических серий, датируемых эпохами от неолита до раннего железа, с территории Евразии. Из них 153 серии, в основном с территории СНГ, были изучены по полной программе, из нее взяты 14 признаков (десять линейных размеров и четыре показателя профилировки лица и носа [Козинцев, 2007]), а 92 серии с территории зарубежной Европы и Ближнего Востока – по неполной, из которой взято девять линейных размеров (основные диаметры черепной коробки, наименьшая ширина лба, скелевой диаметр, ширина и высота орбиты и носа). Высота лица в последнем случае не учитывалась, во избежание ошибок, вызванных методическими расхождениями.

Данные подвергнуты каноническому анализу. Все группы попарно сопоставлены с помощью расстояния D^2 Махalanобиса с поправкой на численность [Rightmire, 1969; Козинцев, 2007].

Результаты и обсуждение

Окуневцы Тувы

Окуневская группа из Аймырлыга [Гохман, 1980; Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987] – наилучший претендент на роль предковой для степных скифов [Козинцев, 2000, 2007]. Действительно, первые пять мест по сходству с нею, как установлено в ходе анализа 153 серий по полной программе, принадлежат скифам, в основном степным. За ними следуют ямники с р. Ингулец, срубники с территории Саратовской обл., черногоровцы, группа скифской эпохи из Мингечаура, ранние катакомбники с р. Молочной, срубники, захороненные в грунтовых могилах в Украине; последующие места занимают снова в основном скифы. Лишь на 13-м месте – представители бронзового века Бактрии – Маргианы (Сапаллитепе). Распространенное мнение о сходстве тувинских окуневцев или каких-либо иных южно-сибирских групп, именуемых «средиземноморскими», с группой из Раннего Тулхара не находит статистического подтверждения.

Изучение по неполной программе (245 групп) показало, что к тувинским окуневцам ближе всего скифы. На 2-м месте – катакомбники, а 3-е и 4-е места делят черногоровцы (которые жили значительно позже) и поздненеолитическая серия конца IV тыс. до н.э. из Осторфа (север ФРГ), относящаяся к культуре «бороздчатой керамики» (Tiefstichkeramik) – варианту культуры воронковидных кубков [Schwidetzky, Rösing, 1990, № 106]. Будучи самой древней, эта группа может иметь непосредственное отношение к очагу индоевропейских миграций на восток, в частности, к происхождению культур бронзового века Южной России, Украины и гораздо более восточных территорий, вплоть до Центральной Азии. Интересно, что к ней ближе всего не какие-либо европейские группы, а та же самая группа из Аймырлыга. Помимо тувинских окуневцев и очень похожих на них скифов, к неолитическим людям из Осторфа весьма близки ямники с р. Ингулец. На дендрограмме [Ibid, p. 24] осторфская группа образует один кластер с ямниками и афанасьевцами (данные об окуневцах Тувы в то время отсутствовали). Если эти результаты не случайны (следует помнить, что набор признаков в данном случае ограничен и не включает важных показателей профилировки лица и носа), то они заслуживают внимания специалистов, занимающихся поисками путей индоевропейских (особенно индоиранских) миграций. Далее по степени сходства с окуневцами Тувы идут четыре скифские серии, уже упомянутые ямники с р. Ингулец, катакомбники нижнего Днепра, а за ними снова скифы. И лишь на 14-м месте – серия с юго-западного побережья оз. Севан, на 19-м – серия из Сапаллитепе.

Иными словами, антропологических свидетельств прихода окуневцев в Туву из Средней или Передней Азии не существует. Нет, следовательно, и оснований называть их средиземноморцами. Хотя точно очаг миграции установлению не поддается, западное происхождение данной группы гораздо вероятнее, чем юго-западное.

Что же касается людей, которых можно было бы считать потомками тувинских окуневцев и непосредственными предками причерноморских скифов, то обнаружить их по антропологическим материалам эпохи поздней бронзы или раннего железа из Центральной Азии пока не удается. По мнению С.С. Тур и М.П. Рыкун [2004], «средиземноморский» компонент, близкий тому, что представлен у окуневцев Тувы, прослеживается у современников скифов – пазырыкцев из Кызыл-Джара (Горный Алтай). По моим расчетам, эти люди скорее могли бы считаться прямыми потомками носителей предскифской культуры безвещевых погребений Тувы (монгун-тайгинской). Несколько слабее выражено их сходство с группами скифской эпохи из Аймырлыга и Западной Тувы. Лишь 4-е место занимает не очень отчетливая параллель с одной из причерноморских скифских серий – из Луговой Могилы (Александровского кургана), однако эта серия обособлена от прочих скифских и для нее зафиксирована, помимо кызыл-джарской, только одна параллель, тоже восточная, – с савроматами.

Елунинцы

Подобно окуневцам Тувы, носители елунинской культуры (во всяком случае мужчины) прибыли в Южную Сибирь явно издалека [Солодовников, Тур, 2003]. Краниологически они довольно изолированы и не обнаруживают близких связей ни с кем. Из 152 групп, проанализированных по полной программе, к ним ближе всего скифы из Верхне-Тарасовки (нижний Днепр). Кстати, и последняя группа краинологически изолирована [Козинцев, 2007], причем и к ней ближе всего оказались елунинцы (которые в моей статье [Там же] учтены не были). На втором месте по сходству с елунинцами – окуневцы Тувы, что уже отмечалось К.Н. Солодовниковым и С.С. Тур [2003], а по сходству со скифами Верхне-Тарасовки – группа скифского времени из Западной Тувы. Теория центрально-азиатского происхождения скифов получает, таким образом, дополнительное подтверждение.

Согласно данным анализа по неполной программе (245 групп), елунинцы сближаются со скифами Керчи. На следующих местах, в порядке убывания сходства, – носители полтавкинской культуры Поволжья, окуневцы Тувы, ранние катакомбники с р. Молочной, серия раннескифской эпохи из Мингечаура, срубни-

ки лесостепного Поволжья, скифы Северо-Западного Причерноморья и группа культуры межановице (ранний бронзовый век Польши, конец III – первая половина II тыс. до н.э. [Schwidetzky, Rösing, 1990, № 173]). Лишь на 9-м месте – серия эпохи бронзы из Алтын-Депе, а на 10-м – срубники Хрящевки. С учетом хронологической принадлежности наиболее важными параллелями являются тувинская (окуневская), полтавкинская, катакомбная и межановицкая. Таким образом, и в этом случае следует предполагать миграцию не из Средней или Передней Азии, а с запада, если, конечно, не брать во внимание возможность обратного движения из Тувы на верхнюю Обь.

Самусьцы

При учете только мужчин, которых всего трое [Солодовников, 2005], близких параллелей при анализе по полной программе у них не обнаруживается; наименее же удаленными оказываются полтавкинцы. Ни одна из 92 зарубежных групп, изученных по неполной программе, аналогий самусьским мужчинам не дает. Если добавить данные о женских черепах, пересчитав их с помощью коэффициентов полового диморфизма, то по полному набору признаков у самусьцев тоже ни с кем нет тесных связей, а наименее далеки от них скифы Северо-Западного Причерноморья, которые имеют заметную монголоидную примесь и довольно похожи на людей скифской эпохи из Центральной и Западной Тувы. Результат анализа по неполной программе с женскими черепами такой же, как с одними мужскими, – ни одной зарубежной параллели. Как и в случае с елунинцами, наиболее весомой в плане происхождения самусьцев оказывается ранняя западная параллель, пусть и не очень отчетливая, – полтавкинская. Значение полтавкинской культуры как, возможно, одного из крупных очагов индоиранского этногенеза общеизвестно (см., напр.: [Кузьмина, 1994]). Ни среднеазиатских, ни переднеазиатских связей у самусьцев выявить не удается ни при каком способе анализа.

Люди эпохи ранней бронзы из Синьцзяна (Гумугоу)

Опубликовавший эту серию Хань Кансинь [Han Kangxin, 1986, 1998] отнес ее кprotoевропейскому типу и сблизил с афанасьевскими и андроновскими группами. Соглашаясь с ним в целом, К.Н. Солодовников и С.С. Тур [2003] указали на возможность присутствия в данной группе средиземноморской примеси. На уровне средних величин, по результатам моего анализа, люди из Гумугоу не обнаруживают особой

близости ни с кем. Наименее удалены от них андроновцы Восточного, Центрального и Северного Казахстана (по уточненным данным К.Н. Солововникова [2005]), а носители самусьской и елунинской культур находятся несколько дальше.

Афанасьевцы и андроновцы

В некоторых группах афанасьевцев также находили «протосредиземноморский» компонент [Дремов, 1980]. Однако, как справедливо заметили К.Н. Солововников и О.В. Ларин [2002], ослабление массивности в данном случае едва ли связано с притоком населения из Средней или Передней Азии, ведь уменьшение ширины лица по сравнению сprotoевропейскими стандартами отмечено во многих группах бронзового века Южной России и Украины. Например, сравнительно грацильная афанасьевская серия из Сальдяра [Там же], как показывает мой анализ, чрезвычайно близка к цепному ряду ямных и катакомбных групп. Они и занимают по степени близости к ней первые места, между тем как закавказская параллель (группа раннего железного века с юго-западного побережья оз. Севан) – лишь на 17-м месте, а среднеазиатская (серия из Тигровой Балки и Макони-Мора) – на 18-м. Значит, и в этом случае нет оснований связывать ослабление массивности с южно-европеоидной примесью.

Высказывалось мнение о присутствии «средиземноморского» компонента и у андроновцев, в частности в федоровской группе из Фирсова XIV (Верхнее Приобье) [Солововников, 2005, 2006]. По крайней мере на уровне средних величин это не прослеживается. Ближе всего к федоровцам Фирсова XIV уже упомянутые афанасьевцы из Сальдяра, а следующие пять мест занимают группы бронзового века Южной России, относящиеся к ямной, полтавкинской, катакомбной и срубной культурам. Ни с алакульцами Западного Казахстана, ни с елунинцами особого сходства не выявлено.

Что же касается алакульцев, то В.В. Гинзбург [1962], хотя и отнес группу из Тасты-Бутака к средиземноморскому типу, но указал на ее возможное родство как с населением юга Средней Азии, так и со срубниками Нижнего Поволжья. В.П. Алексеев [1967] полагал, что западное, в частности «срубное», направление связей в данном случае является единственным значимым. Как показывают мои расчеты, последний вывод верен, но в более широком смысле: алакульцы Западного Казахстана не обнаруживают краинологического сходства ни с одной из среднеазиатских серий, но очень близки к ряду групп, относящихся не только к срубной, но и к ямной и особенно к катакомбной культурам. Как показали результаты анализа по неполной программе, они также не проявляют ни-

какого южного тяготения, зато обнаруживают сходство с целым рядом групп населения Центральной и даже Западной Европы эпохи бронзы.

Заключение

Рассмотренные данные заставляют пересмотреть традиционное мнение (еще недавно разделявшееся и мною [2000]), согласно которому систематика древних европеоидов сводится в основном к противопоставлению protoевропейцев средиземноморцам. В этой схеме не остается места для северной ветви европеоидной расы – мы о ней попросту забыли. А между тем в древности, как и сейчас, отнюдь не все грацильные европеоиды были южанами. Начавшаяся в южных областях европеоидного ареала грацилизация (возможно, не только спонтанная, но и вызванная притоком людей и/или генов из Средиземноморья) еще в неолите распространилась далеко на север, охватив обширные территории Западной Европы, несомненно, затронутые процессом депигментации. Узколицые светлопигментированные люди средне- и североевропейского происхождения сыграли в индоевропейских, в частности индоиранских, миграциях на восток роль, вероятно, не меньшую, чем protoевропейцы, и наверняка большую, чем южные европеоиды. Дальнейшие антропологические исследования помогут уточнить эту роль и тем самым будут способствовать решению междисциплинарной проблемы индоевропейской прародины.

Благодарности

Приношу сердечную благодарность С.И. Круц за представление неопубликованных данных о скифских и до斯基фских сериях из Украины, а также С.С. Тур, указавшей на весьма важные, но прежде мне неизвестные публикации барнаульских коллег.

Список литературы

- Алексеев В.П. Антропология андроновской культуры // СА. – 1967. – № 1. – С. 22–26.
 Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век – эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 208–241.
 Гинзбург В.В. Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы // Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак-1 в Западном Казахстане. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 188–198. – (МИА; № 120).
 Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Ис-

следования по палеоантропологии и краинологии СССР. – М.; Л.: Наука, 1980. – С. 5–34. – (Сб. МАЭ; № 36).

Дремов В.А. Антропологические материалы из могильников Усть-Иша и Иткуль (к вопросу о происхождении неолитического населения Верхнего Приобья) // Палеоантропология Сибири. – М.: Наука, 1980. – С. 19–46.

Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ. – 1982. – № 3. – С. 3–30; № 4. – С. 11–25.

Иванов Вяч.Вс., Гамкрелидзе Т.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. – Тбилиси: Изд-во Тбилис. гос. ун-та, 1984. – Т. 1. – 435 с. – Т. 2. – С. 436–1328.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южнотаежной зоны Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – 294 с.

Клейн Л.С. Откуда арии пришли в Индию? // Вестн. Ленингр. ун-та. – 1980. – № 20. – С. 35–39.

Клейн Л.С. Ранние индоевропейцы на Кавказе и в северопонтийских степях // Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных территорий. – Ереван: Изд-во Ереван. гос. ун-та, 1990. – С. 162–175.

Клейн Л.С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та (в печати).

Ковалев А.А. Каменные изваяния Черного Иртыша (еще раз о джуңгарской прародине скифов) // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь: Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М.И. Артамонова. – СПб., 1998. – С. 24–29.

Ковалев А.А. Чемурческий культурный феномен // «А.В.»: Сб. науч. тр. в честь 60-летия А.В. Виноградова. – СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. – С. 25–76.

Козинцев А.Г. Об антропологических связях и происхождении причерноморских скифов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 145–152.

Козинцев А.Г. Скифы Северного Причерноморья: межгрупповые различия, внешние связи, происхождение // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 4. – С. 143–157.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.: Вост. лит., 1994. – 464 с.

Мачинский Д.А. Страна аrimаспов, простор ариев и «скифские» зеркала с бортником // Сб. ст. к 100-летию М.И. Артамонова. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 1998. – С. 102–117. – (Проблемы археологии; вып. 4).

Савинов Д.Г. Синташта и Аржан // Элитные курганы Евразии в скифо-сарматскую эпоху. – СПб.: [Б.и.], 1994. – С. 170–175.

Сафонов В.А. Индоевропейские прародины. – Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1989. – 402 с.

Соловьев К.Н. Краинологические материалы из могильника андроновской культуры Фирсово XIV в свете проблем формирования населения Верхнего Приобья в

эпоху бронзы // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2005. – Вып. 1. – С. 47–75.

Соловьев К.Н. Население горного и лесостепного Алтая эпохи ранней и развитой бронзы по данным палеоантропологии: Автoref. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2006. – 25 с.

Соловьев К.Н., Ларин О.В. Краинологическая серия из могильника Сальдяр I афанасьевской культуры Горного Алтая // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – С. 119–123.

Соловьев К.Н., Тур С.С. Краинологические материалы еланинской культуры эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья // Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – С. 142–176.

Тур С.С., Рыкун М.П. Краинологические материалы пазырыкской культуры из могильников в урочище Кызыл-Джар // Древности Алтая. – 2004. – № 12. – С. 32–49.

Gimbutas M. Primary and secondary homeland of the Indo-Europeans // J. of Indo-European Studies. – 1985. – Vol. 13, N 1/2. – P. 185–202.

Gray R.D., Atkinson Q.D. Language-tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European origins // Nature. – 2003. – Vol. 426, N 6965. – P. 435–439.

Han Kangxin. Anthropological characteristics of the human skulls from the ancient cemetery at Gumu Gou, Xinjiang // Kaogu сюэбао (Acta Archaeologica Sinica). – 1986. – N 3. – P. 361–384 (на кит. яз. с резюме на англ. яз.).

Han Kangxin. The physical anthropology of the ancient populations of the Tarim Basin and surrounding areas // The Bronze and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia. – Wash.: Institute for the Study of Man, 1998. – Vol. 2. – P. 558–570. – (J. of Indo-European Studies, Monograph; N 26).

Mallory J.P. In Search of the Indo-Europeans. – L.: Thames and Hudson, 1989. – 288 p.

Mallory J.P., Mair V.H. The Tarim Mummies: Ancient China and the Mystery of the Earliest Peoples from the West. – L.: Thames and Hudson, 2000. – 352 p.

Renfrew C. Archaeology and Language: The Puzzle of Indo-European Origins. – N.Y.: Cambridge University Press, 1987. – 346 p.

Rightmire G.P. On the computation of Mahalanobis' generalized distance (D^2) // Am. J. Phys. Anthropology. – 1969. – Vol. 30, N 1. – P. 157–160.

Schwidetzky I., Rösing F. Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie von Neolithikum und Bronzezeit // Homo. – 1990. – Bd. 40, H. 1/2. – S. 4–45.

УДК 572

М.Н. Кандинов¹, М.Б. Медникова², М.В. Добровольская², А.П. Бужилова²¹*Государственный Геологический музей им. В.И. Вернадского РАН
ул. Моховая, 11/2, Москва, 103009, Россия*²*Институт археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
E-mail: medma_pa@mail.ru*

ПЛЕЧЕВАЯ КОСТЬ НОМО С ОСТРОВА ХОРОШЕВСКОГО: ИСТОРИЯ И ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ НАХОДКИ*

Памяти академика Т.И. Алексеевой

Научные коллекции российских академических музеев хранят объекты большой научной ценности, многие из которых до сих пор должным образом не изучены. Статья посвящена обстоятельствам открытия фоссилизированной плечевой кости Номо, на протяжении 80 лет считавшейся утраченной. Впервые публикуется рукописный документ, сообщающий об обнаружении черепной крышки и плечевой кости на о-ве Хорошевском. Анализируется геологический и палеонтологический контекст, не исключающий позднеашельский или раннемустьерский возраст палеофауны, сопутствовавшей человеческим останкам.

Введение

Работа с коллекциями академических музеев была и остается важнейшим направлением во взаимодействии институтов и музеев Российской академии наук. Бережное хранение четко документированных экспонатов позволяет исследователям различных научных школ возвращаться к анализу материалов на новом методическом уровне, что обогащает источниковедческие возможности научных коллекций музеев. Музейный совет Президиума РАН всегда уделял большое внимание поддержке музеев. С 1992 г. его возглавляла академик РАН Т.И. Алексеева. Со свойственной ей энергией и энтузиазмом Татьяна Ивановна смогла существенно улучшить качество поддержки музеев, ею был основан ежегодный альманах «Музеи Российской академии наук».

В 2008 г. Т.И. Алексеевой исполнилось бы 80 лет. В память этого замечательного ученого, организато-

ра науки, нашего коллеги и учителя мы предлагаем вниманию читателя историю повторного открытия важнейшей антропологической находки, которое стало возможным только благодаря совместной работе сотрудников Геологического музея РАН и Института археологии РАН. Речь идет об ископаемом антропологическом объекте с территории Поволжья, до сих пор не получившем исчерпывающей и однозначной интерпретации в трудах отечественных и зарубежных специалистов по эволюционной антропологии.

Антропологической характеристике этой находки посвящена отдельная работа, которая будет опубликована в одном из следующих номеров журнала.

Геологический и палеонтологический контекст хвалынских находок

История находки воссоздается благодаря рукописному тексту геолога В.Ф. Орехова, озаглавленному «Найденка человеческого черепного свода вместе с костями

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Биоархеологического института (г. Сан-Франциско).

ии изломами. И среди этого хаоса, занимавшего площадь около 25–30 десятин, я нашел часть человеческого черепного свода почти черного цвета, состоящую из лобной и теменных костей с сильно выдающимися надбровными дугами и плоским покатым лбом, неандерталоидного типа [рис. 2.3.4.]. На расстоянии двух метров от места находки черепа найден обломок плечевой кости и костяное заострение сделанное из рога оленя. Все кости довольно хорошей сохранности и имеют темно-серый и черный цвет, но все очень тяжелы. Признаков действия воды на костях незаметно, что исключает предположение, что кости занесены сюда водой из другого места.

Рис. 1. Фрагмент рукописи В.Ф. Орехова, где сообщается о нахождении ископаемых костей Homo на о-ве Хорошевском: «И среди этого хаоса... я нашел часть человеческого черепного свода...».

мамонта и носорога на острове Хорошевском в районе Хвалынска Саратовской губ. Предварительное сообщение. 1927 г.»* (рис. 1):

Летом 1926 г. мы совместно с зав. Хвалынским музеем К.Ю. Гросс обследовали «Вороний остров» в семи километрах на юг от г. Хвалынска и в северной части острова была найдена человечья плечевая кость вместе с костями мамонта и носорога.

Еще в 1921 году К.Ю. Гросс собрал здесь, кроме костей мамонта, несколько костяных заострений. Поэтому задачей 1927 года явилось обследование берегов и островов в этом районе с целью отыскания коренного местонахождения костей ископаемых животных. В начале сентября т.г. знакомый охотник, служащий в Алексеевской [...], сообщил мне о находке на «острове Хорошевском» каких-то крупных костей. 11-го сентября я, захвативши с собой в качестве помощника Ф.И. Няясова, отправился обследовать указанный остров. Так называемый «остров Хорошевский» находится в 25–30 километрах на юг от г. Хвалынска, близ с. Алексеевки, в настоящее время представляет из себя большую песчаную отмель, примыкающую к левобережным поймам; лишь продолговатое озеро показывает бывшие границы острова, на котором еще не так давно была растительность. Здесь постоянно были находимы кости мамонта и носорога. Весной в половодье размыло северную часть этого острова, при чем обнаружились крупные пески и гравий, в котором находятся в большом количестве белемниты (*Absolutus Panderianus* и др.), аммониты и раковины *Griphaea* и *Ostrea*, обломки стволов окаменелых деревьев, кости: *Elephas primigenius*, *Rhinoceros tichorinus* и многих других животных. Найдена нижняя челюсть эласмотерия, череп сайги, черепа, рога и другие кости оленя и быка, обломок нижней челюсти *Ursus Spelacus* и кости еще каких-то хищников. В большом количестве попадаются искусственно колотые трубчатые кости

с характерными изломами. И среди этого хаоса, занимающего площадь около 25–30 десятин, я нашел часть человеческого черепного свода почти черного цвета, состоящую из лобной и теменных костей с сильно выдающимися надбровными дугами и плоским покатым лбом неандерталоидного типа [...]. На расстоянии двух метров от места находки черепа найден обломок плечевой кости и костяное заострение, сделанное из рога оленя. Все кости довольно хорошей сохранности и имеют темно-серый и черный цвет, но все очень тяжелы. Признаков действия воды на костях незаметно, что исключает предположение, что кости занесены сюда водой из другого места.

15 сентября вместе с зав. Музеем К.Ю. Гросс мы отправились вторично на остров Хорошевский, где вновь нами был собран обильный геологический и палеонтологический материал. Для перевозки в Хвалынск всего собранного за две экскурсии материала Горсоветом был дан наш пароходик.

После этого я обследовал берега других островов и пойм, а также и левый материковый берег Волги от с. Новотроицкого и до р. Мал. Иргиза. [Исследуемый район находится между двумя левобережными притоками Волги, рр. Чаграй и Мал. Иргизом... Эти две степные речки берут свое начало далеко в степи и принимают с обеих сторон притоки малых речушек и ручьев, в обрывистых берегах которых находят кости вымерших животных.]

Берег Волги между означенными реками – обрывистый, высотой от 15–30 метров и состоит из третичных и четвертичных глин и песков, из которых, как показывают крестьяне левобережных селений, часто отмывает кости «мамонта» (всякую крупную кость, найденную в глинах или песках крестьяне Хвалынского района называют «мамонтовой»). Особенно часто отмывает кости между селениями Маховкой и Клепидинами хуторами.

В районе д. Маховки резко выступают дюнны пески, в которых находят кремневые микролиты и архаичную керамику.

Осенняя быстрая и сильная прибыль воды в р. Волге помешала дальнейшему обследованию.

В. Орехов

*Хранение фондов Государственного Геологического музея им. В.И. Вернадского РАН. Цитируется с сохранением орфографии оригинала.

Этот рукописный документ свидетельствует о том, что в районе г. Хвалынска геологами были найдены две человеческие плечевые кости: первая – на о-ве Вороньем, вторая – на о-ве Хорошевском. Идентифицированный нами фрагмент представляет вторую находку, о чем недвусмысленно говорят и надпись на этикетке, скорее всего сделанная в конце 20-х гг. XX в., и сохранность образца (ее характеристика будет дана ниже).

Особого внимания заслуживает тот факт, что упомянутая кость располагалась в 2 м от черепной крышки, ставшей впоследствии известной под названием «Хвалынской». В отличие от плечевой кости, на протяжении 80 лет считавшейся утраченной и никогда ранее не исследовавшейся антропологами, судьба краниума сложилась удачнее [Бадер, 1940, 1952а; Гремяцкий, 1948, 1952], и в настоящий момент он хранится в НИИ и Музее антропологии МГУ. Можно с большой долей уверенности предполагать, что и череп, и плечевая кость с о-ва Хорошевского были привезены в Москву и переданы для исследования крупнейшему отечественному эксперту того времени – геологу академику А.П. Павлову. Однако он скончался в 1929 г. и описать находки не успел, после чего свод черепа был возвращен в Хвалынский краеведческий музей и хранился там до передачи антропологам МГУ в 1939 г. Плечевая же кость, которую нам удалось обнаружить, так и осталась экспонатом коллекции ископаемых образцов академика А.П. Павлова, перейдя с течением времени в фонды Геологического музея им. В.И. Вернадского РАН.

Полностью сознавая, что череп и посткраниальный фрагмент могут принадлежать разным индивидуумам и даже разным эпохам, мы, тем не менее, приводим основные результаты антропологического изучения Хвалынской черепной крышки, поскольку эта информация может быть важна для выяснения контекста нашей находки.

Начало антропологическому изучению Хвалынской черепной крышки было положено немецким антропологом Г. Вейнертом. В 1930-х гг. ему для ознакомления был прислан слепок краниума. Исследователь отнес находку к мадлену, но подробной аргументации не приводил [Вейнерт, 1935]. Параллельно Э. Айкштедт [Eickstedt, 1934] определил черепную крышку как неандертальскую. Примечательно, что он выделил краниологические материалы, подобные находкам из Хвалынска, Подкумка, Табги (Галилея), в особый восточный вариант неандертальской расы, отличавшийся менее выраженными чертами по сравнению с западной неандертальской. Соответственно, Э. Айкштедт рассматривал «восточный вариант» как поздний и высказывал предположение, что именно на востоке произошел переход «от неандертальского к оринь-

якскому типу», откуда последний мигрировал в Западную Европу.

Наиболее подробное описание Хвалынской черепной крышки дал М.А. Гремяцкий [1948, 1952]. По его мнению, хотя общий характер фрагмента не оставляет сомнений в принадлежности современному человеку, ряд признаков уклоняется в сторону неандертальских форм (в частности, развитие надглазничной части лобной кости, ее рельеф, соотношение глабеллярной и церебральной частей, величины брегматического и лобного углов, соотношение межглазничного диаметра и внутренней глазничной ширины лица, брегматическая высота).

Необходимо упомянуть мнение В.П. Алексеева, распространявшееся и на Хвалынский череп, который он считал хронологически поздним: «Генетическая преемственность современного и неандертальского видов иллюстрируется и довольно многочисленными находками переходных форм, краниологически относящихся к современному типу, но несущими одновременно ряд примитивных признаков... Но более поздний, чем верхнепалеолитический, возраст этих находок при их морфологическом типе только усиливает их значение для обсуждения преемственности современного и неандертальского вида» [1978, с. 166].

Относительно недавно черепная крышка из Хвалынска стала объектом внимания С.В. Дробышевского. В частности, по его словам, Хвалынский человек, независимо от его пола, превосходил средние показатели массивности лобной кости в целом и надглазничного рельефа в частности, а также широтных размеров черепа современного человека. «Отношение... к неандертальцам двойственno. По результатам анализа профильных морфограмм... Хвалынск ближе к неандертальскому типу, чем к современному. Однако многомерные анализы... выявляют значительные различия между группой Подкумок-Хвалынск-Сходня и неандертальцами... Наиболее близки Подкумок, Хвалынск и Сходня к группе верхнепалеолитических сапиенсов, точнее, к формам, обладающим примитивными и прогрессивными чертами одновременно, например, Схул V, Пшедмости III, в меньшей степени – Пшедмости IX и Сунгир I» [Дробышевский, 2001, с. 90].

Помимо цитированного выше текста геолога В.Ф. Орехова, помогающего прояснить обстоятельства, сопутствовавшие обнаружению скелетных фрагментов *Homo* на о-ве Хорошевском, большой интерес представляют специальные исследования, предпринятые для геологической характеристики «костеносных слоев» Поволжского региона (рис. 2).

Вопросы стратиграфии поволжских находок привлекали внимание О.Н. Бадера [1940, 1952а]. В 1939 г. археолог побывал на острове, который он в своих ра-

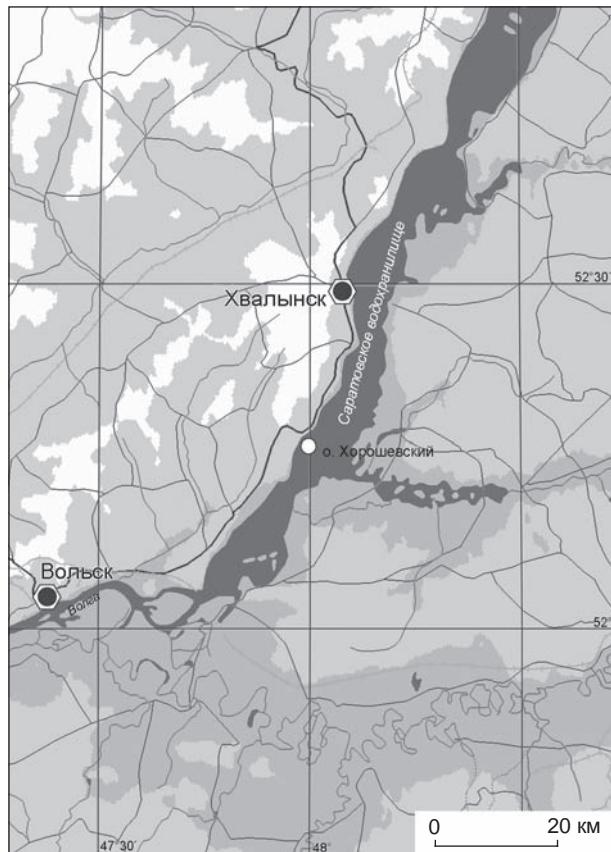

Рис. 2. Современная карта Поволжского региона с обозначением затопленной местности.

ботах называет Хорошевским*, и общался с директором Хвалынского музея К.Ю. Гроссом. В обобщающей статье 1952 г. О.Н. Бадер не упоминает имени геолога В.Ф. Орехова, отдавая приоритет в обнаружении четвертичной фауны в этом месте К.Ю. Гроссу, из чего мы можем заключить, что цитированный выше отчет В.Ф. Орехова остался археологам и антропологам неизвестен, ведь он был адресован А.П. Павлову, являясь сопроводительным документом к фрагментам черепа и плечевой кости.

В более ранней публикации О.Н. Бадер воспроизводит письменный комментарий К.Ю. Гросса, не столь подробный, как записка В.Ф. Орехова, поскольку, как нам теперь известно, при обнаружении Хвалынской черепной крышки и плечевой кости директор районного музея не присутствовал:

*Как нам удалось выяснить, оба названия были вполне равноправны. В геологической и палеонтологической литературе остров именуется Хорошевским, в работах антропологов, вслед за О.Н. Бадером, – Хорошевским. Впрочем, сейчас это непринципиально, поскольку данный участок суши полностью затоплен водами искусственного водохранилища.

«Неандерталоидная черепная крышка... была найдена вместе с фрагментом человеческого humerus во время музейных обследований в береговых песках Хорошевского острова осенью 1927 г., очевидно, вымытая из коренного горизонта, который до сих пор обнаружить не удалось, несмотря на ежегодно повторяемые музеем обследования. Толчком к этой находке послужили первые слабые следы палеолита, лично мною обнаруженные в виде четырех экземпляров костных шил и затем еще одного человеческого humerus'а» [1940, с. 74].

При выяснении возраста костеносного слоя О.Н. Бадер опирался на работы палеонтологов, исследовавших фауну острова и других поволжских разрезов со сходной стратиграфией [Павлова, 1926; Беляева, 1935, 1939]. Помимо костей *Homo*, на о-ве Хорошевском найдены и описаны скелетные остатки *Ursus spelaeus* (пещерный медведь), *Camelus* sp. (верблюд), *Canis lupus* (волк), *Equus caballus* (лошадь), *Elephas primigenius* (мамонт), *Cervus elephas* (благородный олень), *Saiga tatarica* (сайгак), *Elasmotherium* (эласмотерий), *Rhinoceros thichorinus* (шерстистый носорог), *Bison priscus* (ископаемый бизон), *Cervus megaceros* (большерогий олень), *Cervus tarandus* (северный олень), *Cervus alces* (лось), *Felis spelaea* (пещерный лев), *Rhinoceros merckii* (носорог Мерка)*. Поступавший с о-ва Хорошевского палеонтологический материал был настолько интересен, что привлек внимание ведущего палеонтолога того времени М.В. Павловой. Она посетила остров в 1930 г. и отметила, что очень древние ископаемые кости лежали непосредственно на лишенной древесной растительности поверхности и имели черный цвет.

В 1929 г. о-в Хорошевский обследовал и крупнейший московский археолог В.А. Городцов, сообщивший позже О.Н. Бадеру о том, что там им было собрано на поверхности несколько сот пудов костей ископаемых млекопитающих. Древних остатков материальной культуры при этом он не обнаружил, не считая фрагментов хвалынской керамики бронзового века. В.А. Городцов нашел на острове еще два человеческих черепа, по его оценке, вполне современных и с наибольшей вероятностью датированных им эпохой бронзы. В том же году он осмотрел плечевую кость в Хвалынском музее, также отнес ее к позднему времени. Предположительно это была кость с о-ва Вороньего, найденная К.Ю. Гросом в 1921 г. Собранныя В.А. Городцовым коллекция, включавшая, в частности, остатки пещерного льва, была исследована и опубликована В.И. Громовой (см.: [Бадер, 1940, с. 75]).

*Во избежание путаницы с зоологической номенклатурой мы приводим видовые названия ископаемых животных с о-ва Хорошевского в том виде, в каком они даны в первых публикациях исследовавших их палеонтологов.

Согласно устному сообщению Е.И. Беляевой, проводившей обследование острова в составе экспедиции Палеозоологического института АН СССР в 1935 г., видовой состав палеофауны, выявленный ранее, был подтвержден, новых костей *Homo* найти не удалось; но часть костей имела «отбитые» эпифизы, причем некоторые крупные кости слонов производили впечатление расколотых (см.: [Там же, с. 76]).

Что касается черепного свода и найденной под руководством О.Н. Бадера в 1939 г. бедренной кости*, то сам он связывал эти находки с наиболее поздним комплексом мамонтовой фауны. Четких критериев для такого вывода не было, исследователь опирался только на мнение современных ему антропологов: «Возможная дата этих находок на языке археологической периодизации может быть определена сейчас только в самых общих чертах, а именно: не ранее позднего мустье и не позже солютрейского времени. Основанием для нижнего предела даты служит не неандертальский, но лишь неандерталоидный характер палеоантропологических остатков. Основанием для верхнего предела даты – относительно раннее вымирание мамонта в мадленское время на юге СССР, мамонта, еще хорошо представленного на Хорошенском острове» [Бадер, 1952а, с. 197].

Сегодня нам следует учитывать, в каком научно-историческом контексте делались подобные выводы: это было время, когда питтлаунская подделка еще признавалась самыми серьезными исследователями и мало кто сомневался в стадиальном происхождении современного человека от европейского неандертальца [Гремяцкий, 1948]. В соответствии с научными представлениями 50-летней давности «архаические» по своему строению антропологические находки воспринимались как более ранние, а «прогрессивные» – как поздние. Идея о неравномерности эволюции гоминид, объясняющая одновременное проживание на Земном шаре анатомически архаичных и более «продвинутых» форм и являющаяся одним из главных постулатов эволюционной антропологии сегодня, в момент публикации Хвальинской калотты, еще не завоевала достаточного числа сторонников. Не забудем, что и сроки выделения линии анатомически современного сапиенса (доказательно относимые сегодня к 200 тыс. л.н. [McDougall, Brown, Fleagle, 2005]) еще недавно оценивались совсем иначе.

*Бедренная кость, обнаруженная тогда студенткой Н.Ю. Лутовиновой в обнажении галечника, была в той же степени фоссилизирована, что и остатки ископаемой фауны. Естественно, напрямую соотносить находку, сделанную через 12 лет без четкой стратиграфической привязки, с черепной крышкой и плечевым фрагментом невозможно. О.Н. Бадер ссылается на заключение М.А. Гремяцкого о принадлежности бедренной кости, как и черепной крышки, *Homo sapiens*, но «с рядом примитивных черт» [Бадер, 1940, с. 76].

О.Н. Бадер со свойственной ему скрупулезностью воспроизвел характеристику всех фаунистических комплексов о-ва Хорошевского, что позволяет оценить возможную древность находок. Эти комплексы аналогичны фауне п-ова Тунгуз, располагавшегося до затопления Волгой в 30 км ниже Сенгилея [Бадер, 1952б]. По поводу крупного местонахождения костей четвертичной фауны в северной «галечной» части полуострова О.Н. Бадер ссылался на исследование Д.И. Яковлева [1928], писавшего о прекрасной сохранности, отсутствии следов окатанности, частой целостности тончайших костных пластинок черепов. Это указывает на то, что вымыты они из здесь же лежащих древних слоев. Отложение фаунистических остатков могло произойти в очень давнее время, ибо размывание древнего берегового массива между местом залегания костей и правым берегом Волги продолжалось достаточно долго.

На основании палеозоологических определений М.В. Павловой, В.И. Громовой, В.И. Громова, Н.И. Николаева, Е.И. Беляевой были выделены три разновременных комплекса поволжской палеофауны [Николаев, 1937; Бадер, 1952б, с. 184]. К древнейшему, миндель-рисскому, причислены остатки представителя теплолюбивой фауны – носорога Мерка (*Rhinoceros merckii*), встреченного и на о-ве Хорошевском. Второй комплекс, более многочисленный, отнесен ко второй половине миндель-рисса. Это т.н. хазарская фауна, представленная видами *Elasmotherium sibiricum* (эласмотерий), *Camelus knoblochi* (верблюд Кноблоха), *Cervus euryceros* (олень), *Bison priscus* (ископаемый бизон) и др. Третий комплекс фауны «мамонта и сибирского носорога» определен как рисс-вюрмский. Он включает кости *Elephas primigenius* (мамонт), *Rhinoceros thichorinus* (шерстистый носорог), *Bos primigenius* (бык), *Saiga* (сайгак), *Cervus tarandus* (северный олень), пещерных хищников.

Относительно фоссилизированной пятонной кости *Homo* с п-ова Тунгуз О.Н. Бадер, не будучи в этот раз скован категорическим суждением антропологов, признал, что она может входить в любой из упомянутых трех фаунистических комплексов – «это будет время между ашельской и ориньякско-солютрейской эпохой включительно» [1952б, с. 184].

В отсутствие абсолютных дат основная информация о возрасте находок может быть получена из результатов датирования геологических отложений и ископаемой фауны. Основанием для этого могут служить исследования ведущего отечественного геолога первой половины XX в. Н.И. Николаева [1937]. В своей подробной публикации, посвященной определению возраста плейстоценовой фауны из различных районов Поволжья, он доказывал, что слои галечников, в которых находятся многочисленные костные фрагменты и редко встречающиеся человечес-

кие скелеты, ассоциируются с основанием II террасы и датируются рисс-вюрмским временем, причем перекрываются отложениями вюрмской эпохи, и утверждал, что возраст находок более древний, чем верхнеплейстоценовый.

Заключение

Многочисленные публикации, описывающие стратиграфию террасных четвертичных отложений южного участка средней Волги, а также верифицированные сведения о хронологической принадлежности комплексов палеофауны из костеносных галечников о-ва Хорошевского и прилегающих территорий позволяют нам с известной степенью достоверности судить о возрасте диафиза плечевой кости ископаемого *Homo*. Исходя из геологических и палеонтологических описаний, мы можем предполагать, что костеносные галечники содержат переотложенные остатки фауны, относящейся к широкому хронологическому промежутку от поздних этапов ашельской эпохи до позднемустьерской. Локализация обсуждаемой антропологической находки дает основания датировать ее тем же временем.

Список литературы

Алексеев В.П. Палеоантропология Земного шара и формирование человеческих рас: Палеолит. – М.: Наука, 1978. – 282 с.

Бадер О.Н. Нахodka неандерталоидной черепной крышки человека близ Хвалынска и вопрос о ее возрасте // Бюл. Моск. об-ва испытателей природы. – 1940. – Т. 18 (2). – С. 73–81.

Бадер О.Н. О древних остатках человека с острова Хорошевского под Хвалынском // Учен. зап. Моск. ун-та. – 1952а. – Вып. 158: Ископаемый человек и его культура на территории СССР. – С. 193–198.

Бадер О.Н. Об остатках ископаемого человека с полуострова Тунгуз на Волге // Учен. зап. Моск. ун-та. –

1952б. – Вып. 158: Ископаемый человек и его культура на территории СССР. – С. 181–186.

Беляева Е.И. Некоторые данные о четвертичных млекопитающих из Нижневолжского края по материалам музея г. Пугачева // Тр. Четвертичной комиссии АН СССР. – 1935. – Т. 4. – С. 47–53.

Беляева Е.И. Заметка об остатках четвертичных млекопитающих полуострова Тунгуга // Бюл. Моск. об-ва испытателей природы. Отд. геологии. – 1939. – Т. 17 (6). – С. 85–89.

Вейнер Г. Происхождение человечества. – М.: Биомедгиз, 1935. – 80 с.

Гремяцкий М.А. Проблема промежуточных и переходных форм от неандертальского типа человека к современному // Учен. зап. Моск. ун-та. – 1948. – Вып. 115. – С. 33–77.

Гремяцкий М.А. Фрагмент хвалынской черепной крышки // Учен. зап. Моск. ун-та. – 1952. – Вып. 158: Ископаемый человек и его культура на территории СССР. – С. 199–206.

Дробышевский С.В. Черепные крышки из Сходни, Подкумка и Хвалынска – постнеандерталоидные формы Восточной Европы. – М.; Чита: Изд-во Забайкал. ин-та предпринимательства, 2001. – 133 с.

Николаев Н.И. О возрасте четвертичной волжской фауны млекопитающих // Бюл. Моск. об-ва испытателей природы. Отд. геологии. – 1937. – Т. 15. – С. 487–516.

Павлова М.В. Кладовище кісток потретинних осанців на лівом березі Волги між Сенгілеєм та Новодівичим // Тр. фіз.-мат. отд-ния Укр. акад. наук. – 1926. – Т. 3, вып. 1. – С. 5–23.

Яковлев Д.И. Описание полуострова Тунгуга и местонахождение на нем костей четвертичных животных // Изв. Геологического комитета. – 1928. – № 5. – С. 533–550.

Eickstedt E. Rassenkunde und Rassengeschichte der Menschheit. – Stuttgart: Theiss, 1934. – 246 S.

McDougall I., Brown F.H., Fleagle J.G. Stratigraphic placement and age of modern humans from Kibish, Ethiopia // Nature. – 2005. – Vol. 433. – P. 733–736.

ПЕРСОНАЛИИ

АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ ОКЛАДНИКОВ к 100-летию со дня рождения (3.10.1908–18.11.1981 гг.)

Исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося ученого XX в. академика Алексея Павловича Окладникова, еще при жизни ставшего человеком-легендой, для которого, казалось бы, не существовали загадки прошлого. Он был признанным специалистом по любому культурно-историческому периоду развития человеческого общества начиная с древнейшего времени.

А.П. Окладников родился 3 октября 1908 г. в д. Константиновщине Иркутской губ. в семье сельского учителя. С 1925 до 1934 г. жил в Иркутске. Учился в педагогическом техникуме и педагогическом институте. В этом же институте работал ассистентом, а в Иркутском краеведческом музее – научным сотрудником. С 1934 г. длительный период жизни А.П. Окладникова был связан с Ленинградом. Он работал в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР, одно время был его директором. С созданием СО АН СССР по приглашению академика М.А. Лаврентьева А.П. Окладников в 1961 г. переехал в Новосибирск, где на протяжении 20 лет возглавлял работу гуманитариев Сибири. Он организовал сначала Отдел гуманитарных исследований при Институте экономики и организации промышленного производства, а в 1966 г. первый за Уралом гуманитарный академический институт – Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, директором которого был до конца своей жизни. Алексей Павлович основал при институте Музей под открытым небом, Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока. Под его руководством и при самом деятельном участии большой коллектив ученых создал пятитомную «Историю Сибири», высоко оцененную научной общественностью и государством.

Открывая, по его выражению, «окно в неведомый мир», А.П. Окладников опубликовал большое количество ценных исследований по истории и этнографии обширных регионов Азии. При этом его труды посвящены не только аборигенным народам, но и различным общественным группам русских людей, ставших за сотни лет освоения азиатских просторов, как отмечал Алексей Павлович, также коренными жителями Сибири и Дальнего Востока. И все же при

всей важности историко-этнографических исследований А.П. Окладникова его имя в мировой науке неразрывно связано с археологией. Характерной чертой работ Алексея Павловича является построение их в основном на новом, зачастую уникальном материале, добытом им в многочисленных экспедициях. Это был тонкий аналитик, обосновывающий постановку важнейших фундаментальных проблем, и вместе с тем прирожденный полевик-исследователь, первооткрыватель неизведанного, постигающий скровенный смысл духовного мира человека прошлого. Благодаря своей одержимости, редкой интуиции и, конечно, таланту он обогатил археологию блестящими открытиями.

Огромный вклад в науку внес А.П. Окладников своими исследованиями на Ангаре и Лене, в Забайкалье и Якутии, на Колыме и Охотском побережье, на островах Северного Ледовитого океана, в республиках Средней Азии, в регионах Дальнего Востока, включая Приамурье и Приморье, Сахалин и Курилы, а также на Алтае, в Западной Сибири, Монголии, на Кубе, Аляске и Алеутских островах. Немного найдется мест на карте, где бы не работал А.П. Окладников

и участники его экспедиций. Особой любовью Алексея Павловича был каменный век, в особенности палеолит. Эта неодолимая любовь прошла через всю его научную жизнь.

А.П. Окладников автор ок. 80 монографий и тысячи статей, сообщений, заметок, рецензий, многие из которых переведены на иностранные языки и изданы за рубежом. В Санкт-Петербурге находится его огромный архив неоценимой научной важности.

Из многочисленных открытий А.П. Окладникова выделяются три, которыми он особенно гордился, называя их тремя своими «звездными часами». Первый – открытие в 1938 г. в Узбекистане палеолитического памятника Тешик-Таш с захоронением неандертальского ребенка. Оно и сейчас относится к числу редчайших находок и, несомненно, входит в Золотой фонд мировой археологии. Второй «звездный час» – открытие в 1936 г. ценнейшего для науки позднепалеолитического поселения у с. Верхняя Буреть на Ангаре, где были получены ископаемые свидетельства многогранной жизнедеятельности первобытных людей на территории Сибири. Человек того времени создал не только оригинальную культуру охотников на мамонта и северного оленя, но и выдающиеся образцы первобытного искусства. Жемчужиной этого удивительного памятника является женская статуэтка из бивня мамонта – палеолитическая Венера в меховой одежде с капюшоном. Третий «звездный час» – открытие в Горном Алтае в 1961 г. стоянки Уланкина, которую А.П. Окладников считал древнейшим палеолитическим памятником Сибири. По его твердому убеждению, галечные изделия с этой стоянки были изготовлены сотни тысяч лет назад.

А.П. Окладников подчеркивал, что с созданием СО АН СССР заметно более масштабными стали археологические исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. Бесспорной заслугой Сибирского отделения он считал формирование исследовательских коллективов не только в Новосибирске, но и в Улан-Удэ, Владивостоке, Якутске, многих других городах. Сибирским отделением АН СССР создана своя, признанная в стране археологическая школа, а также собственная археологическая служба, так необходимая при столь огромных пространствах Сибири. Личный вклад Алексея Павловича во все эти предприятия трудно переоценить. Еще одной замечательной чертой А.П. Окладникова в организации науки было стремление познать исторические процессы в глобальном масштабе, желание работать в тесном контакте с коллегами из различных стран – США, Германии, Франции, Японии, Китая, Кубы, Египта, Кореи, Монголии и Индии.

Творческое наследие Алексея Павловича настолько велико, что позволяет прогнозировать живой инте-

рес к его изысканиям, личности ученого многих поколений людей грядущего времени. Отдельные аспекты его творчества уже сейчас нуждаются в серьезном историографическом осмысливании. Наследием А.П. Окладникова является созданная им научная школа, многочисленные выпестованные ученики, а также ученики его учеников, которые сейчас сами возглавляют коллективы исследователей во многих городах России, особенно сибирских и дальневосточных, а также бывших республик Советского Союза.

Лекции А.П. Окладникова помнят многие поколения студентов Ленинградского и Новосибирского университетов. В НГУ он принимал непосредственное участие в организации гуманитарного факультета, был заведующим кафедрой всеобщей истории, профессором. Большое количество учеников, последователей, коллег и друзей Алексея Павловича является отражением его непререкаемого научного авторитета, большого личного обаяния, общительности, превосходных качеств лектора.

Подвижнический подвиг А.П. Окладникова получил заслуженное признание еще при его жизни: он – доктор наук, профессор, академик, Герой Социалистического Труда, дважды лауреат Государственных премий, Заслуженный деятель науки РСФСР, Бурятской и Якутской АССР, член Британской академии, Академии наук Венгрии, Монголии и др. Его фундаментальные труды, особенно периода работы в СО АН СССР, получили высокую оценку.

Академик Алексей Павлович Окладников принадлежит к когорте подлинно выдающихся ученых, крупных организаторов науки и замечательных педагогов. Он внес огромный вклад в изучение вопросов становления человека и общества, этногенеза и культурогенеза, периодизации древних культур Азии, а также происхождения искусства и религии. Его научное наследие, смелые идеи, новаторский подход в объяснении многих принципиальных проблем древней истории будут всегда оставаться источником и примером получения новых знаний о прошлом человечества, основой для дальнейшего развития отечественной и мировой археологии.

**А.П. Деревянко, В.И. Молодин,
В.И. Бойко, А.В. Бауло, М.В. Шуньков,
О.И. Новикова, И.В. Асеев, Р.С. Васильевский,
Е.И. Деревянко, В.Д. Кубарев, В.Е. Ларичев,
В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков**

ТАТЬЯНА ИВАНОВНА АЛЕКСЕЕВА

7 декабря 2008 г. исполнилось бы 80 лет Татьяне Ивановне Алексеевой – академику, выдающемуся ученному, одному из лидеров отечественной антропологической науки, мудрому педагогу, обаятельному и доброму человеку, блистательной и очень красивой женщине. Она скончалась 22 июня 2007 г., чуть больше года не дожив до своего юбилея, к которому готовилась: оформляла монографически итоги исследований за последние три десятилетия. Несколько лет подряд Т.И. Алексеева, ее коллеги и ученики ежегодно издавали одну-две монографии. Ее интересовали такие проблемы, как эволюция человека, этническая палеоантропология, теория расоведения, расогенез и этногенез древних и современных историко-культурных групп России и сопредельных стран, антропоэкология, музееведение.

Татьяна Ивановна много работала также над архивами своего мужа академика Валерия Павловича Алексеева. Неожиданная смерть этого человека, наступившая в ноябре 1991 г., потрясла всех, кто его знал. Валерий Павлович и Татьяна Ивановна прожили вместе 40 лет, и все эти годы их объединяли любовь, взаимное уважение и общее дело, ставшее смыслом их жизни. После кончины Валерия Павловича осталось большое количество собранных им материалов – результаты измерений остеологических коллекций и описания современных популяций людей, историографические заметки, дневниковые записи, планы-проспекты книг, над которыми он собирался работать. Благодаря усилиям Татьяны Ивановны и сегодня выходят в свет работы Валерия Павловича, готовятся к публикации обширные материалы.

Очень важное место в жизни и творчестве Т.И. Алексеевой занимала преподавательская деятельность. Татьяна Ивановна любила работать со студентами, прививала им интерес к познанию антропологического разнообразия человечества. Те, кто выбирал своей профессией антропологию и хотел заниматься исследованиями под ее руководством, обретали прекрасного учителя, уважающего в своем ученике прежде всего его индивидуальность, научные интересы и признающего право на ошибки. Гостеприимный дом Татьяны Ивановны и Валерия Павловича был открыт для их студентов-дипломников и аспирантов. Здесь мы имели возможность работать в уникальной библиотеке антропологов Алексеевых, знакомиться с выдающимися учеными, интересными людьми, участвовать в дискуссиях по самым разным проблемам науки, искусства, спорта, политики, а также всегда могли получить добрый совет и помочь в трудную минуту. Для меня, как наверное и для других учеников, Татьяна Ивановна являлась прежде всего мудрым наставником, другом, всегда излучавшим доброжелательность, центром яркой и интересной жизни, наполненной творчеством и позитивными эмоциями.

Наука для Татьяны Ивановны была окружающей средой, воздухом, которым она дышала. Вся ее богатая событиями и впечатлениями жизнь была связана с миром науки. С 1946 г., когда она стала студенткой, и до последнего дня основная деятельность Татьяны Ивановны проходила в Московском государственном университете, на кафедре антропологии биологического факультета и в НИИ антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Т.И. Алексеева была профессором МГУ,

Наука для Татьяны Ивановны была окружающей средой, воздухом, которым она дышала. Вся ее богатая событиями и впечатлениями жизнь была связана с миром науки. С 1946 г., когда она стала студенткой, и до последнего дня основная деятельность Татьяны Ивановны проходила в Московском государственном университете, на кафедре антропологии биологического факультета и в НИИ антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Т.И. Алексеева была профессором МГУ,

главным научным сотрудником НИИ антропологии МГУ, возглавляла Музей антропологии МГУ. С начала 1990-х гг. Татьяна Ивановна руководила также группой физической антропологии в Институте археологии РАН.

В 1991 г. Т.И. Алексеева была избрана членом-корреспондентом, а в 2000 г. – академиком РАН. Она выполняла большую научно-организационную работу: была председателем Музейного совета РАН, президентом Российского отделения Европейской антропологической ассоциации, представляла традиции российской антропологической науки в системе мировых исследований, способствовала развитию отечественной антропологии в контакте с гуманитарными и естественными науками.

Татьяна Ивановна была наделена талантом общаться с людьми, создавать активно работающий коллектив, умением находить точки соприкосновения и плодотворно сотрудничать с исследователями в самых разных областях науки. Под ее руководством еще в 1960-е гг. создавались и реализовывались первые в отечественной антропологической науке мультидисциплинарные программы изучения биологических процессов в популяциях современного человечества. Из этих программ выросло целое научное направление, практически сразу общепризнанное отечественными и зарубежными антропологами, биологами, медиками, – физиологическая антропология.

С начала 1970-х гг. в науке о человеке сформировалось экологическое направление, рассматривающее эволюцию человечества в целом, историю популяций человека и даже жизнь отдельных индивидов как череду динамичных процессов приспособления к изменяющимся условиям окружающей среды, которые и обусловливают полиморфизм вида *Homo sapiens*. Становление и развитие экологического направления в отечественной антропологии связано с именем Т.И. Алексеевой.

Изучение проблем антропоэкологии – большой, яркий, но вместе с тем очень трудный этап в жизни Татьяны Ивановны. Разработка концепции экологии человека, методов исследования, верификация гипотез проводились на основе материалов, собранных в экспедициях. Экспедиционные работы в течение почти 30 лет дали уникальный результат – было изучено более 100 популяций разных регионов Северной Евразии. Комплексная программа включала исследование строения тела, биохимических и физиологических показателей обмена веществ, генетических маркеров, демографической структуры, процессов роста, развития и старения. Было обследовано коренное население Русского Севера, Центральной России, Средней и Центральной Азии, Северо-Восточной Азии, Южной Сибири, субарктической и арктической зон Западной

Сибири. Аналогов этому исследованию мировая научная практика не знает.

В ходе анализа полученных данных Т.И. Алексеевой был открыт особый морфофизиологический комплекс у человека – адаптивный тип – своеобразная структурная единица человеческого разнообразия, представляющая собой внешнее выражение нормы биологической реакции индивидов в популяции на комплекс условий окружающей среды. Всесторонняя разработка гипотезы адаптивного типа отражена в цикле статей и трех монографиях: «Географическая среда и биология человека» (1977), «Адаптивные процессы в популяциях человека» (1986), «Адаптация человека в различных экологических нишах Земли» (1998). Адаптивный тип рассматривался Татьяной Ивановной как реализация внутривидового генетически детерминированного потенциала изменчивости вида *Homo sapiens*, конвергентно возникающего в сходных условиях среды обитания в популяциях, которые могут быть генетически не связаны между собой. На основе конкретных данных, относящихся к аборигенному населению различных экологических ниш, в трудах Т.И. Алексеевой проанализирована иерархия факторов морфофизиологической специфиности, выявлена структура адаптивных типов, реконструирована их хронология.

Концепция адаптивных типов имеет фундаментальное значение для объяснения феномена экологического разнообразия человечества и формообразующей роли среды в его жизни. Она также очень важна для понимания феномена дифференциации человечества на дискретные группы по комплексам морфологических признаков, обозначаемых термином «раса».

В соответствии с экологическим подходом к пониманию биологической дискретности вида *Homo sapiens*, и адаптивный тип, и раса – это совокупность человеческих популяций, которая характеризуется определенным комплексом наследуемых биологических признаков, формирующимся на той или иной территории на протяжении жизни нескольких поколений. Пусковым механизмом этого процесса является адаптация.

Т.И. Алексеева концептуально объединила разные аспекты биологической изменчивости человечества. Она была уникальным специалистом в области расоведения и как никто другой понимала сущность феномена расы. Практически во всех экспедициях по антропологическому изучению этнотерриториальных групп населения Татьяна Ивановна проводила исследования по расовой программе. Ею описан полиморфизм расового комплекса населения 1950–1980-х гг. на территории Евразии. Это исключительная ситуация в истории науки, когда данные абсолютно сопоставимы, поскольку исключены ме-

тодические расхождения, связанные с индивидуальным «почерком» исследователя.

Свою профессиональную деятельность Т.И. Алексеева начинала с исследований по этнической антропологии. Еще будучи аспиранткой кафедры антропологии МГУ, она возглавила две экспедиции (1952–1953 гг.), исследовавшие коренное население Волго-Окского бассейна. В 1955–1959 гг. Татьяна Ивановна руководила полевыми работами знаменитой Русской антропологической экспедиции, организатором которой был выдающийся антрополог, заложивший фундамент российской антропологической науки, В.В. Бунак. Исследованиями было охвачено 17 тыс. чел. – представителей 107 популяций восточно-европейской части России. Целью Русской антропологической экспедиции было выявление основных морфологических элементов, вошедших в антропологический состав русского народа, и изучение путей его формирования. Итоги реализации этого грандиозного по тем временам проекта получили освещение в монографии «Происхождение и этническая история русского народа» (1965); автором глав по сравнительной характеристике этнических групп Восточной Европы и краниологического очерка славянских групп эпохи средневековья была Т.И. Алексеева.

Татьяна Ивановна проводила исследования краинологических серий славян X–XIV вв., сопоставляла их со всеми известными к концу 1960-х гг. славянскими средневековыми сериями. Материалы этих работ легли в основу ее монографии «Этногенез восточных славян» (1973), являющейся до сих пор наиболее полной сводкой краинологических данных по восточным, западным и южным славянам. В 1960-е гг. Татьяной Ивановой был опубликован ряд статей, в которых на краинологических материалах решались проблемы происхождения племен средневековых славян – кривичей, вятичей, северян, словен новгородских – и их роли в формировании антропологического состава русского этноса.

Проблемы генезиса славянских племен, взаимоотношений славян с финно-угорскими и балтскими племенами, их консолидации и ее роли в формировании русского населения были для Т.И. Алексеевой предметом научного поиска на протяжении всей творческой деятельности. Татьяна Ивановна и ее со-трудники постоянно вводили в научный оборот новый палеоантропологический материал по славянам, который исследовался с применением новейших методик. Назову только монографии, посвященные «славянским» проблемам, которые издавались под ее руководством и в которых ею были написаны главы и разделы: «Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы»

(1993), «Восточные славяне. Антропология и этническая история» (1999).

Т.И. Алексеева плодотворно занималась изучением палеоантропологических материалов разных этно- и историко-культурных групп населения Евразии и уникальных палеолитических находок. Эти исследования отличают применение комплексного подхода, а также новейших методов анализа и тщательная разработка вопросов адаптации древнего населения к окружающей среде. Так же можно характеризовать работы, обобщающие итоги многолетнего изучения коллективом антропологов, археологов и генетиков погребений верхнепалеолитического памятника Сунгирь, которые представлены в монографии «*Homo sungerensis*. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования» (2000). Татьяна Ивановна была ее ответственным редактором и автором глав по краниологии сунгирских людей. Коллективная монография «Влахи. Антропоэкологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали)» (2003), в которой рассматриваются вопросы происхождения средневекового населения Балканского полуострова, – еще один пример успешного применения комплексного подхода к анализу палеоантропологической серии.

Материалы экспедиций, идейным вдохновителем и руководителем которых более 30 лет была Татьяна Ивановна, представляют огромную научную ценность. Безусловно, они являлись той базой, на которой выкристаллизовывались основные концепции экологической и этнической антропологии, и вошли в публикации Т.И. Алексеевой и ее коллег. Но Татьяна Ивановна хорошо понимала, что эти материалы требуют монографического издания. В 2007 г. увидела свет первая такая монография; в ней подведены итоги многолетних экспедиционных исследований в Центральной Азии («Антропоэкологические исследования в Центральной Азии»). Всего Т.И. Алексеевой опубликовано более 250 работ. Трудно переоценить вклад Т.И. Алексеевой в мировую науку и культуру, в формирование интеллектуального потенциала отечественной науки. Ее ученики воспитаны на примере безграничной преданности любимому делу, высочайшего уровня профессионализма и безусловной порядочности, сопричастности важнейшим проблемам жизни общества, бережного отношения к окружающим людям. Мы отаем Татьяне Ивановне Алексеевой особую дань уважения за ее непревзойденный талант человека, педагога, ученого.

Т.А. Чикишева

ЕВГЕНИЯ ИВАНОВНА ДЕРЕВЯНКО

29 августа 2008 г. отметила свой юбилей Евгения Ивановна Деревянко – заместитель заведующего отделом археологии палеометалла, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Евгения Ивановна – представитель первого набора сотрудников института. Здесь она прошла путь от лаборанта до главного научного сотрудника.

Е.И. Деревянко родилась на Дальнем Востоке в рабочей семье. Ей в полной мере пришлось испытать все трудности военного и послевоенного времени. Отец Евгении Ивановны – Иван Александрович – прошел всю войну и умер от ран в 1950 г., мама Евдокия Петровна работала на обувной фабрике. Наверное, нелегкое детство, воспитание родителей сформировали у Евгении такие замечательные качества, как честность, порядочность, человеколюбие. Евгению Ивановну не просто уважают, ее любят и друзья, и коллеги.

Окончив в 1955 г. среднюю школу в г. Благовещенске, Евгения поступила на историко-филологический факультет Благовещенского государственного педагогического института, который успешно окончила в 1960 г. Судьбоносным для нее оказалось знакомство с Алексеем Павловичем Окладниковым, по приглашению которого в 1964 г. семья Деревянко переехала в Новосибирский академгородок.

В то время Новосибирский научный центр переживал бурный подъем. В атмосфере творческого общения выдающихся ученых, представителей различных наук и молодежи Евгения Ивановна формировалась как молодой ученый. Конечно, огромную роль в этом сыграл ее учитель академик А.П. Окладников, работа с которым позволила расширить теоретические знания, а также приобрести опыт полевой работы. А.П. Окладников предложил Евгении Ивановне и научную тему, на тот момент практически неразработанную, – мохэские племена Приамурья. Ею Евгения Ивановна занимается и настоящее время.

В 1960–1980-е гг. Е.И. Деревянко проводит самостоятельные исследования на поселениях и могильниках мохэ. Под ее руководством были блестящие изучены такие хорошо известные сегодня памятники, как Троицкий и Новопетровский могильники, городища Михайловское, Осиновое Озеро, Семизерка, Гора Шапка, поселения Гродеково, Курын, которые благодаря анализу и интерпретации полученных материалов считаются эталонными для мохэской культуры.

В 1974 г. Евгения Ивановна защитила кандидатскую, а в 1982 г. – докторскую диссертацию на тему «Племена Приамурья в I тыс. н.э. (очерки этнической истории и культуры)». По существу эти работы сделали Е.И. Деревянко одним из ведущих специалистов в области археологии и древней истории Дальнего Востока. Ею разработаны реконструкции практически всех сторон жизни мохэских племен – создателей первого государственного образования тунгусо-маньчжурских народов. Невозможно переоценить вклад Евгении Ивановны в изучение проблем этногенеза народов Приамурья. Исследования уникального Троицкого могильника (которые успешно продолжаются до сих пор) позволили впервые получить массовый антропологический материал, подтверждающий концепцию о заселении берегов Амура тунгусами.

На формирование личности ученого оказала влияние и работа в Институте этнографии АН СССР, в котором в должности старшего научного сотрудника Е.И. Деревянко трудилась с 1977 по 1979 г. Как отмечает сама Евгения Ивановна, большое значение для нее имели творческие контакты с академиком В.П. Алексеевым, докторами наук А.И. Першицем, Л.А. Файнбергом, В.А. Шнирельманом – крупными отечественными специалистами в области первобытной истории.

Активные полевые исследования на Дальнем Востоке Е.И. Деревянко всегда гармонично сочетала с аналитической работой. Она является автором более 100 публикаций, в т.ч. десяти монографий, среди которых особое место занимает цикл книг, посвященных всестороннему исследованию материальной и духовной культуры, этногенезу и этнической истории мохэ. Труды Евгении Ивановны востребованы международным научным сообществом. Более 30 работ ученого опубликованы за рубежом – в Японии, Корее, Китае и других странах. В Китае издана монография Е.И. Деревянко «Племена Приамурья в I тыс. н.э.» Евгения Ивановна Деревянко – участник многих международных научных конференций, ее часто приглашают выступить с докладами.

Е.И. Деревянко – член Ученого совета института, член диссертационного Совета по защитам доктор-

ских диссертаций по археологии и этнографии. Подготовка научных кадров высшей квалификации занимает особое место в деятельности ученого. Евгения Ивановна является экспертом практически всех кандидатских и докторских диссертаций, которые обсуждаются в институте. Ее оценка всегда строга, но вместе с тем справедлива и неформальна. Замечания и предложения Евгении Ивановны помогают соискателям в работе над диссертацией. Е.И. Деревянко руководит подготовкой отечественных и зарубежных аспирантов. Поистине материнскую заботу она проявляет о молодых коллегах, аспирантах из Кореи, Монголии, которым непросто адаптироваться в непривычных условиях.

Свой юбилей Евгения Ивановна встречает в расцвете творческих сил. Впереди – новые книги, новые ученики, новые заботы.

**В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова,
В.П. Мыльников, С.П. Нестеров,
А.В. Табарев, В.Д. Кубарев,
Н.В. Полосьмак, А.И. Соловьев,
Ю.С. Худяков**

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВДИ – Вестник древней истории
ГИМ – Государственный Исторический музей
ГУГК – Государственное управление геодезии и картографии
ИА АН СССР – Институт археологии АН СССР
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИА УрО РАН – Институт истории и археологии УрО РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИИФиФ СО АН СССР – Институт истории, филологии и философии СО АН СССР
КазНИИНКИ – Казахский научно-исследовательский институт научно-технической и конъюнктурно-коммерческой информации
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры РАН
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии РАН
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НАН РК – Национальная академия наук Республики Казахстан
НАН РУз – Национальная академия наук Республики Узбекистан
НИПИПМК МК РК – Научно-исследовательский и проектный институт памятников материальной культуры Министерства культуры Республики Казахстан
РА – Российская археология
СА – Советская археология
САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства (г. Кемерово)
СЭ – Советская этнография
ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР
ТНИИЯЛИ – Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
УрО АН СССР – Уральское отделение АН СССР
УрО РАН – Уральское отделение РАН
ЭО – Этнографическое обозрение

В № 3 за 2008 г. в статье Е.Н. Черных «Формирование евразийского “степного пояса” скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии» по вине редактора допущены ошибки, исказившие авторскую концепцию, за что редакция приносит свои извинения.

Напечатано

Следует читать

с. 38, правая колонка, 12-я – 13-я строки сверху	Таковых этапов, как представляется в данный момент, четыре.	Таковых этапов, как представляется в данный момент, три.
с. 50, правая колонка, заголовок раздела	Четвертый этап...	Третий этап...

СПИСОК СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2008 ГОДУ

- 2008, № 2 (34) **Асеев И.В.** Изображение всадника на фрагменте скорлупы страусового яйца
- 2008, № 3 (35) **Батаршев С.В., Попов А.Н.** Памятник Сергеевка-1 на Приханкайской равнине и проблемы культурной типологии среднего неолита Приморья
- 2008, № 1 (33) **Баштанник С.В.** Археоботанические исследования на средневековых памятниках долины реки Арысь
- 2008, № 4 (36) **Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.** Изображения воинов на торевтике тюрksких кочевников Центральной Азии раннего средневековья
- 2008, № 1 (33) **Бородовский А.П.** Исследования специализации древнего косторезного производства
- 2008, № 4 (36) **Бородовский А.П., Горохов С.В.** Оборонительные сооружения Умревинского острога (археологические исследования 2002–2004 гг.)
- 2008, № 4 (36) **Буров Г.М.** Деревянные изделия новых категорий середины I тыс. н.э. с поселения Вис II (бассейн Вычегды)
- 2008, № 1 (33) **Васильев М.И.** История развития русских саней (функциональный аспект)
- 2008, № 2 (34) **Васильев С.К.** Бизоны (*Bison p. priscus* Bojanus, 1827) позднего плейстоцена юго-востока Западной Сибири
- 2008, № 2 (34) **Войтишек Е.Э.** Историко-этнографический анализ интеллектуальных развлечений в японском искусстве составления благовоний: игры на доске *баммоно*
- 2008, № 4 (36) **Выборнов А.А.** Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолитической керамики Волго-Камья
- 2008, № 1 (33) **Деревянко А.П.** Проблема бифасиальной техники в Китае
- 2008, № 3 (35) **Деревянко А.П., Медведев В.Е.** К проблеме преобразования культур позднейшей фазы древности на юге Приморья (по материалам исследований поселения Буличка)
- 2008, № 2 (34) **Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Гладышев С.А., Нохрина Т.И., Табарев А.В.** Новое прочтение археологического контекста пещеры Чихэн (Монголия)
- 2008, № 2 (34) **Деревянко А.П., Шуньков М.В., Волков П.В.** Палеолитический браслет из Денисовой пещеры
- 2008, № 1 (33) **Дерюгин В.А.** К вопросу определения понятия «охотская культура»
- 2008, № 3 (35) **Еркинова Р.М., Маточкин Е.П.** Археологические и этнографические зарисовки Г.И. Чорос-Гуркина в фондах Национального музея Республики Алтай
- 2008, № 2 (34) **Есин Ю.Н., Ожередов Ю.И.** Проблемы изучения Г-образных предметов с Урала, из Западной и Южной Сибири, Казахстана и Монголии
- 2008, № 1 (33) **Зеба А., Ситливый В., Собчик К., Колесник А.В.** Эксплуатация сырья и пространственное распределение материала на стоянках Пекары Па и Князя Жозефа близ Krakowa (конец среднего и начало верхнего палеолита)
- 2008, № 2 (34) **Зубова А.В.** Палеодемография населения Западной Сибири в эпохи развитой и поздней бронзы
- 2008, № 3 (35) **Казахи (Молодин В.И., Мыльников В.П., Октябрьская И.В.)**
- 2008, № 1 (33) **«Камва-2007»:** традиционная культура в пространстве этнофутуристического фестиваля (*Октябрьская И.В., Охотников А.Ю., Черных А.В.*)
- 2008, № 4 (36) **Кандинов М.Н., Медникова М.Б., Добровольская М.В., Бужилова А.П.** Плечевая кость *HOMO* с острова Хорошевского: история и палеонтологический контекст находки
- 2008, № 3 (35) **Кимеев В.М.** Экомузей Сибири как центры сохранения этнокультурного наследия в природной среде
- 2008, № 3 (35) **Ковтун И.В.** Восточная периферия самусьской культуры и изображения медведей в западно-сибирской скульптурной миниатюре и металлометаллистике II тыс. до н.э.
- 2008, № 4 (36) **Козинцев А.Г.** Так называемые средиземноморцы Южной Сибири и Казахстана, индоевропейские миграции и происхождение скотов
- 2008, № 3 (35) **Кузьмин Н.Ю.** Возможности корреляции радиоуглеродных и археологических дат для памятников скифского и гунно-сарматского времени Саяно-Алтая

- 2008, № 1 (33) **Мандрыка П.В.** Самоделкинский тип керамики финального периода бронзового века на берегах Енисея
- 2008, № 3 (35) **Мандрыка П.В.** Новая археологическая культура раннего железного века в южно-таежной зоне Средней Сибири
- 2008, № 1 (33) **Моисеев В.Г.** О происхождении носителей охотской культуры Северного и Восточного Хоккайдо (по краниологическим данным)
- 2008, № 1 (33) **Молодин В.И., Ефремова Н.С.** Культовый комплекс Куйлю (Кучерла-1): преемственность иррационального опыта
- 2008, № 3 (35) **Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С.** Этапы заселения городища Чича-1 (по результатам анализа керамического комплекса)
- 2008, № 4 (36) **Мыглан В.С., Ойдурапа О.Ч., Кирдянов А.В., Ваганов Е.А.** 1929-летняя древесно-кольцевая хронология для Алтая-Саянского региона (Западная Тува)
- 2008, № 4 (36) **Нестеров С.П., Дураков И.А., Шеломихин О.А.** Ранний комплекс урильской культуры с Букинского Ключа на реке Бурее
- 2008, № 4 (36) **Новые праздники народов Саяно-Алтая** (*Самушикина Е.В., Кост 3.*)
- 2008, № 1 (33) **Павлов П.Ю.** Палеолит северо-востока Европы: новые данные
- 2008, № 2 (34) **Пан Мин Кю, Бахолдина В.Ю.** Проблема происхождения населения Корейского полуострова (по данным антропологии)
- 2008, № 2 (34) **Пилипенко А.С., Ромашенко А.Г., Молодин В.И., Куликов И.В., Кобзев В.Ф., Поздняков Д.В., Новикова О.И.** Особенности захоронения младенцев в жилищах городища Чича-1 в Барабинской лесостепи по данным анализа структуры ДНК
- 2008, № 2 (34) **Питулько В.В.** Основные сценарии раскопочных работ в условиях многолетнемерзлых отложений (по опыту работ на Жоховской и Янской стоянках, Северная Якутия)
- 2008, № 2 (34) **Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д., Эрдэнэ-Очир Н.** Изучение погребального сооружения кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия)
- 2008, № 4 (36) **Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д., Эрдэнэ-Очир Н.** Ханьская колесница из кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия)
- 2008, № 2 (34) **Попов А.Н.** Погребальные комплексы на многослойном памятнике Бойсмана-2 в Южном Приморье
- 2008, № 4 (36) **Рогожинский А.Е.** О современных задачах археологии наскального искусства Казахстана и Средней Азии
- 2008, № 4 (36) **Рудая Н.А., Тараков П.Е., Дорофеюк Н.И., Калугин И.А., Андреев А.А., Дикман Б., Дарьин А.В.** Динамика природной среды Монгольского Алтая в голоцене
- 2008, № 1 (33) **Санкина С.Л.** Скандинавская проблема в свете антропологических данных: группы Русского Севера и Северо-Запада эпохи средневековья (XI–XIII века)
- 2008, № 1 (33) **Тишкун А.А., Мыльников В.П.** Деревянные изделия из кургана 31 памятника Яломан II на Алтае
- 2008, № 3 (35) **Ткачёва Н.А., Ткачёв А.А.** Роль миграций в развитии андроновской общности
- 2008, № 2 (34) **Филатова И.В.** Орнаментальные традиции нижнеамурского неолита
- 2008, № 3 (35) **Фролова Е.Л.** Этнокультурные функции имени в традиционном японском обществе
- 2008, № 4 (36) **Фурсова Е.Ф.** Зооморфные орнаментальные композиции в традиционно-бытовой культуре восточных славян юга Западной Сибири
- 2008, № 3 (35) **Ходжайов Т.К.** Антропологическая характеристика территориальных групп населения Восточного Памира в сакское время
- 2008, № 2 (34) **Цыганская Пасха (Черных А.В.)**
- 2008, № 2 (34) **Цыденова Д.Ц.** Судьба в традиционных представлениях агинских бурят
- 2008, № 3 (35) **Черных Е.Н.** Формирование евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии
- 2008, № 4 (36) **Чикишева Т.А.** К вопросу о формировании антропологического состава ранних кочевников Тувы
- 2008, № 1 (33) **Шмидт И.В.** Об одной забытой гипотезе и возможности ее развития (на примере сибирской орнитоморфной пластики палеолита)